КП 135
М-34
Мат-лы по истории профессионального движения. сб 2
инв. 1184940

Берегите книгу

Не перегибайте книгу
во время чтения
Не загибайте углов
Не делайте надписей на книге
Не смачивайте пальцев слюною,
перелистывая книгу
Завертывайте книгу в бумагу.

1-й экз

Комиссия по изучению истории профессионального движения в России
Истпроф ВЦСПС

КП
135 О
М-34

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ПЕРОВСКАЯ ЖЕЛ.-ДОР.
БИБЛИОТЕКА
Моск.-Каз. ж. д.

Сборник второй

GK
B 851
Отдел 331
№ катал. с. 22
№ инвент. 7257
ПЕРОВСКАЯ ЖЕ.-ДОР.
БИБЛИОТЕКА.
дублет

Издание ВЦСПС Москва
1924

ГПИБ России
10013738

GK
B
БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
40
32

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ГПИБ
России
Пк 84940

Главлит № 25.046 Тираж 5.000 экз.

Тип. РИО ВЦСПС Москва, Варварская пл., б. Деловой двор.

Отдел I.

ДИСКУССИЯ ОБ ИСТОКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

В. ЯРОЦКИЙ.

Тезисы доклада.

1. При постановке вопроса об истоках необходимо различать два основных момента: а) возникновение об'ективных предпосылок к образованию профессиональных об'единений и б) зависимость развертывания организационных форм движения из ряда причин.

2. Об'ективные предпосылки к профессиональному об'единению обуславливаются, в первую очередь, наличностью в народном хозяйстве института наемного труда, а затем общественной ролью профессиональных об'единений.

3. В России институт наемного труда появляется уже накануне XIX столетия. Работы Павлова-Сильванского, А. Кизеветтера, Семенова, Туган-Барановского дают отчетливое представление относительно распространенности наемного труда уже в самом начале XIX века и зарождения этого экономического института в XVIII веке. Класс в себе появляется, таким образом, до укрепления капиталистического способа производства в России. Параллелизм в этом отношении между положением в России и положением в других странах (в частности в Англии).

4. Характер рабочего класса—класса в себе, а не класса для себя,—отличается в начальные периоды значительной пестротой. На протяжении всего затяжного переходного времени, в период захвата народного хозяйства торговым капиталом и перестройки промышленности на началах «вольного труда» лишь незначительные группы рабочих оказываются «чистыми пролетариями». Отсюда вытекает рост, процесс роста рабочего класса в себе.

5. Классу в себе характерна недифференцированность создаваемых им организаций. Это вытекает из общественной функции об'единений рабочего класса. Марксом общественная функция об'единений определена была, как средство превращения «класса в себе» в «класс для себя». Естественность при такой функции об'единений их недифференцированности, даже классовой невыдержанности.

6. Пути превращения «класса в себе» в «класс для себя» многообразны, начальные моменты — стачечная борьба наемных рабочих. Работы Пажитнова о рабочем движении при крепостном праве и иссле-

дования Прокоповича устанавливают наличность широко развертывающегося стачечного движения еще при крепостном праве. Это движение неизбежно должно было приводить к попыткам образования длительных организаций.

7. Условия классовой борьбы при крепостном режиме, а также и непосредственно после акта 1861 года, не благоприятствовали организации боевых союзов рабочих, легально существующих. Отсюда—использование рабочими формы общества взаимопомощи. Второй путь к оформлению класса для себя оказывается поэтому чрезвычайно извилистым. Он приводит к образованию, наряду с организациями, лишь попутно и лишь с нарушением своих прав выполняющих эту функцию (обществ взаимопомощи), подпольных организаций с уклоном в сторону представительства интересов рабочих в их производственных отношениях. (Северно-Русский рабочий союз, впоследствии стачечные кассы).

8. Характер обществ взаимопомощи свидельствует о том, что это были об'единения только по принуждению, по «независящим обстоятельствам» принимавшие именно такую форму. Имеющиеся, пока скудные, данные о природе и работе этих об'единений свидетельствуют, что тяга в кассы взаимопомощи обуславливалась в значительной мере осознаваемой необходимостью иметь определенное об'единение, хотя бы и тяжелой ценой. Впоследствии это было признано обследованием, хотя бы Евдокимова, ряда обществ, а также вытекало из постановления о созыве II всероссийской конференции союзов.

9. Зубатовщина и гапоновщина равным образом свидетельствуют о том, что рабочие в значительной мере склонны на данной стадии своего классового развития использовать всякую, хотя бы и сомнительную, форму легального об'единения. Исследования Айнзафта и воспоминания Невского в этом отношении являются решающими.

10. Подпольные организации точно также отражают тягу рабочих к еще недифференцированной, но выполняющей установленную Марксом общественную функцию коалиции. Уклон Северно-Русского рабочего союза к борьбе на производстве (обследование Халтуриным положения рабочих на петроградских предприятиях, тенденция к фабричному терроризму, идея всеобщей стачки), говорит о том, что и здесь мы находим не столько организацию авангарда, сколько попытку приспособить к подпольным условиям существование массовой организации рабочего класса.

11. И открыто существовавшие и подпольные об'единения не могли явиться совершенно оформленными, дифференцированными организациями. Сам рабочий класс об'ективно еще не сложился в класс в себе. Состав его был мало дифференцирован. Сведения Семенова и Туган-Барановского и анализ состава рабочих предприятий Москвы указывают, что на фабриках,—особенно на текстильных предприя-

тиях, — доминировал полукрестьянский элемент. Характерно, что крепче и дефференцированнее всего организации 90-х годов складываются в Западном и Юго-Западном крае со слабо развитой капиталистической промышленностью, с преобладающей ремесленной мастерской, но с чистым, разобщенным с землей и орудиями производства, пролетариатом (еврейская полуремесленная масса являющаяся главным контингентом «бундовского движения»).

12. Это приводит нас к анализу причин, от которых зависит развертывание организационных форм движения. Профессиональный союз складывается относительно поздно в России (примерно, к самому концу XIX, началу XX века), в силу того, что: а) сам рабочий класс, несмотря на бурный рост капитализма и разложение крестьянского хозяйства, недостаточно выварился еще в фабричном котле, и б) чисто пролетарским прослойкам рабочего класса не предоставляется возможности открытой организации вплоть до революции 1905 г. Наличность обеих причин обуславливает длительность недифференцированного характера профессионального движения и отсутствие четкости организационных форм его.

13. Не следует, однако, думать, что ту общественную функцию, какую устанавливает для профессионального движения Маркс, выполняет только сложившийся и оформившийся союз. Стачка в такой же мере, как и длительно существующая коалиция, а эта последняя—в такой же мере, как дифференцированное профессиональное об'единение и, наконец, партия рабочего класса,— все они играют свою огромную роль в смысле превращения «класса в себе» в «класс для себя».

14. Не всегда даже необходимо установить преемственность между недифференцированной формой движения и его оформившимся выражением, чтобы установить, что истоки движения лежат не в первых, твердо сорганизовавшихся союзах, а именно в этих недифференцированных об'единениях. Форма преодолевается в историческом развитии движения, и самое движение избавляется, а чаще всего даже просто опыт организационного строительства воспроизводится в совершенно измененном виде в новых условиях. Но есть и материал, доказывающий полную преемственность в ряде случаев (харьковское общество содействия ремесленному труду, московское общество официантов, ряд обществ печатников Москвы и Ленинграда и т. д.).

15. Вот почему необходимо истоки профессионального движения искать не в огне и буре 1905 года, создавшего, в конечном счете, профессиональные союзы, а в гораздо более ранние периоды, отходящие к моменту появления первых обществ и касс взаимопомощи рабочих, работников наемного труда. Начальные моменты зарождения профессионального движения в этом отношении недостаточно изучены прагматически. Задача исследователей—поставить

себе целью изучение фактической истории этих об'единений. Но факт тот, что если предшественниками и предтечами профессиональных союзов необходимо оказываются первые недифференцированные об'единения, то нет никаких оснований рассматривать только организации нелегального типа. Необходимо считать истоками современного профессионального движения и те легальные, открыто существовавшие организации, которые носили имя обществ взаимопомощи и были довольно распространенным явлением уже в начальные десятилетия XIX века.

Стенограмма дискуссионных собраний, устроенных Истпрофом ВЦСПС (14 и 28 февраля 1924 г.)*).

Яроцкий (докладчик). Товарищи, проблема изучения российского профдвижения наталкивается в первую голову на вопрос об истоках российского движения в силу того обстоятельства, что для нас эта область наименее доступна, и,—следовательно—наименее изучена.

Если вы возьмете любую из исторических работ, в настоящее время пользующихся большими симпатиями учащихся в частности, то окажетесь в положении человека, раздираемого внутренними противоречиями, т. к. фактически нет ни одной работы, которая бы давала точный и ясный ответ на ряд вопросов, на которые необходимо дать ответ, чтобы получить ясную картину исторического развития профдвижения. Бесспороен только тот факт, что профсоюзы, как вполне оформившаяся, сложившаяся, наделенная всеми особенностями тактического и программного порядка организация, появляются с 1905 года.

Ранее, до этого момента, до первой революционной волны, несколько раздвинувшей узкие тиски полицейского режима, мы в России ничего, что напоминало бы западно-европейское массовое профессиональное движение, не имели. Мы имели стачечные кассы, в большинстве случаев нелегальные, возникавшие с 1888 года и фактически до даты первой революции. Мы имели, по указанию Прокоповича, сотни касс взаимопомощи, существовавшие у нас в России с начала 19-го столетия. Мы имели бесконечное число и других попыток организации и самоорганизации рабочего класса. Но в какой связи эти попытки находятся с теми оформившимися профсоюзами, какие мы, историки, застаем в эпоху первого революционного под'ема, в эпоху 1905 года,—этот вопрос является самым спорным. А его разрешить необходимо, ибо каждый из нас ясно представляет себе, что наш профсоюз в такой четкой отлившейся форме, в какой мы его застаем в период первых легальных возможностей, не вышел из головы Юпитера во всеоружии своих достижений, своей классовой боевой тактики. Для каждого ясно, что в таком виде, в каком появились союзы на арене Российской истории в 1905 г., они не могли

*) От редакции. Стенограмма дается нами с целым рядом сокращений. Ряд из них оговорен в особых примечаниях. При этом все существенное, непосредственно связанное с самой темой дискуссии, дано в подлинном виде.

выйти не из предшествующих корней, а из организаторских талантов группы рабочих, принявшихся за организацию союзов,—допустить это было невероятно, было бы исторически нелепой вещью. Значит, надо разрешить вопрос о том, откуда пошло российское профдвижение, давшее в 1905 г. четкие тактические и организационные формы. Вот тот вопрос, который я с вашим участием берусь сегодня рассмотреть .

Для меня ясно, что к разрешению этого вопроса надо подходить двумя путями. Первый путь,—путь чреватый чрезвычайно большими опасностями для историка,—это путь изучения движения 1905 года и изыскания непосредственной организационной и всякой иной преемственности между образованиями 1905 года и образованиями в области организации рабочих в предшествующий период. Этот путь,—говорю я,—связан с чрезвычайно большими опасностями для историка, ибо, товарищи, нельзя забывать, что историк такой же человек, как все мы, грешные смертные, нельзя забывать, что прежде всего он живет в мире представлений, свойственных его периоду, что он ко всякому историческому явлению, ко всякому историческому материалу подходит с мерками и критериями своего собственного времени, своих собственных общественных переживаний. Чтобы не быть голословным, я сошлюсь хотя бы на чрезвычайно интересную работу Ключевского, который в своем анализе происхождения государственности России отражает взгляды буржуазной России конца 19-го столетия. Вы знаете, как борьба со степью кладется Ключевским в основу Российской государственности и как вообще весь процесс исторического развития России рассматривается им с точки зрения тех материальных нужд, которые свойственны буржуазии, вырастающей в России в конце 19-го века в социальную группу, все более крепнущую и призванную сначала оказать влияние на политику Российского государства, а затем и становящуюся самой правящей группой; вы видите, как эта буржуазия влияет на анализ собственного своего историка.

Конечно, историк, живущий в обстановке чрезвычайно развитого профдвижения после октябрьского периода и имеющий пред глазами такие понятия, как производственный союз, единство профдвижения, классовая тактика профсоюзов, всегда будет склонен подойти к тому материалу, какой он найдет в прошлом, с точки зрения этих своих представлений. И, подходя с такой точки зрения к этим материалам, он часто будет склонен,—я могу подтвердить это простым цитированием целого ряда произведений текущего момента,—он будет склонен отбрасывать то, что не подходит под его нынешние представления о природе профсоюза. Я не говорю даже о той истории, которую пишут в настоящее время, о той, которая уже существует и которая пытается осветить вопрос с точки зрения менее развитого профдвижения. Возь-

мем, например, Гриневича, этого классического представителя меньшевистских кадров. И он, стоя на определенной позиции, безусловно не в состоянии, идя этим путем, отделаться от каких бы то ни было ошибок. В самом деле, он, например, интереснейшим образом характеризует хотя бы те общества взаимопомощи, которые организовывались в конце 19-го столетия. Он в них видит отсутствие элемента борьбы за улучшение условий своего труда. Он считает, что эта борьба является присущей всякой профессиональной организации, является таким элементом, который всегда, на всех стадиях развития организации рабочих, имеется налицо в этой организации. И если этот элемент отсутствует в данной организации, то ее нельзя считать профоб'единением. Естественно, автор писал после 1905 года, после того, как сложились прочные организационные формы, после того, как на короткий хотя бы, период времени, профсоюзы получили возможность наконец развернуть боевую тактику, развернуть наступление на капитал. Это был момент, когда уже ко второй конференции профсоюзов основным условием для участия в ней было признание необходимости прямой или косвенной борьбы с предпринимателями. Ну, а скажите, если бы легально существовавшая организация до 1905 года вздумала бы поставить в программу своей работы прямую или косвенную борьбу с предпринимателями или выбросила лозунг выдержанной классовой борьбы, то что получилось бы, кроме немедленного закрытия данной легальной организации? Конечно, нельзя пред'являть к таким легальным организациям, которые вынуждены существовать в условиях полицейского режима, требования, чтобы они декларировали свой боевой характер. Совершенно очевидно, что к предшествующему периоду Российского профдвижения, поскольку речь идет не о нелегальных об'единениях, а о легальных организациях, никоим образом того критерия, который вытекал уже из анализа рабочего движения в последующий период, применять нельзя. Этим историк совершит большую ошибку, ибо он припишет основную особенность об'единения последующего периода ранее существовавшим организациям, которые по чисто внешним условиям никак не могли обладать данной особенностью. Вот почему мне представляется, что нам надо подходить к вопросу об истоках профдвижения не столько путем установления преемственной связи между рабочими организациями, существовавшими до пятого года, и теми четко оформившимися союзами, имевшими место после пятого года, сколько совершенно с другой стороны.

Необходимо констатировать раз навсегда, что профессиональным может быть об'единение только рабочих наемного труда,—я поправлюсь—только работников наемного труда. Надо четко сказать вообще, что об'ективная возможность создания профессионального об'единения, зарождения профессионального движения возникает лишь с момента

образования в народном хозяйстве института наемного труда. Это настолько ясно, настолько бесспорно, настолько понятно, что на настоящем собрании доказывать такую элементарную истину я не считал бы нужным. Об'ективная возможность зарождения профессионального движения относится следовательно к моменту появления в народном хозяйстве института наемного труда. Теперь вы, конечно, прекрасно знаете, что институт наемного труда в народном хозяйстве создает об'ективную возможность зарождения не только профдвижения, но и самого рабочего класса, того рабочего класса, о котором Маркс говорил, как о классе an sich, как о классе в себе. Появление класса в себе создает определенную тенденцию к выявлению этого класса для себя, т.-е. обуславливает неизбежность попыток со стороны рабочих так или иначе, на почве противоречия интересов нанимателей и продавцов рабочей силы защищать свои интересы, как интересы продавцов этой рабочей силы. Естественно возникает вопрос: не создает ли это тенденции к самоорганизации рабочих, не создает ли это тенденции к образованию об'единений? Это неизбежно. Во всех странах, на всех стадиях развития капиталистического общества всегда создается такая тенденция. Чтобы не быть слишком голословным, разрешите просто на просто указать на те страницы «Нищеты философии», в которых Карл Маркс твердо и четко говорил о том, что коалиция, т.-е. какое то ни было об'единение рабочих, возникающее, главным образом и преимущественно на почве столкновения между рабочим и хозяином, в области непосредственных их отношений в производстве, приводит всегда к оформлению класса в себе в класс для себя. Я позволю себе напомнить, товарищи, эти слова Маркса, которые каждый историк профдвижения должен ни на минуту не упускать из виду:

«Экономические отношения превратили сперва массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие-интересы. Таким образом, по отношению к капиталу, масса является уже классом, но сама для себя она еще не класс. В борьбе, намеченной нами лишь в некоторых ее фазисах, сплоченная масса вырабатывается в класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба между классами есть борьба политическая. . . . . .

В истории буржуазии мы должны различать два фазиса: в первом—она складывалась в класс под господством феодального порядка и абсолютной монархии; во втором,—уже образовавши из себя класс,—она низвергла феодализм и монархию, чтобы из старого общества сделать общество буржуазное. Первый из этих фазисов был длиннее второго и потребовал наибольших усилий. Он тоже начался с частных коалиций против феодальных сеньеров».

Ясно таким образом, что эти противоречия интересов первичного, если можно так сказать, порядка (я вовсе не хочу возрождать давно убитую, закопанную в гроб, теорию стадий, но хочу указать на то, что между некоторым первичным моментом в противоречии классов и созданием профессиональных об'единений существует неразрывная связь) порождают естественную тягу рабочих к замене конкуренции друг с другом конкуренцией с предпринимателями, по выражению Маркса.

Если так, то для нас ясно рисуется путь исторического исследования. Тогда для нас становится ясной тенденция, что мы должны начать историю исследования Российского профдвижения с исследования образования классовых противоречий в русском обществе, ибо совершенно очевидно, что если профсоюзы выросли из тех общих недифференцированных коалиций, о которых говорит К. Маркс, всюду, где только зародились классовые противоречия, то конечно нет никаких оснований придерживаться чисто славянофильской точки зрения, по которой Россию общим аршином не измеришь, а у нее особая стать, чтобы говорить, что к России это не относится. Совершенно очевидно, что анализ развития классовых противоречий в России, это тот путь, которым мы должны идти для того, чтобы ясно и четко себе представить весь ход развития Российского профдвижения, начиная от его истоков.

Что же в этом отношении мы имеем? Мы имеем в этом отношении факт зарождения рабочего класса гораздо ранее пятого года, гораздо ранее того периода, когда у нас появился первый четко оформившийся профсоюз. Мы имеем зарождение института вольно-наемного труда еще в конце 18 столетия. Я не стану вам приводить всех цифр, которые всем известны, о количестве вольно-наемных рабочих начала 19 столетия. И Туган-Барановский, и целый ряд других исследователей констатировали значительность применения вольно-наемного труда в русской промышленности, которое, конечно, зародилось гораздо ранее начала 19 столетия. Так, мы знаем, что капитан Рычков, который путешествовал по различным местам в России в 1769 — 70 годах, отмечал значительность применения вольно-наемного труда, он указывал, например, что на медном заводе Тульского купца Красильникова, в семи верстах от Елабуги, несмотря на то, что там имелись крепостные рабочие, принадлежащие этому купцу, в общем и целом работа велась трудом вольно-наемных рабочих. То же самое капитан Рычков отмечал для заводчиков Оренбургской губернии. Как общее правило даже в Оренбургской губернии, т.-е. в таком месте, где сильна была приписка крестьян к различным заводам, существует, как правило, вольно-наемный труд. Но если вы примете во внимание наличность вольно-наемного труда, если вы имеете условия классовых противоречий, то неужели отсюда нельзя сделать вывод, что из этих классовых противоре-

чий не выростет какая бы то ни была тенденция к об'единениям. Было бы наивно, не исторично, не научно подходить с такой точки зрения. Мы знаем хорошо, что несмотря на существование крепостного права до 1861 года было два элемента, из которых вырабатывались вольные рабочие, имевшие возможность продавать свою рабочую силу. Вы знаете, что в начале 19-го столетия было освобождение крестьян по закону. Мы знаем хорошо, что по закону 1803 г. было освобождено в царствование Александра I-го 33 тысячи крестьяне, а в царствование Николая I-го 66 тысяч. По закону 1842 года до освобождения крестьян было освобождено, сверх того, 24 тысячи 700 человек. Совершенно очевидно, что это уже некоторая прослойка бывших крестьян, освобожденных часто даже без земли, число которых было достаточно велико, чтобы поставить значительную часть работников на предприятиях. Помимо этого, помимо крепостных деревень, в России существовали еще и посадские общины. Я сошлюсь только на работу Кизеветтера, так как ограниченность времени не позволяет мне привести обильные материалы, которые имеются по этому вопросу. Кизеветтер говорит, что еще в посадской общине, под давлением торгового капитала, в России возникает наемный труд.

Но если в России имеются такие явления, то они связаны с классовыми противоречиями. И наемный труд представляет, в значительной мере, труд квалифицированный. Часто этот труд даже привозный. В Ленинграде, например, мы находим много иностранных рабочих и эти рабочие находятся в таком положении, в каком оказываются немцы и др. иностранные рабочие по отношению к своим собственным предпринимателям старого времени. Естественно, раз на лицо имеется такого рода почва, как почва классовых интересов, то возникает определенное явление. Интересно отметить, что впервые создавшееся общество взаимопомощи в Петрограде являлось немецким.

Таким образом, в самом зарождении института наемного труда в начале XIX столетия мы найдем безусловно элементы об'ективно делающие возможным зарождение коалиции. Какого рода коалиция? Имела ли она четкие формы? Надо помнить, что класс в себе развивается на протяжении длительного исторического движения. Класс не представляется вышедшим из недр феодального строя, сложившимся элементом. Это масса, которая меняет свой характер в процессе хозяйственного развития. Таким образом, на протяжении всей истории русской промышленности мы найдем изменения в составе русского рабочего класса. Первоначально мы будем видеть среди работников, которые являются вольно-наемными рабочими, главным образом, квалифицированных работников,—таких работников, которые часто превращаются в самостоятельных предпринимателей, особенно, если они работают на предприятиях кустарного или полукустарного типа. Вполне понятно, что боевым классовым духом эти рабочие не отли-

чаются. Это мы видим и в других странах. Например, в Англии на заре профдвижения мы имеем такие группировки рабочих. Вообще можно отметить полный параллелизм между характером движения в России и в любой иной стране. Во всех странах нет резкого противоречия между типами развития профдвижения в начальный период. Всюду процесс зарождения рабочего класса протекает примерно одинаково. И в начале он представляет из себя попытку оформления, главным образом, об'единений работников, которые обладают достаточной квалификацией и в достаточной степени цепко привязаны к полукапиталистическому или капиталистическому предприятию, и об'единения эти не всегда достигают чистоты пролетарской организации, представление о которой связывается с формами современного рабочего движения. Если правильно подходить к вопросу изучения истоков профессионального движения, то надо сказать, что вопрос о выдержанности классовой позиции для первоначальной стадии таких об'единений является не подлежащим обсуждению. Ибо ни одна организация рабочих, которые не являются вполне оформившимися пролетариями, не может обладать настроением, которое оправдывало бы выдержанность классовой позиции. Раз нет в рабочей массе достаточно отчетливого представления о своем месте в производстве, нет достаточно четкого классового сознания, то не может не возникнуть организация, которой свойственна недостаточная четкость или даже полное отсутствие сознания задач классовой борьбы.

Если мы так подойдем к вопросу, то нужно признать, что на протяжении истории русского рабочего движения мы переходим постепенно от первоначальных форм использования легальных возможностей в виде об'единений вокруг похоронных касс, касс и обществ взаимопомощи, к подпольным организациям, когда при наличии чисто пролетарских элементов в народном хозяйстве усиливаются и заостряются классовые противоречия, а полицейские преграды для организаций рабочих выявляют необходимость уйти в подполье, чтобы проводить последовательную политику рабочего класса. Если так, то становится понятно, почему в начальный период рабочего движения в конце 18 и в начале 19 века мы имеем дело преимущественно с различными кассами взаимопомощи и т. д., и почему в этих организациях мы не встречаем достаточной четкости, не имеем отражения классовой позиции. По мере усиления чисто пролетарских элементов в народном хозяйстве мы все больше приближаемся к первым попыткам нелегальных об'единений. Но даже тогда, когда стадия нелегального об'единения достигается рабочим классом, мы все еще не получаем здесь вполне четкого профессионального об'единения, а имеем организации типа Северно-Русского союза, в котором есть еще безконечно много функций, ничего общего с профессиональным союзом не имеющих. Вы знаете, что наряду с попыткой основать

об'единение рабочих петроградских фабрик и заводов на почве экономической, наряду с возникновением идеи всеобщей стачки, которая проводится Халтуриным, мы находим в небольших группах, об'единившихся в Северно-Русский союз, значительную долю влияния террористического движения и, в конечном счете, имеем превращение союза в политическую организацию. И вместе с тем мы здесь находим попытку поставить у нас впервые вопрос о борьбе за власть. Это ясное и четкое свидетельство, что даже такого рода нелегальные организации представляют собой совершенно неоформленные об'единения, а между тем мы уже видим, как в этом самом об'единении начинают проскальзывать нотки классовой борьбы, как в этой организации начинает развертываться идея экономической борьбы,—если мне позволено будет употребить это выражение. В начинаниях Халтурина и его товарищей из Северно-Русского союза чрезвычайно заметно, как они пытаются связаться с предприятиями посредством изучения положения работников на них и сделать отсюда соответствующие выводы, вроде организации стачечного движения и даже организации всеобщей стачки.

В общем и целом, конечно, выход в подполье для рабочей массы не представляется возможным. Это совершенно ясно. Подпольная организация исключает возможность массовой организации. Подпольная организация представляет собой то ядро, которое в момент массового движения может стать основным ядром, концентрирующим вокруг себя энергию всей массы. Но и только! Стать организацией, насчитывающей тысячи или даже сотни членов, такому подпольному об'единению, конечно, трудно. Отсюда ясно, что для всего огромного контингента рабочих, которые в этот момент заняты в русской промышленности, стремление этой массы к об'единению, к сплочению совершенно закрыто, поскольку речь идет о подпольной организации, и, поэтому, невольно рабочая масса будет устремляться в те отдушины, которые даже полицейский режим оставляет открытыми. Это—общества взаимопомощи и всякие легальные кассы. Вы знаете, что когда московское общество официантов, непосредственно связанное с последующей организацией работников общественного питания, начало свое строительство, ни одна газета не осмелилась отпечатать письмо Гордеева о положении официантов, кроме официоза — «Московских Ведомостей». Это говорит о том, что в условиях полицейского режима и преследования малейшей попытки самоорганизациии рабочего класса, только те организации, которые прикрывались защитным цветом патриотизма, в состоянии были существовать легально. Никто не скажет, что с точки зрения рабочего движения, с точки зрения рабочего вождя, такая организация представляется идеальной, что в ней следует усматривать положительное явление. Нет, это было конечно зло, вытекавшее из тех условий, в которых жил рабочий класс тогда, но все же неоспо-

римым остается тот факт, что в такие отдушины, часто прикрываясь патриотизмом, прикрываясь почетным членством, в роде генерал-губернаторов, в роде хозяев, выливалось стремление рабочего класса найти какие-то формы для самоорганизации .

Инициатива организации касс взаимопомощи исходила тогда от представителей противного класса, от хозяев или от администрации, и мы имели дело с явлением недопущения самоорганизации рабочих. В этом отношении наиболее яркий пример, конечно, зубатовщина. Что может ярче оттенить насаждение рабочей организации силами враждебного класса, чем эта организация, чем «общество механического производства»? Ясно, что Зубатов, Шаевич и др., которые строили это об'единение, представляли собой агента класса, враждебного рабочему. Ясно, что организация, созданная агентами царского правительства, представляла собой только средство овладения рабочей массой. Но остается один бесспорный факт, что и такая организация содействовала сплочению рабочего класса, т.-е. выполняла одну из основных функций профдвижения,—превращение класса в себе в класс для себя. Таким образом, не буду слишком ударяться в детали в этом отношении. Если мы подойдем с точки зрения изучения истоков российского профдвижения, под углом зрения происхождения и развития процесса образования рабочего класса для себя, то мы окажемся перед фактом необходимости признать истоками Российского профдвижения все те неоформленные и недифференцированные (неразвитые) об'единения, которые выявляются в истории рабочего класса еще на заре нашей капиталистической промышленности в тот момент, когда правительство, по выражению Тубера, пыталось создать капиталистические фабрики и создала крепостные фабрики. Совершенно ясно и бесспорно, что чем дальше шел процесс превращения русской промышленности в чисто капиталистическую промышленность, чем больше углублялся процесс обхвата торговым капиталом русской хозяйственной жизни, чем глубже вырывалась пропасть между рабочими и хозяевами, чем сильнее сталкивались классовые противоречия, тем все больше эти слабые неоформленные организации, общества взаимопомощи, освобождались от своих ложных прикрытий, от чрезмерного уклона в сторону патриотизма, от приглашения бесконечного числа почетных членов и попечителей, и тем более они становились выдержанными классовыми организациями. Накануне 1905 г. этот процесс в обществах взаимопомощи идет очень ярко. Мы видим очень яркие попытки насажденных законом горнозаводских касс использовать наличие разрешенных законом об'единений для чисто профессиональной борьбы. В 1896 — 97 г.г. Златоустовские рабочие хотели воспользоваться заводскими кассами, чтобы поставить вопрос о продолжительности рабочего дня и о ряде других нужд, которые тревожили тогда рабочий класс. Мы видим, как общество приказчиков, на 90% состоящее из почетных членов, в 90-х годах

в Москве и Петрограде пытается поставить ряд чисто экономических требований, входящих уже в круг ведения чисто профессиональных организаций, а не обществ взаимопомощи. Даже зубатовщина и гапоновщина пытается уже влить все эти тенденции в организационные рамки, напоминающие в своей форме типичные профессиональные об'единения, с тем, чтобы отвлечь рабочих от борьбы с самодержавием И как только грянул гром 1905 г. и рабочий класс освободился от чрезмерных тисков полицейского режима, хотя бы на момент, мы видим как ряд обществ взаимопомощи сбрасывает скорлупу обществ взаимопомощи и перестраивается в профессиональный союз. На первой и второй конференции принимают участие многие общества взаимопомощи. Накануне созыва этих конференций среди печатников и механических работников, мы встречаем попытку сбросить скорлупу обществ взаимопомощи и заменить ее формой организации типично-профессиональной.

Мне поневоле, за недостатком времени, приходится не столько оперировать фактическим материалом, сколько прибегнуть к наброску основных мыслей, на которые изучение этого материала натолкнуло меня. Поэтому я считаю нужным, подходя к концу доклада, сказать, что если таково было положение вещей, то ясно наличие преемственности связи между четко оформившимся, выкристализировавшимся профессиональным движением, которое мы находим в 1905 г. в истории Российского рабочего движения, и теми неоформленными, недифференцированными легальными об'единениями, которые имели место в период, предшествовавший 1905 году. Для нас эта преемственная связь приобретает совершенно иное значение и смысл, чем тот смысл случайной преемственности, который можно было бы усмотреть из практики изученного недостаточно обработанного материала, который есть в нашем распоряжении. Никоим образом нельзя считать, что если такие общества взаимопомощи, какие существовали до первых легальных возможностей открытого существования профсоюзов, не отличались боевым характером, если эти общества взаимопомощи были подхалимками у начальства, были в значительной мере в руках у хозяев, — что из этого можно сделать вывод, что они не играли особой роли в деле развития самоорганизации рабочих, не предопределяя превращения российских рабочих масс из класса an sich в класс für sich. Я считаю чрезвычайно ценным тот факт, что по существу никому не приходило в голову отрицать большой родственной близости первых легальных профессиональных союзов с существовавшими обществами взаимопомощи. Вы помните, конечно, хорошо то постановление конференции, которым на С'езд были допущены о-ва взаимопомощи и которое мотивировало это допущение тем, что профессиональные союзы пока существуют в небольшом количестве и устранять о-ва взаимопомощи от участия на С'езде не следует, тем более, что они могут превратиться в профессиональные союзы. Я думаю, это в достаточной мере характерный и показательный пример.

Но в деле превращения класса русских рабочих из класса an sich в класс für sich, имея в виду то, что это протекало в обстановке, в которой играли роль не только условия борьбы на предприятиях, но и условия борьбы в обще-классовом масштабе, я не скажу, что среди о-в взаимопомощи следовало искать корень русского профессионального движения. Конечно, в такой мере, в какой общества взаимопомощи представляли собой один из ручейков, вливавшихся в большую реку российского профессионального движения, в такой же мере таким ручейком были и те нелегальные подпольные организации, которые все более и более сосредоточивали свое внимание на вопросах борьбы на предприятиях и на вопросах, касающихся общих интересов рабочих масс.

Если вы возьмете историю Польского рабочего движения, вы убедитесь, что в Польше с 80-х годов уклон ряда рабочих об'единений идет в сторону сосредоточения главной энергии на превращении самого движения в массовое путем создания опорных ячеек на предприятиях, в борьбе с предпринимателями. Например, «Союз польских рабочих», об'единивший собой организации пролетариата, ставил себе целью не организацию немедленного социального переворота, а организацию рабочих масс на почве широкой классовой борьбы за улучшение условий труда и достижение политической свободы. Тут уже шире база, и под влиянием таких задач идет организация масс. Мы видим в Западном крае организации стачечных комитетов и, наконец, зарождение типичных профессиональных об'единений, но с большим партийным уклоном; превращение некоторых союзов в типичные профсоюзы. В еврейской организации, например, где масса рабочих об'единяется Бундом, мы видим организацию рабочих, которая стремится стать массовой и не может вырваться из подполья и, наростая, превращается в профессиональный союз к 1905 году. Если мы поставим вопрос, что нам необходимо искать не только непосредственных боевых предшественников профессионального движения, если мы будем искать истоки профессионального движения в том, что в состоянии нам дать ясное представление о действительном осуществлении последовательного развития пролетариата, как класса для себя, мы должны учесть в наших исторических исследованиях все те плохо оформленные как легальные, так и нелегальные организации, которые создавались рабочими в течение всего периода этого развития у нас.

Отсюда следует, что задача историка установить точно характер и причины тяги рабочих к такого рода об'единениям и пределы возможности для работы таких об'единений, устанавливаемые внешними условиями. Вместе с тем весьма необходимо проследить и преемственную связь между позднейшими формами таких об'единений и вполне сложившимися конденсированными союзными организациями, которые мы находим в момент грозы и бури 1905 года. Если эта работа самым

тщательным образом будет проделана, мы в состоянии будем твердо охватить нашим взором все длительное развитие российского профессионального движения. В противном случае, мы будем все время иметь дело с профессиональными союзами, как с чудом природы, которые появляются уже готовыми классовыми боевыми организациями. Совершенно естественно, что путь, который мне рисуется наиболее приемлемым, это путь параллельного изучения истории рабочего класса в целом и попыток его самоорганизации в ходе нарастания классовых сил пролетариата.

(Далее следует доклад т. Айнзафта, который редакция не приводит, т. к. докладчиком представлена на эту же тему более полно излагающая его точку зрения специальная статья, помещенная в этом же сборнике «Материалов»).

Прения.

Резников. Во всем этом споре относительно того, где истоки российского профессионального движения, — мне кажется, — оба докладчика делают методологически две основных ошибки, которые делают выводы обоих правильными лишь в части и неверными в целом. Нас действительно должен занимать вопрос, каким образом в России в 1905 г. при полном почти отсутствии каких-нибудь больших широких рабочих организаций возникают профессиональные союзы по последнему слову тогдашней революционной техники. Оба докладчика пытаются найти эти истоки не в самом рабочем движении, не в его сущности, не в его движущих силах, не в его идеологии, не в его организациях, которые руководили этим движением, а в небольших организациях практического характера, которые непосредственно занимались или экономической борьбой, или защитой экономических интересов. Это, по моему, методологически совершенно неправильно по отношению к русскому движению, которое имело политические организации, хотя бы подпольные, гораздо раньше, чем имело организации профессиональные. Это основная черта нашего движения. И когда с таким вниманием рассматривают чуть ли не уставы касс, их состав, имена учредителей, когда пытаются заниматься вопросом о каких нибудь десятках стачечных касс, образованных партией и под непосредственным руководством ее находившихся, и забывают о деятельности социал-демократической рабочей партии в революционном рабочем движении, мне кажется это исторически совершенно неверным.

Все мы хорошо знаем историю нашего революционного движения. Мы знаем, что движение, которое можно назвать марксистским, с самого начала шло на фабрики, чтобы там не только вести революционную борьбу, но чтобы этой борьбой руководить. Кто из вас не знает тех подпольных листков, которые организовали крупнейшие стачки в Петрограде и др. городах. Все это давным давно известно, и если

необходимо остановиться на истоках профессионального движения, то нужно не дать здесь плод дедукции, а пора было бы нам—так как этот вопрос исторически не изучался, — действительно показать путем серьезного анализа, каким путем революционное политическое движение, в частности социал-демократическое, в России и какие предшественники непосредственно подготовили профессиональное движение к тому моменту, когда поднялась революционная волна и когда об'ективные условия позволили рабочему классу создавать легальные организации. И здесь разгадка того факта, того чуда, что deus ex machina появились профессиональные союзы. Не было тут никакого чуда. Программа-минимум, не только программа-максимум, рабочему классу была известна. По крайней мере в такой же степени как стачечные кассы. Прав был тов. Айнзафт при характеристике касс взаимопомощи. Я лично их хорошо знаю. Я в 17 г. находил следы этих касс у союза служащих. Мы встречали остатки этих касс и могли по этим остаткам судить, что это было и могли ли эти организации быть в какой нибудь степени предтечами организации классовой борьбы. Конечно, когда мы имели в течение 2 десятков лет агитационную работу социал-демократов, их руководство стачками в больших масштабах, совершенно было естественно, что рабочий класс, руководимый революционным авангардом, в соответствующих условиях начал создавать не только союзы, но и Советы Рабочих Депутатов.

Колокольников. Оба докладчика все свое внимание сосредоточили на таком второстепенном явлении в российском рабочем движение, как кассы взаимопомощи, и, благодаря этому, обошли вниманием тех непосредственных предшественников, из которых в 1905 г. стали слагаться первые профсоюзы. Я имею в виду те широкие неоформленные рабочие организации, которые в 1905 г. охватили фабрично-заводской рабочий пролетариат почти во всех крупных городах России. Если мы обратимся к фактам, то увидим, что Петроградский союз печатников возник из Совета депутатов — выборщиков, выбранных в комиссию Шидловского. В типографской промышленности сохранился такой совет, который руководил борьбой печатников за тариф и в то же время организовал профсоюз. Среди Петроградских металлистов первые попытки организовать профсоюз относятся к лету 1905 г. Инициатором этого были за Невской заставой на Семяниковском заводе депутаты этого завода, которые там сохранились после выборов в комиссию Шидловского (Макеев, Цыцарин, Гудков и др.). То же и на Выборгской стороне, во время борьбы за 8-ми часовой рабочий день в 1905 г. В Москве, в августе и сентябре 1905 г., почти во всех отраслях производства организуются советы депутатов по отдельным отраслям производства, которые являются исходным пунктом для оформления в 1905 г. профсоюзов. В сентябре совет депутатов ленточников-ткачей, Совет печатников. В начале октября происходит заседание представителей

таких советов. Туда входят представители 6 производств, и выносятся резолюции о необходимости организоваться в профсоюзы. В Харькове общество взаимопомощи играет второстепенную роль. Исходным пунктом для организации союзов являются заводские комиссии, которые избираются на отдельных заводах и затем об'единяются по отраслям производства и организовываются в виде «комиссии заводских комиссий». В Костроме летом 1905 г. организуется совет депутатов всей текстильной промышленности, который руководит забастовкой текстильщиков в этом городе. В Иванове-Вознесенске в мае происходит то же самое. В Баку — в октябре — состоялись выборы уполномоченных по отдельным предприятиям для выработки коллективного договора и заключения его. Вот непосредственные предшественники союзов, которые возникают в 1905 г. и существуют до дней свободы, до момента, когда профсоюзы начинают оформляться. Но эти неоформленные организации тоже ведут свое начало вовсе не с 1905 г. Корни их уходят очень глубоко. Везде, как только начинается стачечное движение среди рабочих, так в силу необходимости возникают такого рода неоформленные организации, сначала временные, затем, может быть, более постоянные. Не стоит говорить о 80-х и 90-х годах, но даже в эпоху крепостного права экономической борьбой во многих случаях руководили такие советы депутатов, под тем или иным названием, или выборные рабочие. «В истории русской фабрики» Туган - Барановского и в «Архиве истории труда», издаваемом в Ленинграде, вы найдете целый ряд сведений о неоформленных организациях. По мере того, как накопляется определенный опыт, по мере обострения классовой борьбы, эти неоформленные организации все более и более стремятся переходить в оформленные. Вторая половина 90-х годов была временем очень усиленной экономической борьбы. Здесь мы видим, что эти неоформленные организации сплошь и рядом делают попытку закрепиться. Они создаются не только для данного стачечного движения, но и для подготовки к дальнейшей стачечной борьбе, они пытаются так или иначе закрепиться в тех или иных видах. Начинают организовываться стачечные кассы или непосредственно, или иногда под каким нибудь более благовидным флером. Часто возникали на фабриках и заводах лампадные кассы и др., как попытки нелегально оформить эти текучие временные профорганизации, руководившие профессиональной борьбой. Но такого рода нелегальные организации оказываются недостаточно прочными, и по мере развития экономической борьбы они все меньше и меньше удовлетворяли рабочих, которые начинают искать выхода отсюда в области легальных организаций. Здесь нам придется коснуться вопроса о кассах взаимопомощи. В них следует различать два периода. Первый период — это кассы, возникавшие в 50 — 70-х годах, кассы, стоявшие совершенно в стороне от рабочего движения и впоследствии также оставшиеся в стороне от него. В 90-х годах делаются попытки

образования касс нового рода. Под видом взаимопомощи, некоторые умеренные элементы из наиболее квалифицированных рабочих делают попытки создать себе суррогаты профорганизаций. Вы видите, что во второй половине 90-х годов несколько усиливается течение в сторону организации касс взаимопомощи. В эти последние втягиваются на этот раз новые группы рабочих. До 90-х годов мы имели вспомогательные кассы только среди приказчиков и печатников, если не считать некоторых касс квалифицированных ремесленников. В 90-х годах делаются первые попытки организации таковых среди рабочих по металлу. Но из этих попыток ничего почти не вышло. Были 3, 4, 5 попыток организации таких касс, из которых наиболее жизненной оказалась Харьковская касса, поднявшая вопрос о с'езде легальных русских рабочих обществ в 1902 г. и только в 1905 г. приступившая к его осуществлению. Надо здесь обратить внимание вот на что. Эти новые кассы были более связаны с рабочим движением, чем предыдущие, хотя они тоже стояли в стороне от большой дороги рабочего движения, но эти легальные кассы взаимопомощи своим существованием обязаны той экономической борьбе, которая предшествовала их возникновению и которая породила известную потребность в организации. Здесь дело обстоит обратно тому, что излагал первый докладчик: не эти кассы являлись предшественниками профессиональных организаций, а являлись они в результате профессиональной борьбы 90-х годов и до известной степени должны были служить суррогатом профессиональных организаций, которые в тогдашних полицейских условиях возникать не могли. Насколько мало жизненны были эти кассы взаимопомощи, можно судить по тому, что когда Харьковское общество подняло вопрос о созыве с'езда легальных рабочих обществ, то оно почти нигде не нашло отклика на свое начинание. Большинство касс отнеслось к этому совершенно пассивно, а это было уже после 9-го января 1905 г. Тут упоминалось о том, что единственное исключение из касс взаимопомощи, — это кассы торговых служащих. В этой отрасли промышленности с течением времени, правда, очень медленно, происходит преобразование некоторых касс в профсоюзы, но и здесь это преобразование касс в профсоюзы, или приближение их к профсоюзам, началось под влиянием стачечной борьбы — борьбы, которая толкала массу торговых служащих — главным образом в 1905 году. Непряхин, представивший доклад об этих кассах взаимопомощи на 4-м С'езде торговых служащих, как раз обратил внимание на то, что первые сдвиги касс торговых служащих в сторону профессиональных организаций начались в 80-м году под влиянием стихийного движения самих торговых служащих в их борьбе за воскресный отдых, причем кассы шли не в голове этого движения, а в хвосте его, толкаемые в эту сторону начавшимся движением среди самих служащих. Вот почему говорить о вспомогательных кассах, как о первоисточнике наших профорганизаций, возникающих в 1905 г., является, по

моему, неправильным. Факты совершенно этому противоречат. Я думаю, что наиболее правильно предшественниками профорганизаций считать те неоформленные организации, те неоформленные об'единения, через депутатов, старост, выборщиков, которые возникали в период стачечной борьбы, которые затем начали более или менее сохраняться по мере того, как все обострялась экономическая борьба и требовала все больше и больше подготовки, по крайней мере—среди фабрично-заводских рабочих. Социал-демократия руководила экономической борьбой рабочих, и там, где ей приходилось сталкиваться с такого рода организациями в 1905 г., она содействовала превращению этих неоформленных организаций в профсоюзы. Но если бы этих неоформленных организаций не было, если бы не создалось той потребности в профорганизациях, которая явилась результатом расширения и обострения экономической борьбы и накопления определенных навыков организации, вырабатываемых в этой борьбе в рабочих массах, профсоюзы сразу не возникли бы в 1905 году. Социал-демократия сделала в этом отношении очень много. Она содействовала, благодаря передаче западно-европейского опыта Российским профсоюзам, тому, что Русские профсоюзы начали усваивать более высокие организационные формы. Но источником профдвижения явились все же те неоформленные организации, которые в 1905 г. получили всеобщее распространение и которые до 1905 г. уже тянутся далеко вглубь веков вплоть до начала 19 и может быть к концу 18 века.

Рязанов. Спор тов. Яроцкого и Айнзафта напоминает известный спор о том, откуда происходят ведьмы, из Чернигова или из Киева? Их можно попробовать примирить, но я думаю, что гораздо полезнее будет — тем паче, что насчет существования ведьм существуют некоторые сомнения, а профсоюзы действительно существуют — поставить нам вопрос иначе. Тов. Яроцкий попробовал это сделать гораздо больше в своих тезисах, чем в том докладе, который я слышал. Я, поэтому, буду держаться тезисов. Профсоюзы, профдвижение невозможны без определенного носителя, без рабочего класса, без класса наемных рабочих, — это несомненный факт. Из этого факта пробовал исходить тов. Яроцкий. Поэтому он указывает, что существуют известные условия, при которых этот класс, образовавшийся, опять таки, при определенных исторических условиях, на определенных стадиях развития этих экономических условий, существует такой узловой пункт, — когда этот класс превращается из «класса в себе» в «класс для себя». К сожалению, тов. Яроцкий не совсем разобрался в вопросе о том, что такое «класс в себе». Отдельные наемные рабочие существуют с того времени, когда происходит процесс экспроприации крестьян, когда происходит процесс пролетаризации мелких производителей. В Англии мы имеем наличие наемных рабочих с XIV века и в то же время вы имеете профдвижение там, начиная только с конца XVIII и начала XIX века. И вот, тов. Яроц-

кий, в XIV веке наемные рабочие Англии были, были и в XV, XVI и XVII веках. Между тем, о том, что в английском обществе, в английской общественной структуре образовался рабочий класс, об этом буржуазной политэкономии становится известно только в XVIII в. и только в начале XIX века Рикардо ставит вопрос о том, как распределяются продукты общества между тремя классами. Это было в 1817 г. И вот только в 1826 году мы найдем в английской профлитературе ясное представление о том, что этот рабочий класс, который уже существовал, «класс в себе» для Рикардо, — этот класс превращается в «класс для себя». Эта самая организация класса наемных рабочих—пролетариата—в «класс в себе» происходит в Англии в течение нескольких столетий. Если у Вас будет 20, 30, 40, 50 рабочих — это не будет «класс в себе». Класс становится им только тогда, когда приобретает такие количественные размеры в данной структуре общества, что становится вполне ясным, бросается в глаза об'ективному научному анализу. Здесь проходит известное время, пока этот класс начинает сознавать свои интересы противоположными классу капиталистов. Это я говорю об Англии. Возьмем Российский пример. Я тоже в старое время интересовался этими вещами, и я скажу, что и самый спор, который сейчас происходит, для нас старый спор, бывший в начале движения. И вот, бросая взгляд в старину, я скажу, что рабочие были в России и в XVII веке. Говорят, — жалко, что здесь нет М. Н. Покровского, — говорят, что они были в XV — XVI в. Я могу сказать, что не было бы неосторожной попыткой, тов. Яроцкий, некоторые коммунистические ереси... в области церковной, поставить в некоторую связь с нарождением движения ткачей. Если говорить о сектах, которые существовали у нас в XVI веке, то мы увидим, что они находили почву не только среди бояр, но и среди вольных ремесленников. Это можно сказать для XVI и XVII века. Но это является роскошью в некотором смысле, и это надо отметить. Особенно, если принять во внимание как люди увлекаются: вы и в кизеветтеры забрались, и в посессионные; нужно признать, что все это — археологические увлечения, которые ничего не могут об'яснить в росте рабочего движения.

Имеется только один хронологический пункт—это 1861 г. Только с этого времени, с момента падения крепостного права, можно говорить о начале процесса образования «класса в себе». В силу известных исторических условий в России этот процесс шел гораздо быстрее, чем в западно-европейских государствах—в Англии, во Франции и Германии. Этот процесс шел в России несравненно более интенсивным темпом. Поставив себе этот пункт, мы должны себя спросить: что является особенностью русского рабочего движения, ибо мы с вами согласились, что профдвижение возможно там, где имеется рабочий класс и движение рабочего класса. И тут надо дать ответ, который мы давным давно дали, еще когда спорили при начале организации этого профдвижения.

Источником профдвижения в России является революционное движение рабочего класса. Вы можете самым скрупулезным образом выяснять всякие кассы и проч., но это имеет к профдвижению в количественном отношении такое же отношение, как один соврубль ко всей массе соврублей, выпущенных за все время. Но профдвижение — повторяю — является прямым продуктом революционного движения рабочего класса, и в этом отношении несравненно рациональнее видеть исток нашего российского профдвижения со всеми его особенностями в русском рабочем революционном движении. Истоки его, как и истоки Английского профдвижения в конце XVIII и в начале XIX века, берут свое начало только из этого основного источника. Теперь дальше. Революционное движение рабочего класса основывается, питается борьбой рабочих в этом процессе превращения «класса в себе» в «класс для себя». Этот процесс в России происходит более быстрым темпом, чем на Западе. В 61-м году мы получаем впервые в статистическом отношении такую большую группу, что можем говорить уже о начале рабочего класса. Не проходит и десятилетия, — здесь имеются ученые люди, которые знают это точно, — чуть ли не первая стачка начинается в 71 — 72 году. К 76 году вы имеете, — движение характерно идет с Юга, — вы имеете Южно-Русский союз рабочих. К 75 — 77 году вы имеете то же самое в Питере. Начинается сильное стачечное движение. Оно тесно связано всюду и всегда с революционным движением, пусть это будет народническое движение или какое иное.

К концу 70-х годов оно настолько уже вырастает, что мы можем сказать, что у нас имеется рабочее движение. К началу 80-х годов, — это характерно для русского царского правительства—борясь тогда против революционного движения, правительство проводит ряд реформ, удовлетворявших тогда некоторые потребности рабочего класса. Все фабричное законодательство относится именно к этому времени, т. к. правительство улавливало, что народовольцы, иногда сами того не сознавая, опирались на городских рабочих больше, чем это думали. Со времени Морозовской стачки это не подлежало сомнениям даже для Каткова, который считает, что Россия перекрестилась после этого в западноевропейское крещение.

Следующий тезис, который я выставил в 1905 году, что Российское профдвижение родилось в недрах социаль-демократического движения, как мы тогда говорили.

Вы можете поставить один вопрос: из каких истоков и как развивалась организационная форма этого экономического движения, экономической борьбы рабочего класса, когда, наконец, оно отлилось в то, что мы называем профессиональным союзом? И тут нужно сказать, что этим истоком являлось везде и всюду: и в Германии, и в Англии, и во Франции — на примере этих стран еще легче показать, что все кассы взаимопомощи, — все это пережитки старого, отбрасываемого

тогда, когда рабочее движение становилось выражением уже установившегося рабочего класса — являлось революционное рабочее движение. Колокольников говорит, что тут вы имеете то, что немцы называют «Лозе организацион», что на языке западноевропейской науки долго называлось коалицией, а не профсоюзом. Коалиция весьма неопределенное слово. Коалиция и заводские комиссии, коалиция и временные организации рабочего класса и т. д. Это весьма неопределенное слово, но оно в своей неопределенности выражает этот процесс развития до того, как из коалиции получается тред-юнион, получается синдикат, получается профсоюз. И мы видим в 1903 — 1904 и в начале 1905 г. стачечное движение, выражающееся везде, в этой неопределенной, не выкристаллизовавшейся организации рабочих для руководства экономической борьбой в данный момент.

Колокольников вспомнил Шидловского, но Колокольников забыл одну вещь, что об'ясняется его точкой зрения. Он крепко помнит только комиссию Шидловского, т.-е. комиссию, при которой петроградские меньшевики сделали попытку использовать правительственную организацию в своих целях и вынуждены были приноровить свою тактику к этой организации. Но затем образуется другая организация — Совет Рабочих Депутатов; в Иваново-Вознесенске раньше чем где-либо. Действительно, в начале Совет Рабочих Депутатов очень похож просто на Совет рабочих в городах, где происходит сразу массовая стачка. А со времени 1902 г., со времени Ростовской забастовки, забастовки отдельных профессий в городе стремятся перейти в забастовку всех, а раз бастуют в городе все табачники, все механики и т. д., то стачечная комиссия превращается в Совет представителей разных профессий и производств. Это было в Ростове; это было в Одессе во время забастовки, вызванной зубатовцами; это было везде, где забастовка превращалась в забастовку, выходящую за пределы одного производства. И в этом отношении Петроградский Совет Рабочих Депутатов представлял собой все профдвижение Петрограда, — организованное вокруг и при посредстве Совета Рабочих Депутатов.

Я присутствовал в Петроградском Центральном Бюро профсоюзов приблизительно с 3 заседания. Оно в начале представляло собой только собрание представителей различных профессий и ремесл в Совете Р. Д. Вся история до 2-й конференции происходит в тесной связи с Советом Рабочих Депутатов. Колокольников, вспомнил о металлистах, но он забыл, что когда в 1905 г. металлисты шли во главе петроградского движения и уже имели свои заводские комиссии, то была сделана попытка противопоставить им профорганизацию, но более или менее осязательную форму она получила в том, что потом называлось «смесовским союзом». Тов. Калинин — член его и может рассказать, что это был за союз. Это вторая форма зубатовщины. Провокационный союз. Мы знаем, что Смесов был провокатором и охранником. Но профсоюз среди

металлистов организовался значительно позже. Т. к. я являюсь одним из организаторов профсоюза металлистов, то в 1-м номере журнала «Металлист» я напечатал статью, почему так поздно образовался союз рабочих по металлу и указывал на ряд причин, которые особенно ярко выразились в об'единении металлистов.

Это было бессознательное понимание рабочими, что невозможен профсоюз там, где нет ни тени свободы, свободы политической, свободы коалиции. Только при наличии свободы коалиции и ряда свобод можно было подумать о том, чтобы нелегальную форму профорганизации превратить в легальную, т.-е. экономической борьбе рабочего класса дать вполне оформленную организацию. И тут, возник вопрос, который мы разбирали в 1906 г., и в нем, тов. Яроцкий,—мы с вами не на политическом собрании, а в собрании ученого общества по исследованию истории профдвижения при ВЦСПС, и вы этого не примите в плохую сторону, — вы являетесь сегодня представителем и проводником всех тех доводов, которые мы в конце 1905 и 1-й половине 1906 г. слышали от Прокоповича и от всех легалистов в области профдвижения, тех аргументов, которых мы не слышали от товарищей, близко стоявших к Колокольникову, которые стояли вместе с нами тогда на точке зрения, что профсоюз является боевой организацией рабочего класса против класса капиталистов и ничего не может иметь общего ни с какой кассой взаимопомощи, особенно в их русской форме.

Вот на чем нужно остановиться, когда говорят о происхождении русского профдвижения. Оно, повторяю, стало возможным со времени организации рабочего класса как отдельного класса в Российском капиталистическом обществе, как того класса, который мог организоваться только после 1861 г. Можно изучать все эти бывшие стачки, но, т. Яроцкий, одной из самых интересных стачек в истории является стачка (я уж не говорю о библейской) в Египте и Вавилоне, где их было много при всяких работах по постройкам, но стачка Вавилонская, стачка Египетская, стачка Библейская и стачка XIX века это — как говорят на юге России — шесть больших разниц.

Всякому, кто изучает историю, я советую припомнить одно: когда вы повторяете слово, не увлекайтесь тем, что аналогичное слово появилось раньше. Вы должны знать, что слово «стачка» приобрело свое значение на почве определенных исторических условий, на почве развития экономических отношений, а иначе вы попадете в положение еврейского талмудиста, который вам докажет, что радио давно известно и об этом давно изложено в такой то главе Талмуда. И профдвижение есть термин, имеющий определенное историческое содержание, ставшее возможным не раньше такой то полосы. Мы знаем, что в Англии можно проследить группы определенных организаций до 1-й четверти 18 столетия, но как грибы после дождя английские профсоюзы высыпают начиная с конца 18 в. После того, как рабочий английский класс,

в лице своих наиболее революционных представителей покрыл Англию сетью рабочих обществ,—после того как после войны 1815 г. до приблизительно 1823 г., вся Англия была покрыта уже очень густой сетью нелегальных коалиций, которые вынудили в 24 г. издать так называемый закон о коалициях, который для невежественных людей тогда являлся источником происхождения всех этих союзов.

Я напомню вам работу одного меньшевика, Волынского, который в этом отношении критически отнесся к Веббу, указав на это огромное движение профессиональных союзов. В этом отношении Оуенское движение является в неменьшей степени отцом революционного профессионального движения, чем отцом кооперации. Тов. Яроцкий, вы человек с очень определенными симпатиями, я заметил, что вы хотите доказать что Аллен и Ньютен являются строителями профессионального движения. Я отвечу на это: поскольку дело идет о создании того профдвижения, которое идет не против существующего строя, а устраивается на основах существующего строя, то действительно строителями этого движения являются Аллен и Ньютен.

Никитин. Я с большим интересом слушал доклад тов. Яроцкого, и все время ставил себе такой вопрос: почему поставлены эти вопросы, почему возникла мысль, что истоком нашего профдвижения, причем как будто бы в неограниченной форме и в значительной форме является движение касс взаимопомощи, и т. д.? Повидимому, в настоящее время в значительной степени уже потеряны перспективы того развития, которое происходило за эти годы, ибо мы, старые участники рабочего профдвижения, должны определенно сказать, что не мы лично, а те рабочие, которые были вместе с нами, не только в качестве сознательных работников, но и вообще как участники рабочего движения, мы совершенно не чувствовали влияния этих касс взаимопомощи, мы совершенно не знали их, и не преподавали их, как те формы, которые необходимо принять в то время. Поэтому, как будто бы влияния чисто практического (я не подхожу к юридическим вопросам, которые в достаточной степени выяснены) кассы взаимопомощи в этот период в развитии профсоюзов не имели. Я бы сказал больше, в то время как большевики и меньшевики обращались к рабочему классу в своих всевозможных кружках, в речах, листках, газетах и т. д., мы все время старались дать представление о профсоюзах, об их деятельности и т. д. на основании практики западно-европейского движения. Поэтому с этой точки зрения я бы полагал, что если говорить об истоках профдвижения в России, то нужно говорить именно об европейском движении, ибо существовавшие там формы движения проходили через с.-д. работу и значительно более влияли, чем кассы взаимопомощи. Обращаясь к самим кассам взаимопомощи, нужно, несомненно, сказать, что кассы взаимопомощи нужно делить на две группы: те кассы взаимопомощи, которые возникали еще начиная с 60 годов, особенно среди торгово-промышленных

служащих и явились выражением материальной нужды пролетариата, а не предвозвестниками его борьбы. Эти кассы нужно отличать от тех касс, которые начали возникать к 90 г., как результат того рабочего социалистического движения под влиянием с.-д., которое начало стремиться не только, как сказал тов. Рязанов, использовать легальные возможности, как бы они слабы не были, ибо в данном случае обращалось внимание главным образом на организационную сторону этого движения. Вот с точки зрения организационного формального момента эти общества взаимопомощи имели некоторое значение. Если вы обратитесь к движению обществ взаимопомощи, к возникновению среди рабочих этих обществ, то и они не имели тоже никакого значения и не из них развивались те профобщества, которые возникли в 1905 г. Между ними нет никакой связи, ни идеологической, ни организационной. Среди торгово-промышленных служащих общества взаимопомощи были развиты больше, чем где бы то ни было, но и там редкие из них превращались в профессиональные общества. И если они превращались в профессиональное общество, или получали характер профобщества, то главным образом потому, что туда проникали совершенно другие элементы рабочего движения среди торгово-промышленных служащих, которые были воспитаны не кассами взаимопомощи, а рабочим движением как таковым. Туда проникали молодые элементы рабочего движения, не те привиллегированные группы которые были там преимущественно—всякого рода заведующие, управляющие, поверенные, кассиры и т. д., а приказчики, массовые приказчики, которые к этому времени народились. которые привыкли выносить свое движение на улицу, которые выносили уже свои требования о сокращении торгово-рабочего дня, закрытии праздничной торговли и т. д., и т. д. И этот новый элемент, который был создан рабочим движением, этот элемент, входя в общества, старался их так или иначе переработать. Во многих случаях это удавалось, а во многих — не удавалось. Я напомню: в Москве у нас проходило среди торгово-промышленных служащих такое движение; кроме крупных обществ взаимопомощи купеческих приказчиков, коммерческих служащих, основано было общество: «В единении сила». Когда оно было закрыто, торгово-промышленным служащим оставалась единственная возможность проникнуть в те общества, какие имеются, использовать их и так или иначе продолжать свое движение, воспринятое от рабочего движения, находившегося под руководством с.-д.

Так, было использовано и взято в руки маленькое общество торговых служащих. В результате правительство его закрыло. Тогда эти группы перешли в общество коммерческих служащих и это последнее общество было известным образом преобразовано. Когда я, как практик движения, оглядываюсь на то, что происходило перед моими глазами, я должен сказать, что наши общества взаимопомощи не могут считаться источником профдвижения. Это не есть такое явление общественной

жизни нашего рабочего движения, которое постепенно, развиваясь внутри себя или каким либо другим способом, превратилось бы в профдвижение. Этого не было. И если они имели некоторую вспомогательную роль, то только в том смысле, что дали некоторые юридические формальные возможности. Так, когда пришлось перейти к профобществам по закону 4-го марта, тогда пришлось использовать уставные формы обществ взаимопомощи. В дальнейшем вы знаете, что они не развивались и не развились. Это не было то, что было вынесено вместе с современным рабочим движением России. Это были остатки прежнего. Поэтому я никак не могу согласиться с тов. Яроцким, что будто бы общества взаимопомощи, кассы и т. д. были истоками профдвижения в России.

А. Л. Рязанова. Я хотела бы знать, в чем наши товарищи видят начало движения. Я просмотрела одну книжку Истпрофа, в которой сделана колоссальнейшая работа. Там говорится об обществах взаимопомощи, о работниках в ресторанах и т. д. Там, конечно, видят начало профессиональных союзов. Хозяин и рабочие находятся в одной организации и туда не принимают людей, которые не проработали определенное количество лет в данной профессии, туда не пускают женщин. Я спрашиваю, зачем вытаскивать это в Истпроф? В Российском профдвижении этого нет. Все время когда говорят о русских профсоюзах, нам приходится читать лекции по этому вопросу — никто не оспаривал вопроса о том, что наши профсоюзы возникли в 1905 г. Этим об'ясняют их принцип организации.

Если же искать истоки, то надо искать их в революционном движении, и когда я просматриваю всю свою работу, то я не помню ни одного случая, когда бы в союзе обсуждался вопрос и где рабочие ссылались бы на методы, которые принимались в обществах взаимопомощи.

Мне как раз приходилось в 1905 г. принимать участие в Российском профессиональном движении, и как раз я попала в союз ремесленников, где казалось бы должны были быть глубокие мотивы за общество взаимопомощи, методы работы которых должны были проникнуть в союз. Я попала в союз булочников и кондитеров. Среди ремесленников существовали общества хозяев и рабочих, где были, например, общежития для безработных и пр. Когда мы начали вырабатывать свой устав в своем союзе, мы этим не пользовались. Единственное чем мы пользовались, это был устав немецких профсоюзов, которых мы считали ближе к с.-д. Мне не приходилось принимать участие на первой конференции, а видеть, как оно организовывалась. Я была в Харькове у печатников, и рабочий Жилкин, который об'езжал Россию, мне говорит: давайте поедем на конференцию. А я говорю: «а как я поеду? от кого»? Он говорит: «Ну, ведь зацепка нужна, нужно лишь, чтоб была какая либо организация». Когда вы посмотрите первую конференцию, то увидите, что принятые ею решения не имеют значения для дальнейшего

профдвижения. Я не видела здесь ни одного пункта, который был бы перенесен в дальнейшее революционное профдвижение.

Поэтому, т.т., я думаю, что если нам действительно поставить перед собой вопрос, каким образом в 1905 г. был достигнут производственный принцип строительства союзов, то на него мы можем ответить лишь таким образом: производственные союзы не являются просто по доброй воле людей — но в 1905 году принцип организации по производствам диктовался соотношением сил. Тогда не было иного подхода при организации союзов, который мог бы дать отпор капиталистической организации. Вот эти два момента в организации российских профсоюзов показывают, что не может быть возможности брать какие нибудь особые начинания в старых обществах взаимопомощи, а также в тех обществах, которые имелись еще до падения крепостного права.

В отношении союза текстильщиков было бы смешно искать его истоки в реакционных союзах, которые с самого начала выдвигали совершенно другую тактику борьбы. Так что если вы возьмете наши боевые профсоюзы, то в них вы не найдете ни одного пункта, который показывал бы, что можно искать истоки их в организации обществ взаимопомощи в тех либеральных организациях, где очень часто вместе работали и хозяин, и работник.

Другим моментом, отличающим российское профессиональное движение, являтся то, что против организованного капитала мы нашли необходимым выдвинуть организованные рабочие массы. Мы указывали на то, что этот момент должен придать российскому профдвижению совершенно особое национальное лицо, которое резко отличает его от прочих. Это отличие создано не доброй волей тов. Томского или тов. Лозовского, но оно лежит в тех методах работы, в тех путях, по которым шло наше профессиональное движение. Наше профессиональное движение вышло из недр социал-демократии; вместе с партией росло и крепло. Этим об'ясняется то, почему наши профсоюзы имеют именно такую физиономию, а не другую . В Германии, где капитал сконцентрирован гораздо больше, чем в России, совсем недавно (в 1919 — 21 г.) они отказываются от производственного принципа организации, они говорят: нам не нужно слишком спешить. Естественно, что у нас никаких традиций создаться не могло, т. к. наше профессиональное движение слишком молодое.

Я думаю, что если все-таки нам приходится искать начала или истоки нашего профессионального движения, то ищите его в развитии партии, вместе с которой шло развитие нашего профессионального движения. Развитие же организации взаимопомощи является таким, которое не имеет никакого влияния на наши союзы в целом. Если вы возмете какую нибудь отдельную отрасль: например, Нарпит, то может

быть здесь это влияние вы найдете, но в других отраслях вы этого уклона не сыщете.

Груздев. В 1905 г. союз портных организовался по чисто классовому принципу. Швейное производство, как таковое, имело в то время, и до сих пор имеет кустарно-ремесленный характер. Казалось бы, что организация портных должна скорее всего иметь те истоки, которые обрисовал в своем доклад тов. Яроцкий. Но этого не было. В 1906 г. союз портных Петрограда ставит перед собой задачу всероссийского об'единения. В 1906 г. созывается всероссийская конференция, и выбирает Центральное Бюро, которое должно созвать Всероссийский с'езд портных. Я считаю, что те истоки, о которых говорил тов. Яроцкий, даже в таких неоформившихся профсоюзах как союзы портных места не имели. Их нужно искать в революционном движении, а не в тех кассах, с которыми даже вошедшие в союзы рабочие в значительной степени не были совершенно знакомы.

Скачков[1]). Момент зарождения профсоюзов печатников мне недавно пришлось исследовать по одному частному поводу.

Первая стачка печатников в Москве в 1903 г. происходила уже после стачки, имевшей место в мае 1903 г. на юге России. Здесь мы можем заметить одно характерное явление. Исследуя эту стачку, мне приходилось искать ее корни, иначе говоря, выяснить—откуда и каким образом эта стачка развернулась в таком широком масштабе, наделав так много шуму, не только в Москве, но и в правительственных кругах. Из разговоров с отдельными участниками стачки пришлось сделать один вывод, что назревание этой стачки вовсе не носило характера чисто организационного. Организационный источник ее зародился в таком месте, которое не имеет ничего общего с кассой взаимопомощи, а именно в трактире «Голубятня». Этот трактир был местом постоянного сборища печатников, куда они приходили выпивать, и который они называли своим клубом. В этом клубе группа более активных товарищей, так или иначе примыкавших к целому ряду соц.-демокр. групп, обсуждала все вопросы, назревавшие в то время, главным образом, вопросы защиты экономических интересов печатников. Если мы проследим дальше, то увидим, что вслед за стачкой 1903 г. организовался нелегальный профессиональный союз печатников в Москве. В тогдашней «Искре» появилась заметка, что этот нелегальный союз печатников сделал слишком большой уклон в целом ряде своих постановлений, уклон к так называемому «экономизму». Что бы опровергнуть эту заметку нелегальный союз печатников пишет большое заявление в «Искру», в котором возражает против этого и протестует против обвинения в связи с так называемой зубатовской организацией.

---

[1]) До т. Скачкова выступал т. Гудван, но так как оратор обещает статью по данному вопросу, редакция исключила его речь из стенограммы.

Таким образом мы видим, что союз печатников до 1903 г. принимает программу соц.-демокр. рабочей партии.

Действовали ли кассы взаимопомощи на боевую организацию профсоюзов? Тов. Яроцкий в своих тезисах указывает, что это не является предметом рассмотрения историка. Но необходимо взять все эти элементы и рассматривать их во всей широте.

Возникает вопрос, нужно ли брать все то, что перечислено в тезисах тов. Яроцкого. Я считаю, что необходимо отбросить все то, что является наростанием, т.-е. в данном случае все те кассы взаимопомощи, о которых нужно высказаться несомненно отрицательно.

Я думаю что выдвинутая тов. Яроцким в тезисах так называемая сумма рабочего движения до 1905 г. подлежит об'ективному рассмотрению, и для того, чтобы выяснить ту природу, в которой зародилось все российское профессиональное движение, начало его, нужно рассмотреть этот вопрос с фактической стороны, начиная с 1905 г., и несомненно эта сумма явится «истоком», в котором и нужно искать начало зарождения Российского профессионального движения.

Гинзбург. Когда я сопоставляю факты и данные, которые имеются в моей памяти и в моей практике, с тем, что говорил тов. Яроцкий, то я должен сказать, что на меня производит приблизительно следующее впечатление доклад тов. Яроцкого. Он почему то хочет перенести другие формы и данные других стран в Российское профдвижение. Он знаком с английским профдвижением очень хорошо. В Англии профдвижение развивалось приблизительно следующим образом: были кассы взаимопомощи, потом они приняли несколько другие формы.

Подошел ли он к Российским союзам? В России в 1905 г. имелись профсоюзы. Он начинает искать их основу, их истоки, как он их называет. Находит он кассы взаимопомощи. И вот он приходит к заключению, что эти кассы взаимопомощи являются теми истоками наших профсоюзов, которые мы имели в 1905 году. Правильно ли это? Мне лично приходилось иметь дело с кассами взаимопомощи среди еврейского пролетариата, главным образом в черте еврейской оседлости, а затем и в Польше. И в Польше и в Литве эти кассы взаимопомощи были довольно распространены, но связь этих касс взаимопомощи с еврейским рабочим движением или с профдвижением в 1905 году у меня никак не укладывается в памяти, я никак не могу этого связать. Если вы возьмете боевые кассы, которые были в еврейском рабочем движении, начиная с 1885 до 1906 г., — эти боевые кассы после образования еврейской социал-демократической рабочей партии распались. Все еврейские боевые кассы, которые мы имели в Вильне, в Ковне — все эти кассы после образования социал-демократической партии перестали существовать. Почему? Да, потому, что эти же самые кассы были теми органами, которых отдельные социал-демократы организовывали для того чтобы лучше связаться с рабочим классом. Это

была определенная форма, которую социал-демократы нашли для того, чтобы связаться с широкими рабочими массами. Как только сама партия приняла более или менее массовый характер, они уничтожили эти кассы. Мы знаем знаменитый спор, который происходил в русской социал-демократии значительно позже, в еврейском рабочем движении несколько раньше, знаменитую брошюру об агитации; спор о том, эти ли стачечные кассы являются той формой и теми методами, которыми мы можем организовать рабочий класс. Тут был поставлен вопрос о том, что мы не можем связать экономически и политически движение рабочего класса.

Если взять революционные кассы, которые мы имели, главным образом, в Северо-Западном крае, отчасти в Польше, они все распались, от них не осталось ничего. И когда мне приходилось уже в 12—13 г. работать среди еврейского пролетариата в Минске, мы никаких следов этих касс не находили. Теперь возьмите строение еврейской социал-демократической партии,—Бунда. Самое строение самая структура этой партии говорит о том, что она является одновременно органом руководящим экономической борьбой рабочего класса и политической его борьбой. Если тов. Яроцкого интересует это, то, пусть он обратится к книжке Рафеса и прочтет там, что еврейская соц.-дем. партия была организована следующим образом. Она состояла из отдельных групп, охватывавших рабочих одной профессии, раньше это называлось сходкой, а теперь мы называем производственными разветвлениями. Были сходки металлистов, сходки приказчиков и т. д. Что делала эта сходка? Она являлась фактически органом, руководящим и экономической и политической борьбой рабочей массы.

Теперь о кассах взаимопомощи. Тут тов. Гудван назвал кассы взаимопомощи приказчиков. Я с ними больше знаком и должен сказать тов. Гудвану, что если вспомнить 1905 г., то ни одна из касс взаимопомощи, как я помню, не превратилась в профсоюз. Возьмем теперь Одесское общество взаимопомощи. Тов. Гудван это хорошо знает. Под влиянием чего Одесское общество взаимопомощи превратилось в союз? Я был как раз в 1905 г. в Одессе. Был организован союз приказчиков; рядом с ним осталось общество взаимопомощи, с которым профсоюз вел самую активную и решительную борьбу и так как приказчики народ чрезвычайно практичный, так как оппортунистическое течение среди приказчиков было наиболее сильным, то в 1907 г., когда профсоюзов не осталось, когда наше профдвижение было разгромлено, тогда часть наиболее оппортунистически настроенных приказчиков, которые ушли от партии, ушли от всего, и которым нужно было найти применение своим общественным стремлениям, пришла в это общество взаимопомощи, чтобы использовать его как легальную возможность. Но чтобы это общество взаимопомощи было профсоюзом, — это чепуха, ничего подобного. Никаких элементов профсоюза там не было. Теперь, если мы

возьмем эти общества взаимопомощи в Польше, с которыми приходилось иметь дело, то там то же самое, такое же реакционное об'единение рабочих, с которыми мы вели самую решительную борьбу и от которого не оставалось камня на камне в тот момент, когда подымалось рабочее движение и которое начинало оживать тогда, когда рабочих загоняли в подполье, и верхушечный слой шел в эти самые общества.

Что представляли собой эти общества взаимопомощи на с'езде в 13-м году? Там были представлены и общества взаимопомощи, и профсоюзы, и замечательное было там деление этих организаций. Там Щепкин был представителем и руководителем одной группы обществ взаимопомощи. Это были те общества, которые зародились еще до 90-х г.г. Они на с'езде были самые реакционные и вели с нами борьбу, потому что они не признавали никаких профсоюзов, никакой классовой борьбы, никакого профдвижения. Как можно было их в 1905 г. или в другом связать с нашими профессиональными союзами? Ни в какой мере нельзя.

Теперь дальше. Когда мы говорим об истоках профдвижения в России, мне кажется нужно иметь в виду, что мы имели политическую рабочую партию в России раньше, чем были какие бы то ни было другие формы рабочего движения. То, что мы имели общества взаимопомощи до 1898 г., это были реакционные общества, в которые рабочие не шли. Те нелегальные организации, которые мы имели, они организовались под руководством социал-демократов и отдельных деятелей рабочего движения. Экономической борьбой вплоть до 1905 года руководила политическая партия, которая для этого находила разнообразные формы организации рабочих в моменты, когда они бастовали. В форме ли старост на отдельных предприятиях или в других каких-либо формах — это неважно — она создавала более или менее длительные организации — кассы на месяц или на два. Мне приходилось тоже иметь дело с такими кассами. Они были под руководством социал-демократов. Никаких других форм мы не имели, и единственная организация это была социал-демократия. Теперь, если мы возьмем два профсоюза, которые у нас остались, нелегальные профсоюзы, союз щетинщиков и союз кожевников, которые были до 1905 г., они были фактически филиалами политической партии, даже те, которые назывались профсоюзами. Поэтому я считаю, что совершенно неправ тов. Яроцкий, когда он хочет связать в какой нибудь степени Российское профессиональное движение с кассами взаимопомощи. Даже в самой отсталой группе, у приказчиков, даже там оно не связывается с этими кассами взаимопомощи, а тем более среди рабочих. В Польше кассы взаимопомощи в 908 — 909 году превратились в союз крестьянских социалистов. У нас в России они никакой связи с профсоюзами не имели. Единственный руководитель, единственная организация, которая организовывала рабочие массы, которая вела экономическую борьбу и до 1905 года, — была единственно политическая партия, и

только здесь приходится искать истоки Российского профессионального движения.

Л е б е д е в. Для того, чтобы действительно доказать, что профессиональное движение начинается с момента зарождения касс взаимопомощи, нужно было бы все таки привести хоть один-два фактика, показывающие, что профессиональные союзы что то такое от касс взаимопомощи переняли, что-то такое позаимствовали. Этого ни докладчик Яроцкий, ни Гудван не доказали, и в жизни этого не было. Не только какого-нибудь организационного или какого-нибудь другого опыта, союзы от касс не получали, но даже средства, которые эти кассы взаимопомощи имели, и то лишь в отдельных редких случаях профсоюзы от них получали, и только тогда, когда союзы уже были организованы. Это уже одно показывает, насколько здесь напрасны все эти поиски. А другое—взять все наше рабочее движение—подготовка к широкому массовому движению, период нелегальщины, не ясно ли нам говорит о том, что придавать какое-нибудь значение в истории нашего рабочего движения кассам взаимопомощи абсолютно не следует. Никогда, ни в какой организации, ни в каком кружке, раньше совершенно не занимались изучением истории этих касс взаимопомощи, их значения. Никогда серьезно не говорили о том, что необходимо для того, чтобы выйти на широкую дорогу организованной работы, взяться за эту самую форму организации, какою была касса взаимопомощи. Они были легальные и нелегальные, но абсолютно разговора об этом никогда не было. И русских рабочих к этим самым разговорам никто никогда не вызывал. Это уже показывает то пустое место в нашем рабочем движении, которое занимали эти самые кассы взаимопомощи. Ведь надо сказать больше, товарищи, что широкая масса рабочих, пожалуй, совершенно не знала о существовании этих самых касс взаимопомощи и никогда не поднимался в широкой массе рабочих тем или иным путем вопрос о необходимости такого рода организации. Почему? Да просто напросто потому, что те кассы взаимопомощи, которые есть и были—не только потому, что им этого не разрешал устав, а благодаря тем задачам, которые они перед собой ставили, — они нисколько не помогали рабочим организовываться для защиты своих классовых интересов и не приходили на помощь им в момент классовой борьбы в той или иной форме. Абсолютно нет. Если мы будем как следует изучать историю касс взаимопомощи, мы найдем не мало фактов, которые бы указывали нам, что эти самые кассы играли не прогрессивную, а реакционную роль. Кассы взаимопомощи в некоторых определенных случаях являлись страховыми кассами от забастовки участников. Во время забастовки, участники кассы, работавшие в предприятиях, получали из этих самых касс взаимопомощи определенные пособия и они, в интересах сохранения капитала своих касс, реакционным образом действовали на забастовавших. Они активного участия, как остальная масса рабочих, в забастовке не принимали.

Я полагаю, что такие факты в истории этих самых касс отыскать, пожалуй, можно. Если бы нам доказали, что, предположим, 5% всех существовавших в разное время касс взаимопомощи в тот или иной момент ставили перед собой боевые задачи, какие ставились союзами в 1905 г., то я согласился бы, что эти кассы были родоначальниками профдвижения. Но я таких касс не знаю.

Вот, товарищи, почему мне кажется, что нужно здесь совершенно отвести эти самые потуги и прямо и ясно сказать, что наше профессиональное движение получило возможность широкого своего развития сразу, не потому, что у нас были первоначальные организации в форме касс взаимопомощи. Оно получило это не в кассах взаимопомощи, а при содействии партийных организаций. Возьмите забастовки и посмотрите, как они велись задолго до возникновения широкого профдвижения. Кем они поднимались? Все требования, которые выставляли во время забастовки, начиная с 90-х г.г., решения временных забастовок, организации забастовочных комитетов, — кем все это подготовлялось и где все это переваривалось? В нелегальных организациях. Как бы слабы они не были в том или ином промышленном районе, но у них все это подготовлялось, и надо сказать, что они действовали такими методами, которые ни в какой мере не переняли от касс взаимопомощи. Вот почему тут ясно и определенно надо сказать, что потуги искания истоков профессионального движения где то вне наших революционных организаций надо отвести как потуги, которые нас приведут на неверный путь. Если мы будем искать начала профдвижения в кассах взаимопомощи, то мы не в состоянии будем доказать, каким образом эти кассы взаимопомощи способствовали развитию профдвижения. Это с одной стороны, и с другой стороны, мы этим покажем, что эти кассы взаимопомощи, как организация, ничего не давшая профдвижению по существу, не является родоначальником нашего профдвижения. Пусть тов. Яроцкий покажет, что они действительно дали профдвижению. Лично я полагаю, что ясность в дело понимания истоков внести безусловно нужно, и ясность будет только тогда, когда и Яроцкий, и все те, кто изучает историю профдвижения, начнут искать начало там, где следует, а именно в наших нелегальных партийных организациях. Иначе мы зайдем в такое болото, из которого потом и не выберемся.

А д а м о в и ч. Если ставить вопрос о том, сыграли ли какую нибудь роль кассы взаимопомощи вообще в развитии рабочего движения в России, то с большими оговорками и в очень ограниченном размере это можно признать. Кассы взаимопомощи по большей части являлись формой организации тех элементов среди рабочего класса и в особенности его верхушек, которые заранее принципиально отказывались от классовой борьбы, хотя бы в ее смягченных формах. Это одна — можно сказать главенствующая—категория касс взаимопомощи. Другая категория касс взаимопомощи была в таких случаях, когда их сознательно

использовывали как организацию оппозиционных сил. Это было только прикрытие от полицейских ударов. И, наконец, в третьих случаях — хотя в моем личном опыте таких не было, — кассы взаимопомощи бывали захлестнуты развивающимся широким массовым рабочим движением и, разрывая совершенно свои организационные формы, как будто клали начало профсоюзу. Но это — случаи исключительные и, повторяю, в моем личном опыте их не было. Таким образом, если профдвижение рассматривать как форму, включающую в себя обязательно элемент борьбы с работодателями, то, можно сказать, что преемственной связи между кассами взаимопомощи и профдвижением найти нельзя.

Что касается моего личного опыта, то я должен сказать, что принимая участие в профдвижении, с кассами взаимопомощи я не встречался, а если и встречался, то как с элементом враждебным. Первый опыт относится к 1905 г. На Кубани, в моем родном городе Екатеринодаре, куда я прибыл почти к Октябрьским дням, я сейчас же принял довольно активное участие в политическом движении и политической работе. В октябрьские дни развернулась всеобщая политическая забастовка, которая руководилась об'единенным комитетом Р. С.-Д. Р. П. Мне лично пришлось руководить этой забастовкой, и здесь был совершенно своеобразный порядок. Эта политическая забастовка, во-первых, перешла в экономическую, а во-вторых, явилась источником организации профсоюзов. Положение было такое:

После того, как в течение первого и второго дня шла забастовка, в дальнейшем встал вопрос о том: в каком же порядке на почве чисто политических лозунгов, которые моментально осуществлены быть не могут, дать этому движению какой-то практический результат. И вот, в эту всеобщую политическую забастовку, вложено было известное экономическое содержание, т.-е. были сформулированы экономические требования, сорганизован был специальный стачечный комитет, в состав которого вошел и я, и по всему предпринимательскому фронту общим фронтом рабочих была открыта экономическая борьба, длившаяся сравнительно не долго и окончившаяся победой рабочих. Когда забастовка кончилась, перед комитетом встал вопрос, каким же образом в дальнейшем закрепить положение, не оставаться распыленной массой, чтобы фактически удержать и добиться полного осуществления экономических завоеваний. Я помню отчетливо, что были выдвинуты два-три товарища, в том числе и я, и мы, в большинстве своем слабо знакомые с заграничным профдвижением, сели и стали писать уставы профсоюзов общего типа. Потом, применительно к каждому профсоюзу в отдельности, уставы стали применяться к жизни. Таким образом, мы видим происхождение профсоюзов из совершенно определенного революционного источника. Тут не было никакой связи, никакой преемственности с кассами взаимопомощи.

Следующий этап моего участия в профдвижении это черноморские моряки. Я приехал в Одессу в январе 1906 г. и через пару месяцев через меньшевистский комитет Р. С.-Д. Р. П. вошел в соприкосновение с моряками. Положение общеполитическое было тогда такое, что революция, потерпевшая поражение в лице Московского восстания, казалось не пошла еще окончательно на убыль. До 1906 г. мы еще решали вопрос о том, есть ли это перегиб к линии вниз и предстоит ли под'ем, или это окончательное длительное поражение. До 1906 г. вопрос этот оставался для многих сомнительным и мы жили в надежде на то, что это поражение временное и будет новый напор. Поэтому внимание работников основным образом было направлено в сторону политической борьбы, а не экономической. Придя в соприкосновение с моряками, первое, на чем я остановил свое внимание, было то, каким же именно образом их можно втянуть в русло борьбы. Черноморские моряки представляли собо в этот период отсталую массу. У них имеется один момент, о котором, правда, они не любят вспоминать. Этот факт имел место в Одессе: их чуть не удалось увлечь на погром, в 1905 году. Наряду с черносотенными громилами они шли на погром, но в их рядах нашлись революционные элементы, агитаторы-пропагандисты, которые их успели свернуть с этого пути. Они тогда спохватились, но нужно сказать, что один момент было погромное настроение. -Вы видите, в 1906 г. они были политически чрезвычайно отсталыми. В 1905 г. у них возникла цеховая организация, именовавшаяся «регистрацией моряков». Главным смыслом ее существования была попытка заменить или выполнить те функции, которые сейчас несет Биржа Труда. В сфере чисто морского труда они хотели избавиться от произвола при найме со стороны судовой администрации. Поэтому была организована эта «регистрация судовых команд», которая целиком находилась в руках судовладельцев. Там были допотопные наименования: старосты, выборные. Они стремились к тому, чтобы не дать разгуляться стихии. Но к концу 1905 г. эта организация была закрыта, так как режим не терпел никакого организационного кристалла, около которого могла бы сплотиться масса. В 1906 г., нащупывая почву, на каких требованиях и лозунгах можно было бы широкое массовое движение, я наткнулся на вопрос о «регистрации». На вопросе о восстановлении «регистрации», но уже в других формах, в формах боевого профсоюза, в присоединении к этому требования легализации со стороны властей, с присоединением широкой программы экономических требований, удалось постепенно сплотить крепкое ядро и вызвать чрезвычайно единодушную и чрезвычайно революционную забастовку 1906 г., которая окончилась полной победой и признанием регистрации, как боевого органа защиты классовых интересов моряков, не носившего никаких цеховых уклонов. Это была чисто пролетарская организация, но параллельно с этим существовало «Общество взаимопомощи помощ-

ников капитанов и судовых механиков», носившее характер кассы взаимопомощи. Это была организация определенным образом враждебная профорганизации, определенным образом представлявшая кадры если не штрейкбрехеров, то во всяком случае вербовщиков штрейкбрехеров. Это клеймо лежало на организации и на человеке, имевшем то или иное отношение к ней. Таким образом, здесь вопрос относительно роли, значения и связи между кассами взаимопомощи — совершенно другой вопрос, и не стоит ни в какой преемственной связи с профессиональными организациями. Это была определенно враждебная к профорганизациям форма об'единения.

Тюшин. В 24 г. исполнится 30 лет, как я работаю в нелегальных организациях, и до сих пор я не слышал ни о каких обществах и кассах взаимопомощи. Тов. Лебедев позволил себе выразиться, что в широких массах эти кассы взаимопомощи не привились, им никакой оценки не давали, просто не знали. Но я скажу тов. Лебедеву, что я до сегодняшнего дня даже не слышал о кассах взаимопомощи, хотя и с 1891 г. вступил на арену нелегальных организаций. Были тогда многие организации: народовольцев, союз борьбы за освобождение рабочего класса, землевольцев. В 1898 г. организовалась Российская с.-д. рабочая партия. Но эту организацию я совершенно упустил из виду, и я очень благодарен тов. Лебедеву, что он затащил меня в этот зал: я по крайней мере познакомился еще с лишней организацией. Я был только удивлен, что были общества и кассы взаимопомощи, из которых впоследствии возникло профдвижение в России. Если хотите, мы из заграницы получили профессиональное движение. Правда, профессиональное вижение на Западе не такое как у нас. У нас не было ни одного заседания, на котором бы не касались одновременно и политических вопросов и вопросов профессиональной жизни. Политические вопросы рождали профессиональную жизнь, профессиональная жизнь рождала политические вопросы; одно с другим было тесно связано. Многие помнят, как уставчики вырабатывали под кустиком—т. Лебедев это может подтвердить, — как точно также и то, что профессиональное движение родилось от фабрик и заводов, а не от патриотических об-в и касс взаимопомощи, которые давно погибли, а если и существовали, то не в пользу, а в ущерб рабочему движению.

Грибков. Вот какое впечатление у меня получилось от тезисов тов. Яроцкого: тов. Яроцкий — историк западно-европейского профессионального движения, который очень хорошо знает английский тредюнионизм. Там у него все это стройно вытекает из периода цеховщины, когда профессиональное движение зарождалось из организации мастеров и подмастерьев. У меня такое впечатление, что—изучая российское профессиональное движение, тов. Яроцкий также хочет найти первичные формы, как это было в английском профессиональном движении. Он хочет провести полную аналогию. Например, если в Англии профес-

сиональное движение зарождалось из таких то форм, то то же самое можно найти во французском профдвижении и в немецком профдвижении, а когда мы подходим к российскому профдвижению, то здесь как будто бы таких форм не оказывается и их нужно найти. Тов. Яроцкий пытается найти эти формы в кассах взаимопомощи. Ставить таким образом вопрос, это значит искусственно находить истоки российского профессионального движения. Если наше профессиональное движение имеет какие либо истоки, то это истоки из общего революционного движения пролетариата и слово «истоки» российского профессионального движения имеет значение слова «рабочая партия».

Я начал принимать участие в профдвижении с 1905 г. в союзе печатников в Москве, и на примере этого союза, мне кажется, можно доказать, что кассы взаимопомощи никоим образом не могут явиться истоком русского профессионального движения. В то время, или еще значительно раньше, в 90-х годах, существовали кассы взаимопомощи типо-литографов. В эти кассы входили предприниматели и предпринимательские надсмотрщики; рабочие же печатники, за редкими исключениями, в эти кассы почти не входили. Таким образом, касса взаимопомощи печатников ни коим образом не соприкасалась с союзом Московских печатников. Если были попытки использовать кассы взаимопомощи типо-литографов в Москве, то это было значительно позже 1905 года — в 1912—13 г., когда союз московских печатников, после опыта нелегальной профессиональной организации, которая не могла продолжать существовать и организовывать печатников, сделал попытку использовать кассу взаимопомощи. Но эта попытка была очень неудачна. Мне вспоминается одно выступление умершего уже деятеля профессионального движения, — Кайровича. Это было единственное выступление, которое не привлекло симпатии московских печатников и не привило касс взаимопомощи к московским печатникам, так что первых никак нельзя связывать с нашим профдвижением.

Мне кажется, когда историк будет разбираться в примерах более или менее глубокого прошлого, то он может находить там различные формы, в которые вкладывалось русское рабочее движение. Но самое главное, из чего вышло российское профдвижение, это несомненно революционное движение рабочего класса и только в нем нужно искать его истоки. Никаких других форм мы не найдем, как бы ни копались в истории. Возьмем пример: помимо забастовочных комитетов, помимо депутатов, которые при каждом движении несомненно появлялись на свет, в русском рабочем движении существовали нелегальные профсоюзы в то время, когда уже имелись и кассы взаимопомощи. Рабочие в силу необходимости, имея уже казалось бы готовые формы, где бы они могли организоваться, принуждены были организовывать нелегальные профсоюзы. Московские печатники организовали свой нелегальный союз. Этот нелегальный профсоюз был ни больше, ни меньше, как

организован уже по рецепту западно-европейского профдвижения. Правда, в нем был уклон к тред-юнионизму, но с другой стороны, он носил несомненно отпечаток германского профдвижения. Своеобразие этого нелегального профсоюза заключалось в том, что он считал себя социал-демократическим профсоюзом рабочих московских печатников. Самое характерное было то, что этот политический профсоюз вместе с тем, как будто бы не отделялся от общего революционного движения России. Но в то время, как лозунгом нашей партии было: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» — по какой причине, я не знаю, — в этом союзе лозунгом было: «право бороться — право человека», — общий лозунг, который и буржуазные партии вполне могли бы взять и написать на своем знамени. Среди московских печатников несомненно лежал отпечаток того реакционного движения, которое имело место большей частью в английском профдвижении. Но условия, в которых находился рабочий класс в России, несомненно эти реакционные тенденции устраняли, и наше профдвижение все время шло в ногу с революционным движением в России и несомненно под флагом социал-демократии.

Естественно, здесь зашел разговор не об истоках профдвижения, а о тех формах, которые встречало российское профдвижение на своем пути и как оно использовало эти формы. Если мы возьмем кассу взаимопомощи, то эти кассы взаимопомощи в российском профдвижении играли весьма ничтожнейшую роль, и, если они начали играть ее, так значительно позже, когда зародилось наше профдвижение. Только после революции 1905 года, когда все формы, которые создал рабочий класс, — классовые формы, были разбиты полицейщиной, только тогда рабочий класс начал обращать внимание на эти кассы взаимопомощи. Я помню случаи, когда те же рабочие-печатники и приказчики и конторщики начали использовывать кассы взаимопомощи. Это было в Самаре, но и то значительно позже. Эти рабочие печатники и приказчики-конторщики как только стала представляться возможность организовать профсоюз, немедленно же создавали профорганизацию и уходили из касс взаимопомощи. Эти кассы взаимопомощи ни в коем случае не являются истоками рабочего движения и не могли считаться даже опорным пунктом, который мог бы использовать рабочий класс на пути своем к профдвижению. Поэтому, придавать им такое значение и так ставить вопрос, что кассы взаимопомощи являются истоками профдвижения, это очень смелое и вряд ли обоснованное мнение. Тут даже нельзя поставить тот глубокомысленный вопрос, который ставил Кузьма Прутков: «кто привешан — хвост к собаке или собака к хвосту». Тут кассы взаимопомощи нельзя считать хвостом, а профсоюзы нельзя считать собакой, потому что это была своеобразная организация предпринимателей и их надсмотрщиков, вовлекавшая в себя только незначительный кадр рабочих, подмастерьев, которым хотелось также быть мастерами; вся же остальная масса рабочих была под влиянием рево-

люционного рабочего движения, и только в последнем нужно искать истоки российского профдвижения.

Гинзбург-Наумов. Поскольку тут организуется выступление стариков, они имели бы значение с той стороны, что сообщали бы фактические данные, которые в литературе может быть не зафиксированы, но которые остались в личных воспоминаниях. Я здесь хочу поделиться с вами такими воспоминаниями. Я позволю себе начать с общего указания. Тут было сопоставление истории нашего движения и движения Европейских стран и говорилось, что, дескать, в Англии оно может быть и так, что там рабочее движение возникло может быть из касс взаимопомощи, а у нас оно возникло иначе. Я думаю, что это противопоставление неправильно, ибо история именно английского рабочего движения, а затем, в меньшей степени, история французского и германского движения показывает, что в смысле истоков профессионального движения надо различать движение среди рабочих заводских и движение среди ремесленников. История начала движения носит совершенно два различных характера среди обеих этих групп, а главное не надо смешивать с ними торговых служащих, у которых профессиональное движение протекает в совершенно другой обстановке.

Что говорит опыт английского движения? Он говорит, что в истории ремесленного пролетариата, действительно, кассы взаимопомощи, эти остатки старых ремесленных цеховых организаций, некоторую роль сыграли, но в движении фабрично-заводского пролетариата в начальной стадии его эти кассы взаимопомощи роли не играли и играть не могли, потому что пролетариат фабрично-заводской рос настолько быстро, настолько интенсивно развивался с ходом развития крупной промышленности, настолько стихийно быстро вовлекался в сферу городской жизни пролетариата, что он не имел возможности создавать этих организаций, которые у ремесленных рабочих насчитывали десятки, сотни лет. И потому просто, что класс этот был молодой, он насчитывал всего десятки лет. История английского движения показывает, что действительно основными истоками, из которых исходило создание английских тред-юнионов, были временные стачечные организации, возникавшие из потребностей стачечной борьбы. Это было основное ядро, из которого вырастала впоследствии профессиональная организация, возникало крупное движение. Их надо было организовать. Выдвигалась основная группа, брала в свои руки движение, и эти ячейки давали жизнь будущей организации, которая играла не только экономическую роль, но обслуживала и в политическом отношении пролетариат. В этом отношении, картина английского рабочего движения повторяется во французском и немецком, а затем и нашем.

Если вы возьмете французское рабочее движение в период первой революции, то вы увидите что там классовая борьба шла мимо касс. И в частности, в такой профессии как печатники, в которой эта органи-

зация наиболее сохранилась, даже и там движение прошло мимо этих старых существовавших оформленных организаций. У нас в России это сказалось еще с большей силой. Сказалось это потому, что у нас не было такой сильной традиции в смысле цеховом, поэтому у нас даже в ремесленной среде эти старые кассы не могли иметь значения, которое они имели в Европе. А что касается рабочих организаций, то у нас они были поставлены в худшее положение, потому что у нас это политическое воздействие распространялось и на кассы взаимопомощи, так что они не могли развиваться. Сколько было у нас касс взаимопомощи на весь фабричный пролетариат? Их было очень мало. В нескольких фабричных центрах, в каком нибудь Харькове или Иваново-Вознесенске, но они никакого серьезного влияния не могли оказать, потому что они охватывали очень небольшую часть рабочих. И если вы сопоставите это с ростом стачечного движения, то вы увидите, что стачечное движение толкало на создание таких экономических ячеек, которые в то же время были и политическими.

Я поделюсь с вами некоторыми фактами из моей работы. Я начал свою работу в 1898 году в Витебске, в еврейской ремесленной среде. Там были кассы, и как будто в них должна была особенно сказаться связь с рабочими. Но я должен засвидетельствовать, что никакого соприкосновения между нашими боевыми организациями и остатками некоторыми незначительными средне-вековых братств, которые там существовали, не было. В качестве этой связи, например, я могу указать, на одного из организаторов витебского движения, Усышкина (ныне покойный); он был организатором братства красильщиков. Но это была единственная связь между этими двумя ветвями. Я знаю, что есть исследование, написанное по истории этой кассы взаимопомощи еврейского пролетариата, но она оперирует с опытом в одном из самых отсталых центров движения, именно в Могилеве. Если вы возьмете Вильну, мы об этих кассах узнали из рассказов хорошо с ними сжившихся рабочих или из книжки Рабинович. Но мы должны были подвергать этот вопрос изучению, чтобы установить наличность этих касс. Те боевые кассы, которые сложились были одновременно организациями профессиональными и политическими. И вся организация Бунда выросла в значительной степени на профессиональной почве, которая складывалась независимо от касс взаимопомощи. В 99 году мне пришлось работать в Харькове среди фабрично-заводских рабочих. Я был сторонником использования экономических мотивов для политической агитации, и я всячески стремился внимательно прислушиваться к экономическим вопросам рабочего движения и на этой почве стремился строить свою агитацию, именно на почве экономических нужд. Я должен сказать, что именно поэтому я считал своим долгом стараться перенести некоторые методы еврейского движения в среду фабрично-заводского движения. Когда я при-

ехал в Харьков а затем в Екатеринослав, я старался применить методы массовой рабочей организации и меня эти вопросы экономические очень интересовали. Я собирал сведения о существовавших среди рабочих организаций и должен сказать, что эти легальные организации, кассы взаимопомощи существовали в минимальной степени. В Харькове общество оказывало единичное влияние на отдельных рабочих. Я был знаком с его деятелями, некоторые из них входили в наши кружки, но это было два поприща для них совершенно разные.

Большое значение имели, так называемые «лампадные» кассы,—это небольшая ячейка, которая складывалась в каком нибудь цехе, какой нибудь бригаде, где была взаимная помощь на случай смерти, болезни, которая была юридически совершенно не оформлена. Эти кассы называли лампадными, потому что к ним примешивали религиозный момент. Они об'единяли рабочих, но какую нибудь связь с профдвижением очень трудно проследить в этих кассах. С 1906 г. по 1909 г. мне приходилось работать в Петербургском профдвижении. Я производил там специальное обследование относительно касс взаимопомощи и набрал много материала, но к сожалению все это погибло. Должен сказать, среди заводских рабочих, кроме таких лампадных касс, почти ничего не было. Была касса взаимопомощи золото-серебренников, но эта касса носила в значительной степени реакционный характер. Вообще большая часть таких касс была смешанная, т.-е. туда входили и предприниматели, и рабочие, а там где были только рабочие это были привеллигированные рабочие, которые относились враждебно к профдвижению.

Но все таки можно ли сбросить этот фактор со счета истории. Нет, нельзя, потому что известная часть рабочих в ремесленной среде и торгово-промышленной среде вербовалась все таки там, т.-е. она работала в этих кассах и поскольку наиболее квалифицированные рабочие были главными работниками профсоюзов, постольку связь эта безусловно существовала. Должен подчеркнуть еще один момент. История профдвижения указывает несомненно одно, что наиболее радикальное крыло с.-д. партии относилось в общем враждебно к профдвижению и в особенности к легальному. Крыло более умеренное относилось к профдвижению более активно, более сочувственно поддерживало его и, поскольку была эта поддержка профдвижения, постольку такая связь до некоторой степени существовала. Я знаю это по опыту своей работы в Ревеле, где мне приходилось работать среди эстонских рабочих. Там я констатировал, что почти все рабочие входившие в наши кружки одновременно состояли в национальных культурно-просветительных организациях, бывших вместе с тем и организацией взаимопомощи. Вообще среди рабочих существует определенное тяготение к кассам взаимопомощи и когда мы заговаривали с рабочими на темы экономические и предлагали организовать всякого рода боевые кассы,—я беру

опыт Екатеринослава, там напр., существовала среди рабочих касса и даже несколько касс имевших название «Борьба», «Заря» и т. д., — это были партийные ячейки, но часто в них заходили разговоры и на экономические темы — рабочие доказывали необходимость использовать эти ячейки для целей взаимопомощи. Недавно ко мне попало жандармское дело Екатеринославского комитета 1902 г. Там есть подробное донесение об одной сходке, на которой я участвовал с рабочими. Один рабочий, Садыченко, убеждал меня, что необходимо эти кассы приспособить для целей взаимопомощи, потому что рабочим надоело служить политическим целям, и им необходима организация для улучшения своего положения и на случай болезни, похорон и т. д.; необходима ячейка, которая бы оказывала помощь — так что известное тяготение в сторону касс взаимопомощи было у рабочих, и эта тенденция должна отразиться на профдвижении. Конечно, сюда входили элементы не очень активные в политическом движении, но это были элементы, работавшие на чисто культурной почве, на ниве просвещения, они охотно присоединялись к нелегальным профорганизациям и, постольку, можно говорить о связи между кассами взаимопомощи и профдвижением. Но если поставить вопрос в принципиальную плоскость, то конечно, профдвижение, главным образом, родилось в стачечной борьбе. Можно проследить, как непосредственная необходимость взаимной помощи в борьбе толкала на путь профессиональных организаций. Вот тот вывод, который можно сделать в этом вопросе.

Пирейко. Тут никто как раз не говорил о клубах рабочих, а между тем клубы имеют большое значение в развитии русского профдвижения. Я не буду говорить здесь о своих петроградских воспоминаниях, а хочу обратить ваше внимание на район, о котором здесь никто не говорил, а там имели большое значение эти — я бы не назвал их кассами взаимопомощи, а воскресными гуляньями, воскресными обществами и т. д. Возьмем Прибалтийский край и теперешнюю столицу Латвии. Я товарищи не изучал по книгам этот край и затрудняюсь цитатами указать какие там были кассы. Я был там позже, чем в 1908 и 1909 г.г. но могу указать, что этот район был все таки революционным районом. Если возьмем прежнее время, то после Петрограда всегда шла Рига, вторая по счету по забастовкам, по политическому движению. В этом крае страшно были развиты всякие общества взаимопомощи. Что они из себя представляют? Эти общества, которые занимались только воскресными прогулками, пьянством, балами и т. д. Кроме того там трудно найти человека (настолько была там развита общественная жизнь), который не принадлежал бы к тому или иному обществу. Я вовсе не хочу сказать, что из этих обществ родились профсоюзы. Я этого не знаю, но если говорить о рабочих, о печатниках, то там были союз литографов, а этот союз нечто вроде кассы взаимопомощи. Мне известно, что в 13 г. в трехсотлетие дома Романовых, он выразил верноподдани-

ческие чувства. Я хочу сказать насчет этих обществ. Я не скажу, что они содействовали развитию профдвижения, но скажу, что эти общества вообще содействовали рабочему движению. А каким путем они содействовали этому движению? Таким, что эти общества почти каждое воскресенье выезжали в зелень, устраивали пиры и т. д. Там легче всего было устраивать массовки и рабочие при помощи своих рабочих клубов оформляли свои решения и среди всех этих клубов, обществ, устраивались массовки, где обсуждались не только профессиональные вопросы. Несомненно, если возникали стачки, то рабочие так или иначе должны были реагировать и это позволяло до известной степени собирать значительную группу рабочих, которые иногда даже ни в каких партиях и союзах не состояли. С этой стороны развитие этих обществ было очень ценно. Я их не перечисляю по названиям, но во всяком случае они содействовали и благоприятствовали работе среди рабочих. Это было приблизительно в 1911—12 г.г. Но я думаю что они выдвигались даже еще раньше 1911 г. Никто из выступавших не сказал о рабочих клубах. У нас в России и в Петрограде и в др. местах была развита работа клуба, где велась очень большая работа, связанная с профдвижением. По этому поводу никто из товарищей не указал и я с своей стороны говорю, что после 1905 г. эти воспоминания вряд ли дадут нам много. Я думаю, нам нужно взять окраинные местности, напр., Польшу. Когда я жил в Риге, мы поражались невежественностью и несознательностью высланных из Москвы рабочих, даже печатников, культурное развитие которых было крайне иначевно. Именно Москва в этом отношении отличалась и печатники сплошь и рядом сбивали зарплату у печатников Рижских. Это было.

Я говорю все это для того, чтобы вы, рассматривая развитие там профессионального движения, видели бы, что оно шло иначе. Россия страна большая и каждая местность имеет свое значение.

Яроцкий (заключительно слово)[1]). Товарищи, когда я слышал здесь весьма обстоятельные воспоминания отдельных товарищей, мне невольно вспомнилось то положение, в котором неоднократно приходилось бывать многим и многим более крупным людям, чем я, когда точка зрения, может быть не совсем удачно защищаемая в моем докладе, может быть недостаточно точно формулированная в моих тезисах,—я за качество редакции в данном случае не ручаюсь, — когда эта точка зрения находит подкрепление именно в возражениях, а не в подтверждениях. Чем больше мне здесь возражали, тем крепче становилась моя вера в то, что та точка зрения, которую я стремился провести и в тезисах и в докладе, является действительно исторически состоятельной точкой зрения. И знаете, кто больше всего меня убедил? Это тов. Лебедев,

---

1) От редакции. Заключительное слово т. Айнзафта не помещается по уже изложенным основаниям.

который заострил положение почти до положения господа бога, обращенного к Лоту. Лотом был в этом отношении я, а женой тов. Айнзафт. Он заявил, найдите хотя бы пять процентов касс взаимопомощи, которые сыграли революционную роль. Я нахожусь в положении Лота. Даже ни одного праведника среди касс взаимопомощи я не пытаюсь найти. Но почему так поставил вопрос тов. Лебедев? Не потому, что я ставил ударения на кассу взаимопомощи, как на то, из чего выросли российские союзы. Почему вышло так? Этому виной, конечно, жена Лота. Тов. Айнзафт увидел в моих тезисах выражение общества взимопомощи и весь содоклад его был посвящен обществам взаимопомощи и критике их тактики в революционной борьбе. Поэтому, товарищи, все остальные вместо того, чтобы выслушать мое заключительное выражение—для того чтобы не быть голословным я его сейчас процитирую—и пошли разбирать по косточкам и тактику, и строение, и связь обществ взаимопомощи с нашими профсоюзами, теми профсоюзами которые выросли в процессе длительной выкладки классового сознания пролетариата под давлением революционной работы подпольной организации, под влиянием работы революционной социал-демократии. Совершенно ясно, что получилось нелепое положение. А между тем что я говорил, товарищи. Я говорил: «Если мы поставим вопрос, что нам необходимо искать не только непосредственных боевых предшественников профессионального движения, если мы будем искать истоки профессионального движения в том, что в состоянии нам дать ясное представление о действительном осуществлении последовательного развития пролетариата, как класса для себя, мы должны учесть в наших исторических исследованиях все те плохо оформленные как легальные, так и нелегальные организации, которые создавались рабочими в течение всего периода этого развития у нас». Что это означает, товарищи? Кассы взаимопомощи — начало и конец российского профдвижения? Ничего подобного. У нас с тов. Айзнафтом был спор о том, какую роль сыграли кассы взаимопомощи у нас в истории российского движения. Это, конечно, дало бесконечное количество богатейшего материала, который будучи записанным здесь стенографистками, послужит сырьем для исторической проработки, дало бесконечное количество материала и влило весь спор в недостаточно правильное русло. Тов. Лебедеву удалось лучше, чем даже тов. Рязанову и лучше, чем тов. Резникову подчеркнуть основной дефект исторического мышления, которым отличались все товарищи, — это я утверждаю — активно боровшиеся внутри движения против всяких реакционных стремлений внутри этого профдвижения. Тов. Рязанов чрезвычайно удачно заметил в своей речи, что нельзя не увлекаться тем, что слово может быть применено в различных понятиях.

Нельзя подходить к историческому факту с таким разрезом, с каким мы в практике нашей работы рассматриваем этот факт. Для меня это

была практика революционного классового движения. Безусловно общества взаимопомощи — отрицательный факт. Это отвлечение рабочих масс в сторону от непосредственной классовой борьбы. Все эти критические замечания, которые с таким блестящим постоянством, так великолепно заострили чистоту классового сознания, все это приемлемо для меня, все эти положения разделяются мною. Я говорю: да, товарищи, совершенно верно, историческое развитие профдвижения идет в сторону сглаживания ремесленных, как выражается тов. Ленин, профессиональных различий, оставленных капитализмом в наследие рабочему классу, внедренных капитализмом внутрь рабочего класса. Изглаживание, изживание этих различий, сглаживание, изживание тех отдельных устремлений, уклонов, которые наблюдались в Москве у рабочих, в разных прослойках рабочего класса — это задача наша: сделать классовое сознание гомогенным, однотипным, направленным в сторону революционной классовой борьбы и революционного классового строительства. Это задача наша, но можно ли сказать, как это предполагают делать и тов. Рязанов, и тов. Рязанова, и тов. Лебедев и др. товарищи, что рабочий класс есть понятие однотипное, что в каждый любой исторический момент рабочие по уровню своего развития представляют собою единство. Конечно, так сказать нельзя, а между тем инстинктивно, исходя из своего собственного классового сознания, из своих позиций в классовой борьбе, каждый из них мерит рабочих на эту одну мерку и получается, что то благо, которое может быть включено в профессиональное движение, — оно входит в него, а что не входит, — то отлучается. Так исторически нельзя поступать.

Тов. Айнзафту везет на неправильную постановку вопроса, и тов. Айнзафт ставит вопрос не об истоках, а об элементах. Что он этим хочет сказать? Он хочет сказать, что то профессиональное движение, которое мы знаем с 17 года, выдержанное в классовом отношении движение, имеющее в базе свое производственное движение, ведущее классовую борьбу и поддерживающее диктатуру пролетариата на протяжении своего исторического развития, имеет какие то крупинки, которые собираются и в конечном счете дадут нам это революционное классовое движение. Тов. Рязанова также ставила этот вопрос. Она говорит, что необходимо найти эти крупинки, элементы. Можно ли искать во всем, что было до 1905 года тех элементов, которые в настоящее время составными частями входят в наше профессиональное движение. Нелепая постановка вопроса. Ибо, товарищи, ход исторического развития рабочего класса прослеживается по развитию его об'единений, ибо коалиция по словам Маркса, является тем, в чем выявляется сущность рабочего класса для него самого, когда он говорит, что классовое сознание для себя исторически должно опираться на факты, которые преодолеваются самим рабочим классом, ибо мы никакой изначальности самого сознания рабочего класса не имеем.

Здесь, товарищи, отмечают, что мы имеем три типа обществ взаимопомощи. Все вы помните, что все вертятся вокруг обществ взаимопомощи, а не истоков. Имеются три общества взаимопомощи: общества, которые создаются сверху хозяевами, общества, которые создаются рабочими серяками, вроде «лампадных» касс; с другой стороны, общества, которые создаются квалифицированными верхушками рабочих, которых обвиняют в том, что они отрываются от рабочего класса, и, третьи, — это общества, которые представляют собою лишь организацию масс, стремящихся к самоорганизации, потому что это единственная легальная возможность организоваться. То же самое Харьковское общество об'единяло небольшое количество рабочих. Что оно вам дало? — попытку всероссийского с'езда профсоюзов.

Правда, для нас с вами, для людей, которые боролись с этими кассами взаимопомощи, для людей, которые находили, что они отвлекают внимание рабочего класса от подлинной классовой борьбы, которая в тот момент заключалась преимущественно в нажиме на государственный аппарат и аппарат капиталистического хозяйства, для нас с вами довольно трудно усвоить представления, что эти общества могли служить делу об'единения рабочих. Мы подходили к этим обществам с требованиями уже более высокими, чем те, с которыми к ним подходила та средняцкая масса, которая на масло лампадное собирала деньги. Но если мы будем говорить об истории российского движения, не профсоюзов российских, которые появляются у нас только с 1905 г., а о тех смутных попытках создания каких бы то ни было организаций рабочих, коими переполнена история наемного труда в России в течение, главным образом, 2-й половины 19-го столетия, то судя по тому, что у нас имеется значительный контингент рабочих и после освобождения крестьян и в предшествующий ему период, мы должны будем сказать, что нельзя историку упускать из виду ни единой попытки самоорганизации рабочих, как бы отрицательно эта попытка с точки зрения нашего сознания не представлялась в смысле отвлечения рабочего от прямой его задачи. Мы должны изучить и зубатовщину, как часть истории массового движения рабочих. Что такое истоки и что такое элементы? Почему мною избрано слово истоки, а не элементы? Да потому, что элементы эти ведь переносятся в последующее движение, а истоки движения это есть инстинктивное стремление рабочего класса к сплочению на почве разнообразных интересов, которые свойственны рабочему классу в тот или другой период. Ваш взгляд это узость.

Это бесконечное сужение горизонта, которое не дает возможности понять, почему при развитии профдвижения у нас была не однотипность, а разные течения, разные устремления. Почему сравнительно большая масса шла за сторонниками единства и независимости профдвижения? Вы не поймете этих фактов и не усвоите их надлежащим образом, если не учтете того обстоятельства, что в рабочем классе и рабочем движении

на протяжении всей предшествовавшей доисторической эпохи профессионального движения мы находим такие настроения и струйки в рабочем классе, которые и реакционны, и консервативны, и которые создают соответствующие ячейки об'единения.

Рапопорт (фактическая справка). История первой конференции, которая была в 1905 г. в Москве, такова: А. А. Евдокимов возбудил перед Харьковским обществом вопрос относительно созыва С'езда Обществ Взаимопомощи. В 1903 г. правление это приняло и в 1904 г. послало Евдокимова по разным местам для организации С'езда. В 1905 г., уже после второго об'езда Евдокимова, эту идею приняли Московские и Питерские организации и в результате была 6 — 7 октября 1905 г. созвана 1-я конференция, но инициатива Харьковцев столкнулась с инициативой с.-д. и в конце концов осталась в руках последних, хотя первым инициатором С'езда было Общество.

Р. ЯКУБ.

К вопросу об „истоках" профессионального движения в России.

Вопрос о том, «откуду есть пошла» история профессионального движения в России, в какой период развития у нас рабочего движения мы присутствуем при зарождении профессиональных рабочих организаций хотя бы в их первичной, зачаточной форме, и каковы именно были эти организации, является вопросом, в котором до сих пор нет единого, более или менее общеустановленного мнения. Как это неоднократно отмечалось за последнее время, различные авторы дают на него далеко неоднородные ответы. Не менее противоречивы и те точки зрения, которые наметились в ныне развернувшейся по этому вопросу дискуссии.

Между тем, освещение вопроса, установление основных моментов, которые должны нас подвести к правильной постановке его, и — хотя бы беглый — обзор основных исторических фактов, которые могут дать материал для его разрешения, представляется настолько интересной задачей, что на ней следует остановиться. Тем более, что по нашему мнению в самую постановку вопроса в развернувшейся дискуссии был внесен ряд неверных положений, которые заранее искажают историческую перспективу развития российского профессионального движения.

В самом деле, в чем, собственно говоря, сущность стоящего перед нами вопроса?

Широкое массовое профессиональное движение впервые возникает в России в эпоху первой русской революции. Это положение вполне установлено в литературе вопроса и ни в ком, в сущности говоря, не вызывает никаких сомнений. Все авторы, писавшие по истории профессионального движения в России исходят из него. Так, например, В. Святловский пишет: «Мы присутствуем в настоящее время при новом и необычайном факте в экономической жизни России — при мощном развитии профессионального движения в широких слоях российского пролетариата... Профессиональное движение — новая и важная страница нашего рабочего движения» [1]). В. Гриневич еще более уточняет это положение. Отмечая, что после 9-го января 1905 г. «рабочим удается

---

[1]) В Святловский. „Профессиональное движение в России". СПБ. 1907 г. стр. 1.

положить начало первым в России, открытым и широким, боевым организациям для руководства своей экономической борьбой — профессиональным союзам (курсив автора)» [1]), он относит момент широкого развития профессионального движения только ко «времени осенних событий 1905 г.» [2]), т.-е. к тому моменту, когда октябрьская всеобщая стачка вырвала у самодержавного правительства пресловутый манифест о «незыблемых началах» гражданских свобод, в том числе и свободы союзов. М. Томский свои «Очерки по истории профессионального движения в России» и начинает формулировкой той мысли, что профессиональное движение в России «рождено революцией 1905 г.». Не менее категорически формулирует это положение и новейший исследователь профессионального движения в эпоху первой революции, С. Айнзафт. «1905 год, — говорит он, — нужно считать годом возникновения профессионального движения в России» [3]).

Аналогичные цитаты можно было бы привести и из других авторов, но и приведенного вполне достаточно для установления общности мнения по данному вопросу. Тем более, что и в нынешней дискуссии оно не вызывает особых сомнений.

Разногласия намечаются в иной плоскости. Профессиональные союзы создавшиеся в этот период, явились организациями, вооруженными всеми достижениями организационной и боевой тактики, свойственными только современным им западно-европейским профессиональным союзам и выработанными последними лишь в результате довольно длительного исторического развития. Не могли же — говорят — такие союзы возникнуть на совершенно чистом месте, не будучи подготовлены всем прошлым рабочего движения в России. К тому же, ведь экономическая борьба рабочих началась в России задолго до революции, ведь развитие ее неизбежно должно было отливаться в те или иные организационные формы, подготовившие почву для создания вполне оформленных профессиональных союзов. Вот развитие создаваемых таким образом организаций и должно было явиться теми, как ныне выражаются, «истоками», из которых развилось широкое движение 1905 — 06 г.г.

Таков основной момент разногласий. Но на этом дело не кончается. Если верно, что дореволюционная Россия знала организации, развитие которых привело к современным профессиональным союзам, то каковы же были эти организации? Были ли это те легальные общества и кассы взаимопомощи, существование которых единственно допускалось в старой России? Или к таким «истокам» должны быть отнесены те боевые «кассы борьбы», «кассы сопротивления» и т. п. нелегальные организа-

---

1) В. Гриневич. „Профессиональное движение рабочих в России" М. 1922 г. стр. 22.

2) Там-же, стр. 29.

3) С. Айнзафт. „Первый этап российского профдвижения". „Вестник Труда" за 1923 г., кн. № 1, стр. 130.

ции, которые возникали в процессе непосредственной борьбы труда с капиталом?

Наконец, начиная с какого периода мы можем искать эти «истоки» движения? Где кроется начало их: в волнениях ли рабочих посессионных, вотчинных и т. п. фабрик дореформенной России или необходимым условием для их появления была наличность массы «свободных» рабочих, которая была создана уничтожением в 1861 г. крепостного права?

Попробуем разобраться в этих вопросах. Но прежде всего остановимся на самой постановке их.

В «Нищете философии», Маркс, опираясь главным образом на данные истории рабочего движения в стране классического развития капитализма — в Англии, дает такой анализ процесса зарождения и развития профессиональных союзов и их исторического значения.

Развитие капиталистических отношений способствует экспроприации значительной части населения и превращает ее в массу пролетариев, лишенных орудий и средств производства и вынужденных существовать продажей своей рабочей силы. Рост крупной промышленности приводит к скоплению значительных масс их в отдельных предприятиях. «Конкуренция — продолжает он, — раз'единяет их интересы. Но охрана заработной платы от падения—этот общий им всем, и противоположный хозяйскому интерес — соединяет рабочих на одной и той же мысли сопротивления — к о а л и ц и и (курсив автора)» [1]). Из этих частных коалиций в Англии и вырастают профессиональные союзы, «которые служат оплотом рабочих в их борьбе с предпринимателями» [2]). Таким образом, профессиональные союзы возникают на почве стремления рабочих уничтожить или, по крайней мере, ослабить конкуренцию между собой, чтобы общими силами бороться против капитала за заработную плату и рабочий день.

Но значение союзов этим не исчерпывается. Они играют исключительную роль в деле оформления массы наемных рабочих в общественный класс. «Господство капитала — говорит Маркс — создало для этой массы (рабочих, Р. Я.) одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, по отношению к капиталу масса уже является классом, но сама для себя она еще не класс. В борьбе (с капиталистами предпринимателями, Р. Я.) ... сплоченная масса вырабатывается в класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами» [3]).

Таким образом, делает он вывод в своей другой работе: «профессиональные союзы рабочих незаметно для самих себя сделались цент-

---

[1]) К. Маркс: „Нищета философии". П. 1920 г. стр. 134.
[2]) Там же.
[3]) Там же стр. 135.

рами организации рабочего класса, подобно тому, как средневековые городские общины были центрами организации для буржуазии»[1]).

Итак, обострение классовых противоречий на почве экономической борьбы труда с капиталом вызывает, по концепции Маркса, процесс превращения распыленной массы наемных рабочих в общественный класс, а орудием этого процесса являются профессиональные союзы.

Такова схема и, только исходя из нее, основывая свое исследование на анализе процесса развития рабочего класса в данной стране, мы сможем изучить и понять развитие в ней профессионального движения. Но именно — исходя из конкретных условий развития рабочего класса в данной стране, а не из одной голой схемы. Если мы в основу нашего изучения развития русского рабочего движения положим условия хозяйственного развития Англии, то мы только затуманим вопрос, создадим совершенно искаженную перспективу и, вместо выяснения конкретных форм развития русского профессионального движения, создадим одни голые абстракции, которые, быть может, и будут свидетельствовать о наших «теоретических» способностях, но никому ничего не дадут в познании «сущего». Ибо самые условия развития капитализма в России весьма отличаются от классического развития его в Англии. Так например, уже самый характер образования основных кадров фабричных рабочих в России коренным образом отличается от западно-европейского вообще. «Западно-европейские мануфактуры — говорит Туган-Барановский, — возникли на развалинах ремесла; они получили прекрасных обученных рабочих из бывших ремесленников, в которых цеховая организация развила почти артистическое отношение к своей работе. Наши мануфактуры возникли при совершенно иных условиях. Не только обученных, искусных рабочих получить было неоткуда, но даже и необученных рабочих доставать было крайне трудно»[2]). Русской крупной промышленности пришлось в результате этого прибегнуть к применению принудительного труда крепостных крестьян и в течение долгого времени им пользоваться. И в дальнейшем условия промышленного развития в Росси своеобразно влияют на характер развития рабочего класса и рабочего движения, что вызывает в свою очередь и особые условия для оформления профессионального движения. Но об этом дальше...

Об этом забывает один из участников дискуссии. В своем докладе «об истоках профессионального движения в России», В. Яроцкий, например, так ставит вопрос:

В самом институте зарождения вольнонаемного труда в конце XVIII и начале XIX столетия заложены те элементы, которые об'ективно создают возможность зарождения коалиций, но каолиций не обладающих

---

[1]) Написанная Марксом „Записка Общего Совета Интернационала Женевскому конгрессу 1866 г. о профессиональных союзах рабочих. (Цитирую по Иекку: „Интернационал". СПБ 1906 г. стр. 59).

[2]) Н. Туган-Барановский. „Русская фабрика", М. 1922 г. стр. 25.

еще четкими классовыми формами, т. к., с одной стороны, процесс развития рабочего класса еще только-только начинается и, с другой, эти коалиции охватывают собой лишь высококвалифицированных рабочих, цепко привязанных к капиталистическому или полукапиталистическому предприятию. Отсюда он и выводит зарождение в России в конце XVIII и начале XIX в. профессионального движения в виде касс взаимопомощи [1]). «Вообще — говорит он, — можно отметить полный параллелизм между характером движения в России и любой иной стране. Во всех странах нет резкого противоречия между типами движения в начальный период. Всюду процесс зарождения рабочего класса протекает примерно одинаково» [2]).

Насколько такая постановка вопроса навеяна исключительно абстрактными соображениями, совершенно не основанными на фактических данных из истории именно русского рабочего класса, ясно видно хотя бы из такого факта: если не считать основанных во второе десятилетие XIX века нескольких касс печатников на западных окраинах, отличавшихся в этот период особым характером своего хозяйственного развития, то до отмены крепостного права мы знаем об основании всего лишь трех касс все тех же печатников, (в Питере) в 1838, 1851 и 1854 г.г. [3]). Причем из этих касс первая («немецкая») была основана исключительно иностранными рабочими, которые черпали сознание

---

[1]) Между прочим, любопытно отметить следующее обстоятельство: В. Я. Яроцкий думает, что его мысль о зарождении „истоков" профессионального движения в России в начале XIX в. является признанной со стороны ряда авторов, писавших по данному вопросу. Так, в своей статье о „задачах изучения российского профессионального движения", помещенной в 1-м сборнике настоящих „Материалов", он пишет: „Гриневич считает возможным начать летоисчисление российского профессионального движения с двадцатых—тридцатых годов прошлого столетия, с момента возникновения некоторых касс взаимопомощи. В этом отношении он солидарен с Прокоповичем, который истоки рабочего движения вообще относит к тому же сроку в своей работе. „К рабочему движению в России". („Материалы", сборник 1-й, стр. 14).

К сожалению мы должы несколько разочаровать автора в этом отношении: ни Гриневич, ни Прокопович так вопроса не ставят. Относительно позиции Гриневича автор, пожалуй, и не будет очень упорствовать. Уж больно это как то некругло выходит: „Гриневич считает возможным начать летоисчисление российского профессионального движения... с момента возникновения некоторых касс взаимопомощи", которых он (пусть и ошибочно по мнению В. Яроцкого)... не считает профессиональными организациями. Несколько сложнее в этом отношении с Прокоповичем, который, согласно со своей „Освобожденческой" идеологией, считает кассы взаимопомощи чрезвычайно важной для пролетариата организацией и поэтому поневоле забирается вместе с ними в 20—30 г. г. Однако и Прокопович, там, где он пытается делать известные обобщения формулирует свою позицию вполне определенно. „Даже в конце 60-х г. г.—пишет он—Россия почти не знала стачек... *Стачка рабочих как естественное следствие капиталистических отношений производства, была совершенно чужда господствующему кругу идей". (К раб. вопр. в России, стр. 47).* Если сопоставить это с его утверждением, что *„с развитием капитализма начало благотворительности уступает место началу взаимопомощи* (рабочих. Р. Я.)" пожалуй, придется сделать вывод, что Прокопович, далеко не так... категоричен в отнесении „истоков" рабочего движения к началу XIX. в.

[2]) См. помещенную в этом сборнике стенограмму дискуссии.

[3]) С. Прокопович, цитир. сочин., стр. 8—9.

своих интересов во всяком случае не из опыта движения русского рабочего класса. Но об этом дальше...

Вообще, было бы черезчур примитивно представлять себе дело так, что определенная степень хозяйственного развития во всех странах приводит к проявлению общественных явлений в одних и тех же формах. Экономика создает лишь ту базу, на основе которой формируется общественная жизнь. Особые же исторические и политические условия развития каждой страны в значительной степени варьируют те формы, в которых проявляются вызванные экономическим развитием в ней общественные явления. Если это верно вообще, то не в меньшей степени это верно и по отношению к профессиональному движению. На развитие его огромный отпечаток накладывает и та социально-политическая обстановка, в условиях которой оно протекает в каждой данной стране. Так, например, по отношению к зарождению германского профессионального движения, Бебель еще в 90-х г.г. отмечал, что оно возникает при совершенно иных политических условиях, чем английское, и что в результате этого ее развитие идет иным порядком. «Английские профессиональные организации,—говорит он,—возникли из классовой борьбы английских рабочих с предпринимателями. У их колыбели не было политической партии, которая бы им оказала акушерскую помощь и которая взяла бы их потом под свое покровительство. Иначе дело обстояло в Германии» [1]), где именно политическая партия пролетариата играла огромную роль в зарождении и развитии профессионального движения, что в очень сильной степени отразилось и на характере движения, и на ходе его развития. В истории же российского профессионального движения эти условия играли огромную, можно сказать, преобладающую роль.

В самом деле, посмотрим каковы были те основные политические моменты, которые определяли собой обстановку для развития в России профессиональных союзов. В дореволюционной России самодержавная власть, тяжелой пятой давившая всякое проявление общественной самодеятельности, даже со стороны т. н. привиллегированных классов, естественно не допускала и мысли о возможности организации союзов рабочих для борьбы с предпринимателями за свои интересы. Даже такие безобидные организации, как кассы взаимопомощи, встречали на своем пути бесконечные прижимки и репрессии со стороны агентов власти [2]). В таких условиях, об'ективная тенденция к образованию профессиональных рабочих организаций сталкивалась с не менее об'ективным

---

[1]) А. Бебель. „Профессиональное движение и политические партии". П. 1917 г. стр. 8.

[2]) В „Материалах об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу" (СПБ 1907 г. стр. 23, примечание) мы читаем след. характерное сообщение: „В 80-х годах СПБ. металлисты затеяли общество взаимопомощи. Инициатива исходила из Семянниковского завода. Градоначальник Грессер сам посоветавал собрать под прошением побольше подписей, а затем всех подписавшихся выслал из Питера".

фактом — отсутствием для этого малейших легальных возможностей и яростным преследованием всяких попыток в этом направлении со стороны царской власти. В результате — о мало-мальски широких профессиональных рабочих организациях не могло и итти речи.

Наступает революция 1905 г., в которой рабочий класс играет роль активного авангарда, устои власти колеблются и обстановка резко меняется. Начинается бурный рост массового профессионального движения, которое с лихорадочной быстротой проходит через процесс своего оформления.

И здесь два основных политических момента накладывают свой незгладимый отпечаток на характер и темп организации профессионального движения. Прежде всего, у колыбели его в России не в меньшей степени, чем в Германии стоит политическая партия пролетариата. «Российская социал-демократия — читаем мы в № 9 «Проф. Вестника», — может по справедливости считаться родоначальницей русского профессионального движения» [1]). В. Святловский называет профессиональное движение «воспринятым и вскормленным детищем социал-демократии» [2]). Этот факт встречает полное признание и со стороны враждебной силы — полиции. «Начало возникновения означенных (профессиональных) союзов — говорит циркуляр департамента полиции от 10 мая 1907 г. — было положено еще в 1905 г. «российскою социал-демократическою рабочею партиею» [3]). Факт этот важен не только в том отношении, что влияние партии сказалось в боевом классовом характере русского профессионального движения. Социал-демократия сыграла еще огромную роль в качестве того проводника, по которому русские профессиональные союзы могли зарядиться опытом, накопленным к этому моменту западно-европейским профессиональным движением. Русским союзам не нужно было с самого начала проходить все фазы оформления своей организации и тактики. Взяв наиболее законченные формы у западно-европейских союзов, которые к этому моменту уже насчитывали и несколько десятилетий своего развития, и являлись колоссальной массовой организацией, охватывающей свыше трех миллионов организованных членов [4]), они уже по одному этому (значительную роль сыграла и достигнутая уже к этому времени высокая степень концентрации промышленного капитала в России, требовавшая создания крупных производственных союзов) могли сразу принять те относительно высокие формы организации, в которых мы встречаем союзы уже на первых ступенях их существования после 1905 г.

---

[1]) Цитирую по кн. Е. Лозинского: „Итоги и перспективы рабочего движения на Западе и в России" СПБ 1909 г. стр. 209—примечание. (Курсив у Лозинского).

[2]) В. Святловский, цитир. сочин. Стр. 377.

[3]) Там же, стр. 364.

[4]) См. „Международное профессиональное движение 1903—1904 г. г.—Отчет международн. секретариата профес. союзов". Пер. под ред. Н. Рязанова. СПБ. 1907 г.

Но и этого мало. Огромную роль в этом отношении сыграл самый факт революции. Подняв и всколыхнув широкие массы пролетариата, втянув их в стремительный круговорот своего бега, она с исключительной силой должна была ускорять процесс роста его самосознания и самоорганизации, давая возможность в короткий срок пройти такой этап развития, который при иных, «нормальных», условиях потребовал бы целых десятилетий. Недаром Энгельс писал, что «эпохи подобных мощных потрясений двигают нацию за пятилетний промежуток времени дальше, чем при обычных условиях она ушла бы в течение целого столетия»[1]). Образовавшиеся под влиянием происходивших забастовок текучие об'единения через депутатов быстро оформляются в вполне законченные профессиональные союзы. Во многих случаях забастовки непосредственно приводят к образованию союзов: рабочая масса уже не удовлетворяясь наспех созданной для проведения стачки организацией, сразу превращает ее в оформленный профессиональный союз и т. д., и т. п.[2]). Такая быстрота профессионального строительства может быть об'яснена только фактом происходившей революции.

И поэтому, если мы действительно хотим проследить те «истоки», развитие которых привело к массовому профессиональному движению в период первой революции, т.-е. изучить роль и значение тех общественных явлений, которые подготовили и обусловили собой профессиональное движение этого периода, то мы не сможем пройти мимо и российской социал-демократии, и западно-европейского профессионального движения, и, наконец, мимо самой революции 1905 г. и не выяснить в какой степени и в какой форме они подготовили русский пролетариат к строительству широких массовых и боевых профессиональных союзов европейского типа. Наша задача должна быть гораздо более скромной. Поскольку и до периода массового профессионального движения в России мы присутствуем при попытках рабочих масс создать те или иные, более или менее длительные, об'единения для ведения борьбы против капиталистов, поскольку и история развития профессионального движения в России имеет свой «до-исторический» период — постольку мы должны проследить как капиталистическое развитие и рост пролетариата приводят к попыткам создания профессиональных организаций и исследовать те формы, в которых эти организации отливаются. Иными словами, мы должны заняться не исследованием «истоков» профессионального движения в России, а изучить зарождение в ней в связи с ростом рабочего класса профессиональных рабочих организаций.

Но раньше, чем перейти к этому изучению, мы должны отдать себе ясный отчет в том, какими признаками мы должны будем руководиться

---

[1]) Ф. Энгельс. „ Революция и контр-революция в Германии".—Маркс и Энгельс. Собрание сочинений. Т. III, стр. 226.

[2]) См. В. Гриневич, цитир. сочин. стр. 32—34. П. Колокольников. „Профессиональное движение в России". 1917 г., стр. 5—6.

при определении той или иной организации рабочих как, хотя бы, зачаточной, первичной формы профессионального союза. В самом деле, что нужно понимать под терминами: «профессиональный союз», «профессиональное движение»? Ответить в основных чертах на этот вопрос тем более необходимо, что и в него В. Яроцкий вносит ряд положений, которые, по нашему мнению, лишают самую постановку вопроса необходимой четкости.

«Является ли профессиональный союз каким мы его знаем, т.-е. в его развитом законченном виде, — единственной формой профессионального движения? — ставит он вопрос в одной из своих статей и отвечает на него отрицательно. «Истоки движения — по его мнению — необходимо искать в таких об'единениях, которые по существу дела и не могут обладать четкими функциями, еще не дифференцировались». И — несколькими строками раньше — «ведь в начальные стадии рабочего движения ни у одной организации нет четкости функции и задач». Переходя затем к «истокам» русского профессионального движения, он продолжает: «Ни организационный принцип, ни цели и задачи не могут как мы видели ... быть руководящим началом, критерием при решении вопроса о том, из общества ли взаимопомощи или из других об'единений выросли профессиональные союзы» [1]) (курсив всюду автора). А в своем докладе об истоках профессионального движения он полемизирует против того положения Гриневича, что необходимым элементом всякой организации паемных рабочих, которая может претендовать на роль хотя бы зачатка профессионального союза, должна быть наличность ведения борьбы за улучшение условий труда.

Что же, по мнению В. Яроцкого, должно дать ответ на вопрос о том, какие организации явились истоками профессионального движения? Ясного ответа на это у него мы, увы, не получим. В уже цитированной статье он говорит: «Что же в таком случае должно дать нам ответ на вопрос об истоках? Конечно, только исторические факты, гово-

---

[1]) В. Яроцкий. „По поводу книги Айнзафта." „Призыв" кн. № 3, стр. 218. Между прочим, в своих поисках „истоков" профессионального движения, в лице „недифференцированных" организаций, автор натыкается на необходимость открыть такую „Америку": „Что собой представлял Всеобщий Рабочий Союз, основанный Лассалем. Политическую партию? Или профессиональный союз? Или культурно-просветительное об'единение? Или кооперативное об'единение? Если кто либо ответит определенно на этот вопрос—он произведет переворот в представлениях о „Всеобщем Рабочем Союзе".

Позволим себе заметить, что и в данном случае „открывать Америки" не приходится, ибо она уже давно открыта. Вот что по этому поводу заявляет такой авторитетный „Колумб", как Меринг, говоря о создании Союза Лассалем, он пишет: „дело шло... об основании социалистической партии, которая должна была едино мыслить и сообща наносить удары, которая имела своей задачей с возможно большей быстротой бросать на арену политической борьбы прочно организованные массы рабочего люда" (Меринг. „История Германской социал-демократии". Т. II. М. 1921 г., стр. 75). Или в другом месте: „Швейцер (вождь Союза после смерти Лассаля. Р. Я.) хотел сохранить Союз как социал-демократическую партию". (Там-же, стр. 175).

рящие о непосредственном перерождении той или иной организации в профессиональный союз (курсив автора) в ходе своего исторического развития». А в докладе он уже считает, что «путь изучения движения 1905 г. и изыскания непосредственной организационной и всякой иной преемственности между образованиями 1905 г. и образованиями в области организации рабочих в предшествующий период... связан с чрезвычайно большими опасностями для историка». Здесь уже единственным критерием является то обстоятельство, что та или иная организация по мнению автора содействует оформлению рабочего класса как «класса в себе». Но чем? Какими методами? В какой форме противупоставления класса рабочих классу предпринимателей? Все это остается тайной автора. Он здесь совершенно забывает о том, что именно «в борьбе (с предпринимателями-капиталистами. Р. Я.)... сплоченная масса превращается в класс для себя» [1]) и что именно задача профессиональных союзов заменить в области руководства этой борьбой существовавшие ранее частные коалиции [2]).

Не говоря уже о Марксе и его школе, даже такие умеренные фабианцы, как Веббы, считают, что признаком профессионального союза является деятельность, направленная на борьбу за заработную плату. В первом издании своей «Истории тред-юнионизма» они говорят о том, что «тред-юнион... является длительной организацией наемных рабочих, создающейся с целью поддержания или улучшения условий их найма». Пускай эта формулировка и избегает таких резких выражений, как «борьба», но смысл ее остается в сущности тем же. И если во втором издании работы они несколько меняют ее, то лишь в том направлении, которое оттеняет, что тред-юнионы в процессе своего развития боролись не только за заработную плату, но и против самой системы заработной платы.

И поэтому, когда мы хотим определить те организации рабочих, которые являлись в процессе развития русского рабочего класса организациями типа профессиональных союзов, хотя бы в их первичной зачаточной форме, мы должны исходить из того положения, что понятия профессионального союза и профессионального движения, как свой родовой признак, предусматривают ведение борьбы с предпринимателями за заработную плату. Профессиональный союз есть длительная организация рабочих, возникающая на почве стремления их к организованной борьбе с предпринимателями в деле установления условий их труда и заработной платы и, в своем дальнейшем развитии, приходящая

---

[1]) См. уже приведенную цитату из „Нищеты философии."

[2]) Вообще говоря, такая постановка вопроса у В. Яроцкого вытекает из того определения сущности профессионального движения, которые он дал в своей „Истории, теории и практике профессионального движения". Но останавливаться здесь на критике его определения мы не могли, т. к. это увело бы нас слишком далеко и увеличило бы размеры и так черезчур разросшейся статьи.

к борьбе против самой системы заработной платы. Профессиональное движение — есть совокупность организованного движения рабочих, направленного на эти же цели.

Исходя из этих положений, мы и попытаемся проследить момент зарождения профессиональных организаций в процессе развития русского рабочего класса, и наметить основные фазы их развития.

* * *

Крупная промышленность возникла в России во времена Петра Великого и постепенно развивалась в течении всего XVIII в., но развитие это не сопровождалось параллельным развитием рабочего класса. Почти полное отсутствие в социально-экономической структуре страны «свободного» труда на первых же порах принуждает промышленность стать на путь применения принудительного труда крепостных и приписных [1]) крестьян и русская фабрика XVIII в.—фабрика не капиталистическая, а вотчинная или поссессионная. Только с конца XVIII в. начинается, под влиянием невыгодности и малой производительности принудительного труда, рост применения труда т. н. «вольнонаемных» рабочих. Так, по данным М. Балабанова [2]), количество вольнонаемных рабочих составляет в 1804 г. 45.625 чел., или 47.9% от всего числа фабричных рабочих, а в 1825 г. уже 114.515 ч. или 54.3%.

При этом, однако, необходимо отметить, что посчитанный % от общего числа рабочих безусловно преувеличен. Очевидно в подсчет общего числа рабочих не входили рабочие горных и металлургических заводов, которые особенно на Урале были основаны, главным образом, на труде приписных крестьян. Это можно видеть хотя бы из данных, приводимых Туган-Барановским: в 1804 г. он насчитывает в графе «стальные, игольные и железные фабрики» всего 26 фабр. с 4.121 раб., а в 1825 г. — 170 фабр. с 22.440 раб. [3]).

Но и «вольнонаемные» рабочие по своему положению мало чем отличались от крепостных. В своей значительной части они и являлись помещичьими крепостными, отпускаемыми своими господами на оброк для работы на фабриках. К тому же условия их найма создавали кабальную зависимость их от фабрикантов. Создававшиеся между ними

---

[1]) Отсутствие свободных рабочих побудило Петра издать 18 января 1721 г. указ о разрешении купцам, не имевшим права владеть крепостными, прикупать к своим фабрикам крестьян, „под такою кондицией, дабы те деревни были уже при тех заводах неотлучно". В дальнейшем правительство очень часто просто приписывало к отдельным заводам и фабрикам казенных крестьян, из которых и должны были набираться рабочие для заводов. Такие рабочие и назывались приписными или посессионными.

[2]) М. Балабанов. „Очерки по истории рабочего класса в России". К. 1923 г. стр. 68.

[3]) М. Туган-Барановский, цитир. сочин., стр. 70 и 73. Уже когда статья была набрана, мы нашли у В. Невского („Очерки по истории Р. К. П.") сведения о том, что в 1794—96 г.г. к горным заводам было приписано 312.218 крестьян-мужчин. Какое число из них работало на заводах постоянно,—неизвестно, однако совершенно ясно, что включение последних в общее число промышленных рабочих коренным образом изменит соотношение между вольнонаемным и принудительным трудом.

и предпринимателями экономические взаимоотношения в очень сильной степени походили на те, которые существовали между помещиком и его крепостными. Большую роль в их заработке играли всякого рода натуральные выдачи. Так в наиболее промышленно развитом Московском центральном районе, по данным Туган-Барановского, «в большинстве фабрик к денежной оплате присоединялась еще натуральная. Так, напр., на фабрике князя Барятинского, как на многих других, рабочие имели свои дома, неспособные к работе получали содержание от владельца, все подати платились владельцем. На Большой Ярославской мануфактуре отпускалась ржаная и пшеничная мука по ценам значительно низшим против рыночных, выдавалось содержание старикам и детям, отпускались в рассрочку дрова по покупной цене и пр.» [1]). В других районах взаимоотношения носили еще более натуральный характер. «Так в железной промышленности Киевской и Волынской губ. в 1854 г. проф. Бунге насчитывал шесть различных способов вознаграждения за работу, главным образом, вольнонаемных рабочих: 1) выдачу одного только поземельного надела, 2) выдачу поземельного надела и поденной платы, 3) выдачу поземельного надела и сдельной платы, 4) поденную плату, 5) вознаграждение натурой (железом), 6) даются огороды, жилье и плата натурой (курсив всюду наш)» [2]).

В таких условиях вполне естественно, что «фабрично-заводские рабочие были теми же крестьянами, только перенесенными на фабрики и заводы» [3]). И происходившие в дореформенной России волнения фабрично-заводских рабочих если чем и отличались от волнений крепостных крестьян, то эти отличия определялись почти исключительно различием производственной обстановки, а не социальным характером самих выступлений. В этом отношении характерно, что литература вопроса почти не может зафиксировать случаев волнения вольнонаемных рабочих. Туган-Барановский, который склонен подчеркивать именно рабочий характер волнений на дореформенной фабрике, оперирует материалом о волнениях на 27 исключительно посессионных фабриках. М. Балабанов дает описание шести волнений в XVIII в. и одиннадцати — в первой половине XIX в., из которых только в одном случае неизвестно о волнении каких рабочих идет речь, во всех же прочих случаях мы имеем дело с волнениями посессионных или вотчинных рабочих. Наконец, из описываемых Пажитновым по данным архива 3-го отделения, 12 случаев волнений рабочих в первой половине XIX в., только в двух из них мы имеем дело с волнениями вольнонаемных рабочих, и то не фабрично-заводских, а приисковых [4]). О волнениях вольно-

---

[1]) „Русская фабрика", стр. 146.

[2]) М. Балабанов, цитир. сочин., стр. 108.

[3]) Там же, стр. 114.

[4]) К. Пажитнов. „Волнения среди фабрично-заводских рабочих (с 1824 по 1860 г.). „Архив истории труда в России", кн. 1-ая и 2-ая.

наемных фабрично-заводских рабочих мы имеем в литературе указание только на один случай, происшедший в 1844 г. на Вознесенской хлопчатобумажной мануфактуре [1]).

В своих выступлениях рабочие применяли способы борьбы, весьма общие с крестьянскими. Они жаловались начальству, посылали «ходоков» к царю, восставали с оружием в руках и, если и бастовали во многих случаях, то, пожалуй, их забастовки очень мало чем отличались от отказа крепостных выходить на барщину. Во многих случаях, эти волнения на одном и том же заводе продолжались в течении многих лет. Так, например, на заводах кн. Репнина в нынешней Тамбовской губ. рабочие в течении 15 лет не переставали протестовать против притеснений со стороны владельца, посылая ходоков с жалобами, сначала к местным властям, а потом и к царю, пока не добились от последнего желательного им перехода заводов в казну [2]). На фабрике Яковлевых в Ярославле рабочие в течении 21 года (с 1803 по 1824 г.) добиваются от власти вмешательства с целью улучшить их положение. Они три раза (в 1804, 1806 — 1823 г.г.) подают жалобы на фабриканта царю и неоднократно всяким губернским властям, пока не добиваются удовлетворения своих требований [3]). И таких случаев было много.

Любопытно, что в волнениях посессионных рабочих очень часто большую роль играют требования забрать заводы от посессионера в казну, что в их представлении связывалось с освобождением от кабалы владельца. По мере же приближения к 1861 г. в волнениях рабочих, в полном созвучии с крестьянскими волнениями, все чаще встречается требование отмены крепостного права.

В этот период масса фабрично-заводских рабочих в главной своей части создается не в результате роста капиталистических отношений, превращающих их в «свободных» пролетариев. На фабрики и заводы их гонит не экономическая необходимость, а принудительная сила крепостного права. Отношения между ними и фабрикантами — не отношения между двумя социальными группами, которых экономическое развитие вынуждает вступить между собою в определенные хозяйственные отношения, связанные неразрывно с противоречием их интересов между собой, а отношения между рабом и господином, построенные на принудительной власти юридического закона [4]). Для развития класса «свободных» рабочих даже как «класса в себе» еще отсутствуют необходимые условия.

---

[1]) Л. Мартов. „Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России". П. М. 1923 г., стр. 5.

[2]) М. Балабанов, цитир. сочин., стр. 145—146.

[3]) М. Туган-Барановский, цитир. сочин., стр. 114—117.

[4]) Насколько в связанности рабочих с фабрикой превалировал правовой а не экономической фактор, показывает массовый уход после отмены крепостного права уральских заводских рабочих из производства, приведший к сильному сокращению производства чугуна в России, в течение 60-х г.г.

Тем более не приходится в этот период говорить о формировании рабочего «класса для себя». Для организации профессиональных союзов, хотя бы в их первичной зачаточной форме, нет еще необходимых условий. Если в Англии мы встречаемся с первичными профессиональными организациями еще задолго до промышленного переворота XVIII в., вполне оформившего процесс образования рабочего «класса в себе», то это об'яснялось специфическими условиями ее хозяйственного развития. Как уже отмечено выше, английская мануфактура создавалась на почве разрушаемого капиталистическими отношениями ремесла. Но еще до эпохи промышленного капитализма, торговый капитал воздействовал на ремесленное производство в смысле проникновения в него капиталистических отношений в форме ли создания т. н. «домашней» промышленности, или в виде создания все большей хозяйственной разницы в положении мастеров и подмастерьев — безразлично. Это и приводило к оформлению первых профессиональных организаций английских ремесленных рабочих.

Не то было в России. Здесь не было развитого ремесла. Здесь огромная подавляющая масса рабочих рекрутировалась из крепостного крестьянства и лишь освобождение его в 1861 г., не только от крепостной зависимости, но и от земли, создает возможность процесса образования рабочего класса.

Но как же все-таки обстояло с теми тремя кассами, о которых мы говорили выше? На этот вопрос может быть дан только один ответ.

Форма организации взаимопомощи присуща не только одним рабочим; ее знают и организации всякого рода ремесленников, всяких мелких хозяйчиков и, вообще, мелких буржуа. Вообще, организация взаимопомощи, как таковая, представляет собой кооперативную, а не профессиональную организацию, — т.-е. организацию, основанную не на необходимости обслуживать потребности данной социальной группы в ее борьбе за раздел национального дохода, а на желании оказывать помощь каждому отдельному индивиду в тех случаях, когда он попадает в тяжелое экономическое положение. Но рабочая касса взаимопомощи может стать эмбрионом профессиональной организации, если она будет обслуживать специфические потребности своих членов, как наемных рабочих, в области регулирования предложения труда и в своем дальнейшем развитии придет к вмешательству в дело установления заработной платы.

Что же мы имеем в данном отношении в перечисленных кассах? Первая касса, основанная в 1838 г., т. н. «немецкая», в своем уставе предусматривает, наряду с функциями всякой организации взаимопомощи, даже и не рабочей, также и выдачу дорожных пособий. Иными словами, она пытается вмешаться в область рынка труда с целью смягчить конкуренцию между рабочими. Итак, перед нами зародыш профессионального союза!?

Но подождем немножко делать выводы. Посмотрим, к чему приведет дальнейшее развитие этой кассы.

И что же оказывается? Как только касса в 1880 г. сталкивается с дефицитом, она в первую очередь отменяет выдачу дорожного пособия, сохраняя почти в том же размере все прочие виды помощи [1]). О вмешательстве кассы в область установления заработной платы мы вообще ничего не услышим.

Вывод может быть сделан только один. Очевидно, дорожное пособие было перенесено в устав кассы просто механически из уставов западно-европейских касс (не даром ее основателями были «немцы»), а в условиях российских оно оказалось мало существенным. Вряд ли, в таком случае, можно видеть в этой кассе проявление оформления русского рабочего класса в «класс для себя».

Основанная в 1851 г. «Вспомогательная касса при типографии императорской академии наук» представляла собой организацию, средства которой составлялись из взносов как рабочих, так и самой типографии. Помощь ею оказывалась только в случаях болезни и инвалидности своих членов, и при смерти члена — его вдове и сиротам. Касса эта таким образом ни в малейшей степени не являлась профессиональной организацией, а была чем то средним между страховой и пенсионной кассой служащих одного учреждения.

Наконец, идет «Вспомогательная касса с.-петербургских типографщиков», основанная в 1854 г. Устав ее был очень похож на устав «немецкой» кассы и тоже предусматривал выдачу дорожных пособий. Но, насколько и эта касса не являлась первичной формой будущего профессионального союза, видно хотя бы из того факта, что, когда в 1905 г. в Питере был основан союз печатников, он не только ничего общего не имел с ней, но даже ее бойкотировал [2]).

Мы нарочно так подробно остановились на этих трех кассах, так как они и только они дали возможность некоторым исследователям, вопреки общеизвестной истине, что «одна ласточка весны не делает» искать «истоки» профессионального движения еще в дореформенной России.

* * *

Отмена 19 февраля 1861 г. крепостного права, создала, наконец, все необходимые предпосылки для развития капиталистического хозяйства в России. Реформа была проведена так, что она прежде всего обеспечивала одно из необходимых условий его — наличность массы «свободных» пролетариев, не имеющих ничего кроме своей рабочей силы.

---

[1]) Все данные о кассах печатников в Петербурге мы берем из уже цитированной книги С. Прокоповича (стр. 8–9).

[2]) В. Святловский. „Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих.“— „Архив истории труда в России“, кн. 4-ая, стр. 43.

Крестьяне были освобождены не только от крепостной зависимости, но и от земли.

Из находившихся в руках дворян до 1861 г. 105 мил. дес. земли, освобожденные крестьяне получили всего одну треть (35.6 мил. дес.). Средний земельный надел понизился: до реформы на «душу» приходилось 3,7 дес., а после нее — всего 3,2 дес., причем 47% освобожденных крестьян получили даже меньше 2 дес. на душу. Но, кроме того, часть крестьян была совсем «освобождена» от земли. Число таких составило около 2.600 тыс., или около 11,4% всех крестьян. Если к этому присоединить тех крестьян, которые получили в надел меньше 1 дес., то мы получим, что процент обезземеленных реформой крестьян повысится до 17,4%, т.-е. составит свыше $^1/_6$ всего крестьянства. При этом особенная экспроприация коснулась горно-заводского населения. Так, на горных заводах Пермской губ. свыше 50% населения — на казенных заводах, и более 30% — на частных, получили менее 1 дес. на душу [1]).

Этот процесс пролетаризации, которому был дан такой толчок, при уничтожении крепостного права, в дальнейшем непрерывно продолжался, и на протяжении всей истории пореформенной России мы присутствуем при непрерывном росте резервной армии труда, которая, пополняясь все новыми выходцами из деревни, оказывает сильное давление на размеры заработной платы русских рабочих.

И, если в течение первых лет после уничтожения крепостного права, некоторые отрасли промышленности, например, как указано выше, горно-заводская, переживают кризис вследствие ухода освобожденных рабочих в сельское хозяйство, то в общем и целом капиталистическая Россия вступает в полосу своего быстрого развития.

Начался рост банков и акционерных предприятий. Банки с чрезвычайной быстротой расширяли свои операции. Вексельный портфель их, составлявший накануне крестьянской реформы 13½ мил. руб., повысился в 1879 г. до 1.172 мил. руб., а сумма вкладов на текущий счет с 335 мил. руб. (в 1864 — 68 г.г.) до 1.495 мил. руб. (в 1884 — 88 г.г.). Не менее быстро развиваются и основные отрасли промышленности. Добыча угля, составлявшая в 1865 г. 22.3 мил. пуд., в 1890 г. равняется уже 367.2 мил. пуд. Выплавка чугуна с 17 мил. пуд. в 1867 г. подымается в 1897 г. до 114.8 мил. пуд. Вместо 168 хлопчато-бумажных фабрик с 82 тыс. рабочих в 1866 г., в 1894 г. их было 224 с числом рабочих в 234.5 тыс.; количество переработанного хлопка с 2.950 тыс. пуд. (в 1865 г.) подымается до 11.483 тыс. пуд. (1890 г.). Русская ж. д. сеть возрастает с 3.819 километров (в 1865 г.) до 29.063 клм. (в 1890 г.) Наконец, число рабочих в предприятиях, обложенных акцизом в 50 губ. Европейской России составлявшее в 1863 г. 356 тыс. чел., в 1897 г. равняется уже 1.124 тыс.

---

[1]) М. Балабанов. „Очерки по истории рабочего класса в России". ч. II, К. 1924. г., стр. 21, 22 и 33.

Само крестьянское хозяйство теряет свой натуральный характер и вовлекается в область не только внутреннего, но и международного обмена. Уже к концу 60-х г.г. вывоз хлеба составляет 39% всей вывозной торговли против 19,4% крепостного времени. Быстро растет производство всякого рода технических растений, которое по своей сущности предполагает работу на рынок. Наконец, большую роль в крестьянском хозяйстве начинают играть уход на отработки и кустарная промышленность — эта чисто русская форма т. н. «домашней» промышленности. Охват деревни торговым капиталом делает большие успехи [1]).

Этот быстрый рост капиталистических отношений делает свое дело. Процесс образования рабочего «класса в себе», как класса, интересы которого неизбежно вступают в противоречия с интересами капитала, получает свое быстрое развитие, и только теперь мы можем искать в нем те проявления, которые свидетельствуют о процессе образования «класса для себя». Развитие стихийного движения рабочих, начинающееся со второй половины 60-х г.г., дает уже нам соответственный материал.

По подсчетам Л. Мартова [2]), мы имеем следующие данные о размерах стачечного движения:

За период 1865—1877 г.г.	происходило (?)	стачек с числом участников в	20 тыс.
„ „ 1878—1880 г.г.	„ 29	„ „ „	30—35 тыс.
„ „ 1881—1886 г.г.	„ 48	„ „ „	более 80 тыс.

Но это стачечное движение еще стихийно. Оно не выходит за пределы частных коалиции. Наиболее интересны и показательны в этом отношении стачки на Невской бумагопрядильной фабрике в 1870 году, на Кренгольмской мануфактуре в 1872 г. и, особенно, Питерские стачки 1878 — 79 г.г. на Новой бумагопрядильне, на фабрике Шау и на табачных фабриках Мигри и Шапшала. Отсылая интересующихся этими стачками к тем описаниям их, которые имеются в литературе [3]), отметим основные черты этих выступлений. Стачки эти исключительно оборонительные. Они возникают в связи с понижением заработной платы, усилением взыскания штрафов и т. п. Рабочая масса еще не способна к активной борьбе за улучшение своего положения. Она только способна быстро вспыхивать, когда предприниматели стараются еще ухудшить и без того кабальные условия ее существования. Но в этих стачках мы уже находим элемент, который резко отличает их от волнений на дореформенной фабрике. Они представляют собой типичные выступления рабочих, отстаивающих свои интересы в качестве продавцев рабочей силы путем приостановки работ промышленных предприя-

---

[1]) Данные об экономическом развитии России в этот период см. в уже цитир. работах М Балабанова и М. Туган-Барановского. а также у В. Ильина (Ленина) в его работе: „Развитие капитализма в России".

[2]) Л Мартов. „Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России". М.—П. 1923 г., стр. 14, 15 и 19.

[3]) Описание этих стачек см. в уже цитированных работах М. Балабанова и Л. Мартова, а также у Плеханова. (Сочинения, т. I).

тий. Больше того. В стачках 1879 г. на Новой Бумагопрядильне и у Шау мы встречаемся с первым случаем, когда рабочие двух фабрик сговариваются о совместной выработке выставляемых требований.

Любопытно, что этот новый характер выступлений рабочих не ускользнул от внимания власти. Уже в циркуляре по поводу Невской стачки, разосланном 6-го июля 1870 г., министерство внутренних дел заявляет: «Стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики, как явление совершенно новое, до сего времени не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, обратила на себя высочайшее внимание...» [1]).

Интересно отметить, что М. Балабанов считает, что «Северно-русский рабочий союз» возник в связи со стачками начала 1878 г.

Во второй половине 80-х г.г. мы уже присутствуем при новом явлении в до сих пор исключительно стихийном движении рабочих; в него начинают вноситься некоторые элементы организованности. Как бы рубежом в этом отношении является знаменитая Морозовская стачка 1885 года. В ней мы встречаемся с фактом предварительной подготовки выступления. Вожди стачки: Волков, Иванов и Моисеенко, вместе с целой группой наиболее сознательных рабочих, заранее собираются и вырабатывают требования и лишь после этого начинается забастовка. Выработанные ими требования не только предусматривали ряд уступок со стороны Морозова, но и выдвигали мысль о необходимости проведения в порядке законодательной власти ряда положений, регулирующих условия труда в промышленности [2]).

Наступает период, который ясно показывает, что неумолимая логика развития класса и его борьбы требует превращения частных коалиций в более длительные об'единения. И, действительно, русские рабочие «не остановились на частных коалициях, составлявшихся в виду стачки и исчезающих вместе с нею» [3]). С конца 80-х г.г. в самых различных частях России появляются всякого рода стачечные кассы, «кассы борьбы», «кассы сопротивления» и т. п. организации рабочих, которые ставили себе целью организованное проведение стачек. Эти кассы получают особенное развитие в период под'ема стачечного движения 90-х г.г.

Раньше, чем мы перейдем к беглому обзору этих касс и выяснению вопроса, в какой степени мы сможем считать их, согласно нашему определению, «профессиональными рабочими организациями, хотя бы в их зачаточной, первичной форме», мы должны отметить те два момента политической обстановки того времени, которые наложили неизгладимый отпечаток на самый характер их образования и развития.

Прежде всего, само собою разумеется, что с политическим порядком царской России того времени было несовместимо существование органи-

---

[1]) М. Балабанов, цитир. сочин., II, стр. 164.
[2]) О Морозовской забастовке см. указания на литературу, данные в помещенной в этом же сборнике статье М. Раковского.
[3]) К. Маркс. „Нищета философии", стр. 134.

зации рабочих, ставящей себе целью борьбу с предпринимателями за интересы рабочих. Все эти кассы были организациями нелегальными, уже по одному этому не могущими получить большого развития и охватить собой широкие массы рабочих. О возможности развития массового профессионального движения до революции 1905 г. и не приходилось мечтать. Это — с одной стороны. С другой — эти массы стали образовываться в тот момент, когда начатая в 1883 г. «Группой Освобождения Труда» пропаганда социал-демократических идей, стала проникать и в среду рабочих. Сторонники Плеханова и его друзей [1]) — говорит Л. Мартов — «приступили к организации рабочих кружков, к пропаганде идей социал-демократии, хотя бы только среди более развитой части рабочих, вступивших в эти кружки» [2]). И, хотя, по утверждению Мартова, их успех в течение первых лет был ничтожен, уже первая попытка организации рабочих — «Союз петербургских рабочих» в 1886—87 г.г. и сменившее его «групповое собрание представителей заводов» в 1889 г. — была связана с работой социал-демократов. Дальнейшее же развитие стачечных касс неотделимо от деятельности российской социал-демократии.

«Союз петербургских рабочих» был основан рабочими франко-русского завода. Члены его должны были делать взносы, которые предназначались как на пропаганду, так и на помощь стачечникам. Особой деятельности он, однако, проявить не успел, так как еще в 1887 г. был разгромлен полицией. Но уже в 1889 г. с.-д. кружки рабочих Питера об'единяются в одну группу, комитет которой носит название «группового собрания представителей заводов». Касса «собрания» пополнялась, главным образом, за счет взносов самих рабочих и шла в значительной своей части на поддержание стачечников. В этом отношении показательно, что из прошедших в 1891 г. через руки кассира «группы», 1.200 рублей, около 600 руб. было израсходовано на поддержку забастовки, происходившей в карабельной мастерской нового адмиралтейства [3]).

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», образованный в конце 1895 г. под непосредственным влиянием под'ема стачечного движения, представлял собой первую крупную социал-демократическую организацию. «Союз» развернул широкую агитационную деятельность на почве экономического движения, а во время знаменитых забастовок питерских текстилей в 1897 г. принял в них активное участие выпуском всякого рода листовок и прокламаций и даже обратился к обществу с воззванием о материальной поддержке стачечников. Но «Союз» не являлся организацией рабочих; его руководство стачками было исклю-

---

[1]) „Группа Освобождения Труда" была основана Плехановых совместно с В. Засулич, П. Аксельродом и Л. Дейчем.

[2]) Л. Мартов. „История Российской Социал-демократии". М.—П. 1923 г., стр. 14.

[3]) См. В. Святловский, цитир. сочин., стр. 15.

чительно идейным руководством сверху. Однако, наряду с «Союзом», в Питере в то время существовал целый ряд стачечных касс, преимущественно фабричных. «Начавшаяся среди рабочих, — пишет в своих воспоминаниях участник движения того периода — особенно со времени летней стачки 1896 г., организация постоянных стачечных касс не прекратилась. Теперь уже часто приходится слышать, что на той, то на этой фабрике рабочие устроили кассу с целью поставить свое дело на более прочных основаниях ... Образцом этих касс может служить касса, устроенная рабочими на фабрике Кожевникова на Обводном канале. Насколько я знаю, у этой кассы не было никакого притока средств со стороны, так что сравнительно большой ее денежный оборот может быть об'яснен лишь деятельным участием в ней местных рабочих. В описываемое время ее расход был около 300 р. (за несколько месяцев), ее наличность состояла из 100 р. ... ¼ всех сумм шла на стачки...» [1]). Любопытно отметить, что в 1895 г. поднимались разговоры о создании общей (не по отдельным заводам) кассы, но разговоры эти «ни к чему не привели» [2]).

В Москве стачечные кассы образуются в 1895 г. «На маевке, — пишет М. Лядов, — было единогласно принято решение немедленно же приступить к созданию широкой организации ... Относительно касс постановляется, что они должны быть фабричными, а не разделяться по профессиям ... Главная же цель касс должна быть боевая. Они должны доставлять средства на приобретение литературы, на помощь арестованным и потерявшим работу за агитацию, на стачечный фонд, и только остатки от всех этих сумм на оказание поддержки рабочим во всех других случаях» [3]). Таким образом, и в Москве кассы образуются по отдельным фабрикам, но любопытно отметить, что здесь поднимаются уже разговоры и о другой форме организации. При организации касс возникают большие споры о способах их устройства. В то время, как текстили отстаивают принцип организации касс по предприятиям, заводские рабочие (очевидно, металлисты) настаивают на организации профессиональных касс [4]).

В Москве мы сталкиваемся и с устройством, правда, в более поздний период, профессиональной организации. В 1903 г. во время подготовки стачки печатников, которая произошла в октябре этого года, образовалась группа наиболее сознательных рабочих печатников, которая руководила и подготовкой стачки, и ее проведением. После стачки эта группа и образовала организацию под названием: «Союз московских печатников для борьбы за улучшение условий труда».

---

[1]) К. М. Тар. (Тахтарев). „Очерк петербургского рабочего движения в 90-х годах". (Цитирую по уже приведенной работе С. Айзафта").

[2]) Там же.

[3]) Л. Лядов. „История российского социал-демократической партии". Цитирую по помещенной в этом же сборнике статье М. Заяца: „Зачатки профессионального движения текстильщиков Центр. пром. района").

[4]) Там же.

В центральном промышленном районе, кроме Москвы, мы знаем еще об образовании кассы в Иваново-Вознесенске, где она была основана в 1897 г. «Иваново-Вознесенским рабочим союзом», и о т. н. «рабочих кассах» в Костроме. Относительно последнего пункта имеются данные об образовании там касс в 1895, 1897 и 1900 г.г. [1]).

На юге также было много случаев устройства стачечных касс. В Екатеринославе в 1897 г. была образована «Южно-Русским Рабочим Союзом» центральная касса, половина дохода которой предназначалась в стачечный фонд. В Харькове в начале 900-х г.г. существовало несколько профессиональных касс печатников, портных и др. В Одессе мы также встречаемся с организацией профессиональных касс рабочих. Любопытна организация кассы папиросников в 1895 г. Она была образована для подготовки стачки и, к моменту начала последней, в кассе уже было собрано 150 р. Очевидно, такие же стачечные кассы были в Киеве, ибо одесские кассы пользовались уставом, который носил название «Киевского» [2]).

Таким образом, мы видим как, начиная с конца 80-х, и особенно со времени оживления стачечного движения в средине 90-х годов, во всех промышленных центрах: в Питере, в центральном районе и на юге, идет процесс образования рабочих организаций, которые ставят своей целью внесение организованности в стачечную борьбу. При этом обнаруживается очень показательное явление. В то время, как рабочие крупной промышленности строят свои кассы по предприятиям, рабочие ремесленной и полуремесленной промышленности становятся уже на путь образования организаций профессиональных.

И это вполне естественно: рабочие крупных предприятий, уже благодаря самому факту скопления их в большом количестве на одном заводе или фабрике, представляют собой довольно значительную силу для ведения борьбы, в то время как рабочие в мелкой промышленности находятся в ином положении. Благодаря этому, обычно последние раньше вступают на путь создания профессиональных организаций. Так было на Западе, то же самое произошло и у нас.

В этом отношении характерно, что наиболее совершенные формы профессиональной организации мы встречаем среди еврейских рабочих в ремесленной и мелкой промышленности Западного края, где организация профессиональных касс началась значительно раньше, чем в коренной России. «В 1886 — 87 г.г., — пишет А. Лев, — в Вильне уже существовала организация сапожников, которая насчитывала несколько сот рабочих» [3]). «Материалы по истории еврейского рабочего движения» считают, что первой была образована там в 1888 г. стачечная касса чулочниц. Во всяком случае, дело не ограничилось этими профессиями. Были

---

[1]) См. цитированные работы С. Айзафта, В. Гриневича и Л. Мартова.
[2]) См. там же.
[3]) А. Лев. „На заре нашего движения".—Статья, помещенная в 1-м сборнике„ Материалов по истории профес. движения в России", стр. 153.

организованы также кассы у портных, заготовщиков, конвертщиц. В 1895 г. в Вильне уже было организовано 27 профессий с общим количеством членов в 850 чел. За рабочими Вильны идут рабочие и других городов и местечек края. Доклад, представленный Бундом Интернациональному Социалистическому Конгрессу в Париже в 1900 г., считает, что в Белостоке было организовано 20% всех еврейских рабочих, в Вильне — 24%, в Гомеле — почти 40%, в Минске — 35 — 40%. В абсолютных цифрах количество организованных представляло собой: в Двинске — 40 чел., в Белостоке — 1.000, в Вильне — 1.400, в Гомеле — 360, в Минске — около 1.00; кроме того, было организовано 700 кожевников и 800 щетинщиков. Последние составляли 60% всего количества рабочих, занятых в данном производстве [1]).

Но, рабочие этого района не останавливаются на создании местных организаций. В 1894 г. создается союз щетинщиков (Берштер-Бунд), а в 1898 — союз кожевников (Гарбер-Бунд), которые, не удовлетворяясь наличием местных профессиональных организаций, об'единяют в своем составе организованных рабочих данной профессии во всем крае. Мало того, по инициативе Гарбер-Бунда был в 1901 г., совместно с союзами кожевников-поляков, организован Всеобщий Социал - Демократический Союз Кожевников [2]). Правда, последнее начинание оказалось мертворожденным и Федеративный Союз проявил свою деятельность, поскольку нам известно, только одним выпуском Манифеста о своем образовании, но уже самый факт такого начинания показывает как далеко пошел здесь процесс оформления профессионального движения.

Этот относительно далеко зашедший процесс организации экономической борьбы сделал свое дело. По данным цитированного доклада Бунда из 262 стачек, происходивших в течение периода с конца 1897 г. по лето 1900 г. и результат которых был учтен (общее число стачек — 312, с количеством участников в 27.890 чел.), оказалось выигранных стачек — 91,2% и проигранных — 8,8%.

Среди польских рабочих в 90-ые г.г. процесс образования стачечных касс также был довольно интенсивен. Уже в 1890 г. был организован «Союз польских рабочих», который в своей деятельности почти исключительно уделял внимание экономической борьбе. «Союз» организовал в Варшаве, Лодзи и других промышленных центрах Польши целый ряд стачечных касс. По некоторым данным, эти кассы уже в 1892 г. насчитывали 6.000 организованных рабочих [3]).

Этот беглый обзор развития стачечных касс в течение периода с конца 80-х до начала 900 г.г., в котором мы, к сожалению, принуждены были ограничиться лишь одним описанием создававшихся организаций, не затронув чрезвычайно интересного и показательного содер-

---

[1]) „Материалы к истории еврейского рабочего движения".
[2]) См. А. Лев, цитир. статья.
[3]) Л. Мартов. „Развитие промышленности и т. д.", стр. 57—78.

жания экономической борьбы рабочих, дает нам интересный материал для выводов.

«Все эти кассы, — говорит В. Гриневич — являются зачатками профессиональных союзов» [1]). Нам кажется, что это определение не совсем точно. В самом деле, если говорить о зачатке профессионального союза, о том эмбрионе, историческое развитие которого привело к оформлению профессионального союза в полном смысле этого слова, то речь должна итти в первую голову о стачечном комитете — этой первой форме рабочей организованности, которая складывается в экономической борьбе труда с капиталом.

Конечно, стачечная касса не обладает еще всеми теми чертами, которые свойственны развитому профессиональному союзу, но в нем уже заложены те основные свойства, которые гарантируют превращение дитяти в вполне взрослого оформленного человека. Вообще можно констатировать тот факт, что на первых порах существования профессиональных союзов, они везде и всюду являются мало оформленными организациями, не обладающими ни материальной, ни организационной мощью. В этот период первоначального оформления, который переживали организации, создаваемые русским пролетариатом для ведения стачечной борьбы против предпринимателей в течение 90-х и начала 900-х г.г. и при тех социально-политических условиях, в которых им приходилось развиваться, в это время, кассы конечно не могли получить большего развития. Но то обстоятельство, что в их лице мы впервые видим более или менее длительные об'единения, которые ставят себе целью организованное ведение борьбы с предпринимателями за установление условий труда, и которые—по крайней мере в той части, в какой они охватывают рабочих ремесленной и полуремесленной промышленности—организуются по профессиональному признаку, дает нам полное право считать их «профессиональными рабочими организациями в их первичной, — зачаточной форме».

Как сильно в этот период развернулся процесс превращения русского рабочего класса в «класс для себя», показывает история т. н. «зубатовщины». Затеянная правительством с целью уложить экономическое движение русских рабочих в мирное русло взаимопомощи, она ознаменовалась весьма крупными экономическими выступлениями рабочих в Москве, Минске и Одессе, а наследовавшее ей гапоновское движение привело к событиям, которые послужили прологом революции 1905 г. И это несмотря на то, что в зубатовской попытке ставка была сделана на наиболее отсталые элементы русского рабочего класса.

* * *

Мы закончили наш беглый обзор тех моментов зарождения и развития первичных зачаточных профессиональных организаций в Рос-

[1]) В. Гриневич, цитир. сочин., стр. 16.

сии, который происходил в процессе превращения массы наемных рабочих сначала в «класс в себе», а затем и в «класс для себя». При этом, мы, к сожалению, ограничились описанием одних лишь создававшихся организаций и не затронули ни самого содержания стачечной борьбы, ни деятельности российской социал-демократии, которые сами по себе сыграли огромную роль в оформлении класса. Но и этот беглый обзор дает по нашему мнению достаточный материал для освещения поставленных вопросов и тем самым мы можем считать нашу задачу выполненной.

На этом мы бы и покончили, и так слишком разросшуюся статью, если бы заранее не слышали вопрос: «Ну, а какое же место в вашей схеме развития занимают кассы и общества взаимопомощи?» Вообще говоря, мы считаем, что принятая нами постановка вопроса дает вполне ясный ответ на этот вопрос: «Никакого». Но, так как безусловно многие читатели этим не удовлетворятся, то мы укажем на те два момента, которые по нашему мнению явятся прекрасным подтверждением нашей постановки вопроса.

Среди какой части пролетариата кассы взаимопомощи получили в России более раннее и более широкое развитие? Конечно, среди торгово-промышленных служащих. Следовательно торгово-промышленные служащие представляли собой наиболее рано определившийся в классовом отношении слой русского пролетариата? Не нужно, кажется, и заниматься какими либо историческими изысканиями, чтобы с полной категоричностью отвергнуть это положение.

Это один момент. Другой — дает история «Харьковского общества вспоможения ремесленным рабочим». Это общество являлось наиболее прогрессивным из всех обществ взаимопомощи, основанных в связи с под'емом стачечного движения в 90-х г.г. прошлого века, причем ее основателями явились люди, прошедшие социалдемократическую школу. И что же? Как только общество столкнулось в 1905 г. с подлинным профессиональным движением, оно почувствовало что ему с ним не по дороге.

С. АИНЗАФТ.

Были ли кассы взаимопомощи одним из истоков российского профессионального движения?

I.

Пишущим эти строки уже была сделана попытка ответить на вопрос, поставленный в заголовке настоящей статьи, в 1-й главе, подготовляемой к печати работы о профессиональном движении 1905 — 1907 г.г. под заглавием—«Элементы профессионального движения до 1905 г.» [1]). Вывод, к которому мы пришли в результате разбора деятельности обществ взаимопомощи в период до 1905 г., следующий: «во всяком случае не эти общества были... теми зародышевыми органами руководства экономической борьбой, которые подготовили почву для профессионального движения и содействовали проникновению в рабочую массу сознания необходимости профессиональных союзов».

Нам казалось, чтот этот вывод в настоящее время не должен вызывать особенных споров, но в виду того, что приведенный нами взгляд по вопросу о роли обществ взаимопомощи вызвал возражения, мы сочли необходимым снова вернуться к вопросу, чтобы попытаться еще точнее и подробнее обосновать наш взгляд.

Но прежде, чем мы подойдем к разбору вопроса, нужно точно определить тему нашего спора, ибо ясность и определенность вопроса, подлежащего обсуждению, является необходимым предварительным условием для того, чтобы дискуссия содействовала выяснению вопроса, а не выродилась бы в пустое словопрение.

И здесь нам кажется, что само название темы дисскусии — «Истоки профессионального движения» не может способствовать ясной и четкой постановке вопроса. Понятие «истоки» настолько неясно и неопределенно, что крайне трудно уловить о чем идет речь, и вполне возможно, что спор шел только из-за того, что спорящие стороны вкладывают различное содержание в это понятие.

В самом деле, мы знаем, что почвой, на которой вырастает профессиональное движение является, с одной стороны, определенная социально-экономическая обстановка, современный капитализм, пусть даже

---

[1]) Глава была напечатана в 1-м номере „Вестника Труда“ за 1923 г.

только в зачаточной форме, с другой стороны — стачечная борьба рабочих; с третьей стороны, ему обычно предшествуют неоформившиеся, временные организационные ячейки, которые начинают кристализироваться в процессе этой стачечной борьбы. Когда мы говорим об «истоках», то при желании мы можем под это понятие подвести любое из этих явлений и все эти явления вместе. С другой стороны, оперируя этим понятием, мы лишаемся возможности провести грань между профессиональным и рабочим движением; ибо вполне ясно, что истоки профессионального движения лежат в рабочем движении, а раз так, то уже трудно установить начало этих истоков, и невольно мы сбиваемся с поисков истоков профессионального движения на поиски истоков рабочего движения.

Недаром тов. Яроцкий считает, что «профессиональное движение в России истоками своими имеет некоторые рабочие об'единения независимо от их названия, возникшие еще в двадцатых-сороковых годах прошлого столетия»[1]) т.-е. он отправляется в поисках истоков профессионального движения к такому периоду, когда речь может быть только об истоках рабочего, а не профессионального движения. Рабочее движение и профессиональное движение — ведь не одно и то же.

Если же от вопроса о начале «истоков» обратимся к вопросу об их конце, то и здесь нам трудно будет установить точную и определенную грань. В самом деле, в момент, когда у нас стали создаваться союзы, в первое десятилетие текущего столетия, процесс оформления профессионального движения можно было считать законченным только после создания централизованных в национальном масштабе профессиональных союзов. С этой точки зрения, развитие «истоков» закончилось, у нас только в 1917 — 1918 г.г., когда стали возникать всероссийские союзы отдельных производств. Но с другой стороны, конечно, нелепо считать, что в периоде после 1905 г. мы имеем в Росси не профессиональное движение, а только его «истоки».

Мы видим, что с какой бы стороны мы не подошли к понятию «истоки», оно крайне расплывчато и неопределенно и затрудняет ясную постановку вопроса. Поэтому необходимо, оперируя этим понятием, заранее точно определить о чем идет речь, точно условиться о конкретном содержании спорного вопроса, и только после этого можно приступить к выяснению его по существу.

Правда, тов. Яроцкий пытается наполнить это понятие определенным конкретным содержанием. Он пишет: «Ни организационный принцип, ни цели и задачи не могут... быть руководящим началом, к р и т е р и е м, при решении вопроса о том, из обществ ли взаимопомощи или из других об'единений выросли профессиональные союзы. Но что же в таком случае должно дать нам ответ на вопрос об истоках? Конечно, только и с т о р и ч е с к и е ф а к т ы, г о в о р я щ и е о н е п о с р е д-

[1]) См. «Призыв» № 3, стр. 217.

ственном перерождении той или иной организации в профессиональный союз в ходе ее исторического развития»[1]).

Итак, по мнению тов. Яроцкого, при решении вопроса о том, какие организации были истоками профессионального движения, нужно считаться с критерием организационной преемственности и считать истоками профессионального движения только те организации, которые впоследствии непосредственно переродились в профессиональные союзы.

Но если придерживаться такого критерия, окажется, что весь вопрос отпадает, ибо почти все профессиональные союзы в России создались не путем перерождения из других существовавших до 1905 г. организаций, а если можно так выразиться, путем самозарождения. Из 600—700 профессиональных союзов, существовавших в России в периоде 1905 — 1907 г.г., найдется максимум какой нибудь десяток союзов, которые переродились из других организаций.

В постановке тов. Яроцкого вопрос об истоках профессионального движения в России поэтому теряет всякий смысл, в особенности становится бессмысленным отправляться в поиски этих истоков к 20 — 40 годам прошлого столетия. Если же поиски истоков в глубь десятилетий имеет какой нибудь смысл, то только в том случае, если вопрос будет поставлен глубже и шире, чем его ставит тов. Яроцкий.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс следующим образом намечают этапы процесса возникновения профессиональных союзов: «Пролетариат проходит через различные ступени развития... Сначала рабочие борятся по одиночке, потом сплачиваются рабочие одной фабрики, далее, одной отрасли промышленности в известной местности против отдельных, непосредственно их эксплоатирующих, буржуа... Столкновения между отдельными работниками и предпринимателями все более и более принимают характер столкновений двух классов общества. Рабочие начинают устраивать коалиции для совместной борьбы против буржуа... Они устраивают даже постоянные ассоциации, которые могли бы поддерживать их в минуты активной борьбы».

Мы видим, что путь возникновения профессиональных союзов здесь намечается, как переход от стихийного стачечного движения через неоформленные временные коалиции к созданию постоянных ассоциаций — профессиональных союзов. Этот же путь проделало и наше рабочее движение.

Еще с 60 — 70-х годов у нас начинается вполне пролетарское по своему характеру стачечное движение, которое с течением времени принимает все более обширные размеры. Но это стачечное движение в течение целых четырех десятилетий до периода 1905 г. не вызывает созда-

[1]) Курсив т. Яроцкого, „Призыв" № 3, стр. 218.

ния профессиональных союзов. С другой стороны, процесс возникновения профессиональных союзов совершился у нас чрезвычайно быстро:— в течение каких-нибудь полутора-двух лет почти везде, где имелось более или менее значительное количество рабочих, стали создаваться профессиональные союзы, и к началу 1907 г. Россия уже была покрыта густой сетью союзов.

Эти два обстоятельства — наличие в течение целых десятилетий сравнительно развитого стачечного движения при отсутствии профессиональных союзов — органов руководства стачечной борьбой, и чрезвычайная быстрота процесса возникновения профессиональных союзов — заставляют предполагать, что и у нас в течение промежутка между началом стачечного и профессионального движения, создавались те или иные ячейки, которые брали на себя задачу внесения элементов организованности в стихийное стачечное движение и тем самым подготовляли почву для профессионального движения, доказывая рабочей массе на практическом примере полезность и необходимость профессиональных союзов.

Исследование вопроса об истоках профессионального движения поэтому должно быть концентрировано на выяснении вопроса о том, какие организации играли роль временных коалиций — непрочных, неоформленных ячеек руководства экономической борьбой, своей деятельностью подготовивших почву для быстрого и пышного расцвета профессионального движения.

В этой постановке, вопрос, поставленный в заголовке настоящей статьи, будет означать, не сыграли ли общества взаимопомощи, существовавшие у нас во второй половине XIX века, роль этих коалиций — т.-е. тех организационных ячеек, которые своей деятельностью подготовили почву для профессионального движения и содействовали проникновению в рабочую массу сознания необходимости создания профессиональных союзов?

Для ответа на него нужно выяснить два момента: были ли эти организации органами развития самодеятельности рабочей массы и можно ли в их деятельности наблюдать тенденцию внести элементы организованности в стихийное стачечное движение?

Оба эти момента тесно между собою связаны. Если бы общества взаимопомощи создавались даже не для обслуживания стачечного движения, а на почве удовлетворения других потребностей рабочей массы, но были бы все таки организациями, выросшими из недр самой рабочей массы, и вовлекли бы широкие кадры рабочих в свои ряды на почве самодеятельного обслуживания их нужд и потребностей, то в тот момент, когда об'ективная обстановка подготовила почву для стачечного движения рабочих, боевое настроение рабочих не могло бы не проникнуть в эти организации, и, при отсутствии других организаций для руководства экономической борьбой, они поневоле превратились бы

в организационные центры, вокруг которых рабочая масса группировалась бы в этой борьбе.

Итак, первый вопрос, который мы должны выяснить — это вопрос о том, выросли ли эти организации из недр самой рабочей массы и были ли они органами развития ее самодеятельности?

II.

К вопросу о роли обществ и касс взаимопомощи до сих пор чаще всего подходили недостаточно критически, и поэтому смешивали в одну кучу организации совершенно разнородного характера, которые при разборе этого вопроса никоим образом нельзя включить в общие скобки.

Так, Прокопович в своей книге «К рабочему вопросу в России», стремясь дать побольше фактических данных, валит в одну кучу кассы взаимопомощи, построенные на принципе добровольности, с кассами, построенными на принципе принудительного членства, как вспомогательные кассы при горно-заводских товариществах и пенсионные кассы на железных дорогах, а также кассы организованные при отдельных фабриках и заводах. Более того, стремясь увеличить количество касс он включает целый ряд обществ взаимопомощи ремесленников [1]), а между тем эти общества скорее всего никакого отношения к рабочим не имеют, являясь организациями мелких самостоятельных ремесленников.

По следам Прокоповича в этом вопросе пошел и Святловский и не только в своей книге «Профессиональное движение в России», вышедшей в 1907 г., но и в недавно напечатанной статье: «Из истории касс и обществ взимопомощи» он не критически повторяет зады Прокоповича и к организациям, которые по его мнению «подготовили и взрыхлили рабочую среду к проникновению в нее идей организационной кристализации, профессиональной сплоченности и солидарности и явились предтечами нашего профессионального движения», он относит не только общества взаимопомощи и потребительные общества, но и сберегательно-вспомогательные и даже сберегательные кассы. Маленькая, но любопытная деталь: в этой же статье несколькими страницами раньше он высказывает совершенно противоположный взгляд. «Вообще же, — читаем мы там, — до 1905 г. большинство организаций взаимопомощи не только служило орудием экономической и политической борьбы, но, зачастую, они, как раз обратно, превращались в орудие борьбы хозяев с входившими в них рабочими массами» [2]).

Всецело полагаясь на авторитет Святловского и Прокоповича, пошел по их стопам исследователь Нижегородоского профессионального движения—А. А. Белоозеров и включил в число организаций, «которые

---

[1]) В Петербурге 3 кассы, в Москве 1 касса, Кронштадте, Саратове, Астрахани, Самаре и ряде других городов по одной.

[2]) См. „Архив по истории труда" кн четвертая 1924 г., стр. 46.

применялись пролетариатом в борьбе с капиталом (курсив наш С. А.) еще до организации профессиональных союзов», кроме 30-ти ссудо-сберегательных касс, еще 25-ть больничных касс, созданных на основании закона 23-го июня 1912 г., не обращая внимания на то, что эти кассы были созданы в совершенно иной период и сыграли совершенно своеобразную роль в рабочем движении России, ничего общего не имеющую с ролью обществ и касс взаимопомощи до 1905 г.

Из всего этого мы видим, как до сих пор некритически и недостаточно вдумчиво подходили к анализу роли этих организаций в рабочем движении. На самом же деле среди организаций, до сих пор обычно подводившихся под одну общую скобку — обществ и касс взаимопомощи, мы имеем совершенно разнородные организации. И если среди них мы находим такие организации, как, например, кассы взаимопомощи приказчиков и печатников, относительно которых теоретически можно допустить, что они сыграли роль предшественников профессиональных союзов, то рядом с этим включаются и такие организации, относительно которых не может быть сомнения в том, что они никоим образом не могли играть такой роли.

Не говоря уже об обществах взаимопомощи мелких ремесленников, нужно из этого списка в первую очередь исключить ссудо-сберегательные кассы и товарищества, ибо, если на почве широко понятой взаимопомощи, при благоприятных условиях, среди рабочей массы, еще могли культивироваться общественные навыки и могла расти солидарность и сплоченность, то на почве ссудо-сберегательных операций никаких общественных инстинктов, никакого сознания общности и солидарности интересов не могло произрастать. Здесь могли культивироваться только мещанские инстинкты мелкого собственника.

Кроме ссудо-сберегательных товариществ и касс, из списка организаций, которые могли сыграть роль предтеч профессионального движения, нужно исключить также железнодорожные пенсионные и вспомогательные кассы, а также вспомогательные кассы горно-рабочих.

Эти кассы построены на принципы принудительного участия. При том условии, что руководство ими находилось в руках администрации, эти организации для участников были только излишней обузой, но отнюдь не местом товарищеского общения со своими товарищами по профессии.

Это особенно ярко обнаруживается при ознакомлении с кассами железнодорожников. Они были построены так, что с жалованья членов удерживалось до 6% отчислений. Управление делами этих касс находилось или всецело в руках администрации, или в руках органа, больше чем наполовину состоящего из представителей железнодорожной администрации. Ясно, что эти кассы, поскольку взносы в них были обязательны, были только обузой на плечах ее участников, тем более, что,

когда, после долгих лет взносов дело доходило до получения пенсии, администрация часто старалась уволить рабочего или выжить его иными способами, чтобы избавиться от обязанности платить ему пенсию [1]).

В аналогичном положении находились кассы и товарищества горнорабочих: и здесь участие в кассах и отчисления в них обязательны, а управление кассами фактически находится в руках администрации.

В горно-заводских кассах Польши это делалось более или менее открыто: в большинстве случаев кассой управлял директор или администрация предприятия; только в некоторых случаях представители рабочих допускались к участию в управление кассой в равной мере с администрацией, но и в таких случаях участие рабочих было фиктивное, ибо при общей бесправности рабочей массы администрация всегда имела в своем распоряжении достаточно средств, чтобы заставить рабочих действовать по ее указке.

Таково же положение и горно-заводских касс Урала. Хотя по закону 8-го марта 1861 г., на основании которого они существовали, — они управлялись попечительным приказом, состоящим из 4-х представителей рабочих и председателя, назначенного заводским управлением, так что рабочие численно имели перевес в «приказе», но в тогдашней общей обстановке администрация всегда проводила в «приказ» своих ставленников и держала его в своих руках [2]).

К этим двум видам касс железнодорожных и горнозаводских нужно присоединить и вспомогательные кассы при отдельных фабриках и заводах, о которых приводятся сведения в выше названной книге Прокоповича. Из фактических данных, приведенных там же, видно, что управление этими кассами почти везде находилось в руках администрации предприятия, вычеты, доходившие до 3% с заработка, были обязательны и удерживались заводоуправлением независимо от согласия рабочих.

Конечно, ни о какой самодеятельности рабочих здесь речи быть не может. Об'ективный смысл этих касс состоял в том, что они как бы привязывали рабочих к предприятию.

Даже такой умеренный исследователь этого вопроса, как Прокопович, должен был признать, что «существенным недостатком фабричных касс является то обстоятельство, что с расторжением договора о найме прекращается участие рабочего в кассе. Чем больше выгод приносит рабочему касса, тем более дорожит ею рабочий, тем предупредительнее должен он относиться ко всем требованиям предпринимателя из-за боязни рассчета; тем затруднительнее стачки, так как в случае стачки средства кассы поступают в собственность фабриканта» [3]).

---

1) См. упомянутое сочин. Прокоповича, стр. 44.

2) Подробнее об этом см. упомянутую главу нашей работы: „Вестник Труда" 1923 г. № 1, стр. 135.

3) „К рабочему вопросу в России", стр. 36.

Повидимому, эти кассы организовывались фабрикантами чаще всего в тех случаях, когда они не были достаточно обеспечены постоянной рабочей силой. Так, эти кассы больше всего были распространены в Польше, отчасти в Литве и Прибалтийском крае, где было много иностранных рабочих и где создание этих касс, повидимому, служило средством удерживать рабочих от возвращения на родину. Образование таких касс при фабриках и заводах в центральной России могло иметь своей целью способствовать удержанию рабочих от периодических возвращений к крестьянскому хозяйству. Аналогичную же роль сыграли и горно-заводские товарищества в деле обеспечения рабочей силой горнозаводских предприятий.

Что дело рассматривалось соответствующими сферами именно так, мы можем видеть из следующего. В 1885 г. в правительственных кругах обсуждался вопрос об издании закона об обязательном учреждении горно-заводских товариществ не только на казенных, но и на частных горных заводах Урала [1]).

И вот в «Горном журнале» за 1885 г. была напечатана статья горного инженера А. Кеппена [2]), в которой он старается доказать пользу этих касс. Вот как он мотивирует полезность этих касс: «Если действительно учреждение горно-заводских касс связано с денежными жертвами горно-промышленников, то не надо забывать, что, предоставляя рабочим обеспечение на случай постигшего их в работе несчастия и на старости лет, тем самым рабочий люд привлекается к незаманчивому труду в рудниках и заводах, следовательно, тем самым для горно-промышленников создается обеспечение в рабочих руках. Если вопрос об обеспечении себя рабочими может еще не интересовать лиц, владеющих горными промыслами в таких местностях, где издавна, из поколения в поколение, народ привык зарабатывать свой хлеб в горной работе, то такое отношение к рабочему вопросу уже никак не может иметь место там, где горная промышленность лишь в новейшее время получила развитие и где поэтому не могло еще образоваться коренного горно-рабочего населения» [3]).

В другом месте той же книжки мы читаем: «В принципе обязательного участия работодателей во взносах в кассы горно-заводских товариществ мы видим твердое основание для закрепления хороших отношений и взаимного уважения между хозяевами и рабочими, а поддержание и соответственное развитие сих добрых отношений вполне способно

---

[1]) До того времени создание горнозаводских товариществ на основании закона 8-го марта 1861 г. было обязательно для администрации казенных горных предприятий Урала; на частных же предприятиях такие товарищества могли открываться только по обоюдному добровольному соглашению между предпринимателями и рабочими.

[2]) Она была впоследствии издана отдельной книжкой под заглавием: „Вспомогательные кассы для горнорабочих".

[3]) Стр. 64.

смягчить нередко обостряющиеся отношения между хозяевами-капиталистами и трудящимся людом» [1]).

Но, по мысли автора цитированной книжки, эти организации призваны поддерживать добрые отношения не только между хозяевами и рабочими, но и между рабочими и правительством.

«Чем больше, — пишет он, — государство позаботится об инвалидах рабочих, их вдовах и сиротах рациональным законодательством о пенсионных кассах и надлежащим влиянием на администрацию этих касс, тем более обессиливается вредная агитация между рабочим людом. Рабочий, получающий пенсию из кассы, учрежденной по требованию правительства и управляемой под его надзором, непременно будет поддерживать в среде своих товарищей дух признательности к заботливости правительства, а вместе с тем наглядным образом будет доказывать всю тщетность и неправоту распространяемых в рабочей массе лжеучений» [2]).

Приведенные места вполне достаточны для того, чтобы показать истинное назначение этих касс. Они были предназначены для того, чтобы привязывать рабочих к предприятию и поддерживать в них дух благодарности и раболепства к администрации предприятия и «начальству». Не могло поэтому быть речи о том, чтобы они сыграли роль органов развития самодеятельности рабочих, а наоборот, они были средством в руках администрации держать у себя в подчинении рабочую массу.

Это правильно не только по отношению к горно-заводским кассам, но и по отношению к другим кассам, участие в которых было обязательно для рабочих. В этом отношении крайне характерен следующий факт. В 1893 г. Лодзинское отделение общества для содействия русской промышленности — фактически лодзинское общество фабрикантов—возбудило перед центральными властями ходатайство о возложении на всех фабрикантов и заводчиков обязанности учредить на фабриках кассы вспомоществования рабочим [3]). В Варшавской губернии, по постановлению Варшавского по фабричным делам присутствия, создание таких касс было обязательным, и возбуждение этого ходатайства лодзинскими фабрикантами показывает, что кассы были полезнее фабрикантам, чем рабочим.

Все эти обстоятельства вполне уясняют нам, что, когда мы ставим вопрос, не являлись ли общества и кассы взаимопомощи одним из истоков профессионального движения в России, мы должны прежде всего скинуть со счетов кассы горно-рабочих и железнодорожников, а также кассы при отдельных фабриках и заводах.

---

[1]) Стр. 71.
[2]) Стр. 65.
[3]) См. Прокопович, цитир. сочинен.

III.

После устранения из нашего рассмотрения выше перечисленных категорий касс, нам остается выяснить вопрос о роли обществ взаимопомощи, орґанизованных по принципам добровольного членства и самоуправления. Конкретно, речь здесь будет итти о таких обществах взаимопомощи, как существовавшие во многих местах общества взаимопомощи приказчиков, печатников, а также и в некоторых других профессиях.

Здесь мы теоретически можем допустить возможность, чтобы эти организации, при благоприятных условиях, действительно сыграли бы роль предшественников профессиональных союзов, поскольку им действительно удалось бы охватить широкие массы, сплотить их на почве удовлетворения своих, пусть не чисто классовых, потребностей и тем самым приучить их к организации и сплоченным действиям. Но для того, чтобы говорить не только о возможности такой их роли, но ответить на вопрос, действительно ли они сыграли такую роль, необходимо конкретнее ознакомиться с их деятельностью.

Общества взаимопомощи больше всего были распространены среди приказчиков. По данным Прокоповича, в 1898 г. в России (без Польши и Прибалтийского края) существовало 74 общества взаимопомощи приказчиков. Следующей по числу обществ взаимопомощи, по его данным, является профессия печатников, в которой было 27 обществ взаимопомощи, созданных до 1905 г. Среди рабочих остальных профессий, по тем же данным, имеется по одному по два общества взаимопомощи, причем в Петербурге, кроме обществ взаимопомощи приказчиков и печатников, было еще 7 — 8 обществ в других профессиях, в Москве, Киеве, Харькове и Одессе по одному обществу [1]). В конце 90-х годов стали возникать кое-где общества взаимопомощи среди рабочих механических заводов.

Из этих данных мы можем видеть, что компактную массу обществ взаимопомощи мы имеем только среди приказчиков и печатников; в остальных профессиях количество их незначительно. Выяснение поставленного нами вопроса мы начнем с обществ взаимопомощи приказчиков, как потому, что они составляют собою значительное число общего количества обществ взаимопомощи вообще, так и потому, что среди приказчиков это движение вообще получило наибольшее развитие.

В упомянутой выше главе нашей работы («Элементы профессионального движения до 1905 г.») мы уже вкратце указали на общие черты деятельности этих касс — на то, что они не охватывали широкие приказчичьи массы, что они были организациями только наиболее обеспеченной верхушки этой массы, на роль в них различных соревнователей

[1]) Мы из нашего подсчета исключили указанные у Прокоповича общества взаимопомощи ремесленников, ибо мы полагаем, что это в абсолютном большинстве случаев были организации мелких самостоятельных ремесленников.

и благотворителей, на перегруженность их капиталами и т. д. Здесь мы попытаемся выявить эти черты их деятельности целым рядом новых фактов, для чего мы воспользуемся данными, приведенными в книжке М. Непряхина — «Общества взаимопомощи торговых служащих». При этом необходимо подчеркнуть, что автор этой книжки отнюдь не стоит на правильной с нашей точки зрения позиции. Он, например, считает ошибкой то, что приказчики в период 1906 и 1907 г.г. в противовес обществам взаимопомощи стали создавать боевые союзы приказчиков. По его словам, «в отрицательном отношении к старым обществам, в предпочтении молодым союзам в 1905 — 1906 г. сказалась скорее горячка, увлечение, чем сознательная оценка вещей». По его мнению, не нужно было заниматься созданием новых союзов, а «реорганизовать готовое уже дело на новых более широких правильных началах». Он не стесняется обозначать дятельность союзов приказчиков эпитетами «ненужные требования», «громкие лозунги», и по всему видно, что он не стоит на точке зрения классового характера движения приказчиков, а на точке зрения «широкой демократизированной взаимопомощи» [1]).

Тем не менее, и он, поскольку он не хотел быть совершенно односторонним, должен был привести массу фактов, доказывающих, как общества взаимопомощи были далеки от того, чтобы сыграть роль истока классового профессионального движения среди приказчиков. Не имея возможности за недостатком места следить за всем фактическим материалом, приведенным у Непряхина, мы воспользуемся только его выводами, полагая, что обрисованная выше его точка зрения является гарантией того, что он не перегибает палку в сторону отрицательного отношения к обществам взаимопомощи. Так, например, на вопрос о том, выросли ли эти организации из недр самой рабочей массы, или насаждались сверху, подобно кассам горно-рабочих и др., мы у него находим следующее указание:

«Не общественные деятели, не люди широкого почина и широких планов положили основание обществам, нет, в большинстве случаев инициатива организации исходила от купечества и состоятельных верхов торговых служащих, составляющих администрацию торговых предприятий, т.-е. от доверенных, управляющих и т. д.» [2]). У Непряхина же приводится много данных, показывающих, что по своему составу эти организации в дальнейшем были далеко не массовыми организациями торгово-промышленных служащих, а узкими замкнутыми кружками ее привилегированных верхушек.

Так, Томское общество в 1902 г. имеет до 38% членов, занимающих высшие административные должности. Саратовское общество имеет около половины членов хозяев и лиц высшего административного персонала. По словам делегата Бакинского общества взаимопомощи на 2-м

---

[1]) См. стр. 42, 43, 44.
[2]) Стр. 7.

С'езде обществ взаимопомощи, «в Бакинском обществе очень мало приказчиков и сидельцев». В число членов Бакинского общества — по его словам, не принимаются чернорабочие и прислуга.

В материалах 2-го С'езда мы можем найти много указаний на то, что среди членов обществ взаимопомощи очень мало рядовых приказчиков. В Московском обществе купеческих приказчиков числится в качестве почетных членов около 50 торговых домов. Астраханское общество имеет почетными членами трех губернаторов. Самарское общество имеет почетными членами митрополита Владимира и известного в свое время протоиерея Иоанна Кронштадского. Из 500 членов Воронежского общества только 100 человек являются торговыми служащими, а остальные не принадлежат к этой профессии.

Физиономию некоторых обществ характеризует то, что они организованы по вероисповеданиям. Так, среди обществ мы находим общества приказчиков-христиан в Николаеве, Херсоне, Екатеринославе и Полтаве и общество приказчиков-евреев в Одессе. В Ярославском обществе евреи не принимались в члены общества. «Истоком» Одесского общества евреев приказчиков служила синагога, и оно в самом начале было создано, как организация приказчиков-молельщиков по инициативе еврейского раввина. Николаевское общество приказчиков-христиан на 2-м С'езде высказалось за создание только христианских обществ, а Екатеринославское общество приказчиков-христиан еще в 1905 г. отказалось иметь сношения с параллельным обществом приказчиков, состоявшим в своем большинстве из евреев.

Такой состав и такая физиономия обществ ведет к тому, что они чаще всего даже не ставят себе широких задач, а занимаются мелкой благотворительностью. Это констатирует и Непряхин, когда он говорит: «масса (торгово-промышленных служащих. С. А.) жила постоянно в тяжкой обстановке длинного рабочего дня, низкого заработка, отсутствия человечески необходимого отдыха и т. д., а общества им предлагали какую то грошевую помощь на случай старости, инвалидности и смерти [1]).

Это привело к тому, что широкая масса приказчиков в эти организации не шла. Так, у Непряхина приводятся следующие сведения о количестве членов в некоторых обществах. Томское общество насчитывало 151 человек в 1892 г., 140 в 1893 г. и 224 в 1900 г.; Саратовское — 180 человек в 1880 г. и 220 в 1900 г.; Пензенское — 130 чел. в 1892 г., 106 в 1895 г. и 182 в 1900 г.; Астраханское — 447 в 1886 г., 285 в 1890 г. и 259 в 1900 г. В период 1905 — 1906 г. Киевское общество насчитывало 386 членов, Казанское — 650 членов; Нижегородское в 1905 г. имело 624 действительных членов, 79 соревнователей и 9 почетных членов; в 1906 г. действительных — 461, соревнователей — 79 и почетных — 9. Из докладов с мест на 3-м Всероссийском С'езде обществ взаимопомощи

[1]) Стр. 30.

служащих мы также можем видеть, что эти организации об'единяли ничтожный процент торгово-промышленных служащих. По словам Белина, к концу 90-х годов существовало около 100 приказчичьих обществ с количеством членов до 20 тысяч [1]).

Это количество членов после десятилетней деятельности многих из этих организаций было ничтожно, если принять во внимание огромную численность массы торгово-промышленных служащих, которых в Петербурге было до 150 тысяч, в Москве — до 100 тыс., а в крупных торгово-промышленных центрах (Одесса, Нижний, Харьков, Киев, Тифлис, Рига, Варшава и т. п.) по несколько десятков тысяч [2]).

Итак, общества взаимопомощи торгово-промышленных служащих в общем и целом были узкими замкнутыми организациями верхушек торгово-промышленных служащих, оторванными от широких приказчичьих масс, и поэтому их нельзя считать местом развития самодеятельности приказчичьей массы.

Правда, у Непряхина приводится ряд фактов, показывающих, что в некоторых случаях эти общества взаимопомощи служащих брали на себя защиту профессиональных нужд приказчиков. Так, он приводит сведения о том, что еще в 80-х годах некоторые общества выступили с ходатайствами перед органами правительства в пользу введения праздничного отдыха. Он приводит пример подачи такого прошения Петербургским обществом в 1881 г. и Саратовским — в 1883 г. Но, во-первых, он сам должен констатировать, что они в данном вопросе шли не во главе, а в хвосте движения. Он пишет: «Это шествие общества в хвосте движения, а не во главе его — характерное для общества явление» [3]).

Дело в том, что в это время среди приказчиков началось движение за праздничный отдых путем подачи прошений «начальству». Первой выступила группа петербургских приказчиков, которая в июне 1881 г. подала об этом прошение петербургскому градоначальнику; вслед за этим началась подача таких прошений и в провинции. Только под влиянием этого начавшегося вне их рядов движения действовали вышеупомянутые два общества приказчиков [4]).

К этому нужно помнить, что против праздничного отдыха не возражала некоторая часть наиболее культурных купцов, и в целом ряде

---

[1]) См. его брошюру—„Профессиональное движение торговых служащих в России" стр. 8.

[2]) По вычислениям А. М. Гудвана в его книге „Приказчичий вопрос", общее количество приказчиков в России было не менее 2½ миллионов человек.

[3]) Стр. 23.

[4]) Непряхин приводит только эти два факта; повидимому, такие факты были немногочислены, иначе он о них упомянул бы. В об'яснительной записке министерства торговли и промышленности к законопроэкту об обеспечении нормального отдыха торговопромышленных служащих, внесенному в совет министров, в начале 1906 г. при перечислении организаций, ходатайствовавших о праздничном отдыхе до середины 90-х годов, упоминаются только самарское и саратовское общества приказчиков.

случаев по инициативе купцов городскими думами был установлен праздничный отдых [1]).

Другой случай, когда эти организации втягиваются в обсуждение профессиональных нужд приказчиков следующий: в 1902 г. министерство финансов в ответ на ходатайство группы Одесских приказчиков (с А. М. Гудваном во главе) о законодательном урегулировании положения торгово-промышленных служащих, обратилось к биржевым комитетам с предложением высказаться по поводу этого ходатайства. Многие биржевые комитеты, с своей стороны, предложили обществам взаимопомощи обсудить этот вопрос. Во многих обществах в 1902 — 1903 г. происходят собрания, где обсуждается положение приказчиков в связи с предполагаемым законопроектом. Но, повидимому, это было только «мимолетным увлечением», ибо дальше Непряхин пишет: «зашевелившись немного в 1902 — 1903 г.г., общества опять сошли с видного места в темный угол молчания и неизвестности».

Мы видим, что это движение не оставило глубоких следов в развитии общества взаимопомощи и не было исходным пунктом превращения их в массовые боевые организации широкой приказчичьей массы. И это вполне понятно. Ведь не нужно забывать, что это движение происходило чуть ли не на пороге революционного 1905 г., когда в России уже целыми десятилетиями существовало боевое массовое стачечное движение, все более принимающее оформленный классовый характер. Если такие петиции на заре рабочего движения России в 60 — 70 г.г. прошлого столетия еще могли сыграть некоторую прогрессивную роль, толкая мысль приказчичьей массы на путь осознания своих нужд, то накануне 1905 г. они уже такой роли играть не могли, и их влияние на массу могло быть только отрицательное, задерживая процесс отмирания у приказчичьей массы веры в возможность улучшить свое положение путем просьб и ходатайств у правительства и тем самым тормозя развитие их классового сознания.

Физиономия приказчичьих обществ взаимопомощи получила особенно яркое выражение на двух Всероссийских С'ездах этих организаций, состоявшихся во второй половине 90-х годов — первый в 1896 г., а второй в 1898 г. На первом из этих С'ездов, кроме обществ взаимопомощи, были приглашены также представители Нижегородского ярмарочного комитета, а также допущены к участию владельцы торгово-промышленных предприятий.

На этом С'езде Пензенское общество представило доклад, в котором имеется следующее, крайне характерное, место: «Желательно бы прив-

[1]) Характерно, что Петербургское общество не „осмелилось" просить у мин. внут. дел полного праздничного отдыха, а только ограничения праздничной торговли 2-4-мя часами в день, а Саратовское общество, при подаче в июле 1884 г. прошение городской думе от имени 231 приказчика, считало необходимым тут же приложить заявление 47 торговцев об их присоединении к прошению приказчиков.

лечь на помощь к упрочению обществ владельцев торгово-промышленных заведений в целях быстрого приращения капиталов... Общество же в свою очередь могло гарантировать перед хозяевами служебные обязанности своих членов... чтобы иметь надежных исполнителей службы хозяевам». Эта мысль не случайна среди деятелей обществ взаимопомощи: в материалах второго С'езда мы неоднократно встречаем такие взгляды.

Что касается первого с'езда, то, по словам Непряхина, с'езд «при обсуждении этого доклада высказал немало мыслей просто обидных для служащих» [1]).

Непряхин указывает, что сами участники с'езда преимущественно состояли из хозяев, доверенных лиц, старших приказчиков и т д. «А общее впечатление, — по его словам, — было таково, что по случаю ярмарки (он состоялся в Нижнем во время Нижегородской ярмарки) собрались «хорошие люди» и немного поговорили, а если и коснулись вопросов о праздничном отдыхе, норм рабочего дня и т. д., то больше с благодарной целью «попечения о меньшей братии»...[2]).

Не лучше первого был второй С'езд. Уже состав С'езда указывает на далеко не пролетарский его характер. Так, из приложенного к протоколам с'езда списка делегатов видно, что среди 132 делегатов было 11 почетных и потомственных граждан, 8 купцов, 4 дворянина, 2 прапорщика, 2 студента, по одному коллежскому ассесору, помощнику присяжного поверенного, штабс-капитану, статистику, учителю, запасному писарю, делопроизводителю и бухгалтеру земской управы. Эти 35 делегатов безусловно не были пролетарским элементом.

Сколько купцов, старших приказчиков, доверенных маклеров было среди остальных делегатов невозможно установить, но что и таковые были среди них, показывает целый ряд фактов. Так, Нижегородские делегаты — Лельков и Лялькин, не обозначены в списке никакими титулами, но из Нижегородского сборника материалов по истории профессионального движения мы узнаем, что они принадлежали к категории наиболее обеспеченных верхушек служащих. В самых протоколах можно также найти ряд фактов, говорящих о принадлежности делегатов к верхушкам служащих.

Физиономия С'езда не лучшего состава. Он открывается молебствием и трехкратным исполнением «Боже царя храни», «по единодушному требованию присутствующих». Председатель общества купеческих приказчиков в Москве в своей речи при открытии С'езда выразил благодарность от имени Московского общества «нашим уважаемым принципалам за внимание и доверие к нему и за их всегдашнюю готовность

[1]) Стр. 77. К сожалению, нам не удалось найти протокол 1-го с'езда и мы пользуемся для настоящей статьи изложением работы 1-го с'езда в книжке Непряхина.

[2]) Стр. 77.

помочь в его нуждах», после чего с'езд отправил благодарственные телеграммы министру внутренних дел, московскому генерал-губернатору и сенатору Баранову, содействовавшему разрешению 1-го С'езда [1]).

Среди вопросов, обсуждавшихся на С'езде, были, например, вопросы о создании специального банка обществ взаимопомощи и об образовании «капитала гарантии членов общества перед хозяевами».

Первый вопрос конкретно состоял в следующем: так как общества обладали крупными капиталами, лежавшими без движения, то обсуждался вопрос, не образовать ли из этих капиталов специальный банк, который пустил бы их в коммерческий оборот, а прибыль шла бы в пользу обществ. Эта мысль, чтобы общества занялись коммерческими делами, принципиальных возражений не встретила; идея создания банка была отвергнута только из-за боязни обществ рисковать своими капиталами.

Что же касается вопроса о «капитале-гарантии», то предложение состояло в том, чтобы общества составляли капитал, которым они могли бы гарантировать добросовестную службу своих членов. Дело в том, что и до этого многие общества занимались рекомендацией своих членов на службы, причем они брали на себя моральную ответственность за добросовестную службу их у хозяина. Но хозяева требовали, кроме этого, и материальные гарантий. Предложение о «капитале гарантии» состояло в создании такого капитала, из которого общества возмещали бы хозяину ущерб, в случае недобросовестной службы члена общества. Это предложение было принято С'ездом.

При свете всего этого нам станут понятны некоторые пункты проекта нормального устава, обсуждавшегося на С'езде. Так, по параграфу 26-му, «поводом к исключению действительного члена служит злоупотребление доверием лиц и учреждений, у которых он состоял на службе и сознательное нанесение вреда обществу». А по параграфу 20-му для получения членом общества пособия в случае потери места, требуется представить аттестат от лица или учреждения, в котором он служил, с указанием причины увольнения. В параграфе 2-м указывается, что «общества должны выдавать своим членам премии за долголетнюю службу у хозяев».

По последнему пункту на С'езде происходили любопытные прения. Нашелся один-два делегата, относившихся отрицательно к этому предложению. Один из них заявил, что «этим параграфом мы играем на руку хозяевам», другой, что «об этом должны заботиться сами хозяева», но они встретили дружный отпор со стороны всего С'езда. Председатель Московского общества купеческих приказчиков, Филатов, сказал по этому поводу: «На практике мы видим, что долголетняя служба очень ценится нашим московским купечеством. Так, в прошлом году мы чест-

[1]) К Московскому ген.-губернатору с'езд направил специальную благодарственную депутацию.

вовали одно лицо по случаю 50-ти летия его службы. Общество гордится такими членами и относится к ним с уважением. Мы посылали этому лицу поздравление, выбрав из своей среды депутацию... Московское общество оказало внимание лицам за долголетнюю службу»....[1]).

В этом духе высказался еще целый ряд делегатов и после непродолжительных прений по этому вопросу С'езд принял резолюцию о том, что «общество поощряет своих членов за долголетнюю службу наградами, в виде адресов, звания почетного члена, жетонов и т. п.».

Мы видим, как С'езд стремился к тому, чтобы общества превратились в органы по поставке хозяевам вымуштрованной, покорной рабочей силы. Но физиономия С'езда особенно ярко обнаружилась при обсуждении вопроса об обязательном установлении рассчетных книжек для торговых служащих.

Дело в том, что обер-полицейместер вычеркнул из программы С'езда вопросы: о праздничном отдыхе, о сокращении рабочего дня и об урегулировании отношений между приказчиками и хозяевами. Докладчик по вопросу о рассчетных книжках, сравнительно лево настроенный делегат—С. В. Курнин—пытался в своем докладе затронуть и эти вопросы, причем в резолюции, предложенной им С'езду, предлагалось ходатайствовать перед правительством об обязательном введении во всех торговых предприятиях рассчетных книжек с точным обозначением условий труда. Кроме того, в его предложении выдвигаются требования: 1) чтобы владелец установил бы у себя такие условия труда, которые не причиняли бы излишнего вреда здоровью торговых служащих, 2) чтобы в хозяйских спальнях каждому служащему давалась отдельная кровать и не менее одной куб. сажени воздуха, 3) чтобы служащие имели не менее 8-ми часов для сна и 1 часа на обед, а в праздничные дни-время для отправления религиозных обязанностей, 4) чтобы служащий, прослуживший у хозяина не менее года, имел бы права во время болезни до месяца получать жалованье, 5) чтобы, при ликвидации предприятия, владелец был обязан выдать своим служащим вознаграждение за месяц или два[2]).

Все эти скромные предложения вызвали целую бурю протеста со стороны части С'езда. Один из делегатов, Казачков, высказался, например, следующим образом: «Выслушав доклад Курина, приходится притти к заключению, что хозяева — какие то вампиры; от них служащему непременно нужно взять до мельчайших подробностей обязательства, а между тем, докладчик ни слова не говорит о том, что дадут служащие хозяину. Так обсуждать нельзя». Другой раз тот же делегат говорит: «Мы должны итти с хозяевами рука об руку; мы должны поддерживать не только свои интересы, но и чужие. Если мы будем любить

[1]) Труды 2-го С'езда, стр. 52.
[2]) Труды 2-го С'езда, стр. 412.

только себя, от нас все отвернутся, как от чумных»[1]). А. Нижегородский делегат, Лельков, поддерживает это замечание словами: «Верно, совершенно верно!» В этом духе высказался ряд других делегатов.

Секция, в которой предварительно рассматривалось предложение Курнина, предложила оставить только пункт о рассчетных книжках, заменив остальные пункты туманной формулой: «ходатайствовать перед правительством об улучшении быта приказчиков».

Характерны также следующие слова председателя, которыми он пытался успокоить С'езд, когда страсти вокруг этого вопроса разгорелись: «Старинный купец смотрит свысока на своих служащих, но современный купец смотрит иначе... Старые вермена прошли, все изменяется к лучшему, многие хозяева и служащие стали другими. Нет никакого сомнения, что со временем улучшатся обоюдные отношения хозяев и служащих настолько, что они будут друзьями. Но пока то, о чем я говорю, осуществится, требуется создать некоторые формы».

Но эти елейные речи не помогли, и, когда дело дошло до голосования предложения Курнина, 8 делегатов, не желая нести ответственность за решения по этому вопросу, покинули заседание. Предложения Курнина были приняты С'ездом. Но крупные общества не решились взять на себя инициативу возбуждения такого ходатайства пред правительством, и только Тульское общество решилось на это.

Мы видим, как оба эти С'езда были далеки от того, чтобы быть истоками профессионального движения. На их примере приказчичья масса могла учиться только быть почтительной к хозяевам и начальству, но ни коим образом не могла взять у них урока по части классовой борьбы. А они ведь происходили не тогда, когда еще не было массового рабочего движения, а в то время, когда массовая экономическая борьба приняла особенно широкие размеры, и во многих местах стали складываться организации, руководящие этой борьбой.

Но не только первый под'ем массового рабочего движения не видоизменил этих обществ; прилив революционной волны 1905 г., если и оказал на них кое какое влияние, то во всяком случае не настолько, чтобы превратить их в боевые классовые союзы.

Правда, 3-й С'езд этих обществ, состоявшийся в июне 1906 г., принял профессиональную платформу, исходящую из принципов классовой борьбы. Но значение этого С'езда состояло не в том, что он был поворотным пунктом в истории обществ взаимопомощи по пути превращения их в классовые профессиональные союзы, а в том, что резолюции этого С'езда служили платформой, вокруг которой группировалась приказчичья масса, стоящая вне обществ взаимопомощи, что они были платформой для нарождающихся профессиональных союзов. Сами по себе общества взаимопомощи не перерождались в классовые профессиональ-

[1]) Труды 2 с'езда. Стр. 105.

ные союзы, а период их «профессионализма» был скорее всего временным увлечением, навеянным на них извне, и оно быстро у них испарилось, как только прошли бурные 1905 — 1906 г.г.

В качестве примера мы можем взять Нижегородское общество вспоможения частному служебному труду. Это общество до 1905 г. было проникнуто обычно консервативным духом, имело изрядное количество членов-соревнователей и почетных членов (среди них и местный губернатор), копило капиталы, которые увеличивались из года в год и к 1905 г. достигли суммы в четверть миллиона рублей.

Но вот наступает 1905 г. В мае происходит собрание, на котором прогрессивная группа начинает аттаку на старое правление, и ей чуть-чуть не удается провести свой список членов правления. В течение 1905 г. шум революционных событий врывается и в это общество. На его собраниях произносятся яркие политические речи, в ноябре оно постановляет участвовать во всеобщей политической забастовке. В мае 1906 г. прогрессивная группа побеждает и проводит целиком свой список в правление; на 3-й С'езд выбирается с.-р. Петелин. Словом, в обществе повеяло как будто новым духом.

Но как только с конца 1906 г. усиливается реакция, положение в обществе меняется. Подымает свою голову консервативная группа и проваливает на собраниях целый ряд предложений прогрессивной группы [1]), а на собрании 29-го апреля 1907 г., при перевыборах правления, консервативная группа проводит свой список в правление и опять забирает власть в свои руки. Общество снова возвращается в свое старое благонамеренное русло.

Для уяснения же физиономии «прогрессивной группы» и степени «полевения» самого общества характерны следующие факты. В 1906 г. многие союзы обратились к обществу с просьбой предоставить им свое помещение для собраний, на что общее собрание дало отрицательный ответ. На предложение союза приказчиков ассигновать сумму на поддержку печатного органа Нижегородского союза, собрание из своего капитала в четверть миллиона руб. ассигновало сто рублей, а на другое предложение союза приказчиков разрешить его членам пользоваться библиотекой общества последовал отрицательный ответ «прогрессивного» правления, утвержденный общим собранием [2]).

Мы видим, что прогрессивность этих элементов — крайне условна и что еще после 1905 г. они крайне далеки от того, чтобы стать на пролетарскую классовую точку зрения.

Мы остановились так подробно на истории Нижегородского общества 1905 — 1906 г.г., потому, что, повидимому, приблизительно также

---

[1]) Между прочим, они провалили прием 60 новых членов, нарочно записанных проф. союзом приказчиков с целью завоевать там большинство.

[2]) Сведения, приведенные нами, почерпнуты из статьи А. А. Белозерова: „Опыт истории нижегородских профессиональных союзов" в сборнике „Рабочее и профессиональное движение в нижегородском крае".

обстояло дело и в большинстве других обществах взаимопомощи. Это видно из того, что, например, Непряхин, считающий, что после 1905 г. начинается процесс перерождения общества взаимопомощи приказчиков в профессиональные союзы, еще в 1913 г. писал: «Впрочем, все это только п р о ц е с с перерождения, продолжающийся даже и до сего времени; полное же перерождение обществ в профессиональные организации в широком смысле слова произойдет вероятно еще не скоро» [1]).

Это писалось в 1913 г. Ясно, что если бы приказчичья масса стала дожидаться конца этого «процесса перерождения», она, пожалуй, до сих пор и не имела бы еще своих классовых профессиональных союзов. В 1913 г. обществам взаимопомощи уже было поздно перерождаться в профессиональные союзы. Рабочая и приказчичья масса и без них знала, как строить свои боевые профессиональные союзы, и эти общества могли в дальнейшем только влачить жалкое существование.

И мы видим, как и то небольшое количество членов, которое было в этих организациях, после 1905 г., как правило, начинает таять. Так, в Нижегородском обществе количество членов из года в год падает и из 534 в 1905 г. опускается до 270 в 1916 г. По данным Непряхина, в Саратовском обществе взаимопомощи в 1907 г. имеется 242 чл., в 1908 г. — 201 чл., в 1909 г. — 161 чл., в 1910 г. — 163, в 1911 г. — 143, в 1912 г. — 132; в Екатеринбургском обществе количество членов падает с 413 в 1906 г. до 230 в 1911 г.; Рижское общество, насчитывающее в 1889 г. 260 чл., в 1911 г. насчитывает 177 чл.

Компактную массу обществ взаимопомощи мы встречаем еще среди печатников. Прокопович приводит сведения о 27 обществах печатников, но общее количество их больше. В приложениях к протоколу 1-й конференции печатников приводится список обществ, в котором имеется 10 касс, не вошедших в подсчет Прокоповича.

О деятельности касс взаимопомощи печатников имеется меньше сведений, чем о деятельности обществ приказчиков.

О физиономии их отчасти можно судить по имеющимся сравнительно подробным описаниям деятельности двух касс — Московской и Харьковской [2]). В другом месте нами была проанализирована деятельность этих касс и показано, что они по своей физиономии аналогичны обществам взаимопомощи приказчиков [3]) Приведем здесь еще несколько фактов, доказывающих, что и другие кассы печатников в общем и целом сходны с Московской и Харьковской.

Так, в Саратовской кассе в 1896 г. членов соревнователей было больше, чем действительных членов: соревнователей — 200, действительных 157.

---

[1]) стр 48.

[2]) См. В. Шер: „История профессионального движения рабочих печатного дела в Москве“ и Каплан: „История профессионального движения рабочих печатного дела в Харькове“.

[3]) См. нашу статью в „Вестнике Труда“ за 1923 г., № 1.

Об истории Нижегородского общества взаимопомощи печатников также имеются некоторые сведения в сборнике Нижегородского Истпрофа. Это общество возникло только в 1903 г. и среди общества взаимопомощи оно было одним из более прогрессивных, тем не менее оно не было пролетарской организацией. «По своему составу, — читаем мы в упомянутом сборнике, — общество носило смешанный характер, т. к. в него вошли не только рабочие, но и представители администрации, а также лица свободных профессий, — руководители редакций ежедневных газет... все заведующие типографиями и т. д. В руководящие органы этого общества было избрано только несколько человек из рабочих» [1]).

Хотя это общество было сравнительно прогрессивным и по словам цитированного сборника участвовало в 1-й конференции профессиональных союзов в Москве, тем не менее еще в 1905 г. председателем правления состоял литератор Чешихин-Ветринский, а секретарем — заведующий типографией. До середины 1907 г. общество продолжало существовать параллельно с союзом печатников; только в июле 1907 г. оно под давлением союза печатников решило ликвидироваться, передав все свои суммы союзу.

Что касается общей физиономии касс печатников, то в сводном докладе, приложенном к протоколам конференции печатников, об этом говорится: «Состав касс далеко не пролетарский: в большинстве из них участвуют управляющие, а в некоторых и хозяева. Разумеется это так или иначе отражается на их политике [2]).

Дальше приводятся данные только об одном обществе печатников, превратившемся в боевой классовый союз, и о 3-х обществах, решивших ликвидироваться, передав свои капиталы местным союзам печатников.

Что физиономия ряда других обществ печатников такова же, мы можем здесь видеть из материалов, относящихся к созыву С'езда профессиональных союзов в 1910 г.

IV.

Когда говорят о роли касс взаимопомощи в рабочем движении, то многие выдвигают такую мысль, что если «старые» общества взаимопомощи, созданные еще до 90-х годов, действительно не сыграли никакой роли в рабочем движении России, то «новые» общества, созданные в 90-х годах и позднее, уже сыграли некоторую роль в рабочем движении.

Эту мысль высказал тов. Колокольников на дискуссии, устроенной Истпрофом по этому вопросу. «В них (кассах взаимопомощи) — говорил он, — следует различать два периода. Первый период — это кассы, возникшие в 50 — 70 г.г., кассы, стоявшие совершенно в сто-

[1]) „Рабочее и профессиональное движение в нижегородском крае", стр. 54.
[2]) Протоколы 1-й конференции союзов печатников, стр. 18.

роне от рабочего движения и впоследствии также оставшиеся в стороне от него. В 90-х годах делаются попытки образования касс нового рода. Под видом еще взаимопомощи, некоторые благонамеренные элементы из наиболее квалифицированных рабочих делают попытки создать себе суррогат профессиональных организаций... В эти последние втягиваются почти в первый раз новые группы рабочих. До 90-х годов мы имели вспомогательные кассы только среди печатников. В 90-х годах делаются попытки организации таковых среди рабочих по металлу».

Эту же мысль высказал на том же собрании другой видный работник профессионального движения периода 1905 — 1907 г. — А. М. Никитин. Правда, и Колокольников, и Никитин спешат прибавить, что и эти новые общества взаимопомощи никакой роли не сыграли в деле подготовки почвы для профессионального движения. Но мы считаем необходимым остановиться на этой мысли, потому что она может служить подкреплением для той точки зрения, согласно которой общества взаимопомощи сыграли роль одного из «истоков» российского профессионального движения. На этой мысли по существу базировался тов. Яроцкий, когда он в своем докладе на дискуссии Истпрофа говорил:

«Чем дальше шел процесс превращения русской промышленности в чисто капиталистическую промышленность, чем сильнее сталкивались классовые противоречия, тем все больше эти слабые неоформленные организации-общества взаимопомощи (мы здесь проходим мимо того факта, что тов. Яроцкий отождествляет общества взаимопомощи с неоформленными организациями, что по нашему мнению — неправильно) освобождались... от чрезмерного уклона в сторону патриотизма, от приглашения бесконечного числа почетных членов и попечителей и тем более они становились выдержанными классовыми организациями. Накануне 1905 г. этот процесс в обществах взаимопомощи идет очень ярко».

Если бы действительно правильна была та версия, по которой общества взаимопомощи были одним из истоков российского профессионального движения, то мы должны были действительно наблюдать, по мере роста рабочего движения в России, процесс постепенного проникновения в эти организации духа классовой борьбы, — процесс, который должен был получить свое яркое выражение уже накануне 1905 г., а к 1905 г. получить свое полное завершение.

Но если мы присмотримся к делу поближе, то окажется, что это не так. Со слов Л. Мартова следует, что так называемые «общественники» как раз не были сторонниками создания организаций для обслуживания стачечного движения; по словам Мартова, они «держались в стороне от стачечного движения», были недовольны «односторонним развитием экономической агитации вширь» и находили темп, принятый классовой борьбой в России, «слишком ускоренным». Словом—это были элементы, которые не только «стояли в стороне от рабочего движения»

(слова тов. Колокольникова), но они стояли в стороне и от стачечного движения.

Поэтому нельзя считать, что на деятельности этих «новых» обществ отразилось стачечное движение, что они явились результатом взрыхления почвы стачечным движением. Их как раз оттолкнуло от себя стачечное движение, и они пошли в легальные мирные общества заниматься «чистым культурничеством» в противовес массовому стачечному движению. И если мы обратимся к деятельности Харьковского общества, то мы увидим, что по существу оно не выходило из рамок «чистого культурничества». Правда, подробной истории Харьковского общества взаимопомощи лиц, занимающихся ремесленным трудом, мы еще не имеем, но имеющиеся факты достаточны для того, чтобы показать, что эта организация по существу не выходила за рамки, пусть широко понятой, взаимопомощи.

Это можно видеть из доклада Евдокимова по вопросу о всероссийском с'езде, прочитанного им на общем собрании этого общества в феврале 1905 г. Несмотря на то, что Евдокимов и другие т. н. «социал-демократы Иваново-Вознесенского толка», группировавшиеся вокруг этой организации, были там самыми левыми элементами.

Евдокимов в этом докладе не выходит за пределы взаимопомощи. Для иллюстрации приведем некоторые места из этого доклада:

«Все более и более, — говорится в нем, — растет сознание в рядах работников, что только взаимопомощь в самом широком смысле этого слова, взаимопомощь, обнимающая и материальную и духовную жизнь нашу, может дисциплинировать, облагородить, направить на верный путь одинокого, беспомощного работника наших дней».

В другом месте доклада мы читаем: «Принцип взаимопомощи получает полное осуществление при том лишь условии, если рабочая молодежь принимает возможно большее участие в его осуществлении, ибо только тогда до некоторой степени возможно накопление фондов, страхующих болезнь, инвалидность, осиротевшую семью, словом — все что сопутствует зрелому возрасту работников».

Мы видим, что речь все время идет только о взаимопомощи. В докладе кое где употребляются выражения «профессиональное об'единение», но дальше «изучения профессионального быта работников» доклад не идет. Никаких разговоров в нем нет не только о классовой, но и о профессиональной борьбе. Недаром другой «общественик», руководитель этого общества — Ф. Кондратьев, подводя итог деятельности Харьковского общества, сказал: «Оглянемся, господа, назад на пройденный нами семилетний путь. Что мы все время делали? В чем проявилась наша инициатива, могущая послужить на пользу общества и всего рабочего класса? За очень немногими исключениями, мы, можно сказать, ничего не делали; мы ограничивали свою деятельность приемом член-

ских взносов, да выдачей пособий. Все носило печать какой-то сдавленности, узости намечаемых задач» [1]).

Так обстояло дело в самом прогрессивном из обществ взаимопомощи к началу 1905 г. Это видно, также из того, что пока инициатива всероссийского с'езда находилась в руках Харьковского общества, задачи созываемого с'езда фактически не выходили за рамки взаимопомощи. В программе с'езда, опубликованной в печати Харьковским обществом и разосланной всем обществам взаимопомощи, были включены только вопросы взаимопомощи материальной и духовной. Единственный пункт, имевший отношение к стачечной борьбе, был сформулирован следующим образом: «Деятельность обществ во всех возможных условиях, где взаимные отношения между предпринимателями и рабочими требуют их участия, предупреждение столкновения между работодателями и рабочими, отношение обществ взаимопомощи к стачкам». В такой постановке этот пункт собственно означал не превращение обществ в боевые союзы, а наоборот, борьбу со стачечным движением.

Когда же, после установления связи с Питерскими и Московскими союзами, физиономия с'езда преобразилась, и стало намечаться, что с'езд будет носить характер профессионального с'езда, Харьковское общество отошло от дела и продолжало свое существование, не преобразившись в профессиональный союз.

В самом же 1905 г., хотя бурный момент, конечно, оказал на него некоторое влияние, но вполне боевую тактику оно не вело. Это видно как из умеренного тона программы с'езда, выработанной Харьковским обществом, так из целого ряда отдельных действий этого общества. Так, оно с полной готовностью выбрало своих представителей в комиссию Шидловского; телеграфно потребовало допущения своего представителя в комиссию Коковцева. Это показывает, что еще в 1905 г. Харьковское общество мыслило себе защиту интересов рабочих путем участия в правительственных комиссиях. И это было уже после январьских событий 1905 г., когда все элемнты рабочего класса в большей или меньшей мере проникнутые классовым сознанием, уже понимали, что улучшить положение рабочих можно только путем экономической и политической революционной классовой борьбы; когда даже представители обществ взаимопомощи приказчиков в своем большинстве нашли необходимым демонстративно покинуть совещание по приказчичьему вопросу, созванное под председательством товарища министра финансов — Тимирязева.

Правда, в истории общества мы имели два таких факта, что оно в 1900 г. выдало пособие своим членам, пострадавшим за участие в май-

---

[1]) См. подготовленный Истпрофом к печати сборник материалов о 1-ой и 2-ой Всероссийских конфер. профес. союзов, составители которого т.т. Колокольников и Рапопорт предоставили нам возможность воспользоваться собранными ими материалами. (Взято из примечаний П. Колокольникова).

ской демонстрации, а в 1905 г. ассигновало сумму денег в пользу семейств жертв 9-го января [1]).

Но эти факты не являются звеньями целой цепи превращения этой организации в классовый профессиональный союз, а только случайным эпизодом в истории общества, и не по ним определяется его физиономия в основных своих чертах. В общем и целом, как широко эта организация ни ставила свои задачи, она все таки ничего, или почти ничего, не сделала в направлении развития класового сознания рабочих и сознания ими необходимости создания профессиональных союзов.

Так выглядело наиболее прогрессивное, передовое, образцовое из обществ взаимопомощи, ставившее себе наиболее широкие задачи.

Если же мы от него обратимся к другим обществам взаимопомощи, хотя бы «нового поколения», мы увидим, что там дело обстоит еще хуже. Это можно видеть из записей А. А. Евдокимова, совершившего об'езд обществ взаимопомощи с целью подготовки созыва всероссийского с'езда [2]).

Вот, например, его запись о Николаевском обществе взаимного вспоможения лиц, занимающихся ремесленным трудом, возникшем в 1903 г. под непосредственным влиянием Харьковского общества.

«Впечатление от деятельности Николаевских общественников такое, как будто они желали бы что нибудь сделать, да испытывают конфузливую робость. На вопрос, почему у вас так медленно подвигается дело, (они) сознаются откровенно: публика у нас среди инициаторов пожилая, робкая, привлечь членов некому, молодежь участия не принимает». К концу 1904 г. это общество насчитывало всего 50 членов, несмотря на то, что в Николаеве был ряд крупных механических заводов.

В другом обществе — Киевских наборщиков — в конце 1904 г., по записям Евдокимова, как будто пробудился классовый дух, но этого «пробуждения классового духа» хватило только на то, чтобы после вынесения приветственного адреса члену-соревнователю, владельцу типографии, отказаться голосовать за учреждение стипендии имени юбиляра. Этот «классовый дух» крайне сомнительного качества; проявление его в конце 1904 г. не может явиться «истоком» профессионального движения. Не лучше, а чаще всего хуже обстоят дела к моменту об'езда, по записям Евдокимова, — в обществах взаимопомощи печатников Петербурга, Одессы, а также во всех других посещенных им обществах, за исключением одного-двух.

Все приведенные нами фактические данные показывают, что еще в конце 1904 г. и в начале 1905 г. даже наиболее прогрессивные из обществ взаимопомощи еще были далеки от того, чтобы быть накануне

---

[1]) Колокольников в выше указанных примечаниях приводит факт выдачи пособия стачечникам во время забастовки на паровозостроительном заводе в Харькове в начале 1905 г.

[2]) Эти записи воспроизведены в примечаниях П. Колокольникова к материалам о 1-ой и 2-ой всероссийской конференциях профессиональных союзов.

превращения в классовые профессиональные союзы. Правда, во многих из них к этому времени начинается борьба двух течений: консервативного и более левого; но программа более левого течения в общем и целом еще не выходит за пределы взаимопомощи. Оно только стремится видоизменить формы самой взаимопомощи, перейти от узкой взаимопомощи, выражающейся в выдаче пособий и т. д., к более широкой взаимопомощи, выражающейся в организации бюро труда, библиотек, курсов и школ и т. д.

Если изучать деятельность обществ взаимопомощи самих по себе, то вполне возможно, что эта борьба течений имеет определенное значение, но если подойти к такому изучению с точки зрения роли обществ, как возможного истока профессионального движения, то она теряет всякое значение; ибо победа «левого» течения все равно еще не поставила бы их на рельсы пролетарской классовой борьбы.

Если взять из программы «левого течения даже такой пункт, как организация посредничества по найму, путем ли создания бюро труда или иными путями, то мы увидим, что в тех условиях эта функция могла только отдалять, а не приближать общества взаимопомощи к позиции пролетарской классовой борьбы. Дело в том, что если классовые профессиональные союзы стремяться организовать посредничество по найму, то они это стремятся осуществить путем монополизации в своих руках всего дела распределения рабочей силы, а это возможно только тогда, когда союзы охватывают широкие кадры рабочей массы. Общества взаимопомощи не могли ставить себе такой задачи: они об'единяли ничтожный процент рабочих. Поэтому, организация при них дела посредничества по найму должна была только привести к тому, чтобы они старались быть на хорошем счету у хозяев, иначе хозяева не соглашались бы брать рабочих или служащих по их рекомендации. Это понятно не способствовало бы проникновению в общества взаимопомощи пролетарского классового духа.

Попробуем обратиться к программе культурно-просветительной деятельности, обычно выдвигаемой «левым» течением. Здесь мы увидим, что и она мало приближала эти организации к типу классового профессионального союза. Дело в том, что все эти библиотеки, курсы и школы в тот момент не могли быть предназначены для широкой массы рядовых рабочих, которая имела такие тяжелые условия труда, что ей никакие курсы, библиотеки и школы в голову лезть не могли. Прежде чем заниматься повышением своего культурного уровня, широкой массе рабочих необходимо было отвоевать более сносные условия жизни, чтобы они имели физическую возможность заниматься удовлетворением своих культурных потребностей и чтобы эти потребности у них могли появиться.

В этой обстановке все эти библиотеки, читальни, школы, курсы и клубы об'ективно могли иметь одно значение — они были предназначены к тому, чтобы удовлетворить культурные потребности наиболее обеспе-

ченной верхушки рабочего класса, создать для нее «уютную», «культурную» обстановку и тем самым способствовать отрыву ее от широкой рабочей массы, от ее невзгод и борьбы. Ясно, что это также не могло способствовать тому, чтобы общества пропитывались духом классовой борьбы.

Подводим итоги. Мы пытались подобным образом исследовать различные виды обществ взаимопомощи, подойти к ним с разных сторон и выяснить, имеется ли какая либо преемственная связь между их деятельностью и деятельностью народившихся после 1905 г. профессиональных союзов? Происходило ли в них накопление таких элементов, которые впоследствии вошли, как составная часть в русло российского классового профессионального движения?

И если тов. Яроцкий ставит вопрос «имеем ли мы право считать, что общества взаимопомощи не являются предшественниками профессиональных союзов» [1]), то нам кажется, что все выше приведенные данные дают нам право с полной категоричностью ответить на него отрицательно. Общества взаимопомощи не были предшественниками российских профессиональных союзов, если термин «предшественники» не толковать в том смысле, что общества взаимопомощи хронологически предшествовали профессиональным союзам.

Та классовая выдержанность, тот боевой дух, которым с самого начала насквозь проникнуты наши профессиональные союзы также являются подтверждением того, что среди истоков, которые влились в широкое русло российского профессионального движения, не было обществ взаимопомощи. Иначе они внесли бы в наше профессиональное движение мутную струю рабочего аристократизма, умеренности и оппортунизма.

Вполне прав был ветеран российского профессионального движения — тов. Рязанов, когда он на дискуссии в Истпрофе сказал (и это тогда было подтверждено всеми старыми участниками российского профессионального движения) — «Источником профессионального движения в России является революционное движение рабочего класса».

---

[1]) „Призыв“ № 3, стр. 219.

Отдел II.

СТАТЬИ И МОНОГРАФИИ.

М. ЗАЯЦ.

Зачатки профессионального движения текстильщиков Центрального Промышленного Района.

Стачечное движение текстильных рабочих центрального района уже на первых шагах своего развития приняло широкие размеры. Характер этого движения определялся с одной стороны поразительно быстрым ростом хлопчато-бумажной промышленности в этом районе, а с другой — своеобразной социальной обстановкой, сложившейся здесь в результате этого роста. Вот как характеризует Л. Мартов общественную обстановку, окружавшую пролетариат центрального района во 2-й половине 19-го века. «В этом районе, — пишет он в одной из своих последних статей, — особенно в его руководящем центре «Русском Манчестере» — Иваново-Вознесенске, рабочее движение с самого начала развивалось в иной общественной обстановке, чем движение в столицах и больших центрах юга. Отсутствовали такие, стимулирующие классовые движения, факторы, как борьба революционной интеллигенции, студенческое движение, активная цензовая оппозиция, поощряемая последней культурническая деятельность, — все факторы, которые в других пунктах облегчили проникновение в рабочие массы обще-гражданских и обще-демократических интересов. При отсутствии общественно-влиятельного земельного дворянства и многочисленной интеллигенции население здесь резко распадалось на два класса: фабричный пролетариат и консервативную, весьма богатую, капиталистическую буржуазию» [1]). Это своеобразная общественная обстановка, сложившаяся в силу специфических условий экономического развития района, как нельзя лучше способствовала расширению и обострению экономической борьбы в этом районе. «Принявши уже в 80 г.г. широкие размеры, — пишет тот же Мартов, — рабочее движение здесь сразу вылилось в формы настойчивой борьбы за улучшение условий труда, — борьбы, в которой рабочим противостоял как единый цельный блок весь мир имущих с представителями власти вкупе» [2]).

Л. Мартов имеет здесь в виду, главным образом, текстильных рабочих, игравших в течение 19-го века крупную роль в рабочем движении

---

[1]) Л. Мартов. „К истории социал-демократических идей в России" „Летопись революции" кн. I, стр. 142. Изд. Гржебина, Берлин—Москва—Петроград. 1923 г.
[2]) Там же.

всей России, в том числе и центрального района. Первоначально стачечное движение этих рабочих в Московской области носит еще стихийный характер. Разгром фабрик был здесь не редким явлением. Но уже в 80-ые годы движение начинает принимать более организованные формы. В этом отношении характерна известная Морозовская стачка 1885 года. По словам М. Балабанова, «первое, что бросается в глаза при знакомстве со стачкой (Морозовской) — это ее организованная подготовка и организованное осуществление. Ее задумали немногие, более сознательные рабочие (Моисеенко, Волков и Иванов), о ней совещались, ее назначали на определенный день; на протяжении всего предшествующего времени мы могли отметить черты движения — организованной сплоченности—только в Петербургских стачках в 1878—79 г.г.» [1]). Возникшая в этом же году стачка 6.000 рабочих на 6 крупных Ивановских фабриках также была проведена организованно; повидимому, и здесь рабочие предварительно сговорились между собой [2]). Из этого мы видим, что уже в средине 80-х годов стачки текстильных рабочих центра перестали быть абсолютно стихийными. В них начинается вноситься элемент организованности, но эта организованность еще носит случайный характер. Еще действуют только отдельные сознательные рабочие, нет еще организации, которая занималась бы систематическим сплочением рабочих на почве борьбы за их экономические интересы.

Такие организации начинают создаваться только при новом под'еме стачечной волны, в средине 90-х годов. В это время, как известно, социал-демократические элементы рабочего движения переходят от пропаганды к агитации, т.-е. к руководству экономической борьбой рабочих. С особой силой эта новая тактика социал-демократии должна была сказаться в Московской промышленной области и особенно в Иваново-Вознесенске и его районе, где отмеченная выше социальная обстановка сама по себе способствовала сближению социалистического и экономического движения. Так, напр., говоря о переходе Московского партийного кружка к массовой агитации, М. Лядов пишет: «В Москве иной постановки дела (чем ликвидация кружковых методов работы. М. З.) и быть не могло: здесь главная масса рабочих — это рабочие текстильной промышленности, среди которых ... давно уже началась стихийная экономическая борьба, выражавшаяся в коллективных формах оборонительной стачки, т. н. фабричного бунта, в прошениях «скопом» и т. д. Наличность этой возникшей помимо воздействия социал-демократов борьбы и была причиной, почему в Москве ... не могла развиться чистая кружковщина. Сознательным кружковым рабочим с самого начала естественно пришлось взять на себя руководство стачечным движением, чтобы предохранить его от вредных проявлений и направить на путь развития клас-

[1]) М. Балабанов: „Очерки по истории рабочего класса в России". Часть 2-я, стр. 226. Киев, 1924 г.

[2]) См. Л. Мартов: „Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Москва, 1923 г. стр. 22.

сового самосознания» [1]). То, что сказано здесь о Москве, может быть, конечно, отнесено также и к другим крупным текстильным центрам Московской области, в особенности к Иваново-Вознесенскому району.

Новая тактика социал-демократии, попытка ее перейти к новым методам работы, перенеся центр тяжести ее на фабрики и заводы, шла навстречу потребностям широких рабочих масс, среди которых в ходе энергичной и достаточно успешной экономической борьбы 90-х г.г. стали пробуждаться и развиваться навыки организованных действий и стремление к организации и самодеятельности. Это-то настроение рабочих масс и привело к мысли об устройстве постоянных организаций, в виде боевых стачечных касс для руководства стачечной борьбою. Среди текстильных рабочих московской области такие кассы впервые возникли в Иваново-Вознесенске и Костроме. Так, в обзоре рабочего движения 90-х годов в Иваново-Вознесенске, изданном в 1900 году в Женеве, мы читаем, что уже в 1892 году здесь был составлен кружок из 7 рабочих, в котором много внимания уделялось «положению западно-европейских рабочих, сравнению этого положения с русской действительностью и выяснению тех приемов, при помощи которых наши заграничные товарищи добились лучшей доли» [2]). Кружок этот быстро разростался. «В течение двух лет,—читаем мы дальше в этом обзоре,—число членов кружка дошло до 15 человек, причем была основана касса. Летом 1895 г. Отроков [3]) предложил расширить деятельность кружка привлечением более широкого круга рабочих. Число участников кружка, теперь уже названного Иваново-Вознесенским союзом, все увеличивалось. Собрания были многолюдны и оживленны. Кроме кассы у союза была библиотека с значительным количеством легальных и нелегальных книг [4]).

Один из членов Ивановского союза, тов. Махов, так описывает возникновение этого союза и организацию при нем нелегальной кассы. «После речей (на тайном собрании 1-го мая 1895 г. М. З.) поднялся вопрос об организации Иваново-Вознесенского рабочего союза с членскими взносами в кассу союза и на библиотеку. После долгих споров остановились на 2% взносах и тем положили основание Иваново-Вознесенскому союзу» [5]).

Между тем, замкнутый и чисто пропагандистский характер Ивановского кружка перестал уже удовлетворять потребностям развившегося здесь рабочего движения. Решающее значение в этом отношении имела крупная стачка ткачей на Иваново-Вознесеской мануфактуре, разразившаяся осенью 1895 года. Эта стачка ребром поставила перед Ивановским кружком вопрос об отношении его к массовому движению. «Про-

---

[1]) М. Лядов. „История Российск. Соц.-Дем. партии". Ч. I, стр. 79.
[2]) „Рабочее движение в Иваново-Вознесенске". Женева, 1900 г., стр. 14.
[3]) Молодой ткач, один из активнейших членов этого кружка. Умер в 1899 году в ссылке в Олонецкой губернии.
[4]) Там же.
[5]) „Иваново-Вознесенский Губернский Ежегодник". 1920 год, стр. 26.

паганда не удовлетворяла уже многих членов. Они стремились к агитации, стремились воздействовать на всю рабочую массу... К весне 1896 года с увеличением числа членов выяснилась необходимость составить две программы: одну — для более сознательных рабочих с выяснением отдаленных социалистических целей, а другую — для широкой рабочей массы, с целью выяснения ближайших целей рабочего движения, причем в основу было поставлено устройство стачечных касс» [1]). Эта тактика прямого воздействия на рабочую массу путем «выяснения ближайших ее целей», т.-е. организации ее экономической борьбы, ясно обозначилась здесь к концу 90-х годов, когда так называемый «экономизм» стал проникать в среду Ивановских социал-демократов. В социалистической литературе в свое время указывалось («Листок работника») на уклон Ивановских социал-демократов в сторону «экономизма». Но, как утверждает виднейшая партийная работница 90-х годов в Иваново-Вознесенском районе, О. Варенцова, «экономизма, как определенного течения, нашедшего потом законченное выражение в «Рабочей Мысли», «Рабочем Деле» и «Credo», в Иваново-Вознесенском районе никогда не наблюдалось. Руководители рабочих кружков Ф. А. Кондратьев и А. А. Евдокимов позднее примкнули к этому направлению, когда уже покинули Иваново-Вознесенск» [2]). Но не вполне осознанный стихийный «экономизм», очевидно, к концу 90-х г.г. намечался здесь и вызывался он всей социальной обстановкой, окружавшей пролетариат Иваново-Вознесенского района, где классовая борьба и общественные противоречия выступали в более оголенной и упрощенной, чем где либо, форме. В такой обстановке те самые причины, обусловившие «экономическое» течение — промышленный под'ем и успешная экономическая борьба 90-х г.г.—и создавшие иллюзию, что политическое революционизировние рабочих масс возможно лишь, как результат агитации на почве непосредственно-экономических конфликтов между рабочими и фабрикантами, должны были действовать с большей силой и наглядностью. В этом же направлении толкала и абсолютная политическая несознательность рабочих Иваново-Вознесенского района, вынуждавшая молодых и неопытных еще партийных работников приспосабливаться к «стихии» и вести чисто экономическую агитацию.

«Поневоле, — писал А. Рябинин, ссылаясь на темноту и невежество рабочих Иваново-Вознесенского района, — практически порой приходилось казаться поссибилистами в духе экономизма и в известной мере постепеновцами в духе «Рабочего Дела» [3]). Но определенной формы и по его

---

[1]) „Рабочее движение в Иваново-Вознесенске". Женева, 1900 г., стр. 14.

[2]) См. примеч. О. Варенцовой к ст. Р. Семенчикова: „Об экономизме и экономистах 90 г.г. в Иван.-Воз. районе". („Материалы для биографии Р. Семенчикова").

[3]) А. Рябинин. „Из истории рабочего движения в Иваново-Воз. пром. районе". Журн. „Минувшие годы" 1908 г. № 5—6, стр. 481. „Рабочее Дело" — орган „Союза Русск. Соц.-Демокр."—выразитель „экономического" направления.

мнению «экономическое» течение здесь не приняло. На это указывает также и один из представителей Ивановских «экономистов», Р. Семенчиков. «Жалкое положение рабочих, — пишет он в уже отмеченной статье, — «экономисты» приписывали низкому уровню развития рабочих, и в самом деле, крайне невежественных. Верные своему взгляду они сообразно этому и действовали; распространяли свою деятельность по возможности на большую часть фабрик, знакомясь с условиями фабричной жизни, разбирая более яркие ее проявления, а главное расширяя умственный кругозор рабочих, приходящих с ними в соприкосновение... Интересно отношение «экономистов» к правительству: они его критиковали, но не в основах, как теперь, а только по действиям, направленным против рабочих и то лишь особо выдающимся, как например, стрельба в рабочих во время стачек или аресты товарищей» [1]).

Таким образом мы видим, что «экономизм», правда, не вполне определившийся и не возведенный в теорию, а, так сказать, стихийный, имел место в конце 90-х годов в Иваново-Вознесенском районе. И быть может совсем не случайно, что идея созыва обще-рабочего с'езда впервые исходит именно из Иваново-Вознесенска. С этой идеей выступил здесь «Союз Рабочих Русского Манчестера» в 1899 или 1900 г. в специально выпущенном им воззвании и напечатанном в № 8 «Рабочей Мысли» (орган Петербургских «экономистов»). Судя по этому воззванию, с'езд должен был быть «чисто рабочим». «Желательно, — читаем мы в нем, — чтобы интеллигенты не были представителями, а исключительно рабочие». Задача с'езда — наметить практическую программу действий. «Пора нам, — говорит дальше воззвание, — связать отдельные организации в один общий рабочий союз... для взаимного обмена средствами и литературой; для пред'явления одинаковых требований в забастовках рабочих; для передачи всех сведений о рабочем движении, о действиях правительства и фабричной администрации». Редакция «Рабочего Дела» (в № 6) дала, между прочим, сочувственный отзыв об этом воззвании «Союза рабочих русского Манчестера», прибавив от себя, что с'езд должен носить практический характер и выработать программу деятельности, которую не следует смешивать с партийной программой.

Насколько среди Ивановских социал-демократических организаций было сильно стремление связаться с экономическим движением рабочих, видно и из того, что и «Северный Союз Р. С.-Д. Р. П.» основной своей задачей считал организацию стачечной борьбы. «С'езд Северного Союза, — гласят пункты 14 и 15 программы этого союза, составленной в начале 1902 г., — будет по отношению к стачкам играть не только пассивную, но и активную роль, стремясь возбудить рабочих к сознательной борьбе с их непосредственными эксплоататорами за улучшение экономического положения. С'езд Северного Союза считает стачку лучшим

---

[1]) См. „Материалы для биографии Р. Семенчикова. Изд. Истпарта 1922 г.

средством борьбы, за улучшение положения рабочих [1]). Замечательно, что этот союз считал необходимым организовывать общие стачки «одновременно на многих фабриках одного производства и на фабриках целого района» [2]).

В 1903 году этот союз в лице руководимой им ярославской социал-демократической группы выступил даже с идеей необходимости профессиональной организации. Так, в листовке выпущенной группой в этом году по поводу одной стачки наряду с требованиями политического характера имеется, между прочим, и следующее: «Для борьбы с обидчиками (фабрикантами. М. З.) и правительством надо действовать скопом. Надо устраивать союзы для взаимопомощи и обороны и наступательной борьбы» [3]).

Таким образом, мы видим, что Ивановские социал-демкораты неоднократно ставили перед собой задачу организации экономической борьбы рабочих, в виде ли нелегальных стачечных касс или более широких рабочих организаций. Но, последние не могли быть созданы и существовать по политическим условиям того времени. Только нелегальные, строго конспиративные, стачечные кассы могли существовать при полицейском режиме 90-х годов — и Ивановские социал-демократы пытались их создавать. К сожалению, в упомянутом обзоре ничего не сообщается о деятельности Ивановской нелегальной кассы. Повидимому, она была больше средством для вовлечения рабочих в ряды социал-демократии, чем для руководства их экономической борьбой [4]). Но тот факт, что Ивановские социал-демократические организации каждый раз вынуждены были ставить перед собой вопрос о сближении с экономическим движением и организации нелегальных стачечных касс показывает, насколько сильна была здесь потребность в руководстве экономической борьбой рабочих.

В Костроме нелегальные стачечные кассы имели, повидимому, большее распространение. Здесь они были известны под именем «Рабочих касс». Первая такая касса возникла здесь также в 1895 году. Основал эту кассу «чисто социал-демократический пропагандистский кружок» из рабочих, возникший по инициативе приехавшего сюда в этом году интеллигента. В сравнительно короткое время этому кружку удалось установить широкие связи с рабочими, и в 1896 г. он уже мог выступить инициатором и руководителем крупной стачки ткачей на фабрике Зотова. Стачка эта была проведена им с замечательной организованностью.

---

[1]) Программа опубликована в указанной „Летописи Революции".
[2]) Там же.
[3]) Приведено в статье Е. „Дмитриева". Очерк из Истории революционного движения в Ярославской губ. (1883-1905 г.г.), помещенной в сборнике Ярославского губкома. „Из истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле (1922).
[4]) Нелегальная касса была организована в 1897 г. при Кохмском партийном кружке и повидимому преследовала те же цели (см. указан. статью Рябинина.

Стачечникам была оказана «щедрая поддержка денежными средствами», было даже выпущено специальное воззвание к местной интеллигенции о денежной помощи и установлена связь с другими городами [1]). Многие революционные организации, как, например, «Московский Рабочий Союз», «Петербургский Союз Борьбы» и «Московская студенческая Организация» откликнулись на эту стачку солидной для того времени денежной помощью. «Деньги на Зотовскую стачку собирались во многих местах России... Кроме того рабочие других Костромских фабрик собственными средствами помогали беднейшим стачечникам» [2]). После этой стачки кружок вынужден был ликвидироваться и его место занял вновь возникший (в 1897 г.) молодой кружок, который также основал рабочую кассу, «в которую входило человек 40 рабочих, и (которой. М. З.) устраивались вечеринки, на которых также присутствовали рабочие... Летом 1897 г. возникла стачка в фабричном селе Кинешемского уезда, Новолоке. Эта новая группа принимала также участие и в этой стачке, собирая для стачечников деньги и снабжая их нелегальной литературой» [3]). Когда летом 1897 г. и этот кружок распался, то «за дело принялись сами рабочие, устроив несколько тайных рабочих касс и ряд рабочих собраний, на которых читалась нелегальная литература и обсуждалось положение рабочих» [4]). Характерно, что сравнительно продолжительное время эти рабочие кассы существовали без всякого руководства со стороны соц.-дем. Так, цитированный нами «отчет» сообщает: «С распадением этой организации (молодого кружка. М. З.) на некоторое время прекращаются связи Костромских рабочих с местной интеллигенцией, хотя ранее брошенные революционные семена от этого не глохнут и продолжают давать богатые ростки. За дело теперь принялись сами рабочие (следует приведенная выше цитата)... Доставка нелегальной литературы Костромским рабочим в конце 1898 и к началу 1899 г. принимает случайный характер, приезжает на каникулы какой-нибудь студент социал-демократ и привозит с собой литературу, которую передает в рабочую среду через какое-нибудь лицо, имеющее случайные связи» [5]). Повидимому, идея рабочей организации пустила здесь прочные корни в рабочей среде.

Подробных сведений и о деятельности костромских «рабочих касс» не имеется. Но, из всего приведенного выше об этих кассах, мы можем сделать некоторые, более или менее определенные, выводы на этот счет. Тот факт, что эти кассы имели широкое распространение («устроив несколько рабочих касс») и некоторое время даже существовали без руководства и содействия социал-демократии показывает, что они питались не столько социалистическим, сколько экономическим движением.

---

[1]) „Рабочее движение в Костроме". Женева, 1900 г.
[2]) Там же, стр. 9.
[3]) Там же, стр. 12.
[4]) Там же, стр. 14.
[5]) Там же.

С другой стороны приведенное выше указание на то, что стачечникам Зотовской фабрики и фабрики в селе Новолоках, очевидно при посредстве рабочих касс, оказывалась широкая материальная помощь, а также и на то, что в этих кассах «обсуждалось положение рабочих», дает основание предполагать, что они по своим задачам приближались к нелегальным стачечным кассам, возникшим в это время в других промышленных центрах России и выполняли аналогичные им функции—руководство стачечной борьбой и развитие классового самосознания рабочих. В одном месте неоднократно нами цитированного доклада имеется даже прямое указание на этот счет. Так, о рабочей кассе, основанной социал-демократическим кружком весной 1900 г., определенно говорится, что она имела целью «помогать пострадавшим за рабочее дело и покупку нелегальной литературы для рабочих». Если принять во внимание условия нелегального существования, то это ограничение кассой своей деятельности узким кругом рабочих — станет для нас ясной. Но и в этих ограниченных размерах касса несомненно способствовала организации стачечной борьбы Костромских рабочих ибо, оказывая помощь хотя бы исключительно «пострадавшим за рабочее дело», т.-е. наиболее сознательным рабочим, она этим самым облегчала стачечную борьбу рабочих.

В Москве текстильщики не имели своих самостоятельных касс, но входили в общую боевую кассу, организованную «Московским Рабочим Союзом». Об организации этой кассы мы в книге М. Лядова «История Российской Социал-Демократической Партии» читаем следующее: «На маевке (в 1895 г.) было единогласно принято решение немедленно же приступить к осуществлению широкой организации... Относительно касс постановляется, что они должны быть фабричными, а не разделяться по профессиям... Решено было взаимопомощь отодвинуть на задний план... Главная же цель касс должна быть боевая. Они должны доставлять средства на приобретение литературы, на помощь арестованным и потерявшим работу за агитацию, на стачечный фонд и только остатки от всех этих сумм на оказание поддержки рабочим в других случаях» (ч. I, стр. 116).

В отчете Центрального Комитета «Московского Рабочего Союза» приводятся очень интересные сведения о возникших между представителями заводских и фабричных рабочих спорах по вопросу о способе устройства этих касс. «Вопрос о кассе вызвал сильные споры... Споры шли не о задачах кассы, которые все понимали одинаково, а о способах ее устройства. На собраниях заводских ячеек обсуждался вопрос: ставить ли сразу общую Центральную кассу или дойти до нее путем организации об'единения местных касс»[1]). Заводские рабочие, в большинстве своем высококвалифицированные (модельщики и др.) явились сторонниками устройства касс по профессиям. Фабричные же рабочие,

[1]) „Работник" № 3-4. Стр. 36-37.

главную массу которых составляли текстильщики, высказались, наоборот, за устройство централизованной общей кассы.

Низкая заработная плата текстильщиков не позволяла им, по примеру лучше оплачиваемых заводских рабочих, накоплять маломальски значительные фонды для организации самостоятельных касс. Поэтому-то они и выступили застрельщиками общих боевых касс. «Голосуя за Центральную кассу, — говорит М. Лядов, — они (фабричные рабочие) тем самым высказывались за мысль, чтобы каждый рабочий, независимо от своей профессии, чувствовал себя обязанным помогать в каждом случае стачке, чтобы рабочая аристократия приходила на помощь своим более нуждающимся братьям. Этому разряду рабочих идея классовой солидарности подсказывалась самой жизнью» [1]).

По своим организационным формам Московские боевые кассы во многом напоминали «бундовские кассы». Подобно им, они возникли не стихийно из самой рабочей среды, как например, Петербургские стачечные кассы, а были организованы по инициативе социал-демократов и находились под их непосредственным руководством; подобно им же они предназначены были быть не самостоятельными организациями, а низовыми, первичными ячейками Московской социал-демократической организации, находящимися в тесном соприкосновении с широкой рабочей массой и стремящимися эту массу организовать [2]).

Мы видим таким образом, что процесс организации экономической борьбы текстильных рабочих центрального района в 90-х годах развивался в аналогичных с другими фабрично-заводскими рабочими формах. Два момента характеризуют стачечное движение этого периода. С одной стороны в ходе этого движения выростала самодеятельность и стремление к организованности самих рабочих масс. С другой стороны и социал-демократы приобщаются к массовому экономическому движению и стараются организовать его, внести в него известную планомерность и подготовленность. Это по существу два параллельных процесса, обусловленные одной и той же причиной — промышленным под'емом 90-х годов.

Развитие социал-демократической мысли шло параллельно с ростом стихийного рабочего движения. Каждый из этих двух факторов влиял на другой и сам подвергался его воздействию. Стремясь овладеть массовым экономическим движением, социал-демократы стали изменять свои методы работы и создавать для этого специальные организации в виде нелегальных стачечных касс. Такие кассы были созданы ими и среди текстильных рабочих центрального района. Функции этих касс, выясненные выше, лишь впоследствии получили широкое развитие в оформленных профессиональных организациях. В нелегальных стачечных

---

[1]) М. Лядов „История Рос. Соц.-Дем. партии". ч. II. Стр. 59.
[2]) См. изложение М. Лядовым организационных планов Московской. Организации в связи с кассами.

кассах они только намечались и сами эти кассы были лишь контурами будущих организационных форм — профессиональных союзов. Вот почему мы можем описанные нами костромские «рабочие кассы», «Московские боевые стачечные кассы» и в известной степени Ивановскую нелегальную кассу, отнести к первичным профессиональным организациям среди текстильных рабочих центра.

Полицейское рабочее движение начала 900-х годов, так называемая зубатовщина, не преминула захватить также и текстильных рабочих района. Вот как описывает новейший исследователь зубатовщины С. Айнзафт возникновение зубатовского общества текстильщиков в Москве: «зубатовское движение среди текстильщиков началось еще с конца 1901 года; среди заявлений рабочих в «Совет рабочих механического производства» на своих хозяев тогда же начинают попадаться и заявления текстильных рабочих. 3-го января 1902 г. обер-полицмейстер разрешает открыть специальные районные собрания ткачей; в тот момент уже существовала особая комиссия от ткачей с Ф. Жилкиным во главе; движение среди ткачей быстро разросталось. 31-го января открывается второе районное собрание, 26-го февраля — 3-е; а к июню существуют уже целых 10 районных собраний. В июне подается на утверждение устав «Общества взаимопомощи текстильщиков» [1]). Такое количество районных собраний несомненно свидетельствует о широком распространении зубатовщины среди московских ткачей. К этому следует прибавить, что на таких крупных предприятиях, как «Трехгорная мануфактура» и др. имелись свои собственные «районные собрания». Кроме того, зубатовцами были проведены на некоторых крупных предприятиях, как, например, на фабрике Мусси и Даниловской мануфактуре, забастовки. Насколько деятельность зубатовской организации ткачей напоминала деятельность профессиональных союзов видно из следующего их постановления:

«1. После Пасхи сразу на работу не определяться, чтобы дать возможность организации ткачей (зубатовской, М. З.) вести переговоры с каждой фабрикой для упорядочения условий труда.

«2. Не поступать на работу на те фабрики, которые не примут условий организации.

«3. Обязать всех ткачей не представлять таких, которые не примкнут к организации; при принятии фабрикантом на работу ткачей не принадлежащих к организации, все остальные рабочие, принадлежащие к организации обязаны заявить свой расчет и отказаться от продолжения работ через 14 дней.

5. Обязать в лице организованных ткачей поддержкой денежными взносами тех ткачей, которые будут без работы» [2]).

---

[1]) С. Айнзафт. „Зубатовщина и гапоновщина". Изд. ВЦСПС. Москва, 1923 г.

[2]) Приведено в книге проф. Озерова „Политика по рабочему вопросу в России" стр. 235. Постановление это состоялось в связи с предполагавшейся всеобщей стачкой ткачей на случай массовых расчетов перед Пасхой.

Как правильно замечает тов. Айнзафт, такие выступления зубатовских организаций должны были, независимо от воли их инициаторов, содействовать пробуждению классового самосознания рабочих и вызывать среди них стремление к самодеятельности и самоорганизации. В определенный момент зубатовское движение должно было перерасти свои узко-полицейские рамки и натолкнуть наиболее передовых рабочих на мысль о необходимости создания действительно классовых профессиональных организаций для руководства экономической борьбой. И этот момент наступил в революционный 1905 г. В огне революции погибли все зубатовские организации и вместе с ними погибли все надежды полицейских «обществоведов», задумавших перехитрить историю и вложить широкое рабочее движение в «прокрустово ложе» полицейского социализма. Но в этом же огне закалились и выросли те ростки массовой организованности, которые успели распуститься в зубатовских организациях, вопреки суб'ективным намерениям их инициаторов.

Неизмеримо большую роль в деле образования профессиональных союзов среди текстильных рабочих центра сыграли Советы Рабочих Депутатов. Первый Совет Рабочих Депутатов возник в Иваново-Вознесенске во время известной майско-июльской стачки 1905 г. Между 13-го и 15-го мая бастующие ивановские ткачи собрались на реке Талке и выбрали из своей среды около 100 уполномоченных, которые и составили Совет Рабочих Депутатов. На этом собрании, между прочим, было вынесено следующее постановление: «1) руководить стачкой избранному Совету Рабочих Депутатов; 2) никаких сепаратных переговоров и действий не допускать; 3) вести всем стачечникам себя скромно и организованно; 4) к работе приступать только по решению Совета Рабочих Депутатов» [1]).

Уже в этом постановлении сказалась новая черта движения. Избрание рабочих депутатов для переговоров с фабрикантами и властями во время стачек было здесь обычным явлением и до 1905 г., но обычно каждая фабрика имела своих депутатов и вела переговоры отдельно. Сепаратных переговоров добивались и на этот раз фабриканты и фабричная инспекция. Но Ивановские рабочие отлично проникли в этот излюбленный буржуазией маневр раскалывания стачки — и они потребовали, чтобы переговоры велись со всеми, от класса к классу. Здесь чувствуется уже веяние революции.

Но характерно, что стачки вначале носили чисто экономический характер. «Мы хотим мирной борьбы, а не революции, у нас забастовка экономическая», — говорили рабочие, как только с ними заговаривали на политические темы. Конечно, в революционной атмосфере 1905 г. каждая экономическая стачка неминуемо превращалась в политическую и Ивановская стачка приняла впоследствии ярко политическую окраску, но

[1]) См. Смирнов-Малкин: „На заре рабочего движения в Иваново-Вознесенске".

возникла же она как экономическая стачка. И Совет Депутатов был выдвинут здесь вначале именно как экономическая организация для ведения стачки. Правда, им руководили Ивановские социал-демократы, но он был параллельной им организацией, через которую они проводили свои идеи и опыт в массы.

Иначе и не могло быть в это время. Социал-демократия, об'единившая в подполье только незначительное количество рабочих, могло дать только лозунг массам, «осветить их молнией политической мысли» — по образному выражению тов. Троцкого, но связать 70.000 толпу (количество стачечников в Иванове) живой организацией и притом в 24 часа было ей еще не под силу. Такая организация должна была вырости из недр самой массы. Такой именно организацией и явился Ивановский Совет Рабочих Депутатов.

Как массовая организация Совет этот об'единил единой волей всех бастующих, и они держались в течение 2-х месяцев с замечательной стойкостью. Переговоры с властями-фабрикантами велись Исполнительным Комитетом Совета организованно от имени всех рабочих. От имени же всех рабочих были выработаны и пред'явлены Советом общие требования, среди которых имелись и чисто политические, как например, требование учредительного собрания и 8-ми часового рабочего дня. Ежедневно устраиваемые Советом общие собрания привлекали десятки тысяч рабочих. На этих собраниях обсуждалось положение рабочих и произносились революционные речи. Значение этих собраний для Ивановских ткачей было громадное: они прояснили их классовое самосознание и послужили для них прекрасной политической школой, в которой рабочие впервые осознали себя как «класс для себя».

Очень ярко и красочно описывает эти собрания один из видных членов Ивановского Совета Рабочих Депутатов, Ф. Самойлов. «Утром, часов в 9,—рассказывает он, — собирался пленум Совета Рабочих Депутатов ... На пленуме обсуждались все вопросы по руководству стачкой и вырабатывался порядок дня общего собрания бастующих ... К концу пленума ежедневно собирались на Талку несколько тысяч бастующих. Тогда пленум Совета закрывался. Все депутаты шли к трибуне на место общего собрания ... и собрание открывалось речью кого-нибудь из депутатов или партийных работников о течении забастовки, о переговорах с хозяевами, о сношениях с властями и т. п. Дальше шло краткое обсуждение практических вопросов по текущим делам стачки и голосовались от имени Совета предложения. А затем обычно выступал кто-нибудь из партийных интеллигентов с большой агитационной политической речью» [1]).

Мы позволили себе привести эту длинную цитату, потому что она очень ярко рисует физиономию Совета. Это еще не оформившаяся, не

---

[1]) Ф. Самойлов: „Воспоминания о рабочем движении в Иваново-Вознесенске 1903—905 г.г.", изд. Истпарта 1922 г.

дифференцировавшаяся массовая организация, выполняющая смешанные фукции политического и экономического характера. Детище революции и забастовочной борьбы она вмещает еще в себе элементы политической и экономической организации. Это еще переходная ступень к профессиональной организации. И быть может Ивановский Совет успел бы развиться в оформленный профессиональный союз, если бы стачка не была подавлена с неслыханной жестокостью.

Совет Рабочих Депутатов был образован и в Костроме во время стачек в июле 1905 г. И его постигла судьба Ивановского Совета — он был разгромлен вместе со стачкой.

В Ярославле функции Совета Рабочих Депутатов взял на себя стачечный комитет, образовавшийся здесь во время стачки рабочих (ноябрь 1905 г.) на «Большой Ярославской мануфактуре» (Корзинкиных). Ем. Ярославский так описывает эту стачку и деятельность стачечного комитета: «Забастовка длилась больше 2-х недель. Ежедневно с утра до вечера, на фабрике и помещении фабричного театра, происходили общие собрания... Вначале они были бессистемны, но потом они упорядочились. С утра, приблизительно, доклад стачечного комитета о ходе забастовки и решение вопросов, связанных с забастовкой; потом сообщение о последних событиях... А потом, выступал ряд ораторов: тов. Данилов, Гриша Дон, доктор Плаксин (реже), Соколов и другие. А вечером я вел почти ежедневно лекцию либо по истории революционного движения ,либо по программе и тактике нашей партии» [1]).

Как видим, это описание почти полностью совпадает с приведенным выше описанием Ф. Самойлова. Оно и понятно: и Ярославский стачечный комитет, и Ивановский Совет Рабочих Депутатов выросли из одного и того же движения — из стачечной борьбы революционного 1905 г.

Во время стачки на Большой Ярославской Мануфактуре был образован профессиональный союз, об'единивший рабочих этой фабрики. Союз этот ставил себе целью защиту правовых и профессиональных интересов, улучшение материального положения своих членов и содействие их умственному развитию. Стремления и задачи союза общи и солидарны со стремлениями и задачами всего рабочего класса и трудового крестьянства. Здесь сказалось влияние социалистов-революционеров, пытавшихся превратить союз в «надклассовую» организацию. «Социалисты-революционеры, — пишет Ярославский, — и здесь совались со своей «надклассовой» линией. Когда речь шла о том... что союз об'единяет пролетариат и защищает его интересы, они играли на психологии отсталых ткачей и ткачих, имевших еще прочные связи с деревней. И выходило так, что профессиональный союз образуется для защиты интересов пролетариата и крестьянства» [2]).

---

[1]) Ем. Ярославский: „Страничка воспоминания". Сборник Ярославского Губкома „Из истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле" 1922 г.

[2]) Там же.

Небезынтересно привести здесь следующую петицию, выработанную этим союзом: «1) требуем установить 8-ми часовой рабочий день для всех рабочих; 2) увеличить заработную плату для всех рабочих мужчин на 30%, а для дневных рабочих на 45% и т. д.». Кроме того, по словам Е. Дмитриева, у которого мы позаимствовали приведенные сведения об этом союзе, в числе других требований в петиции имелись и такие, как замена крестного хода празднованием 1-го мая, предоставление помещения для собрания и т. п. [1]). И здесь сказалось влияние революционной стихии. В декабрьские дни союз этот распался.

Только Совету Рабочих Депутатов Московских ленточников удалось совершить полную эволюцию — превратиться в оформленный профессиональный союз. «Первый союз, — пишет К. Дмитриев (П. Колокольников), — возникший таким образом (путем эволюции Совета Рабочих Депутатов. М. З.) был союз ленточников. Немногочисленность предприятий и рабочих сблизившихся во время августовской стачки и добившихся одинаковых условий найма помогли им стать на ноги» [2]). По словам одного из видных членов Совета Рабочих Депутатов ленточников, тов. Ефимова, поделившегося с нами своими воспоминаниями, стачка эта началась на крупных ленточных фабриках Ганшина и Сегала и постепенно распространились и на остальные, более мелкие, ленточные фабрики. На всех этих фабриках были выбраны Рабочие Депутаты, которые и образовали Совет Депутатов. Вскоре были втянуты в стачку Богородские и Клинские ленточники, которые также прислали своих депутатов в общий Совет. Переговоры с фабрикантами велись организованно Советом от имени всех рабочих, в том числе Богородских и Клинских ленточников. Руководителями Совета были т.т.: Бубнов, Ефимов и другие, все выходцы из Варшавы, побывавшие уже в стачечной борьбе. Через них то Совет Депутатов связался с Лодзинскими и Варшавскими ленточниками, которые не преминули прислать денежную помощь стачечникам. Последние послали даже своего делегата для ознакомления и руководства стачкой [3]). Стачка кончилась полной победой рабочих. Из главнейших требований были удовлетворены следующие — заработная плата была увеличена приблизительно на 50%, а рабочий день уменьшен до 9-ти часов (требовали 8-ми часового рабочего дня).

Идея создания союза возникла еще задолго до стачки в партийных кружках наиболее крупных ленточных фабрик (Ганшина и Сегала), руководимых видными Московскими социал-демократами (П. Колокольниковым, Исувом и др.).

---

[1]) Е. Дмитриев: „Очерк по истории Революционного Движения в Ярославле 1883—1905 г.“ в том же сборнике Ярославского Губкома.

[2]) К. Дмитриев: „Профессиональные союзы в Москве“. С. П. Б. 1906 г.

[3]) Небезынтересно привести здесь припоминаемую тов. Ефимовым деталь: часть денег на поездку Варшавскому делегату дали и Варшавские ленточные фабриканты, будучи заинтересованы в успешном для рабочих исходе стачки как в средстве ослабления конкуренции Московских фабрик, где практиковался более продолжительный рабочий день и более низкая заработная плата.

Успешно проведенная стачка и образовавшийся Совет Депутатов, популярность которого выросла среди рабочих, подготовили почву для реализации этой идеи. На одном из собраний Совета было решено преобразовать его в профессиональный союз. В союз вошли большинство рабочих ленточных фабрик. При союзе было организовано «бюро по приисканию работы», — имевшее целью ограничить доступ не членам союза в ленточное производство. Это подтверждает К. Дмитриев. «Бюро союза ленточников по приисканию работ, — пишет он, — имеет целью бороться с возрастающей конкуренцией ... Пока все члены работы не получают, посторонние, в том числе и ученики, на фабрику не допускаются» [1]). Здесь сказался замкнутый и узко профессиональный характер союза, что может быть об'яснено тем, что ленточники в большинстве своем были высоко-квалифицированными рабочими.

Аналогичным путем — от Совета Депутатов к союзу, — возник и Московский союз рабочих текстильного производства. Этот союз успел только созвать учредительное собрание и принять проект устава. В наступившие декабрьские дни он был разгромлен вместе с союзом ленточников, не успевши даже открыть запись членов [2]).

Мы проследили здесь эволюцию профессиональной организованности текстильных рабочих центрального района. В начале распыленные и неорганизованные они постепенно, с ростом капиталистического производства и развитием экономической борьбы, превращаются в более или менее сплоченную массу. Постепенно накапливаются среди них элементы организованности, которые в 90-х годах принимают уже более отчетливые формы зачаточных экономических организаций — боевых касс.

В революционной стихии 1905 г. зачаточные формы организации текстильных рабочих разростаются в широкие массовые об'единения — Советы Рабочих Депутатов. Организованность рабочих в этот период растет революционным темпом и в кульминационный момент революции, в октябре — ноябре 1905 г., среди текстильных рабочих центрального района появляются уже оформленные профессиональные организации. Декабрьская реакция губит эти начинания. Но уже, раз начавшись, профессиональное движение среди текстильных рабочих центра не глохнет и с появлением первой легальной возможности (после издания закона 4-го марта) профессиональные союзы среди этих рабочих получают широкое развитие.

---

[1]) К. Дмитреев: „Профессиональные союзы в Москве". СПБ., 1906 г.
[2]) См. „Бюллетени Музея Содействия Труду". 1905 г.

Р. АРСКИЙ.

Рабочее движение в первые месяцы революции.

(По докладам фабричных инспекторов).

Февральская революция дала возможность рабочим встрепенуться после мертвого гнета военного периода. Началось стихийное наступление, причем в первые месяцы (март) предприниматели шли на уступки, не пробуя сопротивляться. Так, например, общество фабрикантов и заводчиков Петрограда добровольно и без особого принуждения подписало с Советом Рабочих Депутатов соглашение о 8-ми часовом рабочем дне. В Петрограде промышленники чувствовали большую силу рабочего движения, но чем дальше от центра, чем более далеким было то или иное захолустье, тем энергичнее фабриканты и промышленники сопротивлялись всем требованиям рабочих и тем более жестокие формы принимала классовая борьба.

Рабочие понимали необходимость экономить силы и не итти на борьбу, если можно избежать ее, использовывая огромный авторитет создававшихся классовых рабочих организаций. С другой стороны, положение было таким, что контр-революционные элементы развернули широкую демагогическую кампанию против рабочих, доказывая, что рабочие срывают «дело обороны страны», что своими забастовками они «вонзают кинжал в спину революции» и т. д. Все эти заявления и статьи были направлены против рабочих. Все они должны были натравливать солдат и крестьян против них. Вследствие этого, рабочим приходилось большинство конфликтов имеющих своей целью сокращение рабочего времени, увеличение заработка или избавление от ненавистных инженеров и мастеров, ликвидировать через примирительные камеры.

Рабочие на местах, профессиональные союзы и Советы Рабочих Депутатов организовывали примирительные камеры, которые рассматривали подавляющее большинство конфликтов и столкновений, причем они не допускали до забастовки или особенно-острых проявлений рабочих против ненавистных им отдельных администраторов.

Донесения фабричных инспекторов и окружных инженеров в министерство труда суммирует важнейшие моменты развернувшегося движения, причем разумеется, они не могут быть признаны за, относительно даже, об'ективный материал. Все они окрашены большим суб'ективизмом фабричных инспекторов — этих чиновников старого режима, кото-

рые были заражены типичными его чертами. В их донесениях можно найти все, что угодно, вплоть до черносотенства и юдофобства.

Напрасно было бы искать у них понимания переживаемого момента: они не могли подняться выше среды, из которой они вышли, отрешиться от взглядов среднего мещанства. Тем не менее в своих донесениях они дают богатый цифровой и фактический материал, характеризующий рабочее движение в марте — июне 1917 года.

В бурном водовороте событий, вероятно, большинство всех этих донесений погибло, и тем ценнее то, что удалось сохранить. Автор считает себя поэтому вправе опубликовать те извлечения из этих донесений, которые сделаны были им еще в то время. Статья была написана еще в 1917 г. и в настоящее время автор оставляет ее почти без изменения с самыми незначительными редакционными поправками, которые не изменяют общей картины. Обзор ценен как исторический материал, характеризующий известную полосу в жизни российского пролетариата, общее положение промышленности и рабочее движение, главным образом, в области экономических завоеваний и конфликтов, в деле создания на местах примирительных учреждений и определения круга их деятельности.

* * *

Примирительные учреждения для России были совершенно новым явлением; вследствие своеобразных условий, в которых находился рабочий класс, они не играли никакой роли, и только после февральской революции они создавались и организовывались [1]). Необходимость и неотложность создания на местах примирительных камер диктовалась самой логикой жизни. Как только явилась к этому возможность они возникли всюду, где встречался труд и капитал, где они вступали между собой в экономический конфликт. Интересно отметить, что примирительные камеры в начале революции создавались самостоятельно, без руководящих указаний откуда бы то ни было. Это было самостоятельное строительство, продиктованное необходимостью и логикой жизни, и тем интереснее проследить его рост, постепенное развитие и деятельность, хотя бы и в освещении таких мало об'ективных наблюдателей, как представители фабричного надзора.

Одной из главных побудительных причин в создании примирительных камер являлся быстрый рост выступлений рабочих масс, направленных, с одной стороны, на повышение заработной платы, и, с другой на стремление очистить заводы от нежелательных элементов, вызывав-

[1]) *От редакции*: Это положение автором выставлено в чересчур категорической форме: если примирительные учреждения и не получили широкого развития в дореволюционной России, то во всяком случае русское рабочее движение знает их еще со времени первой революции. (См. в частности статью т. А. Каца в журнале „Вестник Труда" за 1923 г. под названием: „К истории примирительных камер в России").

ших недовольство рабочих грубым обращением, недобросовестностью при расчетах и пр. Во всяком случае, в самом начале революции примирительные камеры наиболее серьезную роль сыграли в области регулирования заработной платы, что вызывалось соотношением между существовавшими в то время заработками и растущей дороговизной жизни. Заработки в разных районах повышались неравномерно: там, где по местным условиям требовалась спешная работа (например, на рыбных промыслах, в судоходстве в период навигации и пр.), они иногда вследствие недостатка рабочих повышались весьма значительно, и, в связи с этим, повышались в этих районах заработки рабочих других профессий. В частности в Астраханской губернии, вопрос о примирительных камерах возник по поводу требования рабочих установить определенный минимум оплаты труда для металлообрабатывающей промышленности (для рабочих 1-й категории — 13 руб., 2-й категори — 12 руб., 3-й категории — 11 руб и для чернорабочих — 10 руб в день). Вопрос этот рассматривался в примирительной камере, построенной на паритетных началах.

Переходим к обзору по отдельным районам.

I. Кавказ и Северный Кавказ.

В Бакинской губернии примирительные камеры возникали, главным образом, на нефтяных промыслах и в предприятиях, тесно с ними связанных. Таким образом, удалось избежать опасности стихийных выступлений среди своеобразного состава рабочих, обслуживающих эти предприятия. Удалось организовать даже такие элементы как персов, турок, татар и пр. Все их выступления носили планомерный и организованный характер.

«Рабочие нефтяной промышленности отличаются своей сплоченностью и борются с анархией, являющейся стихией и результатом многовекового гнета, мордобойства и издевательств над трудящимися» (из донесения фабричного инспектора).

Но стихийные забастовки все же вспыхивали, например, в желоночных и котельных мастерских на промыслах и на механических заводах в Черном Городе в конце июня 1917 года. Ликвидация их переходила к примирительным камерам. По мнению фабричного инспектора и технических инженерных сил Бакинского района, единственным выходом из весьма острого положения было незамедлительное заключение коллективных договоров; об этом велись безконечные предварительные переговоры. на время даже прерывавшиеся. Громадная часть ответственности за это падает на представителей крупной промышленности, которые не идут на уступки, затягивают переговоры, между тем как представители средних и мелких предприятий, которые в материальном отношении теряют больше, проявляют значительно большую уступчивость.

По мнению того же фабричного инспектора бакинского района, кроме коллективного договора, необходимо «поднятие экономического благосостояния пролетарских масс, принятие мер к справедливому распределению и урегулированию бешенных прибылей торгового и промышленного капитала и наконец, организация авторитетных учреждений, могущих разрешать конфликты в конечной стадии и принуждать к осуществлению уже принятых решений». Для упорядочения отношений в Бакинском районе повсеместно создавались рабочие комитеты на заводах. Примирительная камера была организована в составе 12 представителей капиталистов, 6 рабочих и 6 инженеров и служащих. Камера выбирает председателя из своей среды и лишь в крайнем случае беспристрастное лицо - арбитра, который ведет собрание, но не обладает правом решающего голоса.

Терская и Дагестанская область. В первые месяцы революции не имели правильно организованных примирительных учреждений. Наиболее серьезное столкновение имело место на кожевенных заводах Владикавказа, где рабочие требовали для старших мастеровых месячное жалованье в 171 рубль, для специалистов косовщиков, строгателей и засыпщиков — 112 р. 50 к. за 8-ми часовой рабочий день и добавочно за сверхурочную работу (в течении 2-х часов ежедневно) 37 р. 50 к., т.-е. 150 руб. в месяц за 10-ти часовой рабочий день (в январе 1917 г. те же категории рабочих получали около 90 рублей в месяц), помощников-мастеров — 90 руб. жалованья и кроме того 32 р., т.-е. 122 р. в месяц за 10-ти часовой рабочий день (в январе 60 руб.) для остальных рабочих 108 р. (в январе 50 р.). Таким образом, при удовлетворении указанных требований заработки, по сравнению с январем 1917 г. повысились на 75 — 100%%, что было крайне необходимо ввиду роста дороговизны и падения стоимости денег. Слабое развитие примирительных учреждений в этих областях об'ясняется тем, что там нет крупной промышленности и производство носит преимущественно кустарный характер.

В Елисаветпольской губернии примирительные учреждения совсем не были созданы и рабочие-специалисты, в которых ощущается там недостаток, пользовались всегда своим положением, диктуя фабрикантам условия. Инциденты там возникали часто по всевозможным поводам и чаще всего выливались в форму забастовки или временного прекращения работ.

Однако, даже и там потребность в примирительных организациях ощущается: так, на заводе «Тауз» (256 чел.) рабочие в начале мая 1917 года, потребовали удаления директора и прекратили работы. Решено было передать дело на рассмотрение Центральной Примирительной Камеры. Движение перекинулось и в окрестности Елисаветполя, где на заводе «Юлдуз», т-ва Аветисянц и Кеворкова (110 рабочих), 15-го мая был об'явлен рабочими ряд требований, касающихся заработной платы

и условий найма, в том числе осуществление 8-ми часового рабочего дня, полуторной оплаты сверхурочных работ (не больше 4-х часов в день), прибавки к жалованью 20 — 50%, установление определенных условий при поступлении на завод и при уходе с него (через профессиональный союз) и разрешение всех недоразумений в примирительных учреждениях. Предприниматели удовлетворили все требования за исключением повышения заработной платы, что вызвало экономическую забастовку, затянувшуюся свыше месяца. Рабочие электротехники двух Елисаветпольских электростанций Сардарова и Царенко (в количестве 12 — 20 человек) и машинисты из слесарей — добились повышения заработков до 300 рублей в месяц.

Донесения фабричного инспектора особо отмечает в Елисаветпольской губернии стремительный рост профессиональных союзов. Организовались в союзы не только рабочие и ремесленники, но и чиновники-домашняя прислуга (последние выставили требование 8-ми часового рабочего дня, с оплатой в 30 — 40 руб. в месяц, на хозяйском содержании) и пр. При губернском исполнительном комитете учреждена была конфликтная комиссия под председательством губернского комиссара.

В Тифлисской губернии, экономическое движение началось еще в 1915 году, когда рабочими были выставлены почти повсеместно требования о повышении заработков. Тогда движение было подавлено. После революции рабочие решили добиться осуществления своих требований. Еще до революции там было организовано бесплатное «Бюро женского промышленного труда», которое много поработало в тяжкие дореволюционные годы. После революции оно развивалось и оказывало, главным образом, трудовую помощь женам и дочерям призванных на войну.

В Тифлисской губернии в противовес рабочему движению фабриканты создали свое «Экономическое Общество Тифлисских фабрикантов и заводчиков». Рабочие, считаясь с общими условиями и с необходимостью сберечь силы после революции создали Центральную Примирительную Камеру (на паритетных началах), состоящую из 20 лиц, и сыгравшую на первых же порах весьма крупную роль в конфликте служащих трамвая с городом, по поводу оплаты сверхурочных работ и пр. Спор был решен в пользу рабочих.

В Кутаисской губернии было быстро создано сравнительно много примирительных камер. Они возникали на горно-заводских предприятиях Кавказского промышленного и металлургического общества, на Александровском медноплавильном заводе Кавказского медно-промышленного общества, на Кварцаханском медноплавильном заводе, на Ткибульских копях, на Чиатурских марганцовых промыслах. В большинстве этих предприятий был проведен 8-ми часовой рабочий день, причем сверхурочные работы оплачиваются в полуторном размере.

В Кубанской области возникли почти во всех отраслях труда профессиональные союзы, которые и создали примирительные камеры. Одной из них был рассмотрен конфликт между печатниками и союзом владельцев, причем камера встала почти целиком на сторону союза владельцев, как это видно из следующей таблицы:

Месячное жалованье	Требования рабочих	Предл. влад.	Постановл Примирит. камеры
Мастерам	300 р.	226 р.	225 р.
Алтанщикам. . .	200 р.	150 р.	150 р.
Мастерицам. . . .	100 р.	75 р.	90 р.

Рабочие запротестовали против постановления Примирительной камеры и об'явили забастовку, в результате которой добились того, что типографским рабочим был установлен 7-ми часовой рабочий день (в других профессиях 8-ми часовой), сверхурочные работы допускались в виде исключения и то не больше 2-х часов в день.

В Черноморской губернии, и в частности в Новороссийске некоторые предприятия были взяты рабочими под контроль. На заводах возникли «Комитеты внутреннего распорядка», которыми были пред'явлены в первую очередь требования удаления некоторых лиц технического и административного персонала (помощника директора и заведующего производством завода «Орел», старшего мастера механической мастерской и др.).

Для урегулирования отношений между администрацией завода, рабочими и служащими был организован «Профессиональный Союз рабочих и служащих цементных предприятий Новороссийского района», который сравнительно успешно ликвидировал возникавшие недоразумения и конфликты.

Экономические требования, пред'являвшиеся рабочими этого района большею частью рассматривались примирительными камерами. Так, было утверждено примирительной камерой пред'явленное рабочими макаронной фабрики Пападаки в Новороссийске требование увеличения заработков на 50% и пр.

II. Донецкий бассейн.

Особенно серьезное значение для жизни всей страны в целом имел и продолжает иметь Донецкий бассейн, являющийся центром угольной промышленности, питающим углем почти всю Россию. В первые месяцы революции в этом районе значительно понизилась добыча угля. Причины этого явления сложны и многочисленны. Одной из них является обостренная экономическая борьба. В связи с этим в бассейне были

созданы примирительные камеры, которые успешно ликвидировали наиболее острые конфликты.

Примирительные камеры получили широкое распространение и в городах Области Войска Донского. Так, например, в Ростове на Дону, постановлениями примирительных камер удалось предотвратить резкие столкновения между трактирными служащими и трактирщиками, в страховом обществе «Россия», на обувной фабрике Ароштама, фабрике «Веритас», в обществе речного пароходства, на мельнице Ходякова, в аптеках города и пр. Конфликты возникали главным образом из-за экономических требований, пред'являемых рабочими.

В этом районе рабочие относились к камерам с большим доверием, чего, например, нельзя сказать о Екатеринославской губернии, где отношение к камерам со стороны рабочих было резко враждебным.

Здесь же фабричные инспектора отмечали рост рабочих союзов. Например, в Ростове на Дону было быстро создано 16 профессиональных союзов, об'единивших около 25.000 членов. Там же организована при городском управлении Биржа Труда. В конце мая 1917 года, открыла свои действия Центральная Примирительная Камера, в которую переходят дела, раньше рассматриваемые в примирительных комиссиях, в том случае, если в них соглашение не было достигнуто. Кроме того, там же при Совете Рабочих Депутатов существует конфликтная комиссия, где дела рассматриваются при участии заводских комитетов и бюро профессиональных союзов. Несмотря на это наблюдаются неорганизованные конфликты, более же мелкие находили свое разрешение в местных инженеров, мастеров и пр.

Одно из таких резких столкновений имело место между рабочими по обработке пищевых продуктов и работодателями. Рабочие 25-го мая 1917 г. пред'явили требование об установлении заработков для чернорабочих в 120 рублей, для кочегаров 150 руб., для женщин 75 руб. с оплатой по этой норме, начиная с 1-го мая. Предприниматели согласились с установлением ставок, но не соглашались на срок, настаивая на проведении новых ставок лишь с 25-го мая.

В Новочеркасске образовался Комитет с'езда горно-рабочих и горнопромышленников Донской Области, который должен был расследовать причины понижения добычи угля и принять меры к повышению ее. В круг его обязанностей входило улажение конфликтов между рабочими и работодателями. Комитет этот, впрочем разбирал лишь более серьезные выступления масс, удаление лиц технического персонала и надзора, примирительных камерах.

Известные затруднения испытали рудники Донецкого бассейна при переходе к 8-ми часовому рабочему дню. Кроме того, сильно затруднял правильную работу рудников невывоз угля, из-за отсутствия подвижного состава, частой порчи путей и пр. На почве непорядков в этой

области (невывоз своевременно добытого угля) возник конфликт на Сорокинском руднике Чурилина, который перешел одним из первых в руки рабочих, решивших самостоятельно повести дело.

В Екатеринославской губернии на отдельных рудниках наблюдались острые конфликты при увольнении лиц технического персонала, мастеров и пр. Например, в Горловке, на руднике южно-русского общества, в товариществе Луганской мануфактуры, литейно-механическом заводе И. Д. Вендеровича. В целом ряде предприятий были пред'явлены экономические требования о повышении заработков, о сокращении рабочего дня, причем подавляющее большинство этих требований было удовлетворено без серьезного сопротивления промышленников. Крупные уступки были сделаны рабочим акционерного общества пиво-медоваренных заводов в Бахмуте (28 человек), южно-донецких пивоваренных заводов в Бахмуте (28 человек). Приходится отметить, что на уступки скорее и охотнее идут средние предприятия, чем более крупные.

В Екатеринославской губернии в первые месяцы революции наблюдается кипучий рост рабочего строительства: возникли Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, Профессиональные союзы, просветительные общества, примирительные камеры, и пр.; например, в Луганске в акционерном обществе Лиманских химических заводов Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, в Франко-Русском Обществе химических продуктов и взрывчатых веществ (2.300 человек), — профессиональный союз, совет старост, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, примирительная камера, культурно-просветительный рабочий клуб; в Товариществе Луганской Мануфактуры — совет старост, примирительная камера, комиссия по проверке военнообязанных; в Анонимном Обществе Луганских литейных заводов — Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, общественный комитет, примирительная камера, институт старост; в снарядной мастерской Славяносербского уездного комитета Всероссийск. земск. и гор. союзов по снабжению армии — совет старост, примирительная камера; в Товариществе Донецких металлургических заводов — местная и центральная примирительная камера и т. д. В этом районе один из наиболее серьезных конфликтов возник на заводе Акционерн. Общества бутылочного, огнеупорно-кирпичного, черепичного и алебастрового завода «Е. М. Фарке» (543 человека), где рабочие потребовали переложения расходов по лечению рабочих на предпринимателей и повышения сдельных заработков на 100%, на что администрация не согласилась. Другой случай — передача рудника Г. Н. Пимоненко (платф. «Карабанка»), в руки крестьян хутора Щербиновая, вследствие незаконного выхода владельца за пределы его поля. Исполнительный комитет рассматривал это постановление как временную меру до утверждения в Петрограде.

В Харьковской губернии организованы на целом ряде заводов примирительные камеры: паритетная камера из 20 чел. на заводе

бр. Алексеевых (180 человек), занималась разработкой поступавших по всем вопросам заводской жизни материалов и затем представляла их на обсуждение общего собрания; на машиностроительном заводе Э. И. Мельгозе (365 человек) и на заводе русского механического и паровозостроительного общества (6.500 человек) тоже созданы паритетные примирительные камеры. На втором из названных заводов примирительной камерой была установлена оплата труда чернорабочих-мужчин в 3½ р. и женщин — 2½ руб. и разобран ряд требований об удалении мастеров; на шоколадной фабрике «Жорж Борман», паритетная примирительная камера признала за призванными на военную службу рабочими и служащими право возвращения впоследствии обратно на фабрику и оставления за ними всех привиллегий, обусловленных длительным пребыванием на ней. На заводе «Герлях и Пульст» в круг деятельности примирительной камеры входило регулирование заработков и улажение конфликтов, возникающих на служебной почве. Согласно решению этой камеры, заработки рабочих повышены на 80%. Во Всеобщей Кампании Электричества (4.000 человек) — паритетная примирительная камера разбирала дела относительно инженера и четырех мастеров завода и по ее решению только двое из них (мастера), были оставлены на заводе.

На фабрике велосипедов «Россия», А. Лейтнер и Компания, рабочие потребовали установления следующих размеров заработной платы за рабочий день: токаря, слесаря, монтеры, инструментальщики — 16 руб., слесаря-монтеры — 14 — 16 руб., вспомогательные рабочие — 10 — 14 р., фрезеровщики и револьверщики — 6 — 8 руб., сверловщики — 8 — 10 р., шлифовщики — 10 — 12 руб., упаковщики — 8 — 10 руб., женщины — 4 — 7 руб., ученики — 4 — 7 руб., чернорабочие — 4½ — 5½ руб. в день. Камера не сочла возможным согласиться с этими требованиями и установила прибавки (с начала мая) в размере от 45 до 10% на заработки от 3 до 10 руб. в день.

Создалась паритетная примирительная камера для рабочих мелких предприятий в м. Ивановке ,где ею ликвидирован ряд мелких дел.

Высшей аппеляционной инстанцией для предприятий Харьковского района являются Харьковский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов (в то время еще не дифференцировавший своей деятельности), Центральная Примирительная Камера и союзы (металлистов и др).

Как и в других местах, на заводах Харьковской губернии имели место вывозы на тачке лиц администрации, например, на фарфоровом заводе Товарищества Эссен в Славянске, на мукомольной мельнице и др. Были случаи перехода заводов в руки рабочих по соглашению с владельцем: так на машиностроительном, чугунолитейном и кафельном заводе «Берлизов и Компания», возник кооператив рабочих и служащих, который успешно руководил предприятием в первые месяцы революции.

III. Юг.

В Воронежской губернии интересный вопрос возник на почве конфликта между рабочими и владельцами маслобойни Н. Иванова (акционерное общество) — 165 человек рабочих. Владельцы категорически отказались удовлетворить следующие требования рабочих:

1) доплаты наградных до размера месячного заработка,

2) уплаты заработков полностью за время остановки работ на заводе из-за недостатка подсолнуха,

3) замены сдельной платы поденной, одинаковой для всех, выведенной из среднего заработка с добавлением 50%, причем, эта поденная плата должна быть переведена на месячный оклад, к которому присоединяются еще праздничные дни с той же оплатой,

4) установление 8-ми часового рабочего дня с оплатой сверхурочных в будни в 1½ раза и в 2 раза в праздники, помимо получаемой месячной платы. Желая сорвать рабочее движение предприниматели предложили им взять предприятие в свои руки. Это был крайне интересный и важный конфликт, так как в нем уже намечались формы дальнейшей борьбы предпринимателей против рабочих.

В Полтавской губернии (в частности в городе Кременчуге), на большинстве заводов организовались рабочие комитеты, примирительные камеры на паритетных началах и пр. Предприниматели не успели еще сорганизоваться и под влиянием растерянности и испуга шли на всякие уступки, несмотря на заметное понижение производительности (на 30 — 40%). По мнению фабричного инспектора — «в половине марта положение было опасное. Все захватили в руки евреи. Своей бестактностью и нахальством они обострили настроение так, что ожидались погромы, к счастью они во время стушевались и гроза миновала». Донесение этого «фабричного инспектора» в комментариях не нуждается ...

В Подольской губернии на сахарных заводах повсеместно введен 8-ми часовой рабочий день и увеличена на 80 — 100% заработная плата. В шести типографиях Каменец-Подольска были пред'явлены требования об уплате при увольнении определенного вознаграждения, о ежегодных отпусках с сохранением содержания; кроме того, пред'являлось в одном случае требование «обуздания заведующего типографией». Все требования были удовлетворены, кроме последнего, вследствие чего работы в этой типографии были прекращены.

В Курской губернии на целом ряде свекло-сахарных заводов возникли рабочие союзы, комитеты, примирительные камеры и проч. Рабочее движение носило планомерный и организованный характер, острых конфликтов между трудом и капиталом за первые месяцы революции не наблюдалось.

В Орловской губернии большинство рабочих, даже крупных предприятий, тесно связано с землей, что создает очень сильную зави-

симость их от завода. На одном из крупнейших заводов этого района — Мальцовских — имело место серьезное движение, нарушившее жизнь завода. По постановлению Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и местного комитета общественной безопасности (совершенно своеобразной местной организации) был арестован ряд лиц административного персонала по обвинению их в реакционности и грубом обращении. На Людиновском заводе Мальцовского общества был убит старший мастер, что терроризовало административно-служебный персонал. Было созвано совещание из представителей Орловского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и фабричных инспекторов для ликвидации этих конфликтов, которое пришло к заключению, что положение рабочих Мальцовских заводов действительно невыносимое и что, во избежание недоразумений, эксцессов и пр., необходимо увольнение целого ряда представителей административного персонала. На заседании, между прочим, выяснилось, что сдельные расценки были утверждены фабричным инспектором, последний раз в 1901 году, т.-е. 17 лет тому назад, и что заработная плата эволюционизировала крайне медленно. Об изменении ее можно судить по следующей таблице:

Средний заработок по заводу (в день).

1913 г.	1.37
1914 г.	1.34
1915 г.	1.44
1916 г.	2.27

Известным подспорьем в бюджете рабочих является выдача продовольственных пайков, но так как последние для детей выдаются только до 14-ти летнего возраста, то в силу этого родители посылают всех детей по достижении ими 14-ти летнего возраста на завод, что конечно увеличивает контигент рабочих, но вместе с тем весьма тяжело отражается на здоровьи подрастающего поколения.

Центром промышленности Тульской губернии является Тульский меднопрокатный и патронный завод, на котором было занято свыше 15.000 рабочих. Рабочие после революции потребовали сначала прибавки в сумме 7 милл. в год, затем повысили эту сумму до 10 милл. затем уже — до 23 милл. рублей, т.-е. первоначальная прибавка на каждого рабочего в среднем в день составляла около 1 руб. 50 коп., а в июне 1917 г. уже около 5 руб. в день. Кроме того, по требованию рабочих, с завода было устранено 2 инженера, восемь старших мастеров и начальник рассчетного стола. На сахарном заводе Терещенко также был уволен директор завода, его помощник и механик.

В Тамбовской губернии возник ряд примирительных камер с нейтральным председателем: на мешечной фабрике А. Крылова, В. Попова в Борисоглебске (193 рабочих), консервная фабрика Арнольда Зесерсен (480 рабочих), мельница Е. А. Григорьевой (150 рабочих), кон-

сервная фабрика Бирман и Франк в Козлове (693 рабочих) и жестяная фабрика Бирман и Франк (755 человек). В Борисоглебске создалась паритетная Центральная примирительная камера.

IV. Поволжье.

Самарская губерния. В Самаре все конфликты регулировали и разрешали профессиональные союзы и Рабочие Комитеты. Кроме того, создана примирительная камера из 7 членов Совета Рабочих Депутатов, 7 членов военных Депутатов, 5 — от общества заводчиков и фабрикантов, 1 — от военно-промышленного комитета и 1 — от городского комитета снаряжения и снабжения армии, т.-е. при организации камеры не был соблюден принцип паритетности.

В местных примирительных камерах был рассмотрен ряд дел: требование мукомолов об увеличении заработков (соглашение достигнуто); требования рабочих печатного дела (заключен коллективный договор); шесть дел между владельцами магазинов и союзом торгово-промышленных служащих. Кроме того, заключен коллективный договор между профессиональным обществом по изготовлению белья «Игла» и союзом предпринимателей, причем последние затем отказались от соблюдения договора.

Строительные рабочие Самары, согласно постановлению профессионального союза, об'явили забастовку на фабрике Залихана, с требованием увеличения заработка. Забастовка продолжалась больше недели (с 22 мая по 31 мая) и окончилась уступкой хозяев под угрозой секвестра.

Казанская губерния. Наиболее серьезным конфликтом была борьба в мастерской Щабанова на почве экономических требований. Разрешение конфликта затянулось. Когда первоначальные требования рабочих были Щабановым удовлетворены, рабочие потребовали дальнейших прибавок, ввиду вздорожания к этому времени всех предметов питания, колеблющегося, по данным экономической комиссии Казанской управы, от 320% до 1.660%. Владелец предложил тогда рабочим взять предприятие в свои руки, с условием исполнения к сроку всех его обязательств.

V. Центральный промышленный район.

Центральный район охватывает ряд губерний с весьма развитой промышленностью (преимущественно текстильно-ткацкой). Отношения складывались приблизительно так же, как и в соседних губерниях, т.-е. конфликты между рабочими и владельцами возникали довольно часто и по самым разнообразным поводам.

В Московской губернии возникли камеры при следующих предприятиях: кожевенный завод Бахрушина, шерсте-прядильная фабрика Дюфурмантель, платочно-вязальная фабрика, фабрика товари-

щества Московско-Вознесенской мануфактуры, Константинова (600 рабочих), торговый дом Гакенталь, товарищества Истоминской мануфактуры (3.000 человек), бр. Памфиловы (конфликт по поводу заработков ткачей) и др.

По вопросу о плате чернорабочих в металлообрабатывающей промышленности был создан специальный третейский суд, который установил поденную плату для мужчин в 6 рублей в день и 5 рублей для женщин. Вопрос об остальных тарифах остался открытым до разрешения его для Петрограда и до времени заключения коллективного договора. Вместе с тем третейский суд предложил рабочим повысить производительность труда до норм дореволюционного времени. В Московской губернии очень скоро после революции была создана Центральная Примирительная Камера, которая рассмотрела много дел — о повышении заработной платы, об оплате работы за время простоя заводов, о сокращении производства, об удалении с заводов мастеров, служащих и пр.

Фабричный инспектор Московской губернии, отмечает заметное понижение производительности, которое, по его данным достигло для большинства заводов губернии 10 — 40%. Такое понижение производительности он об'ясняет введением 8-ми часового рабочего дня и понижением интенсивности труда. Последнее положение он доказывает ссылкой на те предприятия, где применяются и сверхурочные работы.

Очень часты в этом районе, как впрочем и везде, требования рабочих об удалении лиц административно-технического персонала, причем были при этом случаи отказа от примирительного разбирательства или от подчинения постановленному решению примирительного учреждения. Иногда мотивом удаления служило «слабое знакомство с делом», недоверие к директорам-иностранцам, грубое обращение и пр. На телефонной фабрике всероссийского земского союза рабочие удалили двух инженеров, вследствие чего директор и технический персонал отказались от службы. Рабочие взяли управление в свои руки и стали работать без администрации и технического надзора. Были случаи попыток со стороны владельцев закрыть фабрики без достаточного основания (скрытый локаут) причем мотивом закрытия обычно служил недостаток сырья и топлива. Однако, указание это, при ближайшем знакомстве с положением дела часто не подтверждалось. Так при осмотре фабрики товарищества Бутикова, где говорилось о неимении топлива, было обнаружено 3.000 пудов нефти и 300 саж. дров; на кружевной фабрике товарищества Флетчер — около 5.000 пудов угля и пр.

С другой стороны, донесения отмечают случаи порчи станков со стороны рабочих (фабрика Лясовского) с целью доказать непригодность администрации и взять производство в свои руки. На подковном заводе инженера Г. К. Пэка, образовались комитеты рабочих и служащих. Рабочие потребовали удаления мастера, вследствие чего, возник кон-

фликт и угрожало даже закрытие завода. Однако, удалось достигнуть соглашения, причем рабочие отказались от вмешательства в дело назначения и увольнения мастеров. На такой же почве возник конфликт на фабрике Ферсман (удаление заведующего), причем к концу концов руководство предприятием взял в руки сам владелец, согласившись с желанием рабочих относительно удаления заведующего.

Владимирская губерния. На бумаго-ткацкой фабрике товарищества бр. Карповых при дер. Четровики (143 человека) и А. А. Карпова при дер. Кузнечихи (138 человек), возникла забастовка. Требования забастовавших сводились к установлению следующих выдач для всех рабочих — 5 рублей квартирных, 2 рубля банных, 18 рублей продовольственных в месяц, при следующих заработках — ткачи — 40 — 45 р., прядильщики — 30 р., снимальщики — 25 р., сторожа — 35 р., сторожихи — 28 р. в месяц, шлихтовальщики 3 р. 75 к. — 4 р. в день, браковщики, кочегары, машинисты, носильщики, основы, табельщики — не меньше 4 р. в день, складывальщики — 3 р. 50 к., слесаря — 5 р. в день и проборщики по 40 коп. с 1.000 пудов.

На фабрике П. К. Голубева, служащие и рабочие пред'явили требование об увеличении заработков и об установлении с 1-го мая следующих расценок: чесалям — за очес по 8 коп. с пуда, моталкам — за с'ем сухой пряжи 35 коп., мокрой — 32 — 33 коп. и нитки — 11 коп. Служащие требовали увеличения заработков от 50 до 30% (на заработки от 75 до 100 р.). Требования эти были удовлетворены, но тогда рабочие снова потребовали прибавок: на заработки до 100 р. — 50% и на заработки свыше 100 руб. — 25%.

Так как заработки на фабрике Голубева (в Судогде) являются для района средними, приведем для характеристики таблицу их, пользуясь данными фабричной инспекции:

В МЕСЯЦ:

	До войны	Апрель	Июль	Увел. в %%% по сравнен. с довоен. временем.
	1914 г.	1917 г.	1917 г.	
Ватерщики-цы .	10—14.50	18.75—31.25	43.75—50 р.	330
Помощники-цы .	7.50—9 р.	12.40—18.75	37.50—43.75	400
Семщики-цы . .	5.50 р.	8.75—10 р.	15—20 р.	200—300
Ленточницы . .	7.50—9 р.	13.75—15 р.	22—31.25	200—220
	9—9.50	15—16.25	27.50—33.75	210—270
Кардовщики . .	7—7.50	17.50—18.75	25—35 р.	260—400
Сушильщики . .	12.50—15	22-50—23.75	47.50—50 р.	225—300
Паковщики . . .	9—10 р.	18.75—21.25	68 р.	580
Кочегары	13.75—22.50	17.50—23 р.	56.25—62.50	190—330

В МЕСЯЦ:

	До войны	Апрель	Июль	Увел. в %% по сравнен. с довоен. временем
	1914 г.	1917 г.	1917 г.	
Паровщики . . .	22.50—28.75	42—45 р.	95—97.50	260—330
Моталки	8—12 р.	16—20 р.	40—50 р.	320—400
Чесалки	15—20 р.	25—40 р.	65—80 р.	300—330
Слесаря	18.75—32.50	26.25—50 р.	37.50—100 р.[1])	100—200
Столяры	22—25 р.	30—41 р.	78—100 р.	250—300
Подмастерья . .	16—25 р.	37—42 р.	67—81 р.	200—300
Смазчики	11—13 р.	21—32 р.	66 р.	360
Счетчики	22—23 р.	43 р.	75 р.	220

Как видно из приведенной таблицы, заработки рабочих этих категорий составляли мизерные суммы: до войны рабочие зарабатывали от 2,2 коп. до 13 коп. в час, что при десятичасовом рабочем дне составляло дневной заработок от 22 коп. до 1 р. 30 к. Такими были заработки даже квалифицированных рабочих. Не приходится, поэтому, удивляться, что за три года войны и дороговизны они повысились на 200 — 300% и больше. Но даже и при таком высоком процентном повышении они остались ничтожными и не превышают 4 руб. для лучших специалистов (слесарей, столяров, и проч.).

На фабрике товарищества мануфактуры И. Залогина и С. Швецова (Суздальский уезд), рабочие потребовали наградных в размере 20% за 1916 — 17 г.г. и общей прибавки в 10%. При этом хозяин сообщил, что у него «на фабрике ввелась усиленная социализма и затребовала непомерных надбавок заработной платы мастеровым рабочим и служащим». Некоторые уступки он им сделал, но на остальные пойти не захотел и об'явил о закрытии фабрики.

На фабрике Якубова, рабочие требовали установления 8-ми часового рабочего дня, 100% прибавки на заработанный рубль, 50% военных на время войны и выдачи квартирных денег. Владелец этих требований не удовлетворил и предложил прибавку лишь в размере 25% и 3 рубля квартирных. Работы не прекратились.

На пороховом заводе Барановского, прибавка была дана в июне в размере 40%, что соответствует приблизительно 75 коп. в день на рабочего. На фабрике Безрукова рабочие требовали увеличения заработной платы на 100%.

---

[1]) От редакции. Данные о заработной плате слесарей в июле 1917 г. вызывают некоторыя сомнения: слишком сильный размах (от 37.50 до 100 р. в мес.). Поэтому редакция оставляет их на ответственности автора.

На фабрике А. А. Горшковой (гор. Владимир), фабричный комитет потребовал 10% прибавки на дороговизну; на фабрике бр. Григорьевых, кроме 45% прибавки с Пасхи, проведена 20% прибавка с 17 апреля.

На многих фабриках замечается глухая вражда между рабочими и мастерами (фабрика Ф. К. Безрукова). Однако, большинство этих инцидентов прекращались мирным путем, благодаря вмешательству Совета Рабочих и Солдатских Депутатов (фабрика П. П. Белова).

На фабрике серпов Е. Ковалева, Совет Рабочих Депутатов установил внутренние распорядки; на фабрике бр. Крашенниковых, ввиду частых простоев из-за недостатка материала, перевел ее на 8-ми часовой рабочий день.

Одним из наиболее значительных явлений рабочей жизни в районе следует признать с'езд заводских комитетов в Вязниках, 11-го и 12-го мая 1917 года, где присутствовало свыше 200 делегатов и были приняты решения по многим серьезным вопросам, например: 1) о введении во всем районе немедленно 8-ми часового рабочего дня, 2) об учреждении на заводах комитетов, 3) о создании во всем районе профессиональных союзов, 4) об организации местных и центральной (в Вязниках) примирительных камер, 5) о передаче больничного дела в руки рабочих с переложением расходов на предпринимателей, 6) о передаче штрафного капитала в руки рабочих.

В ряде предприятий возникли примирительные камеры (паритетные): в Судогде — при торгово-промышленном комитете, при бумагопрядильно-ткацкой фабрике наследников И. А. Треумова; в Иваново-Вознесенском районе на всех заводах имеются паритетные примирительные камеры, которые по мнению членов, не могут принести много пользы вследствие непримиримой позиции рабочих; при Муромской бумаго-ткацкой мануфактуре, при Богословском хрустальном заводе, в Переяславле Залесском, при фабрике товарищества «Проводник», при заводе Кольчугина и пр.

На тех предприятиях, где примирительных камер нет, удаление лиц заводской администрации принимает иногда чисто стихийный характер, например, в Шуе, с фабрики товарищества С. Посылина удален заведующий, прослуживший 40 лет; на Иваново-Вознесенской мануфактуре рабочие удалили директора и установили по субботам 6-ти часовой рабочий день. В некоторых местах наблюдается среди рабочих движение против уже учрежденных примирительных камер (например, в Вязниках), которое фабричный инспектор об'ясняет «влиянием безответственных вожаков, которым неприятно нормальное течение жизни на фабриках и которые всячески этому противодействуют».

Тверская губерния. После революции был создан ряд примирительных камер, благодаря которым достигнуто соглашение по всевозможным вопросам. В товариществе Рождественской мануфактуры при помощи примирительных камер, установлены расценки добычи тор-

фа (18½ р. — 20½ р. за 1.000 кирпичей, причем абсолютно все работы должны исполняться рабочими), установлены оплаты на мельнице Куровых (где рабочие согласились с предложением хозяев, так как мельнице угрожало закрытие), в его же банях, в булочных городского комитета и Рождественского общества потребителей, в чулочной мастерской Галпа и др. В этой последней инцидент возник на почве осуществления договора относительно 8-ми часового рабочего дня и гарантии минимального заработка в 2½ рубля. Владелец отказался гарантировать заработок вследствие понижения производительности рабочих. Камера признала договор обязательным для обеих сторон.

Центральная примирительная Камера этого района состоит из 8-ми представителей рабочих и стольких же промышленников. В Тверской губернии также наблюдались насилия: так, например, на фабрике в Ржеве рабочие вывезли на тачке механика и заведующего; в Вышнем-Волочке на фабрике Рябушинских возникла забастовка вследствие неполучения продуктов; на Тверской мануфактуре, нежелание администрации оплатить труд милиционеров вызвало протест рабочих и милиции. Как и везде больше всего недоразумений возникает на почве экономических требований, которые однако, обычно разрешаются путем компромисса, без резких столкновений. Так, например, на фабрике «Тоболка», женщины, зарабатывающие около 2 р. 40 к., потребовали 3 р. 50 к. в день, прядильщики, зарабатывающие 4 руб., потребовали 6 руб. в день. Администрация повысила заработки первым до 2 р. 75 к. и вторым до 4 р. 50 к. и соглашение было достигнуто. На кожевенных заводах Проскурякова, рабочие, зарабатывающие от 1 р. 60 к. до 2 р. 40 к. в день, потребовали увеличения заработков на 100%; заводоуправление первоначально не согласилось, а затем пошло на уступки.

Костромская губерния. В апреле — мае 1917 года произошел ряд конфликтов, вызвавших даже приостановку работ, например, на Яковлевской мануфактуре из-за увольнения мастера, на Костромской бумаго-ткацкой мануфактуре вследствие отказа от повышения заработков, на большой Кинешемской мануфактуре из-за забастовки служащих и пр. Для разрешения конфликтов на 11 — 12 мая была созвана конференция рабочих Иваново-Кинешемского района из рабочих и владельцев, которая установила вместо прежде сделанных прибавок следующее: поденным рабочим — 110%, сдельным, при 9-ти часовом рабочем дне — 110%, сдельным, при 10-ти часовом рабочем дне — 120%. Кроме того, всем были назначены квартирные деньги в размере 5 руб. в месяц. Кроме того, часть заводов, предположенных к закрытию из-за недостатка сырья, рабочим удалось отстоять путем компромиссного решения.

Ярославская губерния. На одном из заводов возникли недоразумения между заводоуправлением и рабочими, потребовавшими увеличения заработков и устройства бани. Дело было передано в при-

мирительную камеру, которая установила следующие заработки: токарям, литейщикам, модельщикам, шипельникам и кузнецам — 8 р. их помощникам — 5 р. 50 к., слесарям — 7 руб. их помощникам — 4 р. 50 к., столярам, плотникам, обрубщикам и возчикам — 5 р., чернорабочим-мужчинам — 4 р. 75 к., женщинам — 3 р.

Прибавки служащим должны были составить от 100% до 300%. Владелец завода с решением примирительной камеры относительно расценок и устройства бани не согласился и заявил о закрытии завода. Следствием этого была реквизиция его Советом Рабочих Депутатов.

Рязанская губерния. Был поднят ряд вопросов относительно удаления лиц заводской администрации и повышения заработков. Насилий и эксцессов не было. Примирительные камеры не привились в губернии и их функции перешли к Совету Рабочих Депутатов.

VI. Урал.

Вятская губерния. Вопрос о примирительных камерах долго не был разрешен. Возникшие на некоторых заводах паритетные примирительные камеры не приходили ни к каким решениям ввиду непримиримой позиции обеих сторон. Сравнительно наиболее успешной была деятельность примирительной камеры при союзе печатников, которая добилась осуществления 8-ми часового рабочего дня и установления минимума для наборщиков в 160 рублей.

Кроме примирительных камер в отдельных предприятиях и профессиональных союзах возникла и Центральная Примирительная Камера, в состав которой вошли по одному представителю от губернского Исполнительного Комитета, военно-промышленного комитета, губернского комитета крестьянского союза, продовольственного комитета, земгора, губернского союза инженеров и техников, фабричного и горного надзора и медицинского общества, 3 — от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и по 7 — от рабочих предприятий и от промышленников. Камера эта не смогла даже сконструироваться и избрать президиум. На местах дела в примирительных камерах решаются большинством голосов, а в случае неустранимых разногласий, передаются на рассмотрение третейского суда. Главными причинами конфликтов неизменно являлись заработки и удаление лиц технического персонала.

Пермская губерния. Примирительных камер после революции было организовано сравнительно мало, причем главной причиной этого, фабричный инспектор считал отсутствие правил и узаконений по этому вопросу. Довольно часто при возникновении инцидентов (главным образом, в связи с удалением лиц техническо-административного персонала) создавались самочинные примирительные камеры в составе 2 — 3 лиц с каждой стороны (Пермское отделение завода Лесснер, Бередниковский содовый завод, металлический завод бр. Злоказовых, Чермозский завод князя С. С. Абамелек-Лазарева и др.). В апреле

управление Пожевских заводов вывесило об'явление о закрытии некоторых цехов, вследствие недостатка чугуна. В ответ на это завление рабочими предприняты самостоятельные шаги для получения чугуна, чем было предотвращено его закрытие. Некоторые заводы останавливались из-за недостатка топлива.

На Пожевском заводе заработки повысились на 100%, на Верх-Исетских — на 25% и т. д.

Уфимская губерния. Крупный конфликт возник на городской электрической станции в связи с требованием об удалении инженера. Примирительная камера отвергла обвинение и вынесла решение об оставлении инженера на заводе. Рабочие с решением камеры не согласились. В дело вмешался исполнительный комитет Совета Рабочих Депутатов, который удалил со станции забастовавших и восстановил работы. На другой день соглашение было достигнуто.

Создался ряд примирительных камер на отдельных предприятиях. Установлены минимальные заработки для чернорабочих-мужчин — 4 — 5 руб., для женщин — 2½ — 4 р., сдельных — 6 — 9 руб. В Уфе возникла Центральная Примирительная Камера, состоящая из 3 представителей рабочих, 3 — от заводоуправлений и председателя, выдвигаемого Уфимским губернским комитетом общественных организаций, утвержденного Советом Рабочих и Солдатских Депутатов и союзом заводчиков и фабрикантов.

В Оренбургской губернии отношения регулировались рабочими комитетами, которые возникли на многих предприятиях, например: на Кочкарских золотых промыслах, каменноугольных копях Акц. Урало-Кавказского общества, акционерного общества Кыштымских горных заводов, Челябинском углепромышленном обществе, товариществе Н. И. Емельяновой, золотопромышленном обществе Н. М. Бухарина и С. В. Рузняева, Покровском прииске и др.

На золотых приисках российского золотопромышленного общества, общества золотопромышленников Е. М. Белова и компания, Бухарина и Рузняева — работы по добыче золота были приостановлены. Предприниматели и фабричные инспекторы мотивировали это тем, что расходы по эксплоатации превысили продажную стоимость добычи. Из-за недостатка оборотных средств и сокращения производительности уменьшено количество рабочих (с 860 до 535), в анонимном обществе Кочкарских золотых приисков, на каменноугольных копях Урало-Кавказского общества сократилась производительность с 809.778 пуд. до 716.858 пуд. в месяц, несмотря на увеличение количества рабочих с 754 до 930 человек. Сокращение производительности об'ясняется проведением подготовительных работ. На приисках Троицкого горнопромышленного товарищества в Кочкарской системе в течение трех месяцев не выплачивались заработки, которые были выплачены лишь под энергичным давлением рабочих и их организации.

Архангельская губерния. Создана только Центральная Примирительная Камера в Архангельске при союзе лесопромышленников. Она подразделяется на две секции: для примирения рабочих и для примирения служащих с работодателями. По отношению к служащим (6 часовой рабочий день и увеличение содержания) соглашение достигнуто не было.

Вологодская губерния. На Сухонском заводе акционерного общества российских писчебумажных фабрик существует паритетная камера, которая рассмотрела дело об удалении инженера и ликвидировала столкновение с ремонтными слесарями, требовавшими установления заработков от 14 до 18 р. для себя и для подручных 10 руб. в день.

Новгородская губерния. Заработки по сравнению с дореволюционным временем повысились, причем процент повышения различен: на цементном заводе в Чудове на 100%, на картонной фабрике на 50% и т. д. Параллельно с этим фабричный инспектор отмечает понижение производительности труда рабочих. На заводах организуются заводские комитеты, которые нормируют жизнь, создаются примирительные камеры. В силу этого «жалобы владельцев на анархию носят преувеличенный характер». Организованным рабочим не удавалось противодействовать эксцессам, которые имели место например, на Нечаево-Мальцовском заводе и пр.

Могилевская губерния. Стекольный завод наследников Курындина в Рогачевском уезде приостановился вследствие ремонта. Рабочим было предложено перейти на лесопильный завод с меньшею оплатой труда. Рабочие потребовали оставления за ними квартир и уплаты за 2 недели. Последовал отказ. Тогда рабочие обратились в Гомельский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, который предложил заводоуправлению платить рабочим ½ оклада, желающих перевести на поденную плату на лесопильный завод с особой оплатой. В этом смысле было достигнуто соглашение. Впоследствии рабочим вновь было предъявлено требование о выдаче двухнедельного заработка в виде аванса, единовременного вознаграждения в размере годового заработка и пр. По поводу этих требований соглашение достигнуть не удалось, и рабочие опечатали склады стекла, забрали продовольствие, заняли все квартиры, арестовали заведующего и администрацию.

На заводе «Диана», после двухнедельной забастовки (с 1-го по 15-е мая), были сделаны следующие уступки: 8-ми часовой рабочий день, оплата за двунадесятые праздники, повышение заработной платы на 35% и другие более мелкие уступки.

Лифляндская губерния. Промышленники закрыли вскоре после революции стекольную фабрику «Феннер», М. Граубнера, вследствие недостатка топлива и сырья, а также вследствие быстрого повышения заработков. На этой почве возник конфликт, который был лик-

видирован соглашением сторон. В других предприятиях конфликты возникали, главным образом, по поводу требований об увеличении заработков. Так, например, в красильном заведении «Анспах» (в Риге), требовалось увеличение заработков с 4 до 5 рублей в день, на мыловаренном заводе «Венус» — установление минимума для женщин в 2 р. 50 к., для мужчин в 3 р. 50 к., на машиностроительном заводе «Ф. Фауре» в Юрьеве — увеличение заработков на 50% и пр. Большинство этих инцидентов выливалось в забастовки, затягивающиеся на более или менее длительный срок. Некоторые инциденты, например, на заводе Ф. Фауре, ликвидированы третейским судом. Примирительные камеры возникли на значительной части фабрик; на Балтийской конфектной фабрике, камера разбирала вопросы по поводу найма и увольнения рабочих, установления внутреннего распорядка, распределения рабочего времени; на табачных фабриках гор. Риги (Рутенберг, Мюндель, Майкапар) при посредстве примирительной камеры заключены тарифные договоры; в химической промышленности гор. Риги примирительные камеры не создались из-за нежелания итти в них.

Эстляндская губерния. Примирительные камеры возникли во многих промышленных предприятиях губернии, причем все они создавались на паритетных началах, например: на фабрике «Лютер», «Двигатель», лесопильном заводе «Маркел Макаров», Хр. Ротерман, Петровская верфь, Кренгольмская мануфактура, машиностроительный завод Ф. Виганд, Франц Крулль, спичечная фабрика «Балтика», Балтийская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура, Койль, Рихард Майер и др. Все эти камеры рассматривали, главным образом, вопросы о расценках и о внутренних отношениях, причем по многим вопросам с их помощью удалось достигнуть соглашения. Бывали случаи, когда соглашения не достигали и дело доходило до забастовки, например, на заводе «Калев» (где рабочие потребовали увеличения заработной платы на 60%, средние заработки 8 — 9 рублей в день).

VIII. Сибирь.

Почти также складывались отношения и в Сибири. Жизнь там хоть и не в такой степени, как в Европейской России, но тоже сильно вздорожала. Также наблюдалось несоответствие между стоимостью жизни и реальными заработками. В силу этого заработки повышались, особенно же заметно повысились в послереволюционное время. Отношения заводско-промышленной жизни складывались также, как и в остальной России, причем отрицательные стороны ее в Сибири сказывались еще сильнее. Ясно, что при таких условиях должны были возникнуть такие же организации рабочего класса, как и в России.

Акмолинская область. В гор. Омске, первоначально примирительные камеры с постоянным составом не были организованы в силу необходимости они создавались заново в каждом отдельном слу-

чае. Этими камерами было ликвидировано несколько инцидентов по поводу заработной платы, распорядков на заводах и пр. (завод Терехова и др.).

Ферганская область. В половине мая служащие и рабочие 18-ти хлопко-очистительных заводов и главной конторы в Коканде (260 человек пред'явили требования о прибавке жалованья, улучшении условий жизни, устройстве библиотеки и читальни, найме постоянных врачей и пр. Требования были удовлетворены. Немного ранее рабочие маслобойного завода товарищества Бамбом в Андижане потребовали удаления помощника главного механика. Дело рассматривалось в примирительной камере.

Тобольская губерния. В большинстве фабрик Тобольска, заработки увеличены на 50%, в Тюменском уезде, заработки возрасли — на спичечных фабриках на 50—100%, на писчебумажных прибавки составили для мужчин около 1 р. и для женщин около 2 р. в день. Конфликтов и эксцессов в первые месяцы революции не наблюдалось. Рабочие заняты около 8 часов в день. Требования их по мнению фабричного инспектора «вполне умерены».

Енисейская губерния. Требования рабочих сводились к установлению более высокой заработной платы, например, в кожевенном производстве на 35 — 50%, булочном 30 — 40%. Рабочие сорганизовались в профессиональные союзы, которые пред'являли и отстаивали эти требования. В случае неудовлетворения их возникали забастовки, большинство которых носило буйный характер, например, забастовка кожевенников в Красноярске и в окрестностях, на паровой мельнице в Красноярске же. Совет Рабочих Депутатов поддерживал выступления рабочих и сделал постановление об удалении фабричного инспектора.

Иркутская губерния. В Ангарском горном округе уклад промышленной жизни в марте 1917 года, значительно изменился в связи с изменившимся общеполитическим положением страны. Сорганизовались Советы Рабочих Депутатов, которые руководили движением. Сношения с рабочими почти всех рудников шли через Советы (на копях Ивано-Матвеевского товарищества, Забитуйских, Головинских, Вилетовских, наследников Н. А. Павловского и др.). Центром рабочего движения было село Черемхов. Повсеместно проведен 8-ми часовой рабочий день, повышены заработки приблизительно на 50%. Производительность копей в марте — апреле понизилась на 20%. Для поднятия ее Исполнительным Комитетом были мобилизованы все силы (посланы солдаты, военнопленные, китайцы, инородцы и пр.) и производительность снова повысилась.

В Иркутске создана 20-го апреля Центральная Примирительная Камера, которая разобрала свыше 50 дел и уладила около 12 серьезных

инцидентов. Там же 14-го апреля возникла камера для ликвидации инцидентов между служащими и владельцами торговых предприятий.

Забайкальская область. Своеобразным явлением местной жизни было стремление промышленников перевести свои предприятия в Монголию (главным образом, кожевенные предприятия). Это стремление встретил резкий отпор со стороны Совета Рабочих и Солдатских Депутатов который прибегал к арестам владельцев.

В Чите возникли профессиональные союзы металлистов, деревообделочников, печатников, кожевенников и др. Там же организована Примирительная Камера.

Амурская область. В Зейском горном округе сорганизовался окружной горный комитет, который выработал таксы расценок и сосредоточил в своих руках контроль. При выработке такс принималось во внимание — стоимость покупки, провоз, % прибыли. Хотя примирительной камеры нет, жизнь не нарушалась.

Приморская область. Промышленных предприятий в области сравнительно мало и размеры их незначительны (только 4 — 5 из них имеют свыше 100 рабочих и нет предприятий, имеющих свыше 300 чел.). Контингент рабочих такой: около 20% русских, остальные 80% китайцев, которые держатся обособленно; «их интересы не совпадают с интересами русских рабочих», — замечает по этому поводу фабричный инспектор.

После революции возникли союзы: (печатников, металлистов, деревообделочников, железнодорожных и портовых рабочих), которые предъявили требование 8-ми часового рабочего дня и увеличения заработков; китайцев эта волна экономической борьбы и строительства почти не коснулась; вследствие этого, русским рабочим приходилось работать больше, но со сверхурочной оплатой труда. Забастовки возникали иногда из-за стремления китайцев добиться улучшения своего положения (механический завод Альберс, мастерская Пьянкова и Никелевича) и все эти дела рассмотрены в примирительных камерах, где достигнуто соглашение.

Во Владивостоке организована Центральная Примирительная Камера, игравшая серьезную роль при ликвидации конфликтов и столкновений.

В развитии рабочего движения пережитый период (март — июнь) 1917 год, является весьма важным. В это время удалось достигнуть почти повсеместного соглашения по поводу введения 8-ми часового рабочего дня, повысить заработки, выравнивая их по линии вздорожания жизни, создать многочисленные рабочие организации и т. д. Особенно ценно то, что работа эта шла повсюду, в самых отдаленных и глухих углах России. Этой работой был заложен твердый фундамент успеха рабочего движения в будущем.

С. НИКИТИН.

Очерки по истории профессиональной печати в России. Печать 1905 года.

«Пресса имела исключительное значение и для внутрисоюзных целей и для влияния во вне».

(З. Нестрипке: Профессиональное движение, т. I, стр. 210).

День 9-го января — дата огромной важности. Слова рабочей петиции: «А не отзовешься на нашу мольбу — мы умрем здесь на площади перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью или в могилу», — получили великий смысл. Надежды на «царя-батюшку» пали. Царская клика попыталась загнать рабочих на второй путь: в могилу. Рабочие решили итти по первой дороге, — по дороге к свободе, добиться ее «своею собственной рукой».

До начала осени 1905 г., рабочее движение центра России — в инкубационном периоде. Окраины обгоняют и раньше вступают в борьбу. Лишь к сентябрю назревают события в центре. Для профессионального движения прошедшие месяцы были периодом ответственной организационной работы, консолидации своих сил. Эта внутренне-организационная работа шла по двум линиям. С одной стороны, строились союзы по отдельным отраслям промышленности, по профессиям; с другой, создавались мало-по-малу межсоюзные организации — Центральные Бюро. По этим двум линиям шло создание профессиональной прессы; она выявляла, она помогала этому строительству; по ним же мы будем вести и наш обзор.

Появление профессиональных органов было фактом огромной важности. Оно подчеркивало процесс стяжки сил профессионального движения. В то же время сама пресса являлась определенной силой в этом процессе. Это очевидно a priori, но ясную и точную формулировку указанные положения могут получить лишь после тщательного анализа самой печати.

Пионерами профессионального движения у нас, как и на Западе (Германия), были печатники [1]). Возникновение их союза связано непо-

[1]) От редакции. Это не совсем точно. Печатники на Западе были одними из пионеров в области профессионального движения, но не первыми. В частности, в Германии первый профессиональный союз—союз сигарщиков был основан Фрицше в 1865 г.

средственно с 9-го января. Первым шагом на пути организации была забастовка, начавшаяся 7-го января. Вскоре создалась тарифная комиссия. В конце февраля на почве неудачи переговоров с предпринимателями произошел ряд частичных забастовок; их неорганизованность привела к мысли о создании союза. В апреле (3-го) избрана была комиссия по выработке устава. К июню устав был выработан, принят и союз, не ожидая утверждения устава, начал работу. Наряду с созданием самой организации, велась работа пропагандистская, и здесь крупную роль сыграл журнал «Печатный Вестник». Он начал выходить с 15-го мая. Первый номер содержал обещание еженедельного выхода, но это не осуществилось: «Вестник» выходил нерегулярно — в 1905 году появилось всего 19 №№-ров. Он создавался не союзом — первые номера изданы еще до того времени, когда союз сложился окончательно.

Первоначально он был в руках инициативной группы, той же, какая принимала участие в создании союза. Первым издателем журнала был наборщик А. М. Тенс, тот самый, чей доклад был прочитан на собрании 3-го апреля («Об основах типографских организаций») и который был избран в организационное бюро союза [1]). Редактировал его П. А. Орлов, принимавший такое же участие в создании союза. С четвертого номера заведывание журналом переходит в руки одного Орлова. Этот № содержит такое редакционное указание: «Печатный Вестник», пережив 3 месяца своего печального существования, перешел в руки группы лиц, которая во главе с редактором-издателем журнала состоит из рядовых рабочих печатного дела». Наконец, два последних номера (18 и 19) имеют пометку: «за редактора А. Симановский» — на заседании Бюро Союза от 20-го ноября ему было поручено ведение журнала [2]).

Сотрудничали в журнале почти исключительно рядовые рабочие. Статьи, принадлежащие перу посторонних лиц — наперечет. В этом смысле «Печатный Вестник» — чисто рабочий журнал. Мало по малу ему удается создать, если не регулярных, то все же дающих время от времени нужную информацию корреспондентов из среды рабочих. В журнале видели средство изменить, улучшить свое положение. Туда сообщали о тех явлениях, которые били так или иначе по рабочему. Это был, действительно, рабочий журнал.

С конца июля по середину октября журнал был еженедельным, наоборот с мая до июля и с октября до конца года он выходил через неправильные промежутки. И то и другое характерно. Первый момент — период становления, второй — этап под'ема революционной волны не давали возможности к регулярному выпуску издания. Так, внутреннее развитие союза отражалось на его органе. Не проходило без влияния и общее положение, те условия, о которых мы говорили выше. На страницах «Печатного Вестника» не раз можно найти редакционные заметки

---

[1]) „Печат. Вестн." № 1.
[2]) Там же № 19, стр. 7.

такого характера: «По независящим от редакции обстоятельствам в этом номере вместо обычных 16 — всего только 8 страниц», или по «независящим» от редакции обстоятельствам №№ 10 и 11 журнала «Печатный Вестник» вышли без передовых статей, некоторых отделов и с опозданием»[1]). До № 16 — 17, как и все издания, «Печатный Вестник» проходит через цензуру, лишь с этого № (от 30-го октября) журнал бесцензурен. Редакционные об'явления, приведенные только что, говорят, что «Печатный Вестник» не находился в условиях лучших, чем прочие журналы и газеты. В № 16 — 17 Орлов говорит об условиях, в каких приходилось существовать, следующее: «на наш журнал не в пример прочим было обращено внимание цензурного комитета, так как он издавался рабочими. Иногда дело доходило до смешного: совершенно зачеркнутая статья представлялась нами вторично через неделю и она разрешалась к напечатанию ... Что же касается сообщений о рабочем движении, то все они представлялись в канцелярию генерал-губрнатора и все они там погибали». В силу обстоятельств приходилось быть осторожными. Поэтому программу свою журнал формулирует очень осторожно: «Печатный Вестник» будет искренно ратовать за интересы рабочих, разоблачать те злоупотребления, от которых им приходится страдать, изыскивать всевозможные меры, способствующие улучшению их быта, поднятию умственного и профессионального развития». Журнал не отказывается от технических вопросов, но считает, что центр внимания должен все же лежать в улучшении быта печатников[2]). Переход органа в руки союза дал некоторое изменение в этом отношении. Журнал нужен, чтобы он «защищал наши экономические и правовые интересы, обнажал бы перед всеми язвы нашей рабочей жизни и боролся бы с той бессчестной эксплоатацией труда, которая вопиет к свету и справедливости»[3]). Эти общие положения сопровождались их детализацией, указаниями на необходимость установления праздничного отдыха и т. д. Но отношение журнала к этим отдельным вопросам мы сейчас рассмотрим. Причем первым таким вопросом будет вопрос о той основе, вокруг которой создался и сам «Вестник»; эта основа — борьба за союз.

Борьба эта проводится в различных формах. Журнал дает информацию о союзе. Тут же имеются статьи, освещающие те или иные вопросы организации, тактики и т. д. В отношении организационном характерно наличие двух тенденций. Одну из них представляет А. Тенс, считающий организационным идеалом создание узких локальных, цеховых союзов: «союз должен быть только профессиональным и местным ... Очень важно, чтоб союз состоял из представителей одной отрасли печатного дела, именно: из наборщиков, печатников и литографов. Если же в союз будут принимать рабочих других отраслей, например, переплет-

---

[1]) „Печатный Вестник № № 6, 11.
[2]) Там же № 1.
[3]) Там же № 4.

чиков, цинкографов, линовщиков и т. д., и т. д., то с таким пестрым составом членов союз не будет иметь никакой силы» [1]). Иначе ставит вопрос В. Попов: «нужно нам всем сплотиться воедино и работать, не покладая рук, чтобы организовать прочный и могущественный всеобщий российский рабочий союз всех цехов. Для того чтобы создать такой грандиозный союз, прежде всего нужно позаботиться о сформировании союза нашего печатного дела всей России» [2]). Не совсем ясная мысль автора говорит о создании всероссийского об'единения производственных союзов [3]). Эту мысль в том же № поддерживает еще один автор — М. Горшков [4]). Представители других цехов указывают на страницах журнала наборщикам на их гордость, нежелание подойти к собратьям по работе, на вред такой розни и необходимость об'единения в одну организацию. В ней только видят исход для себя члены наиболее слабых цехов (фальцовщики), ученики: голос их вполне поддерживает предложение производственного об'единения [5]).

Но это — одна сторона вопроса, «Печатный Вестник» не мог обойти и другого вопроса, дебатировавшегося в этот период. Это вопрос о партийности и нейтральности. Здесь «Печатный Вестник» занял вполне определенную позицию, которую и развивает ряд авторов. А. Недров доказывает, что принцип единства классового движения может осуществиться лишь при признании нейтральности союзов. Присоединение к какой либо партийной программе, лишь оттолкнуло бы всех инакомыслящих [6]). Насколько иначе ставит вопрос Ю. Ларин. Он говорит о тех целях, какие ставит себе социал-демократическая партия, о том, что профессиональные союзы будут органами управления производством в период организации социалистического хозяйства. Союзы являются школой управления. Союз не может ограничиться чисто профессиональной работой без связи с обще-классовой борьбой пролетариата. Поэтому между обеими организациями необходима связь, и она может существовать в следующей форме. Обычно организаторами союзов являются члены партии. Они должны добиться признания союзом, как организацией, социал-демократической партии в качестве представительницы классовых интересов пролетариата. А в целях организационного закрепления этого необходимо установить взаимопредставительство партии и союза. Так будет сохранена возможность расширения союза на беспартийных и устранена опасность отхода профессиональных организаций от общеклассовых позиций [7]).

---

[1]) „Печ. Вестн." № 2, „Ближайшие задачи нашего союза".
[2]) Там же № 9, „Рабочий вопрос".
[3]) От редакции. Очевидно, автор не совсем правильно расшифровывает мысль В. Попова. У него, нужно полагать, была выдвинута обычно модная на первых порах профессионального движения идея единого рабочего союза „(Братство рабочих" в 1848 г. в Германии „Великий Консолидированный Союз в Англии".
[4]) Там же „1905 год."
[5]) Там же №№ 8, 9, 11.
[6]) Там же № 15, „Какими должны быть профсоюзы".
[7]) Там же № 18, „Проф. Союзы и с.-д. партия".

Наряду с вопросом о партии, стоял вопрос о характере отношений со старым типом типографской организации — кассами взаимопомощи. В этом вопросе особых разногласий не заметно. Почти все статьи и письма в редакцию заявляют о непригодности этой организации к ведению широкой работы. А. Тенс указывает, что касса могла бы улучшить и свое положение и положение членов, если бы она поддержала борьбу за повышение тарифа [1]). Но не только в таком вопросе, выходящем из сферы компетенции кассы, от нее нельзя ждать помощи, но и в вопросах, оговоренных в ее уставе, она слишком осторожна. «Получается то, что наши кассы взаимопомощи есть ничто иное, как совсем чуждые рабочим интересам кассы сбережения «неприкосновенного капитала», который будет копиться, копиться, кто знает до каких пределов, чтобы потом быть употребленным кто знает на что» [2]). Этот же автор (Петр Северянин) считает, что все-таки разрушать организацию из-за ее неудовлетворительного состояния не имеет смысла. Можно ее перестроить, создать федерации касс каждой профессии и тогда они смогут удовлетворять пред'являемые к ним требования [3]). И это не только желание. Делаются попытки создать особый «фонд для улучшения труда типо-литографских труженников», фонд, который должен отличаться от этих полумертвых организаций, отказывающихся (Харьков) от всего, что не ссуда или вспомоществование [4]). Основным отличием должно быть недопущение в свой состав нерабочего элемента, сильно сказывающегося в кассах взаимопомощи [5]). Эту классовую позицию, требование чисто пролетарского состава, единогласно проводят все авторы, касающиеся вопроса. «На них (кассы взаимопомощи) я смотрю, как на петлю и вижу в них тормаз к развитию в рабочих классового самосознания и самодеятельности и потому всегда говорю, что эти организации нужно сделать чисто «рабочими» с рабочим правлением во главе, или препятствовать их созиданию» [6]).

Рядом с этим раздаются робкие, заглушаемые голоса, пытающиеся указать, что сам союз должен обратиться в кассу взаимопомощи: «По моему мнению, союз должен бы преследовать следующие цели: 1) открытие технических школ, откуда бы выходили трезвые, нравственные, знающие свое дело рабочие, так как мы встречаем недоучек, на каждом шагу, 2) устройство общежития, так как большая часть тружеников печатного дела ночует в ночлежных домах, 3) кассы взаимопомощи, 4) богадельни и всеобщие похоронные кассы ... а за союз, который требует: всеобщей стачки для увеличения платы и сокращения рабочего дня, дабы было бы удобнее пьянствовать, свободы слова, чтобы можно было

---

[1]) Печ. Вестн. № 1, „Кое-что о деятелях"...
[2]) Там же № 7, „Письма к товарищам".
[3]) Там же № 8, „Письма".
[4]) Там же №№ 9, 11. „Заметки москвича".
[5]) Там же № 12.
[6]) Там же № 15, „Ответ т. Гейеру".

заполнять столбцы «Печатного Вестника» хламом и бранью и исключения факторов, ментранпажей и мастеров из союза, так как они не по вкусу публике... такому союзу — мне кажется не может сочувствовать ни один порядочный человек» [1]). Это голос машинного мастера, одного из тех, кто заклеймен на страницах «Печатного Вестника», как оторвавшийся от рабочих, подхалимствующий и подслуживающийся к хозяину. Больше всего из этого рода людей должны были выслушать ментранпажи и факторы — вчерашние рабочие, нынешние администраторы. Почти в каждом № мы находим статью, заметку, письма, говорящие об этих «пауках» и «благодетелях». Они занимаются ростовщичеством, расчитывают местных рабочих и берут приезжих — это дает им ряд выгод, берут на откуп работу и от себя дают наборщикам [2]) — хорошо обрисована страсть низших представителей типографской администрации к торжествам, юбилеям, проводиться которые должны за счет рабочих.

Это один из тех жизненных вопросов, какие обсуждает и разбирает «Печатный Вестник». Но их много. И рядом с вопросом о всевозможных притеснениях и злоупотреблениях указанных лиц, мы видим другой вопрос из той же группы актуальных вопросов типографского бытия: воскресный отдых. С первого № начинается длительная кампания в его пользу; половина №№ затрагивает так или иначе эту тему. Тут и информация о положении вопроса из Москвы, Харькова, и попытки дать художественную зарисовку настроений рабочих, их отношений к этому вопросу, и обсуждение злободневного вопроса о занесении на черную доску работающих по праздникам [3]), и интересная полемика с одним штрейкбрехером, защищающим свое право итти в разрез с общим настроением, право не подчиняться общей воле. Пока этот вопрос стоял остро, он широко дебатировался на страницах «Печатного Вестника». Интерес перешел на другие вопросы, — он заглох и на страницах журнала.

Следить детально за всеми остальными вопросами значило бы злоупотреблять вниманием читателя, охватить полно все богатство содержания журнала в нашем коротком очерке невозможно. Нам остается лишь систематизировать остальные пункты и подвести им известные итоги.

«Печатный Вестник» не может не реагировать так или иначе на политическое положение страны. Цензура гнетет печать, приостанавливаются издания. В журнале появляется проект: так как от прекращения изданий страдают рабочие, а виноват во всем редактор поместивший статью, недопустимую по цензурному уставу, нужно наказывать его налагая штрафы и т. д., но издания, не останавливать [4]). В следующем

---

[1]) „Печ. Вестн." № 9. Письмо в редакцию.
[2]) Там же №№ 7, 9, 11, ст. Н. Борщика, Дегтерева, Северянина.
[3]) Там же №№ 2, 6.
[4]) Там же №№ 4: „Кто наказан".

№ находим ответ на это предложение, рабочий может перейти в другую типографию, сотрудники этого часто не в силах сделать; страдают все работники предприятия. Причина не в неосмотрительности редактора, а в ненормальном положении печати [1]).

Другой вопрос такого же рода. Тяжелая непопулярная война наконец окончилась — заключен мир. Не проходит мимо этого события «Печатный Вестник». Он выражает надежду, что кровавый урок не пройдет мимо сознания авантюристов, затеявших войну [2]), ждет, что мир даст возможность для устройства домашних дел.

В сфере политических вопросов сказывается интересное явление. Орган печатников мало касается широких общеполитических проблем; если и касается их, то со своей специальной точки зрения; он выбирает более близкие для него темы. В трактовке общих вопросов проглядывает профессиональная точка зрения работников печатного дела.

Больше внимания уделяется вопросам профессиональным — правонарушениям ментраншажей, кассам взаимопомощи, конкуренции рабочих-иностранцев и приезжих [3]), тому что является наболешими вопросами и что должен разрешить союз. Общие же вопросы преломляются, получают освещение под углом зрения профессионалиста, но профессионалиста не представляющего еще устоявшегося типа. Борьба организационных мотивов — не случайна. Хотя и в слабой степени, но есть цеховые тенденции; временами они все же прорываются сквозь обычный более широкий общеклассовый подход.

Всем тем, что дает нам «Печатный Вестник» всеми этими вопросами болело, было занято профессиональное движение. Орган отражает настоящее положение союза, различные тенденции, имеющиеся в массе, и, поскольку, агитационно-организационные задачи доминируют над прочими, они преобладают и в журнале. Не даром борьба за союз занимает такое место на страницах журнала, не даром масса статей, трактующих иные вопросы, все-таки сворачивает к вопросу о союзе.

В этом отношении «Печатный Вестник» является хорошим показателем настроений, тенденций имеющихся в рабочей среде, благодаря этому он получает и свою популярность. Но в то же время, историк не может не отметить известной узости журнала. Как источник для фактической истории союза печатников — «Печатный Вестник» дает крайне мало.

Несколько другую картину представляет другой орган печатников — журнал «Наборщик и Печатный Мир», — сравнительно старый, выходящий с 1903 года. Первой, сразу бросающейся в глаза, особенностью его является уже самый подзаголовок — «Вестник печатного искусства и литературы. Сведения по типографии, литографии, цинкографии;

---

[1]) „Печ. Вестн." № 5. „Справедливо ли это".
[2]) Там же № 8. „Мир".
[3]) Там же №№ 5, 7, 13.

фотомеханические процессы печатания; словолитное и брошюровочное дело». «Наборщик и Печатный Мир» не чисто профессиональный орган, это журнал, похожий на германские органы «союзов специалистов», достаточно большое внимание уделяющий технике производства. Правда, на протяжении 1905 г., журнал не остается без перемен: tempora mutantur [1]) и элемент злободневности, обсуждения непосредственных интересов, этот элемент растет. По составу своих сотрудников на протяжении года революции орган неоднороден; в начале в нем принимает участие целый ряд рабочих, позднее переходящих в «Печатный Вестник» (С. Цорн, Н. Северянин); но есть и постоянные сотрудники например, пишущий под псевдонимом «мистер Брайт», человек с высшим образованием, отпускающий о других рабочих такого рода фразы: «г. Щербаков (глава похоронной кассы) без всякого образования и воспитания» [2]). Чтобы покончить с вопросом о составе сотрудников журнала приведу еще такого рода факт. В первом № за 1905 г. (105) сообщается состав руководящей группы журнала в следующей форме: «З. Л. Воронова (более 10 лет живущая литературным и ученым трудом, принимающая деятельное участие в изданиях императорского русского исторического общества), П. П. Коломнин (автор известной книги «Краткие сведения по типографскому делу»), В. Ф. Боровин (знаток типографского быта и любимый московскими наборщиками директор правления товарищества «И. Н. Кушнерев и К-о»), если к этому добавить имена писателей: Альбова, Баранцевича, Коринфского, станет ясно какую роль играет рабочая часть сотрудников, существующая все-таки некоторое время. Сказанное наводит на мысль, что характер изучаемого журнала будет совсем не тот, что у «Печатного Вестника».

Попытаемся же проверить этот априорный вывод, постараемся уловить основной тон органа. Не случайно, что редактор журнала (А. А. Филиппов) старается доказать в одном из номеров то же, что он говорил в одной из своих речей: «в большинстве случаев борьба труда с капиталом служила только для усиления последнего» [3]). В той же статье далее говорится: «история нам указывает, что если управление, какое бы оно ни было, честно, справедливо и энергически охраняет личность и имущество каждого, то большинство, занимаясь своими личными делами, в редких случаях недовольно существующими порядками» [4]). Эта мысль в иной форме повторяется не раз: «благо владельца неразрывно связано с благом рабочего; падает предприятие — уменьшается и заработок... Это старая аксиома». В той же статье мы находим иные перлы этого же рода. «Ни общество, ни рабочие не могут успокоиться (№ от 20 ноября) то и дело вспыхивают забастовки, создаются условия, затрудняющие охрану прав, имущества, лич-

---

1) „Времена меняются"...
2) „Наборщик" № 113, стр. 388.
3) Там же № 107, „События последних дней", стр. 107.
4) Там же 108. (Курсив подлин).

ности и даже жизни граждан... Особенно губительны забастовки, так как буквально выбивают рабочего из трудовой колеи, приносят убытки всей стране, лишая заработка бедных людей» [1]). Эти слова достаточно ярко рисуют и автора, и журнал, такие статьи помещающий. Как будто все условия для успокоения налицо: «правительство начало вырабатывать иные формы общественной и государственной жизни» и «собственники (стали. С. Н.) давать новые, более выгодные условия труда», но ничто не помогает — рабочие не могут успокоиться». Очевидно автор считает выработкой «иных форм» — манифест 17-го октября; очевидно он не чувствует приближения «временных правил 25-го ноября». Действительно, не только этот автор, но и другие не отдают себе ясного отчета о сущности происходящего. В том же № мы видим новые выпады против забастовок, пред'явления требований и т. д., когда можно заявлять в контору и «найти мирный и всех удовлетворяющий исход» [2]). Очень хорошо, в не менее четкой форме, раскрывает истинные симпатии тех, кого представляет журнал, одно письмо в редакцию из Одессы. Автор его с восторгом говорит об одесском опыте соединения «огня с водой». В кассах взаимопомощи Одессы имелись две тенденции: часть хотела создать чисто рабочую кассу, другая — кассу обычного типа (при участии предпринимателей). Первая попытка не удалась; вторая касса благоденствует, потому что во главе стоят 3 владельца и 4 рабочих. Первые дают материальную помощь — это лица «желающие поработать для общества»; вторые — представители рабочих интересов, которые могут все провести, пользуясь своим большинством. Автор далее утверждает, что в союз нужно допустить управляющих, ментраншажей и т. д. «Допустим, — говорит он, — что (они С. Н.) — аспиды, тогда все-таки допустите их в члены союза, но не выбирайте на должности; этим вы их обезоружите и со временем заставите быть полезными для вас» [3])—будьте мудры, как змеи, и кротки, как голуби!

В разных формах тут появляется все один мотив: «Рано или поздно но владельцы и рабочие убедятся, что только сообща могут улучшить свое положение» [4]). «Собственник не может быть врагом рабочего, как и рабочий в свою очередь не может считать врагом собственника: и у того и у другого общие интересы, одна и та же цель: жить по-человечески, как живут европейцы» . . .[5]). Отсюда восхваление Макса Гирша [6]), создателя «великого дела» [7]), портреты юбиляров и посвященные им заметки, текст поднесенных адресов и т. д.; а юбиляры, это — владельцы типо-

---

[1]) „Наборщик“ № 115, стр. 478: „Куда мы идем“.
[2]) Там же № 11, стр. 479: „В часы досуга“.
[3]) Там же № 115 стр. 507.
[4]) Там же, стр. 508.
[5]) Там же № 116, стр. 520—„Простые беседы“.
[6]) От редакции. Макс Гирш вместе с Дункером явился организатором либеральных рабочих союзов, стоящих на точке зрения отрицания классовой борьбы и признающих гармонию между интересами труда и капитала.
[7]) „Наборщик“ № 111, стр. 215.

графий, старшие мастера и пр. [1]). Отсюда и требования такого профессионального союза, который служил бы «и нашим, и вашим» [2]). Поэтому, когда появляется такого рода фраза: «мы не можем симпатизировать раз'единению управляющих, факторов, ментраннажей, печатников, накладчиков и других труженников печатного дела, так как это одна рабочая семья и интересы ее совершенно совпадают», приходится видеть здесь иной смысл. Что, именно — это раскрывается с полной очевидностью позднее, когда в журнале появляется устав «российского профессионального союза печатного дела» — организации именно того типа, о котором говорилось не раз на страницах «Наборщика и Печатного Мира».

Основные характерные линии «Наборщика и Печатного Мира» нам стали ясны; его физиономия вырисовывается с убедительной очевидностью. Отметим еще в заключение некоторые черточки. Один из постоянных сотрудников поднимает вопрос о сокращении числа учеников «паразитов-недоучек, заполнивших наборные» [3]). Вопрос о воскресном отдыхе, актуальный в «Печатном Вестнике», здесь дискуссируется гораздо слабее. На лицо две точки зрения: 1 — отдых нужен безусловный [4]); 2—праздничный отдых газетных работников могут использовать книжники [5]).

Если перейти к вопросам политическим, то увидим прежде всего, что тех вопросов, какие интересуют «Печатный Вестник» здесь нет. Разве мог «Наборщик и Печатный Мир» ставить вопрос о связи с социал-демократией. Но те общественные и политические события, о которых говорит он, получают конечно, своеобразное освещение.

Назначается комиссия Шидловского — журнал пишет: «комиссия ... сделает большое дело уже потому одному, что состав комисси разнородный (от сенатора до простого рабочего) и рабочему предоставлено право открыто говорить о своих нуждах и желаниях, чего до сих пор не было. Стало быть, можно смело надеяться, что рабочий вопрос, основанный как на экономическом начале, так и на искании защиты личности, будет решен в желательном для рабочих смысле» [6]).

6-го августа был издан манифест о созыве думы. По этому поводу «Наборщик и Печатный Мир» скромно пишет: «не можем не пожалеть, что ни один из рабочих, благодаря высокому имущественному и квартирному цензу, не может попасть в члены государственой думы» [7]).

Манифест 17-го октября встречен достаточно сдержанно. Неуместно приводится целиком стихотворение Пушкина о «рабстве, павшем по

---

[1]) „Наборщик“ №№ 107, 108, 109.
[2]) Там же № 108—„Отклики молодежи“.
[3]) Там же № 106, стр. 63—„В часы досуга“.
[4]) Там же № 106, стр. 63. „В часы досуга“; № 107, стр. 101.
[5]) Там же № 109, ст. „Особое мнение о воскр. отдыхе“.
[6]) Там же № 106, стр. 59. „Простые беседы“.
[7]) Там же № 112, „Государственная Дума“.

манию царя». На этой почве происходит некоторый внутренний разлад. Отмеченная статья изображает конституцию, как октроированную; следующая, как данную под давлением стачек и волнений [1]).

Мало похожи на заявления прочей профессиональной прессы и те заметки, которыми реагирует «Наборщик и Печатный Мир» на нарушения свободы: «остается только удивляться как еще встречаются в России бодрые духом деятели» [2]). Если вспомнить перепечатки из «Русской Старины» верноподданнических анекдотов, которые помещались несколько раньше [3]), это не может нас удивить.

Тот обзор, который мы сделали, дает возможность подвести краткие итоги. «Если «Печатный Вестник» — рабочий орган, то «Наборщик и Печатный Мир» — орган рабочей аристократии и наиболее близких ей интеллигентских групп; если «Печатный Вестник» — проводник классовых тенденций, то «Наборщик и Печатный Мир» — мелкобуржуазных, тред-юнионистских тенденций. С этой стороны он и интересен, ясно и ярко вскрывая интересы и симпатии рабочих верхов, через старые вспомогательные кассы привязанных к предпринимателям.

Имеет с ним общие черты журнал «Железнодорожник», выпустивший в 1905 г. 49 номеров. Он посвящен почти исключительно выяснению теневых сторон железнодорожной жизни — начальственным окрикам, грубости, взяточничеству, донжуанству инженеров и т. д. Он крайне корректен по отношению к властям, даже в октябрьские дни выходит с сакраментальным штампом «дозволено цензурой». Трудно ждать от него решительной постановки острых вопросов. Действительно, «Железнодорожник» не любит больших политических проблем; он и касается то их всего несколь раз наперечет. Он из'являет робкие надежды на «грядущее обновление»—по поводу указа 12-го декабря 1904 г. [4]). Рассчитывает, что окончание войны даст мирную жизнь, отдых и спокойную работу [5]). 1-го ноября говорит о манифесте 17-го октября, как о «политическом перерождении» и, попутно, воскуряет фимиамы гр. Витте, который «всегда считался с обществом» [6]), считает законом «постепенность всякого прогресса» [7]).

Вопросы профессионального движения занимают журнал приблизительно в такой же мере. Когда поднимается вопрос о созыве всероссийского железнодорожного с'езда, журнал высказывается в пользу создания союза [8]). Когда стачки становятся нормальным оружием рабочих организаций — высказывает боязнь, что в стачках будет растра-

---

[1]) „Наборщик“ № 114, „Светлая Заря“ и „Простые беседы“; № 115,„ Привет коллегам“.
[2]) Там же № 116, стр. 521, „От редакции“.
[3]) Там же № 108, стр. 189, „Из журналов“.
[4]) „Железнодорожник“ № 84, „Как живется“.
[5]) Там же № 117 „ „
[6]) Там же № 125 „ „
[7]) Там же № 132, стр. 3.
[8]) Там же №№ 101, 104, 107.

чена сила и основная цель — учредительное собрание — окажется недостигнутой; в декабре протестует против закона о стачках и союзах [1]). Как орган профессиональной мысли — «Железнодорожник» — пустое место. Те отдельные статьи, на которые я указал, не дают еще ему права на это название.

Журнал интересен, так как в нем мы находим протоколы железнодорожного с'езда, документы по отдельным вопросам (Кушкинская история), материалы, касающиеся борьбы за реорганизацию касс взаимопомощи. Но все это не меняет нашего отношения к нему. По типу он аналогичен с «Наборщик и Печатный Мир»; то, что его отличает — результат особых условий и иного состава работников транспорта.

Союз рабочих портных, портних и скорняков возник вскоре после 9-го января 1905 г. В марте месяце за городом состоялось первое собрание, где было выбрано временное Бюро, которому поручили выработку устава. С этим последним провозились довольно долго. В результате, не добившись утверждения, союз продолжал вести организационную работу; 30-го октября (у Гриневича ошибочно — 15-го октября), он сумел созвать первое общее собрание [2]), а 3-го декабря вышел первый № органа союза: ««Листок союза рабочих портных, портних и скорняков». В 1905 г. вышло всего два номера. Уже это обстоятельство затрудняет анализ органа. Вполне ясно, что в течение такого краткого времени он не успел еще выявить себя. У него еще не наладилась связь с его сотрудниками и корреспондентами. Отчетливого представления о составе сотрудников не получается. Большинство их, повидимому, вербовалось из инициативной группы союза. Как указывает Святловский [3]), в редактировании принимали участие интеллигенты.

Основная часть выпущенных двух номеров заполнена агитационным и отчетным материалом. Руководящие статьи обсуждают только один вопрос — об отношении союза к политике. В этом отношении орган союза проводит ту же мысль, какую выразил на общем собрании один из союзных ораторов: «рабочие должны организоваться политически в партию, так как в этом отношении их интересы совершенно одинаковы; они все требуют одного: учредительного собрания, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, 8-ми часового рабочего дня и т. д. Для достижения этих требований рабочим надо об'единиться в одну партию и такой партией является Российская Социал-Демократическая Партия». Рядом с этими интересами есть иные, удовлетворять их призван профессиональный союз. Редакционная статья в № 2, 24-го декабря, ставит вопрос именно так. Положение союзов в декабре было достаточно тяжелым. Начались аресты. Мысль о связи экономики с по-

---

[1]) „Железнодорожник" № 127, № 130, стр. 1.

[2]) Святловский, „Профессиональное движение 1905 г." — „Кр. Летопись" 1922 г. № 2—3, стр. 167. „Листок союза" № 1. Гриневич—„Очерк разв. професс. движения в Спб.".—„Образов." 1906 г. № 8, стр 220.

[3]) „Профессион. движ. в России" Спб. 1907 г., изд. Пирожкова, стр. 279.

литикой получила очень реальное доказательство. «Право союзов есть политическое право», — говорит автор статьи. «Без политических прав, невозможна правильная экономическая работа». Так ставится вопрос и особых разногласий он, повидимому, не встречает. Организационный вопрос, остро стоящий у печатников, здесь также не вызывает особых споров. За 1905 г. ему посвящена одна статья, которая высказывается в пользу производственно-классового союза, который составит часть общерусской профессиональной организации. Разбитые по отдельным мастерским, не спаенные портные, еще не успели связаться со своим органом. Те же, кто стоит ближе к нему, вполне поддерживают его чисто-классовый, пролетарский характер. Заметки и письма все говорят о необходимости чисто-рабочего состава союза без хозяев и штучников.

В ряду прочих рабочих журналов интересное место занимает «Русский Рабочий, издававшийся И. А. Сафоновым. «В хронике «Печатного Вестника» указывается, что «дворянин Сафонов» получил на это издание субсидию [1]). Это — единственная заметка в профессиональной прессе, касающаяся журнала. По сведениям Святловского вышло 4 номера, нам удалось познакомиться лишь с 3-мя (четвертого в книгохранилищах Москвы не нашлось).

Появление журнала мотивируется следующим образом. Нужно притти и «принести посильную лепту на благо у г н е т е н н ы х р а б о ч и х [2]). Это орган, который создает интеллигенция и в ведении которого она просит рабочих ей содействовать. Уже эта редакционная статья оставляет какое-то странное впечатление. Оно усиливается по мере дальнейшего чтения. На 5-й странице № 1-го, мы в хронике находим интересную заметку, где говорится об организации и экономических интересах русского пролетариата. Видную роль в организации его принимает «общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве» небезызвестного Ушакова. Далее сообщается, что общество готовится ко всероссийскому с'езду, мысль о котором исходила от Харьковского общества. К предложенной им повестке общество механических рабочих добавляет пункты об организации союза рабочих всей России, разбивающегося по профессиям; введение примирительных камер для предупреждения столкновений работодателей и рабочих. Представителем на предполагаемый с'езд избирается М. А. Ушаков. Неоднократно помещаются в журнале об'явления этого союза.

В том же № помещается другое сообщение о поступке «известного общественного деятеля», кадета М. Г. Комиссарова, подавшего заявление московскому градоначальнику с просьбой не занимать полицией двора его дома.

В № 3 (от 25-го октября), помещена интересная редакционная статья о манифесте 17-го октября, заканчивающаяся призывом: «Итак, това-

---

[1]) „Печ. Вестн." № 8 стр. 14.
[2]) „ „ № 1. (Курсив подлин.).

рищи, будем ждать и надеяться. И дожидаясь лучших дней нашей жизни, будем готовиться и к другой предстоящей нам мирной борьбе с нашим врагом, капиталом». В том же № помещены воспоминания А. Авчинниковой о Гапоне. Эта Авчинникова, — повидимому бывшая Гапоновка, — в описываемый период является одной из руководительниц «Женского рабочего союза», где в числе прочих членов находим М. Н. Ушакову (не родственница ли?). Воспоминания очень идеализируют Гапона, причем стараются снять с него кличку зубатовца указанием, что он сам принял ее по тактическим соображениям. Рядом помещена беседа с Цишевским, одним из активных сподвижников Гапона.

Далее, в № 2-м, помещена статья «Товарища», где приводятся сказанные на одном из собраний слова: «обсуждать свои нужды и добиваться их достижения мы можем сами. Мы должны быть благодарны интеллигенции за то, что она сделала для нас, но ведь, когда она помогала нам, мы были неопытны, не подготовлены. Теперь другое время. Мы знаем свою силу, мы знаем, что мы можем сделать многое, если сплотимся во едино... мы рады интеллигенции, если она придет... не как руководитель... Я благодарил бы интеллигенцию за сделанное ею в прошлом и приглашаю ее притти к нам и теперь, но не в качестве руководителей, а в качестве добрых нам помощников».

Это почти слово в слово то, что писал в своей «Рабочей Газете» Ушаков (1906 г.): «В недалеком прошлом, когда наши товарищи не были еще так развиты, мы беспрекословно вверяли себя руководству интеллигенции, но в настоящее время, когда многие из нас настолько созрели в политическом отношении, что вполне могут быть руководителями и исполнителями желаний своих товарищей, мы считаем возможным принять со стороны интеллигенции в своем деле только совет, но никоим образом не доверять им руководства рабочею ратью» [1]).

Добавим последний штрих. № 3-й сообщает о первых попытках создания «Рабочей партии». Те стремления, которые в 1906 г. собирают значительное количество сторонников — об этом позднее — впервые зарождаются и оформляются в конце 1905 г. Об этом говорится в излагаемой заметке. Целью новой партии является политическое и экономическое освобождение рабочего класса. Ее мысль — в неудовлетворенности существующими, и разочаровании от партийной борьбы. Характер организации — чисто рабочий, интеллигенты могут быть приняты лишь в качестве сотрудников. Активное участие в организации принимает «общество взаимопомощи механических рабочих».

Все пути ведут в Рим. Откуда ни начинать анализ «Русского Рабочего», всегда приходишь к Ушакову. Вот почему мы считаем вполне оправдавшимся предположение газеты «Начало», которая в ноябре 1905 г., по поводу организации Ушаковской «Независимой Рабочей Партии» писала: центральным органом «по всей вероятности будет «Рус-

[1]) Цит. по „Общ. движ. в России" т. II в. 1, стр. 288.

ский Рабочий»[1]), «Рабочая Газета» в 1906 г. заменила «Русского Рабочего», но для 1905 г. несомненно, что он является органом Ушаковщины со всеми ее специфическими чертами[2]).

Параллельно с работой по созданию отдельных профессиональных союзов идет работа по организации общих, межсоюзных органов — Центральных Бюро. Они возникли в «первой же стадии развития движения. Вместе с оформлением и укреплением союзов оформлялись и укреплялись органы их об'единения — Центральное Бюро»[3]). Они ставили своей целью «содействовать возникновению профессиональных организаций в еще неорганизованных профессиях и развитию уже возникших союзов»[4]). Само Петербургское Центральное Бюро образовалось из совещаний представителей союза печатного дела, конторщиков и приказчиков, созванных для обсуждения предложения «Харьковского общества вспоможения лицам, занимающимися ремесленным трудом» о созыве с'езда профессиональных союзов. Это совещание послало своего представителя в Харьков, и по возвращении его оттуда было решено создать постоянное учреждение из представителей от различных союзов. С 6-го ноября Центральное Бюро — существующий, живой орган, который, перебравшись еще через 2 недели в свое постоянное помещение, начал мало по малу развертывать работу. Первое же заседание Центрального Бюро поставило вопрос об организации своего печатного органа. Эту мысль выдвинул приват-доцент (ныне профессор) В. В. Святловский. Предложенная им программа была принята и на следующем же заседании избрана редакционная комиссия в составе Святловского, Сомова С. И., Аксанова Е. А.[5]).

Журнал, называвшийся «Профессиональный Союз», — печатался в типографии министерства путей сообщения и вышел в течение конца 1905 г. 3 раза (27-го ноября, 4 и 25-го декабря). Мы ограничены в этом очерке 1905 г. Эта условная грань имеет свой смысл по отношению к рассматриваемому органу. Четвертый № — 1-го января 1906 г.—принес весть об изменении характера журнала, что было фактом достаточно существенным. Все 3 первых номера наполнены исключительно официальным материалом, который распадается по ряду отделов. На

---

[1]) „Начало“ 1905 г. № 23/XI — „Ушаковцы“.

[2]) Два номера вышли с цензурой № 1 на 1/4—был урезан. Кроме статей значительное место отводится хронике—перепечатки из газет („Русь“, „Правит. Вестник“, „Рассвет“) телеграмм „С. П. А.“ „Р. А.“ Хроника нигде не упоминает об иных проф. организациях кроме Ушаковских.

[3]) Гриневич. „Организац. и задачи Ц. Бюро проф. союзов“ в кн. Умбрейта „Значение и задачи Ц. Б. профсоюз“, стр. 9.

[4]) Там же, стр. 10.

[5]) Гриневич подчеркивает коллективный характер редакции в противовес Святловскому, настаивающему на своей роли в редактировании журнала (Гриневич—„Профессиональное движение“ рабочих в России 2 изд. стр. 107; Святловский. „Профессиональное движение в России“ 1907—стр. 277). Первые 2 №№ выпущены за подписью всей ред. комиссии. № 3 одного ответственного редакт. — Святловского; в № 5 Святловский подписывается просто „редактор“. Не означает ли это отхода от работы прочих членов и не здесь ли решение спора Гриневича и Святловского?

первом месте помещается информация о текущей работе самого Центрального Бюро (протоколы заседаний). Далее следуют сведения о деятельности отдельных союзов в форме их отчетов, протоколов, уставов, воззваний и т. д. Хроника и адреса образующихся и существующих союзов заполняют остальное место. Святловский прав частично, когда указывает, что печатавшиеся уставы служили образцами, но одного такого материала было слишком недостаточно, он был слишком сух, не мог удовлетворять массового читателя впервые, в значительной части, подошедшего к своему журналу. Эти моменты принуждают с начала 1906 г. встать на иной путь, ввести иные элементы органа.

В первые моменты существования, журнал не успел еще выявить своей физиономии, он не вскрыл тех своих сторон, о которых у нас речь будет ниже. Этому мешал его «деловой и справочный характер». Соображения цензурного порядка не могли играть в этом вопросе никакой роли. Журнал Центр. Бюро не пошел сразу по тому пути, на который немедленно же стали другие органы, но правительство не преминуло показать руководителям Центрального Бюро на необходимость освещения в журнале общих вопросов, как профессионального, так и политического характера. 9-го декабря помещения Центрального Бюро и ряда союзов были заняты полицией, закрыты, опечатаны, документы были арестованы. В № 3-м (от 25-го декабря) редакция поместила статью, где дает не только информацию, но и оценку этого факта. «Чем же вызвано это нашествие? . . Смешно было бы ожидать ответа на эти вопросы от такого правительства, которое своим предательством и вероломством ввергло всю страну в состояние отчаянной анархии . . . Ясное дело, что со стороны правительства разгром рабочих организаций есть не более как проявление его злобной мстительности против рабочих, против молодой русской демократии, крепнущей и слагающейся, несмотря на все неблагоприятные условия переживаемого бурного времени . . . Необходимо . . . отпарировать эти удары правительства. Союзы несомненно должны пред'явить гражданские иски за нанесенный им материальный урон, должны требовать суда за грабеж и насилия, за все беззакония, учиненные над ними» . . . Эти последние строки характерны и для редакции «Профессионального Союза» и для самого Центрального Бюро; характерны они и для момента, в какой писались.

Так или иначе это событие толкнуло впервые на выступление такого рода. Как увидим позднее, в 1906 г., отдел статей значительно расширяется.

В Москве Центральное Бюро или, как оно называлось точно, — «Московское Бюро Уполномоченных Профессиональных Союзов» образовалось в сентябре 1905 г. Его правление чрезвычайно напоминает картину уже известную нам — образование Петербургского Центрального Бюро. Родилось оно в результате ряда совещаний союзных представителей, созванных для обсуждения вопроса о всероссийском с'езде. Орга-

низация его не успела оформиться [1]). Нам кажется, что кратковременность его существования и неблагоприятные условия сыграли в этом отношении главную роль. Все же, как и Петербургское, Московское Центральное Бюро вело свою работу; оно постаралось создать и свой печатный орган — «Бюллетени Музея Содействия Труду, состоящего при московском отделении императорского русского технического общества». В 1905 г. под этим названием вышло два номера журнала (16-го и 26-го ноября). Совершенно так же, как и орган Петербургского Центрального Бюро, «Бюллетени» — издание справочного характера. Редакционная комиссия так определяла свои цели: «Бюллетени содержать справочный материал по развитию профессионального движения вообще и подготовке Всероссийского С'езда .... в частности» [2]). Комиссия не ставила целью создавать из «Бюллетеней» регулярно выходящий руководящий орган, да она и не могла рассчитывать на эту регулярность при таком подборе материалов. Действительно, как я уже говорил, вышло всего 2 номера. Там содержится материал по ряду вопросов: информация о с'езде, работа Бюро, хроника движения в Москве (протоколы, уставы союзов), переводы уставов западно-европейских союзов. Это момент характерный для обрисовки самого движения этого периода. Но, в отличие от «Профессионального Союза», «Бюллетени» печатают уставы не геверкшафтов, а синдикатов (служащих, кочегаров, машинистов, печатников). Нам кажется, что это различие определяется отнюдь не политическими симпатиями, а скорее наличием под рукой соответствующего материала. В Петербурге уставы геверкшафтов печатались в переводе Святловского, которому их удалось достать [3]). То, что было под рукой, то и напечатали. Так же, повидимому, было и в Москве, где все эти уставы заимствованы из находившейся под рукой книги Лавриновича — «Рабочие Союзы». Второй номер «Бюллетеней» содержит перепечатку статьи Кн. Дм. из «Московской Газеты», — «Московское Бюро Профессиональных Союзов», но было бы напрасно думать, что в этой статье мы найдем отход от уже охарактеризованной нами физиономии журнала. Ничуть. Эта статья — чисто информационная, трактующая о целях бюро, его функциях, порядке представительства, исполнительном органе и днях приема. Поскольку Бюро ограничивается только такого рода материалами было бы бесполезно искать в нем каких либо его политических и иных тенденций. Журнал этот—сборник материалов официального характера. Этот материал содержит свои политические симпатии и антипатии — ведь тут протоколы собраний, где обсуждают вопрос о партийности и беспартийности союзов, — но и эти настроения характерны для союзов, они ни слова не говорят о самом журнале. «Бюллетени» — это сборник документов, инте-

---

[1]) Тюрин — „Московское Центральное Бюро Профессиональных Союзов" М. 1913, стр. 27—8.

[2]) Тюрин. „Московское Центральное Бюро"; „Бюллетени" № 1.

[3]) „Кр. Летопись" 1922 г. № 2—3, стр. 167, ст. Святловского.

ресный для историка, — сырые материалы, которые не дают возможности иначе охарактеризовать самый орган.

Чтобы покончить наш обзор — одно замечание. Часто газеты общего характера («Вечерняя Почта», «Начало») предоставляли свои страницы в распоряжение тех или иных союзных организаций. Они от этого, конечно, не становились профессиональными органами. В большинстве случаев в них мы находим хронику, документы тех или иных союзов, реже статьи, освещающие те или иные моменты движения.

Мы видели интересное явление: журналы центральных межсоюзных органов имеют характерную черту — сухость, официальность содержания. Они чрезвычайно ценны для историка, так как дают огромное количество фактического материала. Архивы союзов этого периода почти не сохранились. Только в журналах можно найти нужные данные. Надо думать все-таки, что такие черты не давали возможности этим журналам получать особенно широкое распространение.

Но сами отмеченные особенности с необходимостью диктовались условиями существования межсоюзных органов. Мы видели в самом начале, что смысл существования Центрального Бюро заключался в той организационной работе, какую они вели. Справочный характер изданий получался оттого, что организационные задачи доминировали над агитационно-пропагандистскими. Этим организационным целям служил официальный материал, но он же служил и агитационным целям, поскольку сама организационная работа была вернейшей формой агитации.

Выходящие рядом журналы отдельных союзов представляют картину несколько более пеструю. Они распадаются на три группы—в зависимости от их организационно-политических тенденций. Представителями этих трех групп являются: «Печатный Вестник», «Наборщик и Печатный Мир», «Русский Рабочий».

Вообще говоря, профессиональная пресса 1905 г. служит ярким выразителем положения и состояния профессионального движения. Те союзы, которые успели сорганизоваться, стать на ноги — приступают к расширению своей базы, и тогда орудием дальнейшей борьбы становится печать. Но в каждом отдельном случае оружие говорит о его владельце; характеристика последнего без помощи журнала оказывается невозможной.

А. ГУДВАН.

К вопросу о количественном составе профессиональных союзов в 1907 г.

Почти двадцать лет прошло со времен первой русской революции, но до сих пор история не имеет точных данных о количественном развитии профессиональных союзов в этот период. До сих пор мы не имеем точных данных ни о количестве организованных тогда профессиональных союзов, ни о количестве членов их, ни о движении денежных средств профессиональных организаций.

Об'ясняется это явление главным образом тем, что тогда некогда было заниматься постановкой точного организационного учета. Период бурного строительства профессиональных союзов был в то же время «периодом бури и натиска» русского рабочего движения. Демонстрации, стачки, бойкоты до того заполняли содержание жизни рабочих организаций, что ни один профессионалист не мог уделить должного внимания организационно-техническим вопросам. Тогда было некогда и, нужно сознаться, некому (опыта, знания, навыка — как строить внутреннюю работу профессиональных организаций — у наших профессионалистов было очень мало) заниматься статистикой. Начавшаяся же скоро реакция задушила и проглотила почти все боевые союзы с их активными работниками и, конечно, не могла способствовать правильной постановке статистического учета профессионального движения.

В итоге, точных данных о количественном составе союзов того времени нет. Остался только ряд отдельных подсчетов, весьма сильно между собой расходящихся.

Этот существенный пробел было бы чрезвычайно важно заполнить, и попытаться, использовывая имеющиеся сведения, подойти к установлению более или менее исчерпывающих и точных данных. Это мы и попробуем сделать в настоящей статье.

Главным источником, откуда изучавшие профессиональное движение периода 1905 — 1907 г.г. черпали сведения о размерах движения, были данные И. Круглова, обработавшего материал анкеты, произведенной организационной комиссией по созыву Всероссийского С'езда профессиональных союзов [1]) и сведения фабричной инспекции и некоторых

[1]) Материал этот, опубликованный сначала в „Профессиональном Вестнике" за 1907 г в №№ 7, 8 и 9, был потом целиком перепечатан В. Гриневичем в его труде „Профессиональное движение рабочих в России".

Центральных Бюро профессиональных союзов, обработанные В. Святловским в его книге «Профессиональное движение в России»[1]). В 1911 г. к этим двум работам прибавились еще данные пишущего эти строки, собранные путем продолжительной работы по выборке сведений из профессиональной, партийной и общей печати и при помощи опроса отдельных активных работников профессионального движения[2]) и данные изданного министерством торговли и промышленности «Свода отчетов профессиональных обществ». Наконец, в 1921 г. к упомянутым работам прибавилась обстоятельная записка, составленная чиновником особых поручений при департаменте полиции М. И. Блажчуком для представления министру внутренних дел и председателю совета министров П. А. Столыпину[3]).

Обращаясь к рассмотрению этих данных по существу, мы видим, что данные, приведенные в трех последних работах, а именно данные «Свода отчетов», мои и Блажчука почти тождественны в определении количества профессиональных союзов, существовавших в 1907 г., но в свою очередь резко расходятся с данными В. Гриневича и В. Святловского.

По данным В. Святловского в 59 губерниях и областях России числилось в 1905 — 1906 г.г. — 861 профессиональный союз. Из них действующими считались — 643, что составит 74,7% общего количества союзов, отказано было в регистрации 187 обществам, что составит 21,8% и закрыто было 31 профессиональное общество, что составит 3,6% общего количества, указанных автором, союзов. Таким образом, мы видим, что из 861 профессионального союза, заявившего администрации о своем существовании подачею заявлений в «губернские» или «городские по обществам присутствия» с начала действия закона 4-го марта 1906 г., к 1-му июля 1917 г. д е й с т в у ю щ и м и оказались только 643, т.-е. лишь 74,7%. Формально же лишено было прав на существование 218 союзов, из которых 31 были закрыты, а 187 по тем или иным причинам отказано в регистрации.

В. Гриневич ничего не говорит ни о закрытых союзах, ни о союзах, коим было отказано в регистрации, и поэтому невозможно сравнивать его данные с данными Святловского. Подчеркнем только, что количество действовавших тогда союзов по В. Гриневичу, равно 652[4]), т.-е. почти то же что у Святловского (643).

---

[1]) В дальнейшем для краткости изложения мы эти данные будем называть данными В. Гриневича, и В. Святловского.

[2]) Материал этот был мною опубликован в статье под названием „Свобода союзов" в апрельской книжке журнала „Современный Мир" за 1911 г.

[3]) Записка опубликована Р. Кантором во второй книжке „Архива истории труда" в России.

[4]) Тут у Гриневича арифметическая ошибка; у Круглова речь идет о 653 обществах с количеством членов в 246 567 человек.

О т р е д а к ц и и. Гриневич в своей работе говорит, что он исправил вкравшиеся в подсчет Круглова ошибки.

По данным «Свода отчетов Профессиональных Обществ» заявлений о регистрации было подано до 1-го июля 1907 г. — 1.131. Из этого числа зарегистрированы были — 904 профессиональных общества, отказано было в регистрации в 227 случаях и закрыто было 104 профессиональных общества.

Данные «Свода отчетов профессиональных обществ» распределены следующим образом:

Всего по Империи.	Подано заявлен. о регистр.	Отказано в регистр.	Зарегистрир. обществ.	Закрыто обществ.
Рабочие фабрично-заводск, горно-промыш. и др. . . .	583	94	489	60
Ремесленные рабочие . . .	148	19	129	16
Служащие в торгово-промышлен. заведениях.	275	48	227	23
Профсоюзы, не вошедшие в пред. группы	72	13	59	5
Всего . . .	1131	227	904	104

Блажчук насчитывает — 1.046 профессиональных обществ, из числа коих за «вредное направление» закрыто было 161 и вовсе не фукционировало 85, причем он подчеркивает, что рядом с зарегистрированными обществами существовало 94 нелегальных общества. Таким образом, по официальным данным Блажчука функционировало 800 обществ: 1.046—246 (161 закрытых, 85 нефукционировавших)—равняется 800 [1]).

По моим данным в то время было около 1.100 (точная цифра 1.072), из коих открыто существовало всего — 782 общества, нелегально функционировало 142 общества: 104 общества, коим было отказано в регистрации и 38 обществ, которые не регистрировались вовсе, закрыто было 148 обществ (53 в 1906 г. и 95 в первые шесть месяцев 1907 г. [2]).

---

[1]) Некоторые сведения, приводимые Блажчуком, относятся к концу 1907 и даже началу 1908 г., в то время как данные Гриневича, Святловского, „Свода отчетов" и мои к первой половине 1907 г.; но, если мы примем во внимание, что могущее иметь место во второй половине 1907 г. открытие новых союзов неизбежно должно было по меньшей мере компенсироваться увеличившимся в этом периоде закрытием союзов администрацией, мы смело можем считать все эти данные вполне сравнимыми.

[2]) От редакции. Необходимо отметить, что вряд ли правильно считать, что все 104 общества, которым было отказано в регистрации, функционировали нелегально. Нужно полагать, что это верно лишь по отношению незначительной части их.

Вряд ли, однако, можно заключить, что эти данные дают исчерпывающий материал о количестве существовавших тогда союзов. Закон 4-го марта вызвал оживленную и резкую критику во всей почти печати, а главным образом и среди рабочих. Значительная часть союзов тогда же решила не легализироваться [1]). Многие же общества Царства Польского и Северо-Западного края, члены коих почти поголовно состояли из евреев, фактически лишены были взможности это сделать, так как местная администрация категорически запретила в то время пользоваться на собраниях еврейским разговорным языком (жаргоном).

Из изложенного выше мы имеем следующие сведения о количестве существовавших союзов:

Количество союзов.

ДАННЫЕ.	Легально.	Закрыто.	Нелегально.
Блажчука.	800	161	179 [2])
„Свода отчетов Проф. Обществ.“	800	104	227 [3])
Святловского	643	31	187 [4])
Гриневича	652	—	—
Гудвана.	782	148	142 [5])

Из этой таблички видно, что относительно легально-функционировавших обществ цифры сходятся число в число у Блажчука и в «Своде отчетов профессиональных обществ» и расходятся со мною (на 18), со Святловским (на 157) и с Гриневичем (на 148).

Если из этой таблички исключить нелегально функционировавшие общества (сюда отнесены мною общества, коим было отказано в регистрации и общества партийные, которые не пробовали даже легализоваться) при исчислении которых, по моему мнению, надо класть в основу данные «Свода отчетов профессиональных обществ», то во всем

[1]) От редакции. Это утверждение автора является весьма неточным. Если не считать Западного края и Польши, то после издания закона 4-го марта подавляющая часть профессиональных союзов стала на путь регистрации своих уставов, подавая их в „Присутствия по делам об обществах и союзах“, иногда по нескольку раз все с новыми исправлениями, пока не следовало разрешения на открытие. Имевшиеся же случаи нелегального существования союзов обычно связаны были с закрытием уже существовавшего союза и невозможностью добиться утверждения нового устава.

[2]) 179 составилось из следующих сумм: 94 нелегально существовавших и 85 обществ разрешенных, но не функционировавших по тем или иным причинам.

[3]) По „Своду отчетов Профессиональных Обществ“ этим 227 союзам отказано в регистрации по разным причинам.

[4]) 187—это есть исключительно общества, которым было отказано в регистрации.

[5]) Нелегально функционировали. В это число вошло 104 О-ва, коим отказано было в регистрации и 38 обществ, которые и не пытались даже легализоваться.

остальном придется придерживаться цифр Блажчука, который, безусловно, пользовался наиболее полными сведениями.

Правда, его цифровые данные тоже вызывают сомнение. Многие губернаторы и градоначальники, дорожа своим служебным положением и зная, как ревниво оберегает департамент полиции существовавший политический строй, просто боялись сообщить правду о действительном положении вещей, дабы не навлечь на себя немилость, и поэтому отделывались во многих случаях стереотипной фразой: «ни не зарегистрированных, ни нелегализованных обществ нет». Таких ответов в записке Блажчука мы находим относительно 22 губерний: Олонецкой г. (по 11-е сентября 1907 г.), Рязанской (по 28-е сентября 1907 г.), Тургайской обл. (по 7-е ноября 1907 г.), Ярославской г. (по 9-е августа 1907 г.), Келецкой губ. (по 23-е сентября 1907 г.), Плоцкой г. (по 12-е сентября 1907 г.), Кронштадта (по 15-е октября 1907 г.), Николаева (по 20-е сентября 1907 г.), Кутаисской губ. (число не указано), Черноморской губ. (по 24-е сентября 1907 г.), Елисаветпольской губ. (по 4-е декабря 1907 г.), Эриванской губ. (по 31-е августа 1907 г.), Дагестанской области (по 18-е сентября 1907 г.), Кубанской, Терской, Карской области (срок не указан), Сухумскому округу (по 15-е сентября), Иркутской г. (по 24-е августа), Семиреченской области (по 20-е октября), Ферганской области (по 31-е августа 1907 г.), и, что интереснее всего, по гор. Петрограду мы также читаем такое указание Петроградского градоначальника: «сведений о существовании в гор. Петербурге нелегализованных обществ в градоначальстве не имеется». Петербургский же губернатор доносит, что не может «представить уставы профессиональных обществ, ибо лишен возможности истребовать их от обществ».

Кто из современников не помнит о кипучей деятельности, нелегально существовавших в 1905 — 1906 г.г. профессиональных союзах в Петроградской губернии, а также в Петрограде, Иркутске, Николаеве и других городах Царства Польского, Сибири и Кавказа. Перечислять эти организации поименно, рассказывать об их деятельности значило бы ломиться в открытую дверь. Отсылая лиц, интересующихся перечнем легально и нелегально существовавших тогда союзов за указанный Блажчуком период (в каждом отдельном случае нами подчеркнуто по какой месяц 1907 г. по донесениям губернаторов и градоначальников в их «владениях» не существовали профессиональные организации), к работам Святловского, Гриневича, «Своду отчетов профессиональных обществ», опубликованному министерством торговли и промышленности и сводке организационной комиссии по созыву Всероссийск. С'езда профессиональных союзов, обработанной И. Кругловым, и к упомянутой выше статье моей «Свобода Союзов», мы все же должны признать, что для всей остальной России, кроме перечисленных 22 губерний, данные Блажчука базировались на точных, неоспоримых сведениях, как губернских присутствии, кои регистрировали уставы профессиональных сою-

зов или отказывали в регистрации последних, так и на «донесениях» таких авторитетных органов, как «губернские охранные отделения», жандармские управления, т.-е. как раз на данных тех органов, которые под общим руководством губернаторов и градоначальников проводили кампанию по ликвидации профессиональных организаций, намеченную правительством сейчас же после опубликования закона 4 марта 1906 г. и начавшуюся осуществляться с момента рассылки департаментом полиции на места исторического циркуляра от 10-го мая 1907 г., за № 72182 [1]).

То же самое разногласие между данными получится, если обратиться к дальнейшему анализу сведений относительно существовавших тогда легализованных профессиональных обществ.

По городам количество зарегистрированных союзов распределяется следующим образом:

Название местности.	По Блажчуку.	По Святловскому.	По Гриневичу.	По Гудвану.
1. Москва	83	61	46	58
2. Петербург . .	74	51	44	53
3. Екатеринослав	50	54	24	31
4. Одесса	81	51	35	41
5. Киев	32	20	19	27
6. Саратов . . .	21	21		
7. Н.-Новгород .	21	21	69	38
8. Варшава . . .	48	25	21	32
9. Баку	12	10	18	11
10. Вильна	21	10	16	19

Трудно, конечно, с достоверностью сказать, какие цифры более соответствуют действительности, но с моей точки зрения самым рациональным будет пользоваться и в этом отношении официальными данными Блажчука, которые как уже упомянуто выше дают наиболее исчерпывающий и достоверный материал.

По профессиям количество союзов распределялось следующим образом: торговых служащих — 167, рабочих портных, портних и скорняков — 55, союзов рабочих механических мастерских — 46, печатного дела — 47, деревообделочников — 46, пекарей и булочников — 34, сапож-

[1]) В. Святловский „Профессиональное движение в России", СПБ, 1907 г. стр. 377.

ников, башмачников и заготовщиков обуви — 29, по обработке волокнистых веществ—30, архитектурно-строительных рабочих — 23, слесарно-кузнечных рабочих — 21, по обработке кожи и выделки кожевенных изделий — 19, фармацевтов — 17 и т. д. В общем союзы охватили 102 профессии.

Точных данных о количестве организованных по союзам рабочих также нет. Сведения об организованных по союзам рабочих имеются только относительно 273 обществ в сводке «Свода отчетов профессиональных обществ», опубликованном министерством торговли и промышленности и относительно 653 обществ в сводке организационной комиссии по созыву Всероссийского С'езда профессиональных союзов, обработанных И. Кругловым (см. «Профессиональный Вестник», № 8, за 1907 г.) [1]).

Из этих данных видно, что по производствам количество членов распределено было по союзам в следующем порядке:

Производства	По сводке орг. комиссии.			По сводке „Свода Отч. Профес. Обществ.		
	Число союз.	Количество членов.	Средн. на 1 о-во	Число союз.	Количество членов.	Средн. на 1 о-во
Горное дело	6	3.467	578	2	1.189	545
Обработка дер.	38	9.927	258	8	3.600	450
„ кожи. . . .	85	12.066	142	13	2.459 [2])	173
„ металла и машиностроен.	81	54.173	681	17	26.642	1.567
Изготовление одежды.	59	14.322	244	13	2.487	176
Печатное дело.	72	28.654	400	17	2.047	120
Произв. пит. прод. . .	78	24.848	319	14	2.670	190
Строительн. дело . . .	43	12.396	302	6	1.626	271
Текстильн. дело. . . .	25	37.214	1.480	14	26.301	1.880
Торговля и услуж. . .	101	32.475	321	64	8.563	134
Прочие.	65	17.005	262	105	28.858	175
Итого . . .	653	246.547	380	273	106.462	400

[1]) Эти же данные приведены и у Гриневича. но у последнего, как мы уже подчеркнули, по ошибке говорится о 652 о-вах с количеством членов в них 245.555 в то время, когда по Круглову выходит 653 о-ва с количеством членов в 246.567 чел. У Гриневича меньше показано на 1 союз (Горного производства) с количеством членов в 992 чел.

[2]) Этой цифрой об'единены рабочие 6 союзов кожевенного производства и рабочие ремесленных мастерских и обувных фабрик, коих в 7 союзах насчитывалось тогда 1.102 чл., регулярно плативших членские взносы.

Из этой таблицы видно, что в обработку организационной комиссии входило 653 союза с количеством членов в 246.547 человек, а в «свод отчетов» — 273 союза с количеством членов — 106.462 человека. Больше всего членов входило в союзы по обработке металлов и машиностроения (ныне союз металлистов). В данные организационной комиссии вошло 54.173 члена, что составит 22,3% общего числа организованных тогда по союзам рабочих, а в «Свод отчетов» вошло 26.662 человека, что составит — 24% всех рабочих организованных в 273-х союзах, приславших министерству торговли и промышленности отчеты о своей деятельности по 1-е июля 1907 г. Дальше идут: текстильное производство, где по данным «Свода отчетов» было организовано в 14 союзах 26.301 человек, что составит 24% всех рабочих, вошедших в союзы, а по данным организационной комиссии эта группа рабочих (37.214) составит всего 15% всех организованных рабочих и т. д. Меньше всего союзов и организованных в них рабочих было у горняков (по сводке организационной комиссии — 3.467, что составит 1,4% общего числа организованных рабочих, а по «Своду отчетов» 1.189 рабочих, что составит 1,1% общего числа организованных тогда рабочих).

Рассматривая далее количество членов падавших в среднем на одно общество по сводкам организационной комиссии и «Свода отчетов», мы видим, что за исключением горняков, строительных рабочих и кожевенников, где разница между средними очень незначительна: у горняков на 33 человека, а у кожевенников и строительных рабочих на 31 человек на союз, колебание числа рабочих в среднем на союз очень большое: по «Своду отчетов» у деревообделочников на 192 больше, у текстильщиков на — 400 человек, а у металлистов даже на — 886 человек и т. д. По сводке же организационной комиссии количество членов в среднем больше в союзах: пищевиков на — 129, торгово-промышленных служащих на — 187, и у печатников на — 280. Эти колебания членов в среднем по союзам наглядно показывают, что пользоваться этими данными можно и должно с большой осторожностью.

Вот почему нам кажется, что ни Святловскому, ни Гриневичу нельзя верить в смысле вывода общего количества организованных тогда по союзам рабочих. Святловский, полемизируя с Гриневичем, находит, что число рабочих, организованных по союзам, было 400.000 (см. В. Святловский «Профессиональное движение в России», стр., 205). Возражая Святловскому, Гриневич определяет количество организованных тогда по союзам рабочих в 123.000 человек (см. В. Гриневич «Профессиональное движение рабочих в России», стр., 279).

Само собой понятно, что ни одна из указанных цифр, неведомо откуда взятых, не соответствует действительности. Гораздо целесообразнее будет при определении количества организованных тогда по союзам рабочих исходить из средних, приведенных только что данных, т.-е. данных организационной комиссии и «Свода отчетов». В двух этих случаях сред-

нее количество членов на 1 союз почти совпадает, колебание на 20 чел. (400 человек на союз по «Своду отчетов» и 380 человек на союз — по сводке организационной комиссии по созыву с'езда профессиональных союзов). Отбросив этот излишек и приняв количество союзов, установленное выше в 800, мы подойдем почти вплотную к числу организованных тогда рабочих.

По сводке организационной комиссии: $800 \times 380 = 304.000$ чел.
По «Своду отчетов профессион. обществ»: $800 \times 400 = 320.000$ чел.

Эти цифры показывают, что мы не на много ошибемся, если определим общее количество рабочих, организованных тогда по союзам в 300 — 325 тысяч человек. Я фиксирую в памяти читателя эту цифру, конечно, только как приблизительную, но отнюдь не как точную, незыблемую. Думается, все-таки, что если даже отбросить из общей суммы процентов 10 — что составит 30.400 человек общего числа членов, показанных в сводке организационной комиссии и которые должны быть отнесены к сомнительным (в число членов в сводке включены все те члены, которые внесли один только вступительный взнос и ничем больше не были связаны с союзом), то и тогда цифра Гриневича покажется значительно преуменьшенной.

Нельзя забывать, что в сводку организационной комиссии, коей пользовался Гриневич, не вошли союзы Закавказья, Сибири, Средней Азии, Прибалтики и т. д. — в общем, как сам Гриневич признает, около 150 союзов. Считая в среднем на союз даже 380 (по сводке организационной комиссии), то и тогда мы получим довольно изрядную сумму в 57.000 человек. В общем, значит (304.000 — 30.400 составляющих 10% сомнительных членов и + 57.000) получим 330.600 человек. Нельзя также забывать, что данные Гриневича относятся к началу 1907 года, а данные «Свода отчетов профессиональных Союзов» к 1-му июля 1907 г., т.-е. разница почти на целое полугодие. А в это полугодие, как известно, была развита наиболее интенсивная деятельность правительственной власти по ликвидации профессиональных союзов в России.

О партийном составе членов союзов того времени ни один исследователь профессионального движения России до сих пор не говорил, и нам поэтому неизвестно, сколько среди членов союзов было тогда социал-демократов, социалистов-революционеров и т. д. Этот существенный пробел взялся пополнить в свое время тов. министра внутренних дел Курлов. Отвечая в государственной думе на запрос социал-демократической фракции по поводу преследований профессиональных союзов, Курлов привел несколько любопытных данных, которые, если верить ему, дают наглядное представление о количестве социал-демократов и социалистов-революционеров среди членов профессиональных организаций. В 1907 г. по заявлению г. Курлова в 36 профессиональных союзах, с количеством членов в 47.963, социал-демократов было 16.045 человек

(что составит 33,5% общего числа), в 1909 г. всех членов в этих 36 союзах было 27.619 человек, а социал-демократов 13.475 (что составит 49%). Правлений целиком состоящих из социал-демократов, по удостоверению того же Курлова, — было 18, из социал.-революционеров — 9 и только 8 правлений союзов было беспартийных [1]).

---

[1]) Речь тов. министра внутренних дел Курлова, произнесенная в заседании Государственной думе, при запросе соц.-демокр. фракции, 9— 28 октября 1909 г. (См. стенограф. отчеты госуд. думы, созыв III, сессия III, стр. 953.)

Е. ИГНАТОВ.

Из истории общества поваров Московского промышленного района.

Если условия труда рабочих в крупных капиталистических предприятиях — гигантах в дореволюционной России были довольно тяжелы, то условия труда в мелких предприятиях и особенно ремесленных мастерских были подчас просто невыносимы. Наиболее неприглядные и тяжелые условия труда были у рабочих кухонь. Рабочий на фабрике и заводе производил новые ценности, но сбыт этих ценностей производился значительно позже их производства и поэтому условия труда там были более или менее точно определены, в то время, как рабочему кухни приходилось в своей работе зависеть от спроса сегодняшнего дня. Чем выше был спрос, тем выше требовалась интенсивность его труда и тем более выжималось из него соков предпринимателем, который всегда держал рабочую силу из рассчета минимального спроса. Кроме того, предприятия бывшего трактирного промысла все относились к торговым предприятиям, и рабочие кухонь до самой революции 17-го года царским законодательством не были отнесены к какой нибудь определенной группе труда. Будучи по роду своей работы производственными рабочими, они, благодаря тесной связи производимого ими продукта с деятельностью торговых предприятий трактирного промысла, вынуждены были пользоваться всеми отрицательными чертами этих предприятий. Этому в значительной степени способствовало также и то обстоятельство, что поварам, работавшим небольшими группами, трудно было бороться с предпринимателями.

Повара, до освобождения крестьян от крепостной зависимости, были крепостными помещиков и их работа сводилась к обслуживанию потребностей помещика. Они были, пожалуй, наиболее зависимыми людьми во всей барской дворне и больше всех страдали от капризов помещиков. Порка повара, неугодившего помещику приготовкой кушанья, была обычным явлением. Отсюда и склад мыслей поваров развивался соответственно бытовой стороне работы. Замкнутость, подозрительность и недоверие к работавшему вместе с ним товарищу было обычным явлением. С падением крепостного права процесс капитализации России пошел ускоренным темпом. Появились железные дороги, передвижение людей стало более доступным, капитализм создал массу людей свободных про-

фессий, появилось много людей, нуждающихся в общественном питании, и повар от обслуживания помещика перешел в торговые предприятия трактирного промысла.

Несмотря на то, что к концу 19-го века в России появились предприятия-гиганты в трактирном промысле, с количеством рабочих и служащих в несколько сот человек, условия труда в них были не только крайне тяжелыми, но подчас просто кошмарными. Особенно сильной эксплоатации подвергался детский труд. Труд поваров и других рабочих кухонь ничем не регламентировался. Он начинался задолго до открытия предприятий и кончался значительно позже их закрытия. В комбинированных же предприятиях, т.-е. в гостинницах с ресторанами, торговля фактически производилась круглые сутки, и часто рабочие должны были работать без перерыва 24 часа. В дыму и кухонном смраде, при постоянной перемене температуры, переходя от раскаленных плит в ледники, рабочие должны были работать по 16 — 18 часов в сутки. Весь этот «рабочий» день проходил под непрерывный шум и гвалт, сопровождаемый непрерывным подгоном хозяев и администраторов, требовавших в минимальный срок изготовить максимальное количество блюд, соразмеряясь со вкусом посетителя. Часто такие предприятия получали заказы на сторону, в ознаменование соответсвующим обедом важных событий в жизни какого нибудь Тит Титыча или торжественного собрания. Для выполнения таких заказов командировалась половина или треть наличного состава кухни, а всю текущую работу приходилось выполнять оставшимся, и тогда работа напоминала настоящий ад. Семейные повара, не говоря уже про других рабочих, труд которых был еще тяжеле, живя с семьей на одной квартире, часто по неделям не видели своих детей. Уходит такой «отец семейства» на работу часов в 10 — 11 утра, когда дети уже в школе, а приходит часа в 3 — 4 ночи, когда все уже давно спят. В Москве были всего только 3 — 4 предприятия, где повара имели через 3 — 4 дня отпуск на несколько часов, да и то каждый раз с особого разрешения «старшого», который, блюдя интересы хозяина, всегда к моменту отпуска становился «темнее осенней ночи», нагоняя своим видом страх на окружающих, так что не все рисковали заикнуться об «отпуске», который почти всегда сопровождался напутственным глумлением и издевательством.

В таких условиях текла жизнь поваров и других рабочих кухонь. Положение чернорабочих кухонь было несравненно хуже положения поваров. Но хуже всего было положение мальчиков, поварских учеников. Их труд походил поистине на каторжный режим, созданный как бы специально для того, чтобы с детства физически и нравственно изуродовать человека, превратив его в совершеннейшего калеку во всех отношениях. Находясь в невозможных условиях работы, терпя на каждом шагу унижения и оскорбления от всевозможного рода «начальства», повара сами в свою очередь вымещали свою злобу и ненависть на маль-

чиках. Издевательства, беспрерывные насмешки и глумление, сопровождаемое побоями, переходившими нередко в форменные истязания,— таков был удел «учения» мальчиков в кухне. Стон стоял от воплей 12—15-ти летних «учеников», которые ниоткуда не имели себе защиты Сколько раз такой ученик терял сознание от побоев во время своего учения, он, пожалуй, и сам не знает. О каком нибудь отдыхе ученики не смели и мечтать. Многие прожили в таком аду по несколько лет, не имея ни одного свободного выходного дня, так как для предприятий трактирного промысла в то время не существовало никаких праздников, и они торговали круглый год.

Долго продолжалась такая неприглядная картина ничем не оправдываемой эксплоатации, издевательства и произвола над трудом рабочих кухонь. Калечились одни, преждевременно изнашивались другие. На смену им деревня поставляла новые кадры, которых в свою очередь постигала подобная же участь. Только с ростом рабочего движения 90-х и начала 900-х г.г. появилась заметная струйка оживления и среди поваров. Стали и повара глубже призадумываться над своим рабским житьем и более настойчиво искать выхода из тяжелых условий. Те немногие свободные минуты, которые удавалось урывать, стали все чаще и чаще употребляться на общение между собой. В 1900 г. в Москве выделились группы наиболее сознательных товарищей, которые хотели взять дело организации поваров в свои руки. Одним из инициаторов таких собраний был написан устав, сводившийся к взаимопомощи. На более широкие цели рассчитывать не приходилось. Не такова тогда была обстановка. Однако, и с такой целью организовать общество не удалось. Во-первых не было достаточно для этого знаний, а во-вторых, нельзя было нелегально собраться в сколько нибудь значительном числе за отсутствием помещения, а для собраний за городом участники не располагали соответствующим временем. Об открытых собраниях мечтать не приходилось в то тяжелое время полицейского гнета и произвола. При отсутствии свободного времени и при тех невероятных рогатках, которые ставились царской администрацией инициаторам, им, несмотря на все их усилия, так и не удалось организовать общества. Влияло на это также боязнь, недоверие и подозрительность, а кроме того и инертность большинства рабочих кухонь. Так дело с организацией тогда и замерло.

Но вот могучий поток революционного движения 1905 года бурным шквалом пронесся по всей стране, захватив в своем движении все части рабочего класса, потрясая до основания вековые устои самодержавия. Рабочий люд, вырвавшись из-под власти полицейского гнета, в спешном боевом порядке, в процессе борьбы вел лихорадочную работу по организации и укреплению своих сил. Профессиональные союзы возникают один за другим. Московские повара не остались в стороне от общего движения рабочего класса и в кухне повеяло новым воздухом. Замкнутость, недоверие и подозрительность к рабочим других кухонь уступает

место другим настроениям. Сознание общности интересов всех рабочих проникает во все уголки душных и смрадных кухонь, и мысль об об'единении всех поваров в одну семью, чтобы совместно со всеми рабочими добиваться лучших условий, приобретает все большее и большее число сторонников.

Передовые повара энергично принимаются за дело и 20-го ноября 1905 года организовывают обще-городское собрание поваров. Собравшись вместе, повара в первый раз сообща посмотрели на свои уродливые условия труда. Привыкнув в кухне слушать насмешки и унижения от администрации или сами издеваться над более беззащитными, они впервые взглянули на свои условия труда как пролетарии и в своих простых, подчас бессвязных, речах изливали друг другу всю горечь своего рабского положения. Очутившись в таком большом количестве, они стали звать друг друга к борьбе с капиталом за лучшие условия труда.

День 20-го ноября становится переломным днем в жизни московских поваров. На этом собрании была выбрана комиссия из 24-х человек, которой была поручена разработка устава профессиональной организации. Эти товарищи привлекли к участию в разработке устава и организации общества сведущих лиц, работавших по организации профессиональных союзов. Устав был разработан с довольно широкими целями. В работниках тогда недостатка не было. Работа закипела. Однако, буржуазия, видя всюду рост рабочих организаций и самостоятельную политическую линию рабочего класса все более и более начинает переходить на сторону самодержавия. Помещения под собрания комиссия находит уже с трудом. Нашли одного трактирщика, который разрешил комиссии собираться в его трактире. Выбрали временное правление. Один из поваров-инициаторов В. К. Сычев внес 25 рублей на первые расходы. Решили приступить к печатанию устава и начали производить запись в члены. К этому времени подоспели московские баррикады, разгром которых на время сделал невозможным дело открытой организации. Однако, ядро организации уже было. Работа проводилась и к моменту издания закона 4-го марта 1906 года дело было налажено. Правда, от первоначального устава руководителям пришлось отказаться и подать на регистрацию устав применительно к закону 4-го марта. Созванное учредительное собрание поваров, хотя и не отличалось многолюдством собрания 20-го ноября, но все же было довольно многочисленно и кроме того на него уже собрались товарищи, которые ясно понимали цель и задачи организации. 11-го апреля устав был рассмотрен особым городским по делам об обществах и союзах присутствием и общество было зарегистрировано, хотя официально об этом градоначальство известило руководителей только в начале июня.

По утвержденному уставу общество распространяло свою деятельность на всю территорию Московского промышленного района и ставило

своей целью: а) защиту правовых и экономических интересов своих членов; б) помощь умственному, профессиональному и моральному развитию их; в) материальную помощь своим членам и г) защиту учеников.

§ 4-й Устава предоставлял обществу право открывать «отделения в разных местностях (данного района), или для отдельных профессиональных групп членов».

Местонахождение общества по уставу устанавливалось в Москве, причем состав общества определялся в неограниченном количестве, без различия пола, религии и национальности. Закон 4-го марта, как известно, разрешая рабочие организации, в тоже время ставил своей целью разбить их по узко-цеховым признакам. Это нашло отражение и в уставе общества поваров и § 6-м число действительных членов ограничивалось исключительно поварами, но классовая выдержанность была выявлена с достаточной ясностью и в примечании к этому параграфу повара, занимашие административные должности, лишались права быть членами общества. Лица других профессий могли только быть в числе членов соревнователей, в число которых могли входить не только лица близко соприкасавшиеся с поварским трудом, но также и те, кто личным трудом оказал ту или иную помощь обществу, как например, врачи, юристы, журналисты и т. д.

Для поваров вступительный взнос определялся в 3 рубля и для учеников в 25 коп. Ежемесячные взносы были установлены для взрослых—2% с получаемого жалованья и для учеников—10 коп., но уставом предусматривалось понижение членских взносов и ближайшими общими собраниями они были установлены в 1% с получаемого жалования, как для поваров, так и для учеников.

С получением извещений о регистрации устава работа быстро подвигается вперед, открывается официальная запись членов общества. В июле месяце 1906 года, который был первым официальным месяцем приема в члены союза, вступило 49 взрослых и 21 ученик. В августе уже наблюдается значительная тяга в союз, и взрослых уже вступает 100 человек и 44 ученика. Сентябрь дает еще более резкое повышение, и запись среди взрослых доходит до 200 человек и среди учеников до 65-ти. Сентябрь является рекордным месяцем. Это об'ясняется тем, что на сентябрьском общем собрании поваров устав уже был рассмотрен и подробно разобран поварами, для которых он уже не являлся чем-то мифическим. На этом собрании было выбрано постоянное правление, в состав которого вошла часть членов-учредителей, а председателем был выбран пользовавшийся большой популярностью среди московских поваров тов. Яковлев, который затем неоднократно переизбирался и был бессменным председателем общества вплоть до 1908 года. Кроме него, в состав правления вошел целый ряд энергичных товарищей, как например: В. Никитин, В. Цыпленков и целый ряд других товарищей.

В октябре цифра вновь вступивших в общество по сравнению с сентябрем несколько падает: взрослых вступило 83 чел. и учеников—44. Приток новых членов общества держался на этой цифре вплоть до января 1907 г. К этому времени по кухням были произведены среди членов союза выборы делегатов. Общие собрания, за отсутствием свободного времени у поваров, приходилось устраивать сравнительно редко, но делегатские собрания созывались часто и ими была проделана огромная подготовительно-организационная работа. На местах очень внимательно относились не только к делегатским собраниям, но и к работе самих делегатов. Часто, во время выборов делегатов, члены союза снабжали их соответствующим наказом и брали от них подписку, что они будут этот наказ проводить и защищать на делегатских собраниях. У нас имеется один такой документ, характеризующий отношение членов к своим выборным делегатам. Ввиду его интереса, мы приводим его здесь без всяких изменений:

«1906 года, октября 7-го дня, мы, нижеподписавшиеся, служащие в ресторане П. Н. Мартьянова в качестве поваров и состоящие действительными членами в составе 10 человек пришли к общему согласию избрать из своей среды одного уполномоченного, которым и был избран И. В. Козлов. Находя это целесообразным и вполне необходимым для поваров, мы уполномачиваем его для защиты наших общих интересов, для обсуждения их на общем собрании и для каких бы то ни было переговоров касающихся наших нужд и интересов. С своей же стороны Иван Васильевич Козлов обязывается исполнять общие выводы, должен итти навстречу всех интересов и неотступно защищать их в чем он и закрепляет своей подписью». Далее следуют подписи делегата и выбравших его членов общества.

К концу декабря общество уже имело в числе своих членов около 600 человек взрослых и до 300 учеников. Все эти месяцы шла напряженная работа. Проводится масса собраний, на которых широко обсуждаются как обще-политические вопросы, так и вопросы, касающиеся условий жизни и быта поваров. Общество связывается с возникшим центральным бюро профессиональных союзов, представители которого делают доклад о своей работе на делегатском собрании общества 12-го октября 1906 года. Помимо посылки и получения протоколов делегатским собранием был выбран представитель от общества в центральное бюро профессиональных союзов. Во время выработки экономических требований предпринимателям, на собраниях шел горячий бой о величине рабочего дня. 8-ми часовой рабочий день тогда собирал еще немного сторонников, т. к. для поваров, работавших по 16 — 18 часов в сутки, казалось невозможным сразу перескочить на 8-ми часовой рабочий день, но 9-ти часовой рабочий день, со включением в него времени для принятия пищи, пользовался огромной популярностью на местах. На делегатском собрании представителей кухонь, происходившем 15-го ноября, почти все выступавшие ораторы с мест требовали 9-ти часового рабочего

дня; кроме того, делегаты с мест настаивали на скорейшем выступлении, так как на местах настроение массы было чрезвычайно боевым, и она с нетерпением ждала начала забастовки. Однако, руководители организации, учитывая огромное сопротивление предпринимателей, которые будут к тому же пользоваться полной поддержкой полицейского аппарата царского режима, заняли более умеренную точку зрения и на собраниях, после длительных обсуждений выработанных требований, в конце концов прошла более умеренная точка зрения, и было решено добиваться 10-ти часового рабочего дня. Здесь необходимо принять во внимание, что повара, выставляя 10-ти часовой рабочий день, включили в него также время и на принятие пищи, так как считали условия своего труда таковыми, что отделить рабочее время от обеденного было чрезвычайно трудно. То же самое имелось в виду и при 9-ти и 8-ми часовом рабочем дне. Во всех этих случаях подразумевалось, что в это число входит время и на принятие пищи. Поданное требование о 10-ти часовом пребывании на кухне фактически означало меньший рабочий день, так как он включал в себе обеденное время.

Выработанные требования в своем конечном итоге сводились в главнейшей части к следующим пунктам: 1) 10-ти часовой рабочий день, 2) один свободный день в неделю взамен работы по праздникам, 3) месячный отпуск в году с сохранением жалованья, 4) вежливое обращение, 5) аккуратная уплата жалованья 2 раза в месяц, 6) уплата при увольнении за 2 недели вперед, 7) участие поваров кухни при найме и увольнении, 8) уплата за дни болезни. Кроме того, в числе требований были пункты об улучшении санитарных условий кухни, о предоставлении особого помещения под столовую поваров и целый ряд других.

Повара с особой тщательностью ведут подготовку к своей всеобщей забастовке, которая после целого ряда обсуждений назначается на конец декабря 1906 года. Новогодняя торговля издавна приносила рестораторам крупные барыши. Поэтому и момент забастовки выбирается такой, когда предпринимателей можно наиболее сильно ударить по карману. Пред'явив свои требования 24-го декабря, общество назначило срок для ответа на 28-е декабря. Впервые московские повара выступили организованным фронтом против предпринимателей и среди них царил небывалый под'ем. Для более успешной борьбы всем имевшимся в то время безработным была назначена ежедневная выдача пособий из кассы общества, чтобы таким образом предотвратить возможные случаи штрейкбрехерства со стороны безработных. В кассе общества к этому времени имелось 1.700 рублей и при огромном энтузиазме, бывшем на местах, все были уверены в успехе предпринимаемой борьбы.

Необходимо отметить, что главнейший пункт требований о рабочем дне был сформулирован руководителями не особенно удачно. Выставляя 10-ти часовой рабочий день,, они подразделили его таким образом: первый день рабочий должен работать 16 часов, а второй 4, итог двух рабочих дней делился пополам и в результате получался 10-ти часовой рабо-

чий день, который был конечно далеко ненормален. При таком положении полного свободного дня в неделю, разумеется, не было, так как рабочие накануне отрабатывали 6 часов вперед. Такая формулировка рабочего времени была крайне невыгодна и для безработных, для которых сокращение рабочего дня подобным образом в значительной степени уменьшало шансы разряжения безработицы, как это могло бы быть при нормальном проведении 10-ти часового рабочего дня. С другой стороны руководители, идя на это, учитывали, что при такой постановке борьба значительно облегчится и сопротивление предпринимателей не будет таким упорным, как при первом случае.

24-го декабря эти требования были пред'явлены поварами сразу во всех крупных предприятиях Москвы (около 100). Видя полное единодушие поваров, некоторые хозяева быстро пошли на уступки и сразу подписали пред'явленные им требования. Но таких все же было незначительное количество. Поэтому, 28-го декабря повара в большинстве ресторанов бросили работу. Некоторые из хозяев думали взять поваров на испуг, и тем самым сорвать забастовку. Были произведены аресты, а в кухни была введена полиция, но повара не сдавались, требуя от предпринимателей подписания пред'явленной петиции. Между тем предприятия стали наполняться обычными посетителями. Часть рестораторов боясь потерять свою марку, стали сами просить полицию освободить арестованных. Некоторые повара пробыли под арестом не более 2-х часов, другие по пол-суток, а некоторые и сутки. Однако, были и такие хозяева, которые взялись за дело борьбы с забастовкой «всерьез». На дверях таких предприятий появились записки: «по случаю ремонта предприятие закрыто». Но проходил день, другой. У соседнего предпринимателя «ремонт» кончался и ему волей-неволей также приходилось думать о необходимости «заканчивать ремонт». В общем с рестораторами 1-го разряда борьба кончилась в течение ближайших дней. Во всех таких предприятиях «ремонт» сравнительно быстро закончился, и требования поваров были почти целиком удовлетворены. Но если быстро было покончено с предпринимателями перворазрядных ресторанов, то владельцы ресторанов 2-го разряда уперлись, не желая идти на уступки. Они всячески хотели сорвать забастовку и не удовлетворять требований поваров. Неоднократно обращались в правление с просьбой о переговорах, в то же время саботируя эти переговоры. Настаивали на выборе специальной комиссии, но когда увидели, что для себя они льготных условий не добьются, отправились за защитой к градоначальнику. Разумеется, защита градоначальника никакой пользы им не принесла, и они продолжали вести переговоры с правлением. Между тем, к 10-му января в большинстве крупных ресторанов и ресторанов 2-го разряда забастовка кончилась. Под'ем в массах стал падать, хотя забастовка в отдельных предприятиях все еще продолжалась. Для большинства второразрядных ресторанов забастовка приняла определенно затяжной характер. Появились нуждающиеся. Делегатское собрание от 4-го января 1907 года

решило урегулировать выдачу пособий бастующим из кассы общества и стали выдавать только особенно нуждающимся, причем размер пособия был установлен для многосемейных — 75 коп., для женатых — 50 к. и холостяков — 35 коп. ежедневно. Ученикам выдавали по 25 коп. Кроме того, для учеников было организовано общежитие и предоставлялся бесплатный стол.

Забастовка продолжалась дальше без того уже под'ема, с которым она началась. Причина заключалась в том, что значительная часть получивших удовлетворение успокоилась, а некоторые были запуганы арестами. Два делегата, тов. Никашин от кухни Николаевского вокзала и тов. Арсентьев — представитель кухни ресторана «Волна», были арестованы в самом начале и им грозили длительным арестом и высылкой из Москвы. На общем собрании было решено платить им жалованье из общественных средств за все время ареста. Правление предпринимало шаги к их освобождению, но особого успеха не имело. Для тов. Арсентьева добились только в градоначальстве сбавки ареста с 3-х до 1½ месяца и то, главным образом, по настоянию владельца ресторана «Волна», так как повара считали его виновником ареста и до освобождения Арсентьева из-под ареста к работам у него возвращаться не хотели. Что касается тов. Никашина, то, несмотря на все давление на владельца буфета Николаевского вокзала, добиться ему помощи не удалось. Жандармское управление не хотело выпускать жертвы из своих рук и все усилия правления оказались безрезультатны.

Удовлетворение большинством владельцев ресторанов и гостинниц требований поваров внесло успокоение в большую их часть и они, работая на новых условиях, стали меньше обращать внимания на борьбу своих товарищей, работавших в более мелких предприятиях, в которых борьба все еще продолжалась. Рестораторы 2-го разряда продолжали все еще вести переговоры с правлением, от которого в специально созданную для этого комиссию входило 4 члена, в то время как от рестораторов на заседаниях этой комиссии принимало участие свыше 12 человек. В общем, работа этой комиссии не двигалась с мертвой точки. Рестораторы стремились доказать, что они не обладают капиталами перворазрядных рестораторов и поэтому не могут пойти на одинаковые с ними условия труда. Представители поваров твердо стояли на удовлетворении выставленных в петиции требований. На последнем заседании комиссии 18-го января, когда предприниматели убедились, что они в комиссии ничего не добьются, ими было предложено решить спор следующим образом: требования поваров и ответы владельцев ресторанов 2-го разряда на эти требования представить на усмотрение градоначальника. Он, мол, нейтральный человек и представитель власти и поэтому рассудит по справедливости. Повара, разумеется, на это предложение ответили отказом, заявив, что градоначальник — не повар и не трактирщик и нужд ни тех, ни других не знает. Кроме того, ими указывалось, что если владельцы перворазрядных ресторанов могли удовлетворить тре-

бования поваров без участия административной власти, то и рестораторы 2-го разряда при желании могли бы без труда это сделать. В результате долгих споров ни к какому соглашению не пришли.

После этого, рестораторы 19-го января отправили к градоначальнику депутацию, а в ночь с 19-го на 20-е три наиболее авторитетных члена правления получили через полицию приказ явиться к 10-ти часам утра 20-го января на прием к градоначальнику. Явившись 20-го в назначенный срок, они немедленно были приняты градоначальником, при чем, обращаясь к ним, он безошибочно каждого называл по фамилии. Очевидно, охранка работала исправно и снабдила его всеми необходимыми данными. Получив от пришедших утвердительный ответ, что они являются теми самыми людьми, которых вызывали, он заявил им следующее: «Я подвергаю вас аресту на три месяца, а по отбытии срока наказания вы на два года лишаетесь права жительства в столице, а общество ваше закрываю». Пришедшие представители поваров спрашивают: «За что?» Вместо ответа, градоначальник показывает петицию и спрашивает: «Это ваша?» Те отвечают: «Да». «Так вот, за это самое. Вы не имеете права распространять подобные листки и кроме того, вы главари общества и забастовки. Я знаю, — закончил он, — что все происходит от вас, а потому вас арестовываю, а общество закрываю». Представители общества соглашались, что они действительно являются руководителями общества, и если они виновны, то пусть их и наказывают, но общество тут не причем. И они просили не закрывать общества, которое для поваров крайне необходимо. В заключение они просили градоначальника указать им, что, по его мнению, в петиции есть преступного, за что их могли бы подвернуть аресту. Градоначальник довольно много и путанно говорил, но об'яснить преступность петиции не мог, а в заключение сказал: «Вчера у меня были ваши хозяева и просили за вас, указывая на вас, как на очень хороших людей, поэтому вы пока остаетесь свободны, но помните, если только где нибудь, хотя в самом маленьком трактире, забастуют два-три повара, я буду видеть в этом дело ваших рук, и вы будете арестованы». После этого он посоветовал им подать письменное заявление, в котором изложить нужды поваров и тогда при рассмотрении его он станет в защиту интересов поваров.

После «визита» к градоначальнику руководителями общества было созвано делегатское собрание, на котором и был поставлен вопрос о дальнейшем продолжении забастовки. На делегатском собрании мнения представителей с мест разделились. Представители крупных ресторанов, где требования были уже удовлетворены, стояли за прекращение забастовки, так как дальнейшая борьба, по их мнению, могла вызвать репрессивные меры со стороны полиции, в результате чего все завоевания выигранной забастовки могут быть сведены к нулю. Представители мелких предприятий, где борьба еще велась, стояли за продолжение забастовки. В результате бурных прений, собрание делегатов, большинством 19-ти против 9-ти, при нескольких воздержавшихся, постановило

прекратить забастовку. Для окончательного решения этого вопроса было созвано экстренное общее собрание, состоявшееся 25-го января. Общее собрание решение делегатского собрания утвердило.

Таким образом, забастовка официально закончилась, длившись в некоторых предприятиях около месяца. Однако, успокоение не скоро наступило, так как рестораторы 2-го разряда удовлетворили далеко не все требования и поэтому недовольных было весьма много. Частичная забастовка в некоторых предприятиях продолжалась еще некоторое время спустя, и после решения общего собрания. Часть наиболее энергичных товарищей потеряла работу и общему собранию пришлось увеличить им выдаваемые пособия на 30%, причем было решено выдавать эти пособия вплоть до поступления на место. Кроме того, был составлен список бастующих и разослан по предприятиям с тем, чтобы на освобождающиеся места в первую очередь брались пострадавшие товарищи за забастовку. В общем, вся забастовка была, особенно в начале, довольно дружная. Повара почти поголовно приняли в ней участие, независимо от того, были ли они членами общества или нет.

Забастовка поваров, продолжавшаяся местами часы, а местами и месяц с лишним, явилась первой серьезной классовой борьбой поваров с капиталистами. До этого времени повара, почти никогда не бастовали сообща, более или менее дружными группами. Если они в смысле оплаты труда и стояли в довольно хороших условиях и ранее, то это было достигнуто не в результате организованной борьбы, а скорее явилось результатом единичных, индивидуальных отказов и воздействия на предпринимателей ,которые часто не останавливались перед довольно высокими ставками лишь бы удержать у себя первоклассных мастеров. Но этим и ограничивались все преимущества квалифицированной рабочей силы в кухне. В остальном повара были также бесправны, как и всякий другой рабочий кухонь. В результате забастовки условия труда поваров неизмеримо улучшились, а вместе с этим поднялось довольно высоко и их классовое самосознание.

Требования поваров в общем и целом были почти целиком удовлетворены во всех крупных предприятиях. Мелкие предприниматели, не желая терять своих клиентов, так как союз разрешал своим членам в тех предприятиях, где требования удовлетворялись, приступать к работе, в конце концов вынуждены были также уступить, хотя далеко не в такой мере, как в ресторанах 1-го разряда.

В результате забастовки авторитет союза значительно поднялся и его влияние еще больше увеличилось. Масса стала плотней примыкать к своей организации. Январьская забастовка дала новый сильный толчок вступлению в союз, и в январе вступило 135 взрослых и 80 учеников. Большой приток учеников об'ясняется, конечно, не их сознательностью, а тем, что труд малолетних на кухне был чрезвычайно распространен, к тому же условия труда малолетних были гораздо тяжелее труда взрослых. Кухни, в которых повара вступили уже членами

в союз, записывали также и учеников. Хотя прием был для всех строго индивидуальным, но коллективное давление было чрезвычайно сильным и не члену союза становилось уже трудно удержаться на работе в предприятии, где большинство были членами союза.

Вступление учеников-подростков в союз отразилось на условиях их работы самым благоприятным образом. Помимо общего улучшения, благодаря выигранной забастовке, и отношение к ученикам со стороны взрослых резко изменилось к лучшему. Союзом была проделана в этом направлении чрезвычайно большая работа и побои учеников, часто практиковавшиеся со стороны взрослых, резко сократились, а местами и совсем прекратились. Дух товарищеского отношения все более и более стал преобладать в отношениях между мастерами и учениками, особенно после того, как предпринимателям не удалось оторвать от забастовки мальчиков, при помощи которых они пытались разбить поваров. Этим также до известной степени об'ясняется усиленное вступление учеников в январе, который для них является рекордным месяцем за все время существования организации.

В дальнейшем рост членов общества продолжается но уже значительно в более слабой степени. Наступавшая реакция уже давала себя чувствовать с одной стороны, а, с другой — наиболее активный элемент из поваров уже вошел в организацию, и она в дальнейшем растет за счет случайно не втянутых в организацию элементов. Правда, повара мелких предприятий в подавляющей своей части остались за пределами организации, но работа среди них требовала огромных усилий и долгой, кропотливой организационной работы, так как в мелких предприятиях находился наиболее отсталый элемент, трудно поддающийся организации, ввиду своей малочисленности.

Вскоре после ликвидации забастовки был освобожден тов. Арсентьев. Правление, считая арест Арсентьева и Никашина аналогичными, решило обратиться к градоначальнику с просьбой освободить и тов. Никашина.

Как раз в этот день повара одной из крупных кухонь получили телеграмму от Петроградских поваров, которые им сообщали, что представители их предприятия нанимают там поваров на их место. Они отправились к директору; тот в начале отнекивался, но потом сознался в правильности сообщения. Этим директором петиция была подписана вначале забастовки, но потом, очевидно, ему не особенно понравились новые условия труда поваров, и он хотел вернуть их в старое положение. Поваров это страшно возмутило, и они вместе с учениками бросили работу и направились в общество. Делегация правления к градоначальнику встретились в пути с забастовавшими товарищами. Возник вопрос — что делать? Еще так недавно градоначальник обещал их законопатить за забастовку двух-трех человек, а тут забастовало сразу свыше 40. Однако, решили все таки идти. В градоначальстве делегацию правления не приняли, так как там сведения о забастовке уже имелись, и к делегации отнеслись не как к представителям мирного населения, а как

к представителям забастовщиков. Однако, сверх ожидания, арестован в то время никто не был.

На другой день из Питера на место ушедших приехало 10 поваров, которые и приступили к работе. Правление обратилось к приехавшим с убеждением не ломать стачки, предлагая им выехать обратно за счет общества, но они потребовали такую сумму отступного, что правлению пришлось прекратить всякие переговоры. Все же штрейкбрехерам долго не удалось там пробыть и сломать забастовку. Дело в том, что приехавшие повара принадлежали к наиболее разложившимся элементам и для работы в таком крупном предприятии оказались совершенно негодными. Хороших же мастеров-поваров в Питере администрации набрать не удалось, так как там знали из газет о происходившей в Москве забастовке и никто из них на место бастовавших не поехал. Администрация, видя какого сорта поваров она набрала, обратилась к бастующим с просьбой стать на работу, обещая не нарушать соглашения.

Таким образом, первая попытка предпринимателей сорвать соглашение окончилась неудачно. Но уже возможность срыва достигнутых успехов побудила правление направить в Петроград своего представителя, который должен был там наладить контакт с Петроградским обществом поваров. Посланный туда, тов. Цыпленков провел там два чрезвычайных собрания поваров, подробно ознакомив их с московской борьбой, предлагая установить определенный контакт в работе. Питерские товарищи встретили тов. Цыпленкова довольно дружелюбно, интересовались ходом московской борьбы, выражали живейший интерес ко всем начинаниям московской организации и снабдили его письменным приветствием московской организации, в котором выражали свою радость по поводу приезда представителя московского общества вместе с обещанием действовать солидарно в борьбе и высказывали свое пожелание в будущем сорганизоваться в один общий союз.

В дальнейшем на практике эта поездка не принесла особых результатов, так как организационная связь ничем не была закреплена, чему не мало способствовало уже начинавшее чувствоваться усиление реакции. Это усиление сказывалось на всем ходе рабочего движения. Профессиональные организации, в начале росшие как грибы после дождя, стали все больше и больше сокращать поле своей деятельности. Об'единяющий центр московских профессиональных союзов — центральное бюро, находился на нелегальном положении. Тов. Томский в своей речи на торжественном заседании 5-тилетия всероссийского союза Рабочих Народного Питания и Общежитий отметил, как в годы надвигавшейся реакции они часто находили приют для своих собраний в помещении общества поваров.

Об одном из таких собраний, в начале осени 1907 года, чуть не закончившемся арестом всех участников, один из старейших работников общества, тов. Никитин передает интересные детали. Центральное Бюро профессиональных союзов работало тогда под руководством тов. Ногина

(Макар), который обыкновенно председательствовал на всех нелегальных заседаниях Бюро. Собрание началось около 8-ми часов вечера и благополучно подходило к концу. Осталось условиться о месте следующего заседания. Тов. Ногин обращается к тов. Никитину с вопросом, могут ли они собраться в следующий раз в помещении общества, на что тот ответил, что помещение общества всегда находится в распоряжении Центрального Бюро, но так как здесь происходит уже подряд чуть ли не третье заседение, то лучше было бы в целях конспирации следующее заседание назначить в каком нибудь другом союзе. Присутствующие назвали несколько мест и уже условились собраться где-то на Пресне, как вдруг раздается резкий звонок. Было уже около 11-ти часов ночи. Все тревожно переглянулись. «Я — говорит тов. Никитин— сразу понял, что тут что-то неладно. Придти к нам в это время было некому. В помещении общества проживал только сторож, который хотя и был семейным, но семья находилась в деревне и к нему обыкновенно никто не ходил. Об этом я сказал всем присутствующим и направил их всех к черному ходу. Выбежавшему недоумевающему сторожу, Егору Крюкову, я велел идти немедленно в парадные двери и там вертеть и греметь ключом до тех пор, пока я ему не скажу «давай», после чего он должен открыть дверь. Товарищам же посоветывал выходить из ворот по одному, так как ворота находились недалеко от парадного выхода, а другого выхода в переулок не было. Было условлено, что первый вышедший даст оставшимся во дворе сигнал об опасности.

«Хитроватый сторож т. Крюков, ныне уже умерший, имел большую способность прикидываться «дурачком», и он весьма долго и усердно «гремел» ключем, сопровождая все это охами и трехэтажными словечками. Заминка с выходом вышла вследствие того, что черным ходом почти никогда не пользовались и замок вероятно заржавел, так что при отпоре над ним пришлось долго повозиться, может быть это долго казалось вследствие напряженного состояния, тем более, что к «ахам» и «охам» сторожа присоединился громкий стук в дверь и довольно сердитые возгласы. Наконец, выпустив последнего в дверь, я шопотом говорю Крюкову: «Давай», а сам в это время иду к двери встречать непрошенных гостей, так как к этому моменту у меня не оставалось никаких сомнений, что это была полиция. Я сильно боялся, что помещение было окружено со всех сторон, и мы попали все в ловушку. В открытую дверь ввалился пристав со своим помощником, в сопровождении 3-х надзирателей и 4 — 5 городовых. Вошедших я повел через зал в задние комнаты, где у нас обыкновнно происходило заседание правления, так как иначе их вести было некуда, кроме того мне нужно было отвлечь их внимание на некоторое время от черного хода. Из этой комнаты только что вышло человек 12 — 15. Было сильно накурено, валялось масса окурков и по всему было видно, что отсюда только что вышли люди. Войдя в комнату, пристав сейчас же начал допрос, а околодочные бросились собирать по полу различные клочки бумаги».

Допрос как тов. Никитина, так и сторожа тов. Крюкова, продолжался довольно долго, но так как в этот день в обществе происходило соединенное заседание правления и ревизионной комиссии, что полиции было подтверждено представленными протоколами, то она не могла ничего найти преступного. Попытка получить что нибудь от сторожа кончилась для полиции весьма конфузно, так как тов. Крюков на этот раз роль «дурачка» разыграл с таким искусством и понес такую околесицу, что пристав, разозлившись, выгнал его из комнаты, а затем и сам со всей своей ватагой не солоно хлебавши бросился на утек из помещения общества.

«Я тогда, и много раз после этого,—рассказывает т. Никитин,—неоднократно удивлялся поведению полиции, которая с одной стороны забрала все клочки бумажек с пола, а, с другой, не поинтересовалась проверить дверь черного хода, которую я не успел запереть. Поставили бы они у черного хода несколько человек, и мы были бы пойманы, как в мышеловке».

Надо еще при этом отметить отношение полиции к нему и к сторожу. Хотя по костюму он мало чем отличался от сторожа, однако к нему полицейские обращались на «вы» в то время, как сторож в течение небольшого «разговора» получил целую уйму оскорблений, не говоря уже о том, что полицейские чины на каждом шагу его «тыкали». Очевидно, еще не совсем утихшая революционная волна принуждала полицейских в отношениях с выборными рабочими соблюдать некоторую долю приличия. Позднее они часто и по отношению к выборным рабочим держали себя с присущим им «полицейским лоском», от которого так и разило всеми прелестями самодержавного режима.

Усиление реакции подбадривает предпринимателей, и они начинают местами переходить в наступление. Союзом проделывается огромная работа по укреплению завоеванных позиций. Регулярно созываются делегатские собрания, на которых делегаты отмечают проведение в жизнь принятых предпринимателями условий. На наиболее упрямых надавливают короткими забастовочными ударами в наиболее торговые дни. Предприниматели еще не чувствуют себя достаточно твердыми и в большинстве случаев об'ясняют свое противодействие простым недоразумением. Однако, несмотря на большую работу союза и довольно сильную стойкость поваров на местах, общая политическая обстановка начинает давать себя чувствовать все больше и больше. Реакция, оправившись от испуга, переходит в решительное наступление.

Революционная волна быстро идет на убыль, а вместе с ней постепенно начинают и предприниматели отбирать одно завоевание за другим. Как известно, наступала эпоха «сначала успокоение, а потом реформы». Положение поваров начинает быстро ухудшаться. Надежда на новую удачную забастовку становится с каждым днем все меньше и меньше.

Общество переходит от забастовок к бесплодным обращениям к предпринимательским организациям, обращаясь также иногда и к градона-

чальнику за защитой. На заседании правления 1-го ноября 1907 года правление разбирает конфликт в гостиннице «Билло», где администрация пред'явила поварам требование работать вместо 10-ти часов—13-ть, предложив несогласным покинуть службу. Результатом этого явился уход 4-х поваров и 6-ти учеников, не пожелавших работать при новых условиях. (Перед этим нечто подобное было проделано и в гостиннице «Европа»). Правление решило призвать членов к дисциплине, предлагая им не предпринимать в подобных конфликтах без обсуждения в правлении никаких самостоятельных шагов, но в то же время самое фактически не могло ничего сделать и только обратилось с протестом в организацию хозяев, требуя от нее, чтобы она дала ответ на вопрос, что ею предпинимается для устранения нарушения соглашения. Вместе с этим протестом выносится решение о посылке депутации к градоначальнику, которая должна ему указать на неоднократные нарушения хозяевами условий соглашения, чем создаются обостренные отношения. Разумеется, начальство было радо, что революционная волна спала, и оно может спокойно приступить к «облагодетельствованию».

«Благодетельствовала» рабочим местная власть, не забывало об этом и центральное начальство, начавшее законодательным путем проводить «реформы» и улучшать положение рабочего класса.

Под сыпавшиеся законодательные «благодеяния» «успокоителей», повара не попали или, вернее, попали в такой переплет, от которого многие из них чесали у себя в затылке. Дело в том, что изданный закон 15-го ноября 1906 года о так называемом «обеспечении нормального отдыха служащих торговых заведений, складов и контор» устанавливал торговлю в предприятиях трактирного промысла в 15 часов, не оговаривая продолжительность рабочего дня, давая тем самым предпринимателям возможность вдоволь эксплоатировать труд поваров, так как их работа по условиям труда связывалась с торговым временем. Эта эксплоатация особенно была велика в мелких предприятиях с небольшим количеством рабочих, которые благодаря этому не могли установить разделение труда по сменам. Статья 9-я закона возлагала на городские и земские самоуправления право в известной мере регулировать торговлю предприятий, предоставляя для этой цели право издавать обязательные постановления. Для выработки таких обязательных постановлений статья 10-ая этого «закона» предусматривала образование смешанных комиссий из представителей местных самоуправлений, владельцев предприятий и служащих в них. Рабочие и служащие попытались использовать этот закон в своих интересах. В 1907 году в Москве была созвана смешанная комиссия с участием представителей торговых служащих. Представители общества поваров не могли войти в эту комиссию, но и те представители организации торговых служащих, которые туда вошли, вынуждены были вскоре выйти из состава комиссии, так как представители городской думы быстро «поняли» представителей хозяев и совместными усилиями дружно проваливали все предложения

представителей профессиональных союзов торговых служащих. И, без того «хороший», закон 15-го ноября был их усилием настолько «улучшен», что рабочие организации начали засыпать думу заявлениями протеста. Разумеется, предприниматели в свою очередь надавливали на «отцов города», изливая свою скорбь об убытках и гибели отечественной промышленности, благо усилившаяся реакция способствовала подобному излиянию крокодиловых слез.

Общество поваров организовало широкую агитационную кампанию по кухням, с целью раз'яснения существующего положения, ибо «благодетельный» проект смешанной комиссии значительно ухудшал фактически существующие условия труда. Результатом этой кампании явилось заявление поваров 63-х кухонь, подписанное 1.138 рабочими кухонь, поданное в думу 24-го февраля 1908 года[1]). Ввиду исторического значения этого заявления, мы его приводим целиком:

«Мы, нижеподписавшиеся, повара и остальные служащие в кухнях заведений трактирного промысла обращаемся в думу со следующим заявлением:

Проект постановления о нормировке труда, который с таким нетерпением мы ожидали, страдает значительными недостатками. Думая, что причиной этих недостатков является, главным образом, неосведомленность об условиях нашего труда, мы обращаемся к думе с просьбой обратить внимание на следующие недочеты в проекте:

---

[1]) Для характеристики влияния Общества среди рабочих кухонь приводим справку, показывающую распределение подписавших заявление поваров и других рабочих кухонь по предприятиям трактирного промысла. Они распределяются следующим образом:

1) Большой Эрмитаж—73 человека, 2) рест. Мартьянова—104 чел., 3) Большая Московская Гостинница—62 чел., 4) рест. Тестова—51 чел., 5) ресторан „Прага"—59 чел., 6) рест. „Метрополь"—78 чел., 7) Славянский Базар—48 чел., 8) гостинница „Россия"—26 чел., 9) рест. „Петергоф"—29 чел., 10) рест. „Медведь"—11 чел., 11) рест. „Саратов"—18 чел., 12) рест., „Волна„—18 чел., 13) рест. Павлова—7 чел., 14) Моск. столичный клуб—9 чел., 15) рест. „Альпийская роза"—16 чел., 16) рест. „Богемия"—13 чел., 17) „Кокоревское подворье"—5 чел., 18) „Манеж"—5 чел., 19) рест. „Олень"—11 чел., 20)рест. Яковлева—6 чел., 21) Национальная гостиница—27 чел., 22) рест.„Ливорно"—10 чел., 23) кофейная Филиппова—3 чел., 24) рест. Трехгорного—11 чел., 25) рест., Трехгорного—8 чел., 26) гостинница „Париж"—8 чел., 27) „Боярского Двора„—13 чел., 28) ресторан Баранова—14 чел., 29) рест. „Моравия"—10 чел., 30) рест Кучерова—21 чел., 31) гостин. „Билло"—21 чел., 32) рест. Кукуева—11 чел., 33) рест. „Самарканд"—6 чел., 34) рест. „Эльдорадо"—7 чел., 35) рест. „Стрельна"—17 чел., 36) кафешантан „Скала"—8 чел., 37) Николаевский вокзал—22 чел., 38) Рязанский вокзал—20 чел., 39) Ярославский вокзал—15 чел., 40) рест. Алферова—10 чел., 41) трактир Горшкова—4 чел., 42) тракт. Анисимова—3 чел., 43) Павелецкий вокзал—6 чел., 44) Красильникова—1 чел., 45) рест. Пирожкова—15 чел., 46) Зоологический сад—2 чел., 47) тракт. Натрокина—2 чел., 48) тракт. Чеснокова—3 чел., 49) безработных поваров—17 чел., 50) рест. „Яр"—39 чел., 51) рест. Козлова—13 чел., 52) рест. Кукуева—14 чел., 53) рест „Лондон"—14 чел., 54) рест. гостин. „Берлин„—9 чел., 55) рест. „Международной гостин. 14 чел., 56) Литературно-художественного кружка—9 чел., 57) кухня ресторана Гладышева—23 чел., 58) служащ. гостин. „Европа"—12 чел., 59) кухня Немецкого клуба—11 чел., 60) рест. Разумова—14 чел.

Из этого перечия видно, что общество к этому времени организационно широко охватывало поваров Москвы, и его влияние чувствовалось не только в ресторанах и гостиницах 1-го разряда, но и захватывало также частично мелкие предприятия трактирного промысла.

Во-первых, проект обязательных постановлений необходимо дополнить указанием, что в нашей профессии может быть установлено 10-ти часовое пребывание на кухне без перерыва работы для принятия пищи, так как мы, повара, по условиям работы, не нуждаемся в таковом перерыве.

Во-вторых, мы просим восстановить 14-й пункт проекта смешанной комиссии о предоставлении отдыха в будние недели взамен работы в воскресенье и двунадесятые праздники. Если дума не восстановит этого пункта, то она лишит нас, тружеников, одной из наиболее тяжелых профессий, еженедельного отдыха, который она должна нам дать согласно закона.

Поэтому в постановлении должно быть ясно указано, что служащие, взамен праздничных дней, получают сменами освобождение от работ в будние дни, причем работа производится остающимися в этот день сменами без закрытия торговли. Дни для каждой смены определяются по соглашению со служащими.

В-четвертых, п. 9-й о сверхурочных работах в случаях опасности порчи продуктов должен быть пополнен словами «не блоее 2-х раз в месяц и не более ½ часа в день», так как формулировка комиссии открывает широкую возможность для злоупотреблений.

В-пятых, в пункте 10-м об отпуске малолетних должны быть определены часы отпуска, так как иначе будет немыслим контроль и невозможно будет правильное посещение школы.

В заключение мы, повара и остальные служащие в кухнях заведений трактирного промысла, считаем необходимым более обстоятельную обработку постановления, а посему просим вновь созвать смешанную комиссию, пригласив наших представителей, чего, к сожалению, не было сделано при работах комиссии первого созыва».

Проводя кампанию, союз прекрасно понимал, что почивать на лаврах не приходится. Вместе с агитационной работой он продолжал укреплять и организационно свои ряды, ибо условия труда продолжали ухудшаться. Наряду с этой работой, общество производит обследование положения труда своих членов на местах, предполагая использовать полученные результаты обследования при работах в смешанной комиссии при городской думе. Обследование коснулось 956 рабочих кухонь и показало, что условия труда поваров и других рабочих резко ухудшились, Результатом этого обследования явилась докладная записка правления общества, поданная в городскую думу 16-го августа того же года. Ввиду того, что она содержит богатый материал о бытовых условиях труда рабочих кухонь, мы ее приводим без всяких изменений:

«Закон 15-го ноября 1906 года дал городской думе право регулировать труд служащих в торгово-промышленных предприятиях и ремесленных заведениях. Тысячи лиц, занятых в нашей профессии, с нетерпением ждут, когда же, наконец, городская дума воспользуется своим

правом и даст нам отдых от изнурительной работы; продолжающейся свыше всяких границ при чрезвычайно тяжелых условиях труда.

Профессиональное общество поваров думает, что комиссия по изданию обязательных постановлений не замедлит свою работу. С другой стороны, общество считает своей обязанностью содействовать труду комиссии и вместе с тем сказать свое слово в защиту интересов своей профессии.

Закон 15-го ноября 1906 года был особенно немилостив к нашей профессии, дав максимальную норму торговли в ресторанах 15 часов, а в гостиницах даже больше, причем продолжительность труда служащих точно не обозначена. И хотя повара, по характеру своего труда, являются ремесленниками, работающими при этом в весьма тяжелых условиях, но благодаря своей связи с торговыми заведениями, они подчинены закону 15-го ноября. Тем более внимательно к ним должна отнестись комиссия и обеспечить им нормальные условия работы, ограничивая рабочий день в пределах максимальной нормы известным минимумом.

Общество поваров предприняло анкету для обследования условий труда поваров, чтобы быть в состоянии представить обоснованный материал, на котором и строить известные положения по регулированию труда поваров.

Анкета охватила 28 заведений трактирного промысла 1-го разряда, 10 заведений 2-го разряда, 5 заведений 3-го разряда. Обследование касалось лишь служащих на кухне, не затрагивая официантов. В состав служащих на кухне входят: повара, ученики, кухонные мужики и остальные служащие без профессиональной подготовки. Распределение этих категорий служащих по разрядам заведений таково:

Разряд и число заведений.	В них поваров.	Учеников.	Других.	Итого.
I-го 28	292	261	251	804
II-го 10	54	30	42	126
III-го 5	9	4	9	22
Итого 43	355	295	302	952

При просмотре вышеприведенных данных прежде всего бросается в глаза громадное число малолетних: они составляют 31% всего числа, между тем как в остальных ремеслах число их колеблется от 10 до 15%.

Труд этих малолетних совершенно не регламентирован, не нормирован, хотя существует соответствующее запрещение брать в заведения трактирного промысла малолетних ниже 15-тилетнего возраста. Благодаря отсутствию правильного надзора, у нас сплошь и рядом встречаются такие малолетние, как 11-ти лет в одном заведении, 12 ти в 2-х заведениях, 13-ти лет в 15-ти заведениях и 14-ти лет в 7 заведениях.

Продолжительность рабочего дня для служащих различных категорий была такова:

	Повара			Ученики			Другие.			ВСЕГО.	В %
	I раз.	II раз.	III раз.	I раз.	II раз.	III раз.	I раз.	II раз.	III раз.		
10 часов.	209	29	—	10	2	—	12	—	—	262	27,4
10½—12	83	18	—	171	8	—	122	3	—	405	42,4
12½—15	—	7	9	80	17	—	110	12	—	235	24,6
15 —17	—	—	—	—	3	4	7	27	13	54	5,6
										956	100,0

Из этой таблицы видно, что свыше 70% работает более 10-ти часов, особенно ученики или низшие служащие, 5,6% работает свыше 15-ти час. Однако и 262 человека, работающие в общем по 10-ти часов в сутки, работают не ежедневно по 10-ти часов, а один день 15-ть часов, а другой 5, что за два дня составит 20 часов, т.-е. по 10-ти часов на день.

Такое ненормальное распределение труда и отдыха не может быть названо нормальным и является лишь необходимостью при 15-тичасовой торговле заведения и работе 2-х комплектов, т.-е. смен.

Несмотря на такую продолжительность рабочего дня повсюду бывают сверхурочные работы, кроме заведений 3-го разряда, где рабочий день так длинен, что его удлинять сверхурочной работой почти невозможно.

Особенность нашего труда представляет непрерывность его, так как заведения трактирного промысла торгуют круглый год, не соблюдая праздников. Непрерывность нашего труда при его продолжительности губительно действует на здоровье. Из следующей таблицы видно, что отдыхом взамен работы по праздникам, когда торговые служащие других категорий и ремесленники освобождаются от труда, среди нас, поваров, пользуется лишь меньшинство, а именно:

Пользуются однодневным отдыхом.	1-й РАЗРЯД.						2-й РАЗРЯД.						Всего лиц.
	Повара.		Ученики.		Другие служ.		Повара.		Ученики.		Другие служ.		
	Заведений.	Лиц.	Заведений.	Лиц.	Заведений.	Лиц.	Заведений.	Лиц.	Заведений.	Лиц.	Заведений.	Лиц.	
Через 6 дней на 7-й	14	167	—	—	—	—	3	16	—	—	—	—	183
Пользуют. отдыхом по праздн. исключ. в силу того, что ресторан не торгует.	1	5	1	2	1	2	—	—	—	—	—	—	9
Через 7 дн. на 8-й.	1	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Через 11 дней. на 12-й	—	—	—	—	1	23	—	—	—	—	—	—	23
Через 14 дней, на 15 й	1	7	1	23	—	—	1	4	—	—	—	—	34
Итого . . .	17	189	2	25	2	25	4	20	—	—	—	—	259
Совершенно не пользуются отдыхом	11	103	26	236	26	226	6	34	10	30	10	42	671

Служащие во всех ресторанах и трактирах 3-го разряда совсем не пользуются свободным днем.

Гибельное влияние столь продолжительного труда без достаточного отдыха увеличивается еще благодаря тем условиям, при которых приходится работать: температура в кухне, где приходится работать, в среднем, не менее 35 градусов, а у плит достигает почти везде до 50. Столы, на которых мы работаем, расположены на 2 аршина от плит (в 16-ти из обследованных заведений) и очень часто даже ближе (в 3-ми заведениях). Работать приходится в постоянном чаду, при резком свете огня от плит и при искусственном освещении, что гибельно отзывается на зрении, при постоянных сквозняках, так как при недостатке вентиляции приходится отворять окна и двери. Наконец, постоянно приходится переходить из высокой температуры в низкую — из кухни в ледник-граманджу.

И при таких условиях нам приходится проводить за работой 12—15 часов в сутки без отдыха, без времени для обеда, так как предполагается, что мы наедаемся, пробуя. Кроме того, не нужно забывать, что большая часть нашего времени проходит ночью, а в загородных ресторанах, среди которых есть такие в которых поваров насчитывается десятками, а с другими служащими кухонь до 40 и 50 человек (например, «Яр», «Стрельна»), в этих предприятиях наш труд исключительно ночной. Точно также во всех клубах Москвы, а летом в садах.

Так что труд нашей профессии не может быть приравниваем к труду приказчиков и других торговых служащих, находящихся в совершенно других условиях.

Представляя городской думе наши материалы, мы надеемся, что дума, рассмотрев их и вызвав для пополнения их наших представителей, — согласно высказанным на предыдущем заседании думы пожеланиям по этому вопросу, придет к заключению о необходимости сокращения нашего труда до 10-ти часов в сутки, а также включит в проект обязательных постановлений и пункт о компенсации воскресного отдыха. Считая, что дума должна по закону заботиться о благе городского населения, его здоровьи и нравственном развитии, общество полагает, что дума не выполнит своего долга перед нами, как частью населения, если оставит нас и особенно малолетних, жить и работать при столь гибельных условиях и вопреки прямому смыслу закона 15-го ноября 1906 года.

Остальные наши пожелания представлены в нашем заявлении, от 26-го февраля 1908 года, подписанном 1.187 лицами и поданном в думу 26-го февраля, а именно, мы просим:

1) Установить в нашей профессии 10-ти часовое в сутки пребывание на кухне на работе.

2) Восстановить 14-й пункт проекта смешанной комиссии о предоставлении отдыха в будние дни недели, взамен работы по праздникам, воскресным и двунадесятым. Поэтому в постановлении должно быть ясно указано, что взамен праздничных дней служащие кухонь полу-

чают сменами освобождение от работы в будние дни, причем работа производится остающимися в этот день сменами без закрытия торговли. Дни для каждой смены определяются по соглашению со служащими.

3) Пункт 9-й о сверхурочных работах «в случаях опасности порчи продуктов» (понятие очень растяжимое) должен быть пополнен словами «не более двух раз в месяц и не более получаса в день для каждого раза». Иначе формулировка открывает широкую возможность для злоупотреблений.

4) В пункте 10-м об отпуске малолетних должны быть определены часы отпуска и указано, что больше 7-ми часов в сутки малолетние не могут находиться на работе. Иначе немыслим контроль и невозможно будет правильное посещение школы».

Под давлением протеста организованных рабочих и служащих в комиссии по выработке обязательных постановлений при Московской думе произошли колебания, и она решила пойти на кое-какие словесные уступки, расчитывая, что до принятия проекта думой время еще терпит, а к этому времени «законодатели» государственной думы приступили к своим тяжким трудам по рабочему законодательству. Поэтому «отцы города» особенно не торопились с изданием обязательного постановления.

Отдел III.

МЕМУАРЫ, МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ.

М. АДАМОВИЧ. (К. АРЛ).

„Моряк" и моряки перед судом.

I.

В мае 1913 года совершился торжественный и шумный в'езд последних остатков Константинопольско-Александрийской организации судовых команд торгового флота и редакции «Моряка» в одесский порт.

Зрелище было достаточно картинное. Среди оттиснутой от пристани полицейским кордоном публики, пришедшей, как обычно, встречать прибывший и наполненный пассажирами пароход Александрийского рейса, виднелись кое-где редкие синие рабочие костюмы матросов и кочегаров. Наряды конных казаков, неограниченное количество синих жандармских мундиров, штатские шпики на пролетках и велосипедах, усатые городовые, одним словом, официальная царская Россия была представлена обильно на встрече деятелей подпольной профессиональной организации моряков. Были и кареты. В одну из них с решетками у оконец, но на рессорах, втиснули меня, хромого после неудачного прыжка со стены Александрийской тюрьмы при попытке побега и закованного в ручные кандалы. Жандарм внутри, жандарм на запятках, — тронули лошадей и кортеж помчался по улицам знакомой Одессы к не менее знакомому крестообразному зданию, обнесенному высокой каменной стеной.

«Здравствуй тюрьма — неизбывная, — неизбежная станция на путях революционной работы».

Широко распахнулись тяжелые тюремные ворота, прогромыхала под сводом карета и как в стариной тюремной песне поется: «стой, брат, возница, дома уж мы».

Не долги были формальности приема. Начальник охранного отделения полковник Караулов в течение года с лишним ведший упорную и энергичную борьбу с морской организацией, любезно поздравил меня с прибытием, справился о моем здоровьи и о том, как мне ехалось на пароходе, посетовал на мою неосторожность, в результате которой я чуть не убился в Александрии, выразил надежду, что теперь наконец Черное море поуспокоится.

«И вам, и нам меньше хлопот, да и людей жалко; сколько мы их из за вас вынуждены были понасажать! А семьи ходят, плачутся. Все же люди, жалко. Посидите, дайте людям передышку».

И распрощался.

А затем еще один тщательный обыск, несколько записей в книгу и старинный знакомый, отделенный Кравчук, повел меня по затихшему, молчаливому, огромному зданию водворять в место предуготовленное—одиночную камеру, в четвертом этаже, четвертого же «каторжанского» отделения. «Скверный признак,—думал я, поднимаясь по железной лестнице,—заранее приучают меня к мысли—о каторге».

А дальше, захлопнулась дверь и остались голые стены да стол, да кровать с новой соломой набитым и горбом стоящим тюфяком, да табурет, да я. Ну и прочая вся амуниция: медная кружка, медный тазок, медная миска для пищи и все остальное, что полагается для человека не всегда могущего выйти за дверь.

Началось сидение, однообразное и без каких либо особых событий.

Так прошло несколько месяцев. Никто меня не тревожил и не беспокоил. Следствие шло. Как ни плотно были забиты все тюремные щели, все же время от времени, не регулярно, отрывочно, через большие промежутки, доходили слухи из другого крыла тюрьмы, где сидели все остальные мои сопроцессники.

Когда прошел положенный срок, и следователи — жандармы обсосали каждый клочек бумажки, взятой в моем архиве, разобрали все неразборчивые почерка, установили в пределах возможного все личности, упоминавшиеся в переписке, разложили по делам и по папкам все бумаги к делу относящиеся, подшив их аккуратно, и, соорудивши таким образом, судебное блюдо на 98 томов и 76 персон уже сидящих в тюрьме и на 53 персоны еще подлежащих из'ятию из свободного обращения, оказалось, что делу достаточно созрело и можно его подавать. Тогда лишь подвергли допросу меня. Допрос был простая формальность, ибо для них все было ясно, как на ладони, по документам. Но все же меня допросили. Поинтересовались, с наивным видом, известно ли мне о существовании так называемого «Заграничного центра организации судовых команд», имел ли я какое-нибудь отношение к этой организации и не известно ли мне, кто принимал в ней участие. Как ни странно, но они все же были удивлены, что я сразу признал свое близкое участие в деле, изложив в сжатых чертах задачи, цели и основные моменты развития организации, и совсем не удивились, что я отказался называть какие либо имена.

«Ну, да разумеется, мы и не думали получить от вас какие либо сведения на этот счет, а так ставим вопрос порядка ради, тем более, что нам все уже достаточно известно».

И тут же сообщили, что большинство привлеченных и не отрицало своего участия в организации и только лишь некоторые малодушничали и обнаружили готовность давать показания и о других. Впрочем, в этой части, повидимому, жандармы солгали и заметали следы, насаженных ими в организацию провокаторов, показания которых, оговаривающие целый ряд лиц, должны были фигурировать на суде не как показания наемных

предателей, служащих в охранке, а как показания честных людей, увлеченных вожаками и затем обнаруживших чистосердечное раскаяние.

Внимательно прочитав мое изложение характера и задач организации и ее истории, следователи все же нашли, что она их не удовлетворяет. Они одинадцать месяцев тщательно изучали дело, заранее определив, что перед ними чисто партийно-политическая организация, облыжно и для введения в заблуждение простодушных надевшая на себя маску профессионального союза. Кто чего ищет, тот то и находит, и естественно, что в результате своих изысканий, жандармы торжественно и нашли то самое, что с самого начала стали искать, т.-е. чисто политическую организацию. Не будучи начитаны в науках, они, конечно, не могли знать мудрого правила, установленного в естествознании: исследуй и проверяй материал не для того, чтобы подтвердить уже имеющийся у тебя предвзятый взгляд на вопрос, а для того, чтобы притти к выводу, соответствующему действительности, хотя бы тебе этот вывод и не нравился и не его ты искал. Да и то сказать, следствие по политическому делу не лабораторный эксперимент, а один из актов общественно-политической классовой борьбы, и научной об'ективности нельзя было ждать от царского жандарма и прикомандированного к нему следователя судебного ведомства.

Но процесс предстоял состязательный. На суде, как ни говори, а должны были быть две стороны с правом голоса. Там «чорт свое, а поп свое» и каждый будет иметь свои аргументы—и прокурор, и защита, да и обвиняемые имеют тоже последнее слово.

Один известный политический защитник в заседании Верховного кассационного военного суда, выступая в защиту отмены смертного приговора, вынесенного каким-то военным судом, имея пред собой в зловеще тихом и пустом зале группу военных судей и прокурора, заранее определенно считавших дело решенным, лицом к лицу только с судьями без обвиняемых, без свидетелей, без публики, разделенный одним только столом с молчаливыми бумагами, лежавшими между ним и его противниками по процессу, заявил:

«Если вешать, так вешать грамотно! А иначе, зачем же и суд, а не застенок?»

И когда судьи попытались «повесить *грамотно*»—это оказалось невозможным и приговор пришлось отменить.

Тем более не хотелось сесть в галошу бесграмотности корпусу жандармов, вынужденному выносить дело на известную гласность, где будут и свидетели, и публика, в виде родственников подсудимых, и недремлющее, всюду пролезающее и под закрытыми дверями суда чутко и с успехом подслушивающее даже на расстоянии ухо газетного репортера. Да к тому же,— что было нам тогда не известно, и что было известно нашим противникам в жандармских мундирах, — за процессом было установлено наблюдение и просвещенных англичан, согласившихся только на этом условии выдать арестованных в Александрии русскому правительству.

Вследствие этого не могли не смутить наших следователей те выводы, к которым я приходил в оценке характера и целей организации в моем показании. Если они совершенно твердо определяли эту организацию, как партийно-политическую с налетом профессионализма, служившего только прикрытием, то я не менее твердо приходил в выводу, что это была организация массовая, профессиональная по существу и по задачам, деятельность которой приобретала известный косвенно-политический эффект только вследствие тех условий, в которые ее поставил курс правительственной политики, лишающий рабочий класс фактической возможности организоваться легально, хотя бы на основе урезанного мартовского закона 1906 г., изданного тем же правительством. Жандармы подкрепляли свою оценку изученным ими в течение почти года материалом. Но и я знал этот материал не хуже их и в подкрепление своих выводов опирался на тот же материал. Это заставило их призадуматься и вызвало опасение, как бы на суде они не оказались побитыми и суд не превратился бы для них в позорное поражение. Результатом этого явилось, что после моего допроса они еще раз решили проверить себя и меня, тем более, что в моем показании они впервые встретили ясно формулированную позицию своего противника по процессу. На проверку было затрачено ими еще свыше полугода, после чего они пришли к заключению, что обвинительный акт обоснован достаточно прочно и дело можно передать уже в суд.

Я снова был вызван и как требует того форма судебной процедуры мне было «пред'явлено дело для обозрения». Груда желтых папок с надписью «дело Адамовича, Яковлева и др. обвиняемых по 102 ст. уложения о наказаниях», была предупредительно разложена передо мной на столах. Я критически посмотрел на эту библиотеку, ныне покоющуюся на полках одесского Истпарта, и спросил: «всю эту штуку я должен прочитать?». Мне об'яснили, что это мое право, но не обязанность и что едва ли стоит задерживать течение процесса изучением всего этого материала. Я согласился, просмотрел несколько папок, чтобы освежить в памяти нужные мне документы и расписался в том, что следственный материал для просмотра был мне пред'явлен. После этого дело быстро пошло шагать уже по чисто судебным инстанциям. Одна за другой получались коротенькие извещения на бланках, сообщавшие о том, что дело об обвиняемом таком-то и других перешло туда-то и туда-то. Соответственно этому и в тюремных книгах, под рубрикой «за кем числится» менялись записи: «числится за судебным следователем», дальше «за прокурором окружного суда», потом за «прокурором судебной палаты» и, наконец, все мы добрались до самых вершин и стали числиться за «председателем судебной палаты». Дело шло к последующему акту.

II.

Судить нас собрались по знаменитой статье 102-й, не мало уведшей на каторгу товарищей из залы заседаний суда. Статья была паршивая, сулившая каждому из обвиняемых подарок от 4-х до 8 лет каторжных работ за

«участие в тайном сообществе, поставившем себе целью ниспровержение существующего в России государственного и общественного строя». Это была буква закона, вооружившись которой прокуратура, как хирургическим ножем, намеревалась пройтись по живой жизни ста двадцати с лишним живых людей. Но как и всегда, и во всяком деле важна была и в этом случае не только буква, но и дух, т.-е. в данном случае настроение и твердость правящих кругов, в смысле расправы с участниками нашей организации при помощи передаточного аппарата, именуемого судебной палатой. Настроения эти были достаточно тверды. Как сообщила потом нам защита, были приняты все надлежащие меры к тому, чтобы суд как нибудь случайно не протяпал дело. Сверху из Петрограда были даны директивы 102-ю статью провести во чтобы то ни стало. Самый судебный процесс был поставлен под непосредственное наблюдение начальника жандармского отделения Одессы полковника Заварзина, поставившего себе вопросом служебной чести разбить организацию, добившегося личного доклада о ней в совете министров, в результате чего после дипломатической переписки министерств иностранных дел России и Англии был произведен мой арест в Александрии (он же выезжал и заграницу для наблюдения, чтобы эта операция как нибудь не сорвалась). Также были приняты меры и в отношении состава суда. Его подобрали соответственным образом и во главе был поставлен человек надежный и твердый как кремень. На суде почти все зависит от председателя, и в председатели для нашего дела был назначен некий Хлодовский.

О том, что обещала нам эта фигура, можно судить по одной беседе недели за две до процесса, которую пришлось мне вести со старшим помощником начальника тюрьмы Епифановым. Нужно сказать, что этот помощник лично ко мне относился с некоторым оттенком сочувственной симпатии. С ним мы были также старые знакомые по одесской тюрьме, где он был на той же должности еще в 1906—7 годах, когда я впервые там сидел и в качестве политического старосты заключенных многократно имел с ним дела. Вызвав меня теперь незадолго перед нашим процессом в контору по какому-то делу, он, между прочим, справился о моем настроении и о том, как я смотрю на судьбу всего процесса и на мою лично. Дело было уже на очереди, начинало принимать злободневный интерес и привлекать внимание всех тюремных кругов, как в среде самих сидящих во всех четырех крыльях тюремного здания, так и среди тюремной администрации. Равным образом, и за стенами тюрьмы, естественно, интерес к нему повышался. Поэтому его вопрос был совершенно понятен. Я сам со времени первого допроса, когда уже стало ясно, что время моих спокойных занятий в одиночной камере языками, математикой, литературой и прочими безобидными вещами приходит к концу и что предстоит как ни как юридический бой, не раз продумывал вопрос о пред'явленном нам обвинении и о приложимости к нашему делу этой самой зловещей 102-й статьи. Своеобразие положения заключалось в том, что в обширном материале, на котором строился процесс, имелось достаточно данных для обосновки обвинения именно по этой

статье. Но, с другой стороны, имелось также достаточно данных для того, чтобы пытаться опрокинуть эту статью и доказывать ее неприменимость. Перебирая и взвешивая весь материал, прикидывая так и этак его составные части, обобщая и суммируя все, что может сказать одна сторона и другая, я в конце-концов пришел к выводу, что дело наше не так безнадежно и что на суде мы не без успеха можем поспорить с прокуратурой. Мои заключения были скорее оптимистичны, и в этом смысле я и ответил на вопрос Епифанова. Я сказал, что не знаю, как товарищи, а мое настроение бодрое, что 102-я статья в нашем деле покоится на основаниях шатких, и что на суде, она должна будет лопнуть.

«Но ведь против вас все улики, все материалы в руках обвинения!»— ответил он мне.

«Да,—возразил я,—но также и все материалы для защиты тоже уцелели и их можно использовать. А эти материалы сильнее».

Тогда тюремный помощник посмотрел на меня с сочувственным сокрушением и заявил:

«Мне не хотелось бы вас омрачать преждевременно, но, чтобы не получилось слишком резкого противоречия между вашим настроением и результатом суда, я должен вас предупредить. Может быть, вы в ваших юридических соображениях и правы. Вам дело виднее, но... знаете ли вы кто будет у вас председателем?».

«Да, знаю»,—отвечал я безразлично,—«какой-то Хлодовский».

«Не какой-то Хлодовский! Хлодовский, это—страшный человек. Там, где он председательствует, нет ни одного оправдательного или смягченного приговора ни политического, ни по уголовным делам. Это машина, это садист. И раз его к вам назначили, значит вас решили зарезать».

Должен признаться, что от этих зловещих слов мне стало порядком не по себе. Действительно, с машиною ведь не поспоришь, и суд стало быть будет простою формальностью, затягиванием наброшенной на обвиняемых петли. Но почему то, какая то внутренняя и даже задорная уверенность в том, что дело не может иметь намеченного жандармами исхода, восторжествовала. И после минутного раздумья я беззаботно бросил последнюю фразу:

«Ну, если так, если Хлодовский действительно, как вы говорите, машина, то с этой машиной что-нибудь произойдет: переедет его автомобилем или просто хватит кондрашка». В ответ мой тюремный благожелатель только пожал плечами и улыбнулся.

Каково же было мое изумление, когда через короткое время уже почти перед самым судом он зашел ко мне в камеру и положил на стол новое извещение, говорившее о том, что состав суда изменился и председателем будет на нем другое лицо—Демьяновский. На мой вопросительный взгляд Епифанов ответил: «Везет вам с вашими моряками; ведь с Хлодовским действительно удар. Врачи ему запретили работать, но все таки он хотел, во чтобы то не стало председательствовать на вашем процессе и потребовал

дело к себе на дом. И что же вы думаете? Дня через три его хватил второй удар, и теперь уж к процессу ему не подняться. А Демьяновский совсем другой человек. Этот все-таки судит, а не просто режет как Хлодовский».

Так при этом благоприятном предзнаменовании судьбы мы и дожили до последнего дня перед судом. Накануне я еще раз внимательно перечитал об'емистый обвинительный акт, из которого не так давно товарищ Е. Волков не без искусства выкроил целую книжку, [1]) и еще раз пришел к заключению, что дела наши не так плохи.

Был один вопрос, который остался для меня не решенным и который я и не мог решить в одиночку, не зная, каково мнение по этому вопросу всех остальных моих сопроцессников. А снестись с ними не представлялось возможным. Вопрос заключается в том, какую позицию занять на суде. Выдвигать ли на нем момент политический, не думать совершенно о судьбе обвиняемых и добиваться от процесса определенного политического эффекта за стенами суда или же, если такое действенное политическое значение процесса по обстановке момента невозможно, сосредоточить свое внимание, главным образом, на юридической стороне дела и вести борьбу против статьи.

Нужно сказать, что дело было назначено к слушанию осенью 1914 года, всего через несколько месяцев после начала войны, и все политические карты в этот момент, как известно, были достаточно спутаны.

Все было в полном хаосе и смятении.

Революционное и социалистическое движение стран всего мира было вдруг смято и разбито в щепы стихией войны и обостренного национализма. Повсюду социалистические партии дружно об'явили поддержку своим правительствам или в лучшем случае об'явили благожелательный нейтралитет. Плеханов писал патриотические статьи. Неистовый большевик Алексинский, неистово ратовавший за Ленина на с.-д. конференции в Вене в 1912 году, на которой присутствовал и я, не менее неистово бранил немцев. Старый непреклонный революционер Гед вошел в состав французского правительства национальной обороны. Такой же старый и испытанный боец Парвус отдал все свои таланты и энергию в распоряжение германского правительства. На суде группы русских «пораженцев» прозвучали плехановские нотки. Два участника Штутгардтского социалистического международного конгресса, принявшего резолюцию об активной революционной борьбе в случае империалистической войны, встретились лицом к лицу в штыковой атаке друг с другом на поле битвы.Все было в полном хаосе и полном смятении. Трудно было нам, сидящим и оторванным от внешнего мира, в особенности мне, совершенно изолированному в одиночном заключении, разобраться во всем происходящем. Наши политические защитники не много могли помочь в этом деле. И у них самих чувствовался тот же хаос, та же растерянность, и одно, что могли они сказать твердо на ставящиеся мною вопросы, это было:—Политического значения процесс сейчас иметь не может. Обстановка

[1]) Е. Волков.—„Среди моряков и речников". Госиздат, 1923 г.

совершенно изменилась. Ни на какой отклик расчитывать нельзя. Наметившаяся перед войной революционная волна в России оборвалась и разбилась. Во всем мире и у нас тоже борьба против правительства прекращена; и формально, и фактически об'явлено политическое перемирие. Выводы делайте сами, дело касается прежде всего вас, участников процесса, информация же наша вполне точная. А как защитники, прямым образом заинтересованные в судьбе наших подзащитных, мы думаем, что подчеркивание сейчас революционно-политической стороны дела даст только бесполезные жертвы.

Таким образом лично я до самого последнего момента не мог определенно разрешить вопрос, какую надо будет занять на суде позицию и оставил его открытым до встречи с товарищами на самом процессе, расчитывая, что быть может у них, сидящих всех вместе и свободно общавшихся, имеется уже определенно выработанная линия поведения на суде.

III.

Пришел наконец, нельзя сказать чтобы очень желанный, но все же долго жданный, судный день. Открылась дверь камеры и отделенный Кравчук, приставленный ко мне специально и в течение долгих месяцев неотступно оберегавший меня от возможности сношений со всем, что находилось в тюрьме за стенами моей камеры, провозгласил торжественно: «Пожалуйте на суд!». Тщательно оберегая меня от соприкосновений с моими товарищами по процессу, начальство до последней минуты проводило систему строгой изоляции; поэтому и в здание суда доставили меня отдельно в той же самой тюремной карете, что привезла меня год с лишним назад из одесского порта в тюрьму. Таким образом, на бал я явился первым. Спустя короткое время подошли и остальные. Их привели гурьбою всех вместе, скованных попарно ручными кандалами. С каким то странным стеснением, точно стыдясь за свой скованный вид, входили товарищи, здоровались, распрашивали о здоровьи, о настроении и располагались в помещении для арестованных. Конвой снимал кандалы и, потирая руки и поеживаясь, все стали разбиваться на группы и вполголоса вести беседу. На меня эти семьдесят с лишним человек произвели сразу несколько давящее впечатление. Долгая одиночка сказалась и внезапно перенесенный в целую толпу людей, я чувствовал себя как-то растерянно. Да и люди тоже не совсем на людей были похожи. Землистый оттенок лиц, заострившиеся у многих черты и какая то неуверенность в выражении глаз говорили о том, что и тюрьма была тяжела, да и внутри на душе неспокойно. В общем настроении чувствовалась какая то подавленность. Из быстрого обмена фразами с рядом товарищей я выяснил, что и у них нет какого-либо твердого выработанного и принятого отношения к предстоящему процессу. И поскольку мне удалось уловить за эти короткие минуты ожидания, когда нас вызовут в залу суда и рассадят на «подсудимые» скамьи, не чувствовалось даже активного стремления и интереса к выяснению этой стороны дела. Внимание сосредоточилось на другом

Первое и главнейшее это—как связать прошлое и настоящее. Корни процесса уходили в еще недавно полной жизнью бурлившую полосу революционной борьбы и под'ема. Сам же процесс происходил в обстановке затихшего и приникшего движения, залитого волной совершенно другой психологии и политически примиренческим настроением. Выходила какая то чудовищная, как говорится, невязка. Каждому участнику процесса приходилось нести последствия той работы и того периода, который как будто,—и все это ясно чувствовали,—погребен без остатка под колоссальной волной, охватившей весь мир. И в сознании каждого представлялось нелепым, что сейчас с ним должны быть сведены счеты, которые пред лицом событий утратили всякий смысл и значение. «К чему же тогда была вся наша работа, и наш риск, и готовность итти на тюрьму и на жертву, если теперь все это стало совершенно не нужно и как то совсем ни к чему?», — такой вопрос стоял у всех, с кем только не приходилось заговаривать. И при такой постановке особенно тягостно воспринималась всеми 102-я статья, сулившая каждому свою долю каторги. Но эти оба вопроса, как ни были они важны и тяжелы для каждого лично, отступали на задний план перед другим, стоявшим на первом плане,—вопросом о войне.

Причем и этот вопрос, сразу же занявший первое место в завязавшейся беседе, обсуждался не с точки зрения отношения к войне во всем ее целом, а с точки зрения симпатии к той или другой стороне, принимавшей участие в мировом конфликте. Нашлись и германофилы, находившие, что победа центральных держав есть лучший исход, нашлись и антантофилы, утверждавшие, что весь мир и рабочий класс выиграет от поражения Германии в этой войне.

Но, однако, разговаривать долго нам не пришлось. Через полчаса после нашего прибытия нас всех ввели в залу суда и расместили. Усевшись чинно рядком, мы увидели против себя, точно отражение в зеркале, другую группу, так же усевшихся рядами, фигур в штатских, а некоторые и в рабочих морских костюмах. Главнейшее отличие, бросавшееся в глаза при взгляде на эту группу, заключалось в том, что лица были посветлее и не носили землянистого оттенка, как у нашей группы. Это были тоже товарищи обвиняемые по нашему делу, но, вследствии своей явно слабой прикосновенности к делу или по болезни, находились на свободе, выпущенные на поруки. Они приветливо кивали нам головами, бросали чуть слышные: «здравствуйте, товарищи!», упоминали войну и тоже знаками и движениями лица выражали недоумение: «что же это, мол, собственно вышло?». Публики не было. Процесс слушался при закрытых дверях и допускались только близкие родственники, но их тоже набралось десятков до двух и они занимали свои места в отдалении, в глубине залы. Пристроились в надлежащих местах вблизи подсудимых наши защитники, которых было около десятка и, таким образом, спектакль мог начинаться. Не хватало только судей и прокурора. Прокуроров оказалось даже целых два и они не замедлили появиться вместе с секретарем суда и заняли места за своими пюпитрами. Затем раздалось обычное: «суд идет!» и вершители нашей судьбы появились.

Начался обычный опрос подсудимых, Задавались вопросы о летах, звании, профессии, судимости и т. д., и т. д., и обычный заключительный вопрос: «Признаете ли себя виновным?», и обычный же ответ: «нет, не признаю!». Все это шло довольно монотонно, хотя и в достаточной нервнонапряженной обстановке для подсудимых. Эта напряженность разрешилась неожиданно комичной репликой одного из товарищей, Давида Едиткина. Дело в том, что он, несмотря на свою молодость,—всего двадцать с лишним лет,—уже имел порядочный стаж: судился по политическому процессу за пару лет перед тем, был присужден к ссылке на поселение и оттуда бежал заграницу и сразу же принял участие в работе нашей организации.

«Вы уже судились?», спросил его председатель.

«Да, судился», ответил он, тряхнув рыжими кудрями.

«И затем бежали из ссылки?».

«Зачем бежать, я шел», возразил Давид и принебрежительно двинул плечами. Все мы едва не расхохотались. Дело в том, что его побег из ссылки начался с того, что он прошел пешком по тайге свыше шестисот верст, прежде чем смог сесть на пароход. И говоря, что он не бежал, а шел, он говорил совершеннейшую истину.

«Что значит шел?», спросил нетерпеливо председатель,—«Вы бежали из ссылки?» .

«Говорю же вам: шел! Шестьсот верст по Сибири пропер».

Судьи переглянулись, заметили, что мы повеселели и перешли скорее к опросу следующего по порядку. Это заняло порядочно времени.

А потом настала очередь обвинительного акта. Акт был предлинный и что-то чуть ли не целых три дня секретарь его читал и читал. Если когда нибудь может опротиветь человеку его собственное родное имя, так это во время слушания длинного обвинительного акта, где оно склоняется и спрягается во всех временах и падежах и вплетается в бесконечную цепь всяких фраз и словесных комбинаций. Именно такое отвращение к собственному имени получил я, за те нудные часы, когда секретарь деревянным голосом, четкою и монотонною дробью отбарабанивал акт, где всякий раз при упоминании той или другой фамилии, человек, к которому она относилась, чувствовал, что кто-то неумолимый и жестокий зловеще грозит ему пальцем. Слушаешь, слушаешь и кажется, что тебя завалили кучею щебня и досок и все нагромождают и нагромождают эту бесформенную тяжесть над твоей головой. Время от времени оглядывая своих товарищей, я видел, как одни опустив, понурив голову слушали беспрерывный поток обвинения и всем видом своим говорили: «Сыпь уж, сыпь! Все равно не подняться». Другие, чутко наставив ухо и приставивши даже к нему ладонь руки своей, старались уловить еще раз, что собственно относится к ним и какая часть общей тяжести приходится лично на них. И, наконец, третьи—это были по большей частью из группы не находящихся под стражей и сидевших против нас обнаруживали даже некоторую беззаботность и подмигивали в сторону судейского стола: «Вишь, мол, накрутили сколько!». Но в общем

можно сказать, что к концу обвинительного акта наша публика уже освоилась с положением и по непонятным законам психологии точно приободрилась. Во время перерывов, не раз и не два, обращались ко мне группами и в одиночку с вопросом:—«Ну что, товарищ, они там свое понаписали? Как по вашему, нам есть чем отбиваться? Вам ведь виднее, у вас в руках были все нити и вы все дела лучше нашего знаете». Я отвечал, что и мы не без козырей и что не все, что написали жандармы, будет принято за святую истину и что поспорить все-таки можно. Это действовало успокоительно и публика наша повеселела.

Немало поспособствовал изменению настроения нашей публики и секретарь, бравый мужчина с лихо закрученными кверху усами, мысли которого витали где-то далеко и совсем очевидно в другой сфере жизни. Четким голосом он доложил, между прочим, суду в числе других наших злодеяний, что Заграничный Центр установил «половые сношения» через Финляндию с шведской гражданкой, имя рек... и остановился, так как весь зал непочтительно фыркнул, а судьи приникли к столу, прикрываясь бумагами и силясь сохранить приличествующую делу серьезную мину. Остановившись в недоумении и подумав мгновение, секретарь густо покраснел, поправил сношения на «деловые» и принялся чесать по акту дальше. А товарищи со всех скамей поглядывали в сторону «заграничного центра», улыбались лукаво и покачивали головами: «Через Финляндию, мол, со шведской гражданкой. Ну и прыткий же центр. Не хорошо, не хорошо».

Все на свете кончается, кончился и наш обвинительный акт и наступило самое действие. Появились на сцену свидетели. Сразу же густо пошел синий жандармский мундир—основные свидетели со стороны обвинения. Свезли их со всех портов и городов, где они усиленно ловили нашего «Моряка» и товарищей, подозреваемых в причастности к организации, писали отношения и донесения, препровождая арестованных один к другому, загоняя их в конце-концов в общий одесский загон. Все они являлись частично участниками составления обвинительного акта. Теперь, торжественно принесши присягу «говорить только правду», они выслушали от председателя обычное предупреждение, что за ложное показание, помимо кары, уготованной господом богом за клятвопреступление на том свете, их может и здесь на земле ущемить такая, такая и такая статья уложения о наказаниях. После этого внушения творцы коллективного обвинительного акта приступили к своим свидетельским показаниям. Любопытно то, что вся эта важно и церемонно обставленная комедия правосудия на них определенно производила свое впечатление: почти все они сильно волновались, выступая свидетелями перед судом. Странно было видеть как эти самоуверенные, с военной выправкой и охранно-политическим стажем ротмистры и полковники, переминались с ноги на ногу, вертели в руках смущенно фуражку или в струнку —«во фрунт»—неподвижно вытягивались и не всегда связно лепетали свои «показания». Некоторые невнятно что-то бормотали и на снисходительно-строгое председательское «свидетель, суд не слышит, пожалуйста громче!»,

вздергивались, как лошадь под хлыстом, и начинали говорить преувеличенно громко. На лице всех товарищей сияло злорадное торжество. «Ага, это вам не допрос в одиночку, с глазу на глаз в тюремной конторе, где можно кричать, грозить и топать ногами и вести себя развязно! Поджали хвосты!». И уж в этом одном обвиняемые почерпали какое то моральное удовлетворение и бодрость, точно кто-то, хотя и не имея этого в виду, совершенно невольно, но заплатил жандармским допросчикам за унижение и страх, который они нагоняли во время арестов и следствия. Жандармы добросовестно повторяли ту часть обвинительного акта, которая приходилась на их долю и обнаружили большое служебное рвение и немалую безграмотность. Они от первого до последнего твердо стояли на том, что организация была политическая и ставила себе политические цели и вела политическую агитацию. На лукаво-простодушный вопрос защиты очертить ближе, какие же именно политические задачи ставила организация и за что именно вела агитацию, они не менее простодушно и твердо отвечали: «Подготовляла всеобщую забастовку и требовала повышения заработной платы и уменьшения рабочего дня, а также добивалась, чтобы правительство разрешило закрытый в 1906 году союз». Мы это наматывали на ус, защитники записывали в книжечку, а творец и вдохновитель процесса полковник Заварзин, чья монументальная фигура виднелась на кресле за спинами судей, ерзал нетерпеливо на стуле. Он вероятно думал в этот момент, что для ротмистров и полковников нужно открыть курс политграмоты, чтобы они впредь не скандалились публично, об'являя повышение зарплаты на пять рублей революционно-политическим требованием.

Кстати, об этом самом Заварзине. Через защиту мы попытались, разумеется без надежды на успех ,лишь в целях демонстрации, выдворить его из залы суда. Защита сначала развернула пышную аргументацию насчет того, что наш процесс имеет большой общественный интерес и значение, а потому ему должна быть придана широкая гласность и должен он слушаться при открытых дверях. Судом это было, конечно, отвергнуто. Тогда мы потребовали строгого применения принципа закрытых дверей и удаления всех посторонних лиц. Суд распорядился, чтобы судебный пристав сделал тщательную проверку всех присутствующих. Пристав пересчитал всех обвиняемых — лишних не оказалось, все имеют право присутствовать. Проверил родственников — тоже оказалось, что все находятся по «полному праву». Среди защиты и свидетелей — также. Когда пристав доложил председателю, что все в порядке и лиц, не имеющих право присутствовать, в зале суда на лицо не имеется, мы через защиту не без ехидства указали, что проверка была сделана только по эту сторону судебного стола и что пристав забыл заглянуть за спинки судейских кресел. Невольно все оглянулись туда. Там сидел специально командированный из Петербурга чиновник судебного ведомства, какое-то неизвестное штатское лицо, как потом выяснилось — английский наблюдатель, и начальник одесского жандармского отделения, полковник Заварзин. На нем мы и сосредо-

точили огонь, что он не подсудимый, не обвинитель, не свидетель, не конвой и в близком родстве ни с кем из обвиняемых не состоит, а потому должен быть удален из залы суда, идущего при закрытых дверях. Пришлось судебной палате, склонивши на мгновение судебные головы одна к другой, об'явить, что полковник Заварзин присутствует на процессе в особом порядке, «по распоряжению высших властей». Мы констатировали, что усматриваем в его присутствии моральное давление на суд в неблагоприятном для обвиняемых смысле и процесс пошел дальше, доставивши нам маленькое удовлетворение подпущенной творцу и вдохновителю нашего дела порядочной шпильки.

Понемногу мы вошли во вкус представленных нам по суду прав,—ставить свидетелям вопросы, и не раз заставляли ежиться и подергиваться свидетелей—жандармов от наших вопросов. У иных даже пот проступал на лбу, а наша публика даже вошла в спортивный азарт и норовила каким-нибудь вопросом почувствительней боднуть злополучного свидетеля. Один из обвиняемых, тов. Ткаченко, под видом вопроса с самым простодушным видом рассказал, как очередной свидетель, жандармский ротмистр, завербовал его для провокаторской работы в организации во время первого ареста и что он обвиняемый согласился, был выпущен, несмотря на причастность к организации и получил деньги. И требовал от свидетеля об'яснения, почему он снова его арестовал. Свидетель вынужден был признать, что это действительно было и что выпущенного он вынужден был снова заключить под стражу.

«Почему?».

Свидетель замялся, а подсудимый об'яснил:

«Потому что купить меня не удалось. Деньги я действительно взял».

«Ну, а потом?», спрашивает заинтересованный председатель.

«А потом я вышел, собрал товарищей, рассказал как было дело, и деньги эти мы немедленно компанией пропили и повеселились за счет охранного отделения. Вот, если бы я стал провокатором, то хоть и участник организации, а был бы не подсудимым, а может свидетелем рядом с господином ротмистром, а так как я продать товарищей не согласился, то теперь меня судят вместе с другими. Вот какое выходит, значит, правосудие!».

В результате общий жандармский конфуз, веселье на скамьях подсудимых и смущение за судебным столом. Опростоволосившийся ротмистр краснеет, бледнеет и бросает злобный взгляд на подсидевшего его кочегара с козлиной бородкой и насмешливой улыбкой на лице.

Не малой потехой явились показания знаменитого в те времена в одесском порту жандармского вахмистра Недоруева. Это был любитель своего сыскного дела, запоем ему предававшийся. В нем жила душа тренированной гончей собаки и крысоловки. Он весь ушел в борьбу с организацией. Лазил по пароходам, вышаривал, выискивал, подслушивал, подсылал распросчиков, прикидывался простодушным, и высшим для него наслаждением было спровадить кого нибудь в тюрьму с достаточно вескими уликами. Знал он всех на перечет, обладал колоссальной памятью на лица, встречи и мелкие собы-

тия. Все данные ищейки были у него на лицо и жал он моряков нестерпимо. Ненавидели они его остро. Не раз грозились прикончить и он чувствовал, что этим дело может в самом деле окончиться. Раза два, чувствуя, что слишком накалил вокруг себя атмосферу, уходил со службы в порту. Но потом возвращался, говоря откровенно знакомым за бутылкой пива в кабачках: «Не могу, тянет! Так вот и мерещится, что кого нибудь накрываю на пароходе с провозом литературы. Так и сосет, на другую работу нет аппетита».

При его появлении наши моряки так и вскинулись, что называется, и немного набивши руку на предшествующих свидетелях, приготовились взять этого приятеля своего, «товарища Недоруева», как злобно, насмешливо они его именовали, хорошенько в работу. Для обвинения этот свидетель был важен не вообще, а по деталям. Он должен был осветить работу и причастность большинства обвиняемых, каждого в отдельности. Это с неизбежностью ставило его под обстрел ответных вопросов почти всех обвиняемых, из которых каждый норовил загнуть ему загвоздку позабористее, подцепить, поддеть, на что—нужно сказать,—моряки были превеликие мастера. Недоруев к своей роли серьезно готовился и его дирижеры явственно его заранее основательно натаскали. Но, не вполне надеясь на его самообладание и твердость в знании урока, они всучили ему маленький конспектик обвинительных показаний. Этот конспектик его и погубил. Показания свои вахмистр Недоруев начал уверенным тоном, не очень гладко, но толково и обстоятельно. Перед собой в руках он держал жандармскую фуражку и переходя к каждому новому лицу опускал глаза, как бы думая и вспоминая, и затем давал уверенно фактические данные и сведения. Кто то из особенно остроглазых моряков подметил наконец, что в фуражке прикреплена к внутренней стороне белая бумажка. При даче же на суде показаний, как известно, нельзя пользоваться никакими «пособиями». Когда дело дошло, наконец, до вопросов подсудимых свидетелю, наша «братва» точно с цепи сорвалась и принялась донимать Недоруева, определенно стремясь его сбить и запутать. Рвение иногда заменяет науку и хотя моряки не проходили школу судебной кляузы и крючкотворства, но на этот раз они таких крючков понасажали своими быстро идущими один за другим вопросами, что бедный вахмистр довольно скоро начал сбиваться с толку и запутываться. А подсудимые наседали один за другим. Наконец, дело кончилось полным триумфом для обвиняемых. Товарищ Вернигора (во время революции потом погибший на Украине) довел свидетеля до утверждения заведомо ложного факта, который Недоруев в отношении этого товарища подтвердил как очевидец. Вернигора, едва сдерживая злорадное торжество, крикнул ему:

«Да я в это время уже в тюрьме сидел, посмотри хорошенько в свою записочку в фуражке, а то плетешь на людей! Свидетель тоже! Шкалики очень любишь, брат, обирать!». Скамьи подсудимых залились хохотом и чуть не улюлюканием, а сбитый с толку жандармский вахмистр действительно по требованию председателя достал записку из фуражки.

«Свидетель, вы же знаете, что это не допускается», спросил председатель.

«Знаю», — угрюмо ответил свидетель.

«Зачем же вы это принесли в залу суда? Ваши показания теряют всякое значение. Вы свободны...»

Подсудимые чуть не припляснули на своих скамьях, так что суд почел нужным призвать их к порядку, и напомнить, что особенно резвиться нечего и что над ними тяготеет тяжелое обвинение, угрожающее каждому серьезной карой, и что смеяться еще рано и неуместно. Публика, конечно, притихла при этом напоминании, но настроение окончательно стало устойчиво бодрым.

После того, как все жандармские полковники, ротмистры и унтер-офицеры сказали все, что имели сказать по нашему делу, дошла очередь и до штатских свидетелей. Среди них было несколько моряков, по затверженному давшие показания со стороны обвинения. У них все выходило гладко и ровно. Причем врали они немилосердно, сообщая о никогда не бывших собраниях, где моряков в их присутствии в Константинополе призывали к «бунту» и, вообще, против «властей и начальства». Бойко доказывались имена обвиняемых при этом присутствовавших и произносивших «возмутительные речи» и все гнули к тому, что «моряки народ темный», который вводили в заблуждение люди, пользовавшиеся их темнотой. Другие выступали в качестве таких именно введенных в заблуждение и потом просветленных заботливым начальством и раскаявшихся. Все это было слишком явственно шито белыми нитками. Большинство из них, как оказалось впоследствии по раскрытии архивов, были наемными, иногда с большим стажем, агентами охранного отделения, занесенными в списки сотрудников. Во многих случаях их тут же и уличали в заведомой ложности их показаний. Некоторые товарищи, которых они представляли суду, как активных агитаторов на собраниях в Константинополе, ни разу за все время в этот порт и не попадали. Это устанавливалось тут же на месте и подрывало значение всех показаний этих наемных свидетелей. Потом прошла другая группа свидетелей моряков, тоже со стороны обвинения. Эти на предварительном следствии показывали против организации, а теперь на суде говорили совершенно иное, крепко взвешивая свои слова и выражаясь уклончиво. Председатель начал уже несколько нервничать, уличал их в противоречии с первоначальными их показаниями. Напоминал им то, что говорилось ими по делу раньше. В ответ ему говорилось, что не помнят своих показаний, сделанных год с лишним назад, а теперь говорят сущую правду: «как присяга велит». Чтобы освежить их память, им читали прежние их показания.

В ответ получали: «Не помню, я так не показывал».

«Да ведь вами подписан протокол допроса. Вы же читали, что подписывали».

«Читал, да я ведь человек малограмотный, мне прочли и приказали подписать. Со страху и подписал. Если бы я сам своей рукой писал показание, тогда бы я за него и отвечал».

Рассердившийся председатель насел особенно на одного, желая добиться от него подтверждения прежнего показания.

«Что вы, свидетель, путаете! Вы не маленький, вас не могли заставить подписывать то, с чем вы не согласны».

Но попал председатель совсем неудачно.

«Я то не маленький»—ответил свидетель,—«да и кулаки тоже не маленькие, и фонари под глазами тоже не маленькие».

«Какие кулаки? Какие фонари? Что вы хотите сказать, что вас били, чтобы вы подписали?».

«А, конечно, били», рассердился в свою очередь и свидетель, «что с нашим братом церемонятся, что ли. Вон господин жандармский офицер, третий спереди сидит, я у него подписывал бумагу. Подпишешь, когда с правой руки дал так, что в ушах зазвенело, а с левой подправил, так что едва на ногах устоял!»—и свидетель пальцем указал на одного из закончивших показания ротмистров, сидевшего на свидетельских местах.

Ротмистр этого дополнительного показания опровергнуть не решился, и суд стал перед неутешительной для обвинения картиной: свидетели обвинения,—или люди, производившие аресты, ведшие следствие и причастные к составлению обвинительного акта, или—что для судей не было тайной—получают, как наемные агенты охранки, деньги, или заведомо лгут, или дали показания под угрозами и страхом и теперь эти показания отбирают обратно. Дело обвиняемых становилось все веселей. Вызвали несколько человек из судовой администрации—капитанов, помощников, механиков. Эти тоже виляли и уклонялись. Да, конечно, об организации они слышали; слышали, что во главе стоят такие и такие то лица, знают, что команды этим лицам доверяют, слышали, что бывают собрания в Константинополе и Александрии, но сами на собраниях не бывали и о чем там говорилось точно не знают, команды же администрации не доверяют и ничего не передавали. Газета «Моряк»? Да, слышали, что такая издается, но сами ее не видели, да и не интересовались, зная, что газета запрещенная и читать ее нельзя, потому и не читали; что в ней писалось,—сказать, стало быть, не могут. И с этих свидетелей оказались взятки гладки. Свидетельский материал явственно расползался в руках у суда и не давал никакой надежной точки опоры для обвинения. Наоборот, свидетели со стороны защиты стояли твердо, говорили даже с излишним красноречием и настаивали, что дело было общее и обвиняемые только тем и виноваты, что «застаивали» всех вообще моряков, за интересы команды стояли и что «им все моряки за то благодарны». Некоторые даже поворачивались и слегка кланялись скамьям подсудимых.

Исчерпались, наконец, и свидетельские показания. Вместе с обвинительным актом они составляли груду перемешанного, как попало наброшенного, материала. Выводы, которые вчерне вытекали из него, были следующие:

1. К суду привлечено сто с лишним человек в то время, как в организации принимало участие свыше двух тысяч народу.

2. Формы и степень участия всей этой массы имели столько переходных связующих ступеней, что невозможно было определить и отделить сидящих на скамье подсудимых от всех находившихся на воле и продолжавших плавать на пароходах.

3. Мотивы и характер лиц, принимавших участие, были до крайности разнообразны и временами просто непримиримы. Равно активно и деятельно поддерживали «Моряка» и всю организацию и те, для кого прибавка жалованья была дело совершенно второстепенное, а весь смысл заключался в возможности в конце-концов произвести «долой самодержавие», и другие, которые от этого «долой» шарахались, как от вещи, совершенно им посторонней и ненужной, и считали, что они просто делают свое «моряцкое» дело улучшения экономического положения, при чем начальство мешает делать его, а сделать его надо потому: «с семьей на наше жалование никак не прожить».

4) Крайне смешанный и спутанный характер самой организации, где, с одной стороны, обсуждают на собраниях, можно ли или нельзя помещать политические статьи в газете, а с другой провозят кипами революционную литературу из-за границы.

Судьи почувствовали потребность хоть как-нибудь осветить для себя это своеобразное дело и внести какой нибудь порядок в хаотический материал, наваленный перед ними за несколько дней, расположить по каким нибудь основным линиям мысли, чтобы затем можно было по этим линиям вести юридический спор. К тому же перед ними вскрылось и самое своеобразие быта, службы, отношений и психологии, присущие специально жизни моряков, в которых они, люди берега, чувствуют себя достаточно беспомощными.

Затруднение это они разрешили тем, что после окончания той части процесса, которая именуется «судебное следствие», перед прениями сторон—прокуратуры и защиты—суд предложил мне дать об'яснения по всему делу.

Эта была позиция крайне выигрышная ,дававшая возможность сразу же собрать воедино и сконцентрировать внимание на том материале, который умышленно был отброшен и обойден обвинительными актами, как непригодный для обвинения. По существу дела я знал и ранее, что для огромного большинства участников организации она представляла собою, прежде всего, орудие борьбы за непосредственное повышение уровня жизни и ослабления гнета административного режима на судах. Политические революционные потенции, заложенные в организации были видны отчетливо только отдельным единицам, они не вскрывались еще со всей ясностью и неизбежностью для сознания всей массы, как неотвратимый вывод развертывания боевых действий, начатых на «чисто экономической» платформе. Поэтому было бы и фактически неправильным осветить перед судом существо организации не так, как оно представлялось *в момент ее ликвидации* участвовавшей в ней массе моряков, а так, как оно мыслилось в перспективе наиболее сознательному политически-революционно оформленному незначительному меньшинству.

К этому-же присоединялся и вопрос, в тот момент далеко не шуточный, о судьбе ста пятидесяти товарищей, из которых часть судилась сейчас, а другая часть должна была предстать пред судом во второй группе. Причастность их к организации была установлена с несомненностью по докумен-

там. Да огромное большинство и признало свое в ней участие. Защите поэтому был отрезан путь доказательства, что тот или иной подзащитный должен быть оправдан за недоказанностью его принадлежности. Судьба каждого стала быть зависела целиком от того, как юридически будет оценен процесс, какая статья будет применена ко всему делу в целом. Поэтому для судьбы всех моих сопроцессников являлось решающим то, что будет сказано мною в тот момент. Сознавали это отлично и все товарищи, рядами сидевшие на скамьях рядом со мною и против меня. Сознавали и их близкие—жены, матери и дети, присутствовавшие в зале суда, сознавала и защита. Особенно тревожно чувствовали себя защитники, и я видел, как опасливо они вскидывали на меня глаза, точно говоря «не промахнись, не зарежь». Не без волнения, внутреннего и скрытого поднялся я, чтобы дать «об'яснения по делу». Я отметил сразу, что это не есть защитительное слово, которое будет мне, как и всем подсудимым, дано в конце, после прений сторон, а есть именно «об'яснение», т.-е. изложение того, что по самому существу своему представляет организация, какие точные, всей массой моряков принятые, одобренные и поддержанные цели она себе поставила, цели, ясно и недвусмысленно зафиксированные в решениях и постановлениях различных органов союза, что в деятельности организации вытекало из самого ея существа и поставленных задач, а что являлось продуктом обстановки—подпольного заграничного существования ее центра, и почему массовая организация оказалась именно в подполье. По существу, конечно, это была защитительная речь, облеченная в форму частью исторического, частью аналитического изложения. Я отметил прежде всего путаницу в показаниях свидетелей—жандармских офицеров, которые подводили борьбу за изменение условий жизни, быта и службы судовых команд под понятие политической борьбы, и указал, что это малограмотное смешение понятий перешло затем и в обвинительный акт и послужило обоснованием для применяемой к процессу 102-й статьи. Затем я дал сжатый очерк истории движения с 1905 г., основными движущими идеями которого были установление коллективного договора, нормирующего условия службы моряков, и признание профессионального союза, как законного органа, представляющего и защищающего интересы команд на берегу и на пароходах. В деятельности «Моряка», как литературного органа, я признал наличие политических и революционных элементов, заключавшихся в помещении ряда статей, но провел разграничение между «Моряком», как литературным органом, и самой массовой, профессиональной, хотя и нелегальной организацией. Организация, как таковая, политических целей себе не ставила и представляет собою нарушение закона лишь в том смысле, что вела работу свою нелегально. В этом статья 102-я неприменима. Неприменима она и в отношении редакции и сотрудников «Моряка», так как ея литературная противоправительственная деятельность подходит под другие статьи — издание, хранение и распространение нелегальной литературы. Были ли связи с политическими революционными организациями? Да, были. На основе обмена услуг. Они нам печатали нашу газету, отдельные лица из них наряду со всякими другими сотрудниками

газеты помещали статьи. Отдельные лица из состава нашей организации переправляли их литературу, но это было отношение известного сотрудничества между организациями, причем каждая сохраняла свою полную самостоятельность и не входила составною частью в другую. Сотрудничество со стороны нашей организации не выходило за переправку литературы. Причем эта переправка литературы не являлась органической, неот'емлемой, из существа организации вытекающей, обязательной работой и происходила от случая к случаю. Формальной агентурой какой-либо партии, хотя бы даже и по поставке литературы в Россию, наш союз не был. Ни одна из партийных организаций и не пыталась превратить его в той или иной форме в партийный орган и, как явствует из переписки, все они отлично понимали именно профессиональный массовый характер ея, где члены организации по своим партийно-политическим симпатиям и убеждениям принадлежали к самым различным течениям, начиная от анархистов и кончая просто беспартийными и людьми аполитичными. Все члены союза потому и держались в организации и поддерживали ее, что она носила беспартийный, не политический, а профессиональный характер. В противном случае она немедленно бы раскололась на несколько кусков и не могла бы быть массовой организацией, фактически прямо или косвенно охватывающей всех моряков. Что организация моряков ушла в подполье—это об'ясняется политикой текущего дня русского правительства, которое в различные периоды то давало возможность легального существования союзу моряков, то закрывало его. Целью, которую действительно ставила себе организация, было стремление выбиться из подполья, добиться легального существования, легализовать также и «Моряка», чтобы он мог существовать также открыто, как хотя бы существовавшие в то время в России другие рабочие газеты. Средством для этого являлась всеобщая морская забастовка, которую наша организация подготовляла. Забастовка, конечно, представляла средство давления на судовладельцев и на органы власти. Это уже было раз в 1906 году, но никому тогда в голову не приходило обвинять и судить участников ее по 102-й статье.

К этому приблизительно свелись мои «об'яснения». Они и дали канву тому спору, который затем вели между собой прокуратура и защита. Прокурор в своей речи, чувствуя слабость материала, данного свидетелями, совершенно не пользовался показаниями свидетелей жандармов. О других ему пришлось сказать, что и они материала не дали и патетически расписывать суду «моральный террор», под которым давали свои показания свидетели из среды «моряков. Принадлежа сами к массе моряков и живя среди них, они, мол, морально не в состоянии показывать против лиц обвиняемых, которые являются их товарищами по службе и по работе и о которых они, хотя и заблуждаясь, думают, что обвиняемые работали для общей их, моряков, пользы. Поэтому прокуроры (их было двое) решили базироваться только на писанном материале, иными словами—пересказывали обвинительный акт. Чувствуя шаткость своей позиции, они взяли курс на разделение овец от козлищ и сосредоточили свое внимание на вожаках и зачинщиках, которые, сами не принадлежа к морской среде и равнодушные к ее действи-

тельным жизненным интересам, стремились использовать их простодушие и доверчивость для своих политических целей. На этом, главным образом, и были построены прокурорские упражнения. Защита сильно приободрилась. Речи защитников шли в основном по линиям, намеченными мною, конечно, варьируя, развивая и углубляя аргументацию и приспособляя ее к интересам той группы обвиняемых, которая была поручена данному защитнику. Сто вторая статья трещала по швам.

Это все ясно чувствовали.

Кончилась и эта часть. Кончились коротенькие последние слова подсудимых. Что будет гласить приговор?—разумеется, спрашиваем у опытных, видавших виды защитников.

«Статья разгромлена», отвечают они, «но ее конечно сохранят. Есть специальное предписание».

«Ну, и?..» Замялись защитники. Помолчали...

«Если главным обвиняемым дадут по шести лет каторги, надо сказать спасибо и считать, что легко отделались».

Суд совещался порядочно. Статья действительно лопнула. Но в то-же время ее сохранили. Выход нашли совершенно неожиданный. Морскую организацию, как таковую, обвинили по 102-й статье, но зато признали участниками в ней всех, *кроме самих моряков*. О всех моряках, большинство которых само признало свое участие в организации и заявило, что исполняли обязанности судовых выборных и уполномоченных в ней, обо всех их суд сказал, что участие их в организации не доказано, и 102-ую статью к ним не применил. Их осудили по статьям хранения и распространения литературы. Осталось 14 человек «посторонних»—которые, по мнению суда, и составляли всю организацию «судовых команд российского торгового флота». На этих и обрушили предписанную из центра 102-ую статью. Но и ее смягчили в окончательном итоге.

Следующую группу по процессу нашей организации обвинили уже без этой статьи.

П. КОЛОКОЛЬНИКОВ (К. ДМИТРИЕВ).

Отрывки из воспоминаний.

1905—1907 г г.

Работа в профессиональных союзах всегда так тесно переплеталась с партийной работой, что расчленить их даже в воспоминаниях представляется нелегким делом. Все-таки попробую выделить то, что так или иначе касается профессионального движения. Буду говорить только о том, что сохранилось в памяти, не прибегая к помощи печатных источников (только даты проверены по календарю) и не давая современной оценки фактам и взглядам того времени.

Глава I.

В Петербурге в 1905 году.

Встреча с гапоновцами.—Наследство комиссии Шидловского.—Союз печатников; Любимцев.—Заводское представительство за Невской заставой.—Освобожденцы. — Союзы конторщиков и приказчиков. — Похороны рабочего. — Первое мая.—Меньшевики о профессиональных союзах.—Сомов и Ларин.—Стачка металлистов на Выборгской стороне.—Собрание в городской думе.—Стачка квартиронанимателей.—Лето 1905 года.

Воскресенье 9-го января, я провел в глухой арзамасской деревне, куда меня направила нижегородская окружная организация и где мне впервые пришлось встретиться с крестьянским социал-демократическим кружком. Только во вторник, воротившись в Нижний, узнал о развернувшихся в Питере событиях, на массовке сормовичей в лесу, где обсуждался вопрос о том, как реагировать на события кровавого воскресенья. Решено было призвать рабочих завода к забастовке и с этой целью накануне устроить летучие митинги при выходе с работы. Забастовка не удалась и из предположенных митингов состоялся только один, у главного прохода, где с короткой речью о петербургских событиях выступил П. М. Грацианов.

Для большинства нижегородцев и сормовичей незнакомы были тогда даже по имени ни Собрание фабрично-заводских рабочих, ни неожиданно выброшенная на авансцену революции личность Гапона. Но я в начале декабря, проездом из Киева в Нижний, был в Питере, и там совершенно случайно много наслышался о Гапоне и даже побывал в одном районе Собрания.

Дело было так. В поисках ночевки я вспомнил о своем коллеге по ссылке, И. М. Финкеле, и направился к нему на Сергиевскую. Финкель, а не

Финкельштейн, как ошибочно называет его вслед за Святловским и Айнзафт в своей книге «Зубатовщина и гапоновщина», был в 1897 г. на два года выслан из Москвы в Мензелинск по социал-демократическому делу, после ссылки кончил юридический факультет, побывал в Берлине, наконец, обосновался в Питере. Человек бесспорно очень способный и всегда интересовавшийся теорией, Финкель в 1905 г. по взглядам был близок к ревизионизму. С партийной организацией он связан не был и не имел к этому склонности. Зато какими-то путями связался с гапоновским обществом и скоро занял в нем видное положение — входил в руководящий центральный кружок. Он-то и познакомил меня с гапоновской организацией, о которой я, только что выпущенный по амнистии из киевской Лукьяновки, не имел и понятия. Целый вечер рассказывал Финкель об открытой просветительной деятельности в районных отделениях Собрания, а еще больше о той полулегальной политической работе, которая велась в центральной группе и некоторых кружках по районам и состояла в чтении радикальной «Нашей Жизни» и в беседах на текущие темы. Помнится, что говорил он и о проекте петиции. Много рассказывал Финкель и о Гапоне, к которому относился очень подозрительно. Были у него большие сомнения вообще насчет участия в работе гапоновского общества, которое пользовалось очень сомнительной репутацией в кругах петербургской радикальной интеллигенции. Чтобы у меня составилось более конкретное представление обо всем деле, Финкель на следующее утро — это было воскресенье — повел меня в Невский район на свою лекцию; он имел намерение свести и на какое-нибудь кружковое собрание, но это не вышло из-за моего от'езда из Питера.

Лекция Финкеля была на экономическую тему и собрала довольно большую аудиторию, слушавшую его очень внимательно. Толково и популярно говорил лектор о капитале, прибавочной стоимости и профессиональной борьбе рабочих, смягчая, правда, острые углы, отчасти и по независящим обстоятельствам, отчасти применительно к своим ревизионистским взглядам. После была беседа. Одни требовали раз'яснений, другие иллюстрировали отвлеченные положения лектора конкретными примерами из заводской жизни.

Осенью 1901 года, мне, проездом через Москву удалось два раза побывать на лекциях, устраивавшихся зубатовцами в Историческом музее. Переполненная рабочими-металлистами аудитория музея вмещала несравненно большее число слушателей, чем скромная по размерам зала невского района Собрания. Интерес к лекциям был одинаков и здесь, и там; беседы после лекций в Москве проходили пожалуй даже оживленнее и интереснее, чем в Питере; зато и сама лекция, и содержание, и характер беседы в Питере качественно стояли на более высоком уровне, чем в Москве. Там бесцветная в своей умеренности и аккуратности, строго державшаяся в границах дозволенного, лекция либерального профессора и затем реплики, не выходившие за пределы мелочей фабрично-заводской жизни (клепка, умывальники, обыски). Здесь лекция затрагивала уже общие вопросы из области взаимоотношений труда и капитала, и к тем же общим вопросам, применительно к условиям российской действительности, подходили, хотя и с большой осторожностью

некоторые из слушателей. И на лекции, и на беседе сказывались, конечно, и общественный под'ем кануна революции, и более высокий уровень сознательности питерских рабочих по сравнению с московскими.

На другой день, на явке Ц. К., я, встретив одного из видных работников только что выделившейся меньшевистской организации Н. Н. Соколова, рассказал ему о том, что видел и слышал. Для него в моем рассказе было кое-что новое. Он соглашался, что следует поближе подойти к собранию и использовать его для социал-демократической агитации, но указывал на недостаток сил и некоторые технические трудности. Уже скоро надвинувшиеся события заставили направить в гапоновское собрание все наличные силы партийной организации [1]).

После 9-го января интерес к Гапону и его обществу повсюду был громадный, но знали о них в провинции очень мало. Поэтому и мои отрывочные сведения представляли интерес. И я выступил с сообщением о Гапоне на вечеринке в Сормове в конце января. Во время моей речи пришла полиция и всех переписала; я сошел за сормовича; товарищи сказали мне чью-то фамилию и заводский №. Впоследствии в частных разговорах приходилось досказывать то, что помешала рассказать полиция на вечеринке. Моя характеристика Гапона на основании рассказов Финкеля была достаточно отрицательная, и это вызвало некоторое удивление: в те дни имя Гапона еще было окутано романтической дымкой.

В феврале я перебрался из Нижнего в Питер. О Сормове того времени сохранились самые лучшие воспоминания. Все три социал-демократические сормовские группы (большевики, меньшевики, рабочая оппозиция [2]) охватывали целый ряд выдающихся по сознательности, революционному настроению, самодеятельности рабочих (большевики Леонид Командин и Пав. Мочалов, меньшевики А. Л. и Сем. Барановы, Иван Чугурин, Ив. Савин, оппозиция — Чиненков и т. д.). О каждом из них и о многих других очень хотелось бы поговорить поподробнее, но это отвлекло бы далеко в сторону. Скажу только, что такой партийной организации, опиравшейся почти исключительно на самодеятельность рабочих, я не встречал впоследствии ни в Москве, ни в Питере, где в отличие от Сормова, скудно обслуживавшегося интеллигентными силами из Нижнего, был всегда избыток партийной интеллигенции. И когда, год спустя, в статье о второй конференции в «Откликах» я писал о начавшемся «превращении партии из кружковой интеллигентской в массовую рабочую», я имел перед глазами сормовскую организацию.

В Петербург я приехал в половине февраля к концу выборов в комиссию Шидловского и в выборной кампании, широко развернутой меньшевиками (большевики бойкотировали выборы), участия не принимала. Но с богатым организационным наследством, оставшимся от выборов, пришлось столкнуться в первые же дни своей питерской жизни.

---

[1]) После 9-го января Финкель был арестован по делу о петиции, в выработке которой принимал участие, но скоро был освобожден.

[2]) Оппозиция расходилась с меньшевиками по организационному вопросу, требуя в нем максимальной демократизации.

Вскоре после приезда я нашел товарища по ссылке, наборщика И. М. Любимцева, который прошел выборщиком от типографии, где работал. Как известно, выборщики группировались по отраслям производства. После ликвидации комиссии 20-го февраля организационная связь между выборщиками различных предприятий сохранилась только у печатников. Группа выборщиков от типографий взяла на себя руководство борьбой за тариф и приступила одновременно к организации профессионального союза. Для подготовительной работы было использовано помещение общества деятелей печатного дела, возглавляемого либеральным президентом академии художеств, а позже министром народного просвещения в министерстве Витте, И. И. Толстым. Любимцев принимал до весны живое участие в этой работе. Надо сказать, что среди организаторов союза социал-демократы были представлены сравнительно слабо. Большим влиянием пользовались некоторые беспартийные печатники, вроде А. Орлова (на всероссийской конференции печатников он выступал под псевдонимом «Тверской»). Были депутаты прямо настроенные против партии и склонявшиеся к освобожденцам—Горшков, Васильев-Северянин. Любимцев был одним из влиятельных выборщиков—соц.-демократов. Он принимал участие в выделенной выборщиками комиссии по организации союза и, вместе с Тенсом, был докладчиком на общем собрании депутатов. Весной по болезни он должен был уехать из Питера и уже не принимал участия в происходившем летом организационном оформлении союза.

Во всяком случае, в подготовительной работе по организации союза Любимцев принимал очень близкое участие и заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов, — тем более, что историк Петербурского профессионального движения В. Гриневич о нем не поминает вовсе [1]).

18-ти летним наборщиком в 1894 году Ив. Мих. Любимцев примкнул в Нижнем к социал-демократическому движению; в 1896 г. был арестован и после двухлетнего почти тюремного заключения был выслан в Мензелинск на три года. После ссылки поехал в Киев и там скоро и надолго опять засел. Не долго после амнистии 1904 г. поработал он в Питере. Профессиональная болезнь, обостренная тюрьмами — чахотка заставила его уехать в деревню, а затем в Крым. Вернулся он в Питер летом 1907 г. совсем инвалидом и не в силах был принимать участие в работе. Но, все-таки, поместил несколько статей в журнале печатников под проникнутым горечью псевдонимом «Инвалид». Весной 1908 г. уехал из Питера и скоро умер. Любимцев был человеком большого размаха, с значительными теоретическими знаниями и незаурядным природным умом. Тюрьма и болезнь слишком рано вырвали его из рядов пролетарской армии, в которой он при более благоприятных условиях занял бы, конечно, должное место.

О профессиональном движении печатников я знал только со слов Любимцева. Сам я партийно работал в Невском районе. Здесь с первых же шагов пришлось столкнуться с живым наследием выборной кампании в комиссию

---

[1]) Есть упоминание о нем у Прокоповича „К рабочему вопросу в России". Некролог Любимцева был в „Жизни печатника".

Шидловского в лице выборщиков, сохранивших свои полномочия и превратившихся в фабрично-заводские комитеты и после ликвидации комиссии. Почти вся текущая работа меньшевистской партийной организации—за исключением пропагандистских кружков—переплеталась тогда с коллегиями делегатов-выборщиков и опиралась на них. Не менее велика была роль заводских выборщиков, как предшественников профессионального союза металлистов: вплоть до 1906 г. фабрично-заводское представительство заменяло профессиональный союз, а затем служило исходным пунктом для его организации. На фабрично-заводское представительство опирались и первые попытки организации союза весной и летом 1905 г. Вот почему стоит несколько подробнее остановиться на этой форме рабочей организованности, из которой в октябрьские дни вырос Петербургский Совет Рабочих Депутатов [1]).

Наиболее прочное и жизненное фабрично-заводское представительство развилось за Невской заставой из коллегий выборщиков на Семянниковском и Обуховском заводах. Слабее оно было на Александровском заводе. Текстильные фабрики — Паля, Максвеля, Торнтона — сохранили только кое-какие остатки его. Заводская администрация, конечно, косо глядела на рабочее представительство. Вынужденная под давлением рабочих признать его, она пыталась на основании полицейского закона о фабричных старостах одновременно и легализовать рабочее представительство, и урезать его полномочия, и ослабить связь с массой. Рабочие дали энергичный отпор вожделениям администрации. На Александровском заводе состоялся по этому поводу ряд собраний в «Яме»; предложение о выборе старост было отвергнуто. Иначе поступили семянниковцы. Они пошли на выборы, но произвели их на основе всеобщего избирательного права, не считаясь с законом о старостах, а затем заявили, что иных старост они не признают. Администрация поморщилась, но уступила требованиям рабочих. Для заседаний старост была отведена столовая. На Обуховском заводе бывшие выборщики полуофициально признавались администрацией и без перевыборов.

Заводское представительство за Невской заставой об'единило и выдвинуло целый ряд выдающихся рабочих. На Обуховском заводе во главе представительства стоял П. А. Злыднев, пользовавшийся громадным влиянием на заводе среди рабочих; он принимал участие во всех в то время нередких переговорах с заводской администрацией, которая очень считалась с его мнением. В дни свободы Злыднев, игравший очень видную роль в Петербургском Совете, входил в президиум, участвовал в делегации к Витте; на него же возлагались ответственные выступления на суде над Советом. Родом с Брянского завода,— тогда за Невской заставой работало много брянских рабочих—Злыднев был членом меньшевистского районного комитета, но мало интересовался мелкой повседневной партийной работой. За то во всяком открытом массовом выступлении он был всегда впереди и умел связать его с основной политической

---

[1]) Некоторые факты были приведены мною в статье: „Как возник союз рабочих по металлу“ в сборнике „Материалы о професс. организации металлистов“. С.П.Б. 1908 г.

задачей момента и использовать для укрепления организации массы. Всегда тесно связанный с массовым движением, Злыднев не бежал из ссылки, полагая, что нелегальная жизнь в России не позволит ему работать в массе и умер в Сибири еще сравнительно молодым в зиму 1913 — 14 года [1]).

Среди старост Семянниковского завода были представители различных течений и взглядов. Наиболее выдающимися старостами были меньшевик Гудков, большевик Цыцарин и беспартийный Макеев, по своим умеренным взглядам близко стоявший к программе «союза освобождения». На фабрике Паля большим влиянием пользовался выборщик Богданов, — слесарь, меньшевик, впоследствии видный партийный и профессиональный работник.

Фабрично-заводское представительство 1905 года нельзя было втиснуть в узкую скорлупу заводских дел — не такое было тогда время. Старосты и депутаты стояли во главе политических выступлений, являясь одновременно и представителями и руководителями рабочей массы. Расскажу о двух таких выступлениях, имевших место за Невской заставой и связанных с фабрично-заводским представительством.

В апреле директор департамента торговли и промышленности Ланговой пригласил нескольких старост Семянниковского завода, вручив им кипу законопроектов — тощий плод комисси Коковцева по рабочему вопросу и полуофициально просил их дать отзыв об этих потугах бюрократического законодательного творчества. По этому поводу состоялся ряд собраний старост в столовой Семянниковского завода. Умеренная группа с Макеевым во главе предлагала выполнить просьбу Лангового,—авось при окончательной редакции будут приняты во внимание поправки и замечания рабочих. Но большинство высказалось за предложение социал-демократов,—не входя в рассмотрение законопроектов, в резолюции подтвердить политические требования пролетариата, без предварительного осуществления которых не может быть рабочего законодательства, отвечающего интересам и стремлениям рабочих. Составленная в таком духе резолюция была проведена через собрания по мастерским и затем доставлена Ланговому. Он растерялся: «Так вот вы как... не хотите... ну, и не надо». В проведении этой кампании принимал участие, помимо Гудкова, тов. Фома — только что бежавший из Сибири романовец Коган, попавший в ссылку по делу южной партийной конференции.

Другой случай был значительно позже на Обуховском заводе. Цусима (14-го мая старого стиля) произвела большое впечатление во всех слоях населения: помню очень бурное собрание какого-то общества на Выборгской стороне, на котором было много рабочих и выступали социал-демократы с резкими политическими речами. Сильное возбуждение было и среди рабочих. На Обуховском заводе Злыднев предложил оформить его в очередные политические лозунги: «война войне», низвержение самодержавия и созыв учредительного собрания. Была составлена соответствующая резолюция, проведена по мастерским и сообщена в газеты. Прогрессивная «Наша Жизнь» испу-

---

[1]) Некрологи Злыднева в „Нашей Заре" (Вайнштейна-Звездина) и в „Рабочей Газете" (Замараева-Ильи). Оба знали Злыднева еще по партийной работе за Невской заставой.

галась резолюции и отказалась напечатать ее, пока не удостоверится, что это действительно резолюция целого завода. По призыву депутатов под резолюцией в один день было собрано несколько тысяч подписей. Газета все-таки, помнится, резолюции не напечатала. Упомянуло вскользь о резолюции только умеренно-либеральное «Слово» быв. тов. министра Федорова.

Таким образом, фабрично-заводское представительство — по крайней мере, на металлообрабатывающих заводах за Невской заставой — пустило после 9-го января глубокие корни. Но до неудачной маевки — о ней речь ниже — ни среди старост, ни среди нас, социал-демократов, не возникало мысли сделать шаг дальше и от неоформленной организации перейти к созданию профессионального союза. Социал-демократов в этом отношении предупредили левые освобожденцы с Прокоповичем во главе. Подробно об этом хождении освобожденцев «в народ» и об их эволюции в вопросе о строительстве профессиональных союзов (общерабочий союз, как член буржуазно-демократического союза союзов, союз профессиональных союзов рядом с союзом союзов, заменяющий политическую партию пролетариата; союз профессиональных союзов рядом с рабочей партией, являющейся чем-то средним между германской ортодоксальной социал-демократией и английским рабочим либерализмом), я подробно говорю в другом месте [1]). Здесь я остановлюсь только на тех фактах, свидетелем которых был.

За Невской заставой в селе Смоленском, между первой и второй станциями паровичка, была общественная библиотека; заведывал ею тогда и жил при ней известный впоследствии деятель библиотечного дела А. А. Покровский [2]). В 1905 г. он колебался между социал-демократией и освобожденчеством. Я иногда бывал у него по тем или иным делам; он оказывал некоторые услуги нашей организации. У него-то впервые я и познакомился с освобожденским проектом общерабочего союза. По этому проекту основной ячейкой организации должен был быть заводский союз. Заводские союзы через своих представителей об'единялись в районные, а районные в городские; завершением организации должно было быть об'единение городских союзов во всероссийский. Организация строилась на федеративных началах; каждый заводский союз вполне автономен, и решения высшей инстанции для него необязательны. Организация предполагалась беспартийная, но проект устава сопровождался проектом политической платформы, близкой к программе «Освобождения». Таков был первоначальный план освобожденцев, от которого они скоро сами отказались. Насколько широко были распространены среди рабочих эти проекты устава и платформы судить не могу, но у Покровского я видел их порядочное количество. А через него они одновременно с нашими изданиями шли и в рабочую среду.

---

1) Предисловие к печатающемуся сборнику материалов о первой и второй общепрофессиональных конференциях.

2) В 1906—1907 Покровский жил в Нижнем, принимал участие в местном професс движении и был одно время редактором професс. журнала „Слово ремесленика"

Печатная агитация сопровождалась устной. В конце марта или начале апреля в Смоленской школе, столь памятной для многих социал-демократов той и более ранней эпохи, Прокопович читал лекцию о профессиональных союзах. После лекции была дискуссия. От большевиков выступал Анат. Дюбуа (Александр Васильевич), от меньшевиков — только что бежавший с Печоры Сем. Лаз. Вайнштейн-Звездин (умер весной 1923 г.), примкнувший тогда к меньшевикам, с некоторыми оговорками по организационным вопросам, и пошедший работать за Невскую заставу под именем Владимира Ивановича.

Выступление освобожденцев заставило нас определить свое отношение к их затее. Полного согласия в районной организации не оказалось. Злыднев предлагал войти в освобожденческий союз в случае его основания и завоевать его изнутри; другие товарищи были против вхождения. Практического значения эти разногласия не имели, так как лекция Прокоповича ни к каким организационным результатам не привела. Только уж много позднее в середине лета запоздалое влияние освобожденческой агитации сказалось в тех прениях, которые велись на Семянниковском заводе о форме проектируемого профессионального союза. В противовес социал-демократам, высказавшимся в лице В. Гриневича, за организацию централизованного производственного союза, староста Макеев и его сторонники отстаивали тип автономного заводского союза, близкий к первому проекту освобожденцев. Их точка зрения оставила некоторые следы на носящем компромиссный характер уставе союза рабочих Семянниковского завода, напечатанном в «Бюллетенях» Московского музея труда; дальше выработки проекта тогда дело не пошло.

Чтобы покончить с освобожденцами, упомяну еще об одном эпизоде. Это было уже в первой половине июня; я партийно работал тогда за Нарвской заставой. Рабочие сообщили, что на Выборгской стороне какой-то «освобожденец» собирает по воскресеньям рабочих и ведет разговоры об организации профессионального союза. Показали и тот проект, который я уж видел у Покровского. Решили в ближайшее воскресенье отправиться к «освобожденцу» на дачу в Лесной. От Нарвской заставы добрались по Фонтанке до Невы, но здесь нас остановило известие об аресте «освобожденца». То был Хрусталев-Носарь, адвокат по рабочим делам, прошедший выборщиком в комиссию Шидловского от фабрики Чешера под именем рабочего Хрусталева и с тех пор поддерживавший связи с рабочими Выборгской стороны, главным образом, с текстильщиками. Был ли Хрусталев тогда организационно связан с освобожденцами или действовал в их духе, как одиночка, — ответ на это мог бы дать лидер левых освобожденцев С. Н. Прокопович.

Небольшое отступление в сторону. Один из обуховских рабочих-меньшевиков, — если не ошибаюсь, Петушков, — предлагал как-то пойти в ушаковское [1]) «общество механических рабочих», говоря что среди рядовых членов там наблюдается большой сдвиг влево. Предложение это тогда использовано не было, и у ушаковцев, накануне их окончательной смерти, я был

---

[1]) Организатор о-ва—зубатовец. Ушаков работал сам на экспедиции государственных бумаг.

уже весной 1906 г. в связи с организацией союза рабочих по металлу. Спутником моим был убитый весной 1918 г. на Выборгской стороне меньшевик-кооператор Васильев, в то время под фамилией Семенова работавший на Франко-Русском заводе. Ближайшего повода к моему посещению и его результатов не помню. Но от квартиры на Рижском проспекте и от бывших в ней лиц осталось впечатление полной мертвечины.

Итак, среди фабрично-заводских рабочих за Невской заставой, да и в других районах города, агитация освобожденцев в пользу создания профессиональных союзов никаких плодов не дала. Разве только с печатниками через Васильева-Северянина, а позже через отошедшего от меньшевиков Желудкова установились у них некоторые связи. Не без их прямого или косвенного влияния, повидимому, возникли одними из первых в Питере союз конторщиков, входивший в союз союзов, союз приказчиков, а может быть, и союз фармацевтов; история их возникновения подробно изложена у Гриневича. Я здесь упомяну только об одном факте. Толчком к образованию союза конторщиков послужила статья конторщика Соловьева в «Руси» — этом отпрыске «Нового Времени», усвоившем от своего родителя умение держать нос по ветру и потому в интересах кармана заигрывавшем в 1905 г. с трудовой интеллигенцией. Статья Соловьева вызвала целый ряд откликов в виде писем в редакцию. На столбцах «Руси» возгорелась полемика о задачах союза, в которой принял участие и Вайнштейн-Звездин. Так установилась его связь с союзом конторщиков, от которого он прошел впоследствии в петербургский совет. Что касается союза фармацевтов, то в мае — июне у меня стала устанавливаться связь с ним через аптеку в Лесном. Так, социал-демократы проникали и в союзы, возникшие под влиянием освобожденцев, и более или менее быстро вытесняли их и оттуда.

Возвращаюсь к Невской заставе. Настроение после 9-го января в рабочих кварталах все время было возбужденное. Пропагандистские кружки не удовлетворяли рабочих. Даже партийные заводские и районные ячейки собирались плохо. Рабочее движение рвалось из подполья на волю. То здесь, то там вспыхивали стачки. Митинги на фабриках и заводах становились обычным явлением. Массы, казалось, в любой момент готовы были выйти на улицу.

За Невской заставой толчком к уличному выступлению послужило убийство молодого рабочего Алексеева мастером Колянским на фабрике Паля (22-го марта). В ближайшее воскресенье, 24-го марта, были устроены грандиозные похороны, на которых произносились речи с призывами к низвержению самодержавия и вооруженному восстанию. Наибольшее впечатление — особенно на текстильщиц — произвела речь покойного К. М. Ермолаева (тогда Степан Степанович, позже Роман, социал-демократ меньшевик), с большим чувством говорившего об условиях жизни рабочих в капиталистическом строе. Полиция не входила в ограду кладбища. И два следующие воскресенья собирались промадные митинги на могиле убитого рабочего. Такие же демонстративные похороны были и на Выборгской стороне.

Приближалось первое мая. В этом году по старому стилю оно приходилось в воскресенье; значит, призыва к забастовке быть не могло. Мень-

шевистская группа — в то время наиболее сильная партийная организация в Питере,—опираясь на бывшие уже в марте—апреле открытые выступления масс, постановила организовать первое мая по районам открытые митинги [1]). Началась широкая агитация в массах, воздействие на общественное мнение (выступления рабочих в союзах инженеров, врачей) и т. д. Под влиянием агитации ожидалось большое рабочее выступление. Правительство держалось наготове, но, повидимому, дало лозунг не обострять положения до вооруженных столкновений.

В Невском районе митинг был назначен на Преображенском кладбище, на братской могиле жертв 9-го января. Вокруг кладбища с утра вооруженный лагерь — казаки, конная и пешая полиция. На кладбище собралось не больше 200 — 300 человек, только партийные рабочие. Остальная масса в ожидании событий гуляла по главной улице района — Шлиссельбургскому тракту.

Открывать митинг не было смысла. Решено было в стройном порядке итти с кладбища через поле в район. Пошли, запели революционные песни. В догонку помчался отряд казаков с приставом во главе. Остановились, — остановился и отряд. И так дошли до жилья; наше шествие на некотором расстоянии, не приближаясь вплотную, экскортировал казачий отряд.

Вечером на партийной явке я узнал, что та же картина была и в других районах: на митинги собрались только партийные, а массы рабочих в качестве зрителей толпились на тротуарах, ожидая, что будет. А в то же время уже на следующий день весь Семянниковский завод по окончании работы после митинга, на котором выступал Коган-Фома, демонстративно с песнями вышел на улицу и был жестоко разогнан казачьими нагайками.

Майская неудача произвела сильное впечатление и на нашу организацию, и за ее пределами. В буржуазно-демократических кругах неудача породила скептическое отношение не столько к рабочему движению, сколько к социал-демократии; отклики этого скептицизма можно найти в тогдашней легальной печати. В партийных кругах, и в России, и в меньшевистской заграничной «Искре», был поставлен вопрос о причинах неудачи. Об'яснить ее упадком революционности в рабочих массах после 9-го января не было оснований. Факты — демонстративные похороны перед маем, выступление семянниковцев 2-го мая — говорили против такого предположения. Не было оснований подобно буржуазно-демократическим кругам, говорить и о слабости идейного влияния социал-демократии: во всех выступлениях рабочая масса и выдвигаемые ею вожди и представители всегда воспринимали лозунги социал-демократии. И в то же время полного отождествления рабочего и социал-демократического движения, как показывала майская неудача, не было. Массы, не раз по своей инициативе выходившие на улицу, не откликнулись на призыв социал-демократии. Партийная организация призывала к выступлению, для которого не было почвы в массах. Очевидно, организационная связь партии с массами

---

[1]) Петербургские большевики сначала призывали к забастовке рабочих, занятых по воскресеньям (трамвайщиков, торговых служащих и т. д.), затем высказались за перенесение майской забастовки на понедельник. С-ры вообще находили неуместным призывать к „празднованию“ мая в такой боевой момент.

была слишком слаба. Необходимо, значит, прежде всего организационно закрепить свое идейное влияние, перекинуть организационные мосты от социал-демократии к стихийному рабочему движению. Другими словами, союз борьбы за освобождение рабочего класса превратить в союз рабочих, борющихся за свое освобождение — таков был наш главный практический вывод из первомайской неудачи.

В поисках организационных связей наша меньшевистская группа наряду с дальнейшим развитием неоформленных организаций признала необходимым приступить и к образованию профессиональных союзов. Первым поднял вопрос о них Сергей Иванович Сомов-Пескин в городском районе. Это был выдающийся организатор, умевший подойти к рабочим на почве их повседневных интересов. В Питере он партийно работал с конца 1904 г. за Нарвской и Московской заставами (Нарвский район), пережил 9-е января, принимал участие в переговорах с Гапоном; проводил выборную кампанию в комиссию Шидловского и все время чувствовал несоответствие между ростущим потоком рабочего движения и слишком узким партийно-организационным базисом [1]). Перейдя после маевки из Нарвского в Городской район, Сомов на собрании пропагандистов поднял вопрос о профессиональных союзах. Принятая собранием резолюция признавала необходимым для партии взять на себя инициативу в деле создания союзов. Сомовым же был поднят вопрос о профессиональных союзах и в центральной группе, которая высказывалась в том же смысле, как и пропагандисты городского района. Интересно отметить, что состоявшаяся в конце апреля всероссийская конференция меньшевистских организаций также вынесла резолюцию об организации профессиональных союзов [2]). В Петербурге вопрос был поставлен и решен независимо от конференции.

От слов сейчас же перешли к делу. Самому Сомову не удалось поработать в новой области: через несколько дней он был арестован и просидел до октябрьской амнистии. В короткие дни свободы Сомов принимал живое участие в профессиональном движении и был председателем Центрального Бюро профессиональных союзов. Но в начале января был опять арестован во втором Исполнительном Комитете Совета вместе с Парвусом, выслан в Сибирь, с дороги бежал заграницу и с тех пор в Россию не возвращался. В Париже Сомов отошел от социал-демократии и стал синдикалистом. Конкретных директив по организации профессиональных союзов наша группа не дала. Приходилось итти ощупью в этом деле. После первого мая произошла большая перетасовка партийных работников. За Невскую заставу в Семянниковский подрайон пошел работать Ю. Ларин. Там он поднял вопрос об организации партийно-профессионального заводского союза. Повидимому, этот союз по плану Ларина должен был заменить и партийную организацию. Но в его состав могли входить все рабочие, а не только социал-демократы. Здесь уже

---

[1]) См. его интересные воспоминания в „Былом“ за 1907 г.

[2]) Заседавший одновременно с ним большевистский с'езд вопроса о профессиональном движении не рассматривал, но в большевистской печати того времени ему уделялось достаточно внимания. См. мое предисловие к Сборнику материалов о первой и второй конференциях. П. К.

в зародыше имелись те элементы «широкой рабочей партии», с проектом которой Ларин выступил в печати в 1907 г., во время дискуссии о рабочем с'езде.

Я после маевки перешел из Невского в Выборгский район. Здесь как раз началась забастовка на металлических заводах Лесснера, Эриксона, Барановского и некоторых других. Борьба шла за 9-ти часовой рабочий день. Руководителями забастовки были, разумеется, социал-демократы, в том числе меньшевик Комар, впоследствии видный член Совета Рабочих Депутатов, большевик Шотман,—Петроградский делегат 2-го партийного с'езда. Был ли то правильно выбранный забастовщиками стачечный комитет или инициативная группа, взявшая на себя руководство забастовкой, — сейчас сказать не смогу; вернее всего нечто среднее между комитетом и группой. Руководители собирались ежедневно, обыкновенно в Сосновке за Лесным. Бывал не раз на их собраниях и я. Помню одно из них, разогнанное конным патрулем; пришлось спасаться от него в болото, куда не пошли лошади всадников. Забастовка, затянувшаяся недели на две, кончилась неудачей. Между заводчиками состоялось соглашение не уступать требованиям рабочих. Крупные казенные заводы, имевшие уже 9-ти часовой рабочий день, не поддержали бастовавших товарищей. Но эта неудача вплотную подвела передовых рабочих Выборгской стороны к вопросу о необходимости профессионального союза; неоформленная организация оказалась недостаточной для борьбы с организованными заводчиками; районная замкнутость, оторванность заводов Выборгской стороны от других районов города была одной из причин поражения, рабочих Металлистами-меньшевиками Выборгского района сделана была попытка созвать собрание по вопросу о союзе и пригласить на него представителей других районов. Собрание было назначено в лесу за Полюстровым, но оказалось малолюдным и слилось с партийным собранием Василеостровского района. Других попыток, кажется, не делалось в ближайшее время, а там бурный ход событий снял на некоторое время вопрос и вовсе с порядка дня.

Расскажу еще об одном событии, имевшем отношение к вопросу о профессиональных союзах. В конце мая или начале июня какой-то проходимец, по фамилии Джани, устроил в городской думе собрание на тему об организации желтого «общества труда». На собрание пришло много рабочих. Маска с устроителя была сорвана и он совершенно оттерт в сторону. Председателем собрания был избран Хрусталев. Началась дискуссия о профессиональных союзах. От меньшевиков за организацию союзов очень удачно говорил Смирнов, студент духовной академии; в то время крамола заползла и в это богоспасаемое учреждение, и мы несколько раз устраивали собрания пропагандистов в приемной академии в Александро-Невской лавре; в лавре же обучалась стрельбе и одна из меньшевистских боевых дружин. Против своевременности организации союзов выступал большевик, староста Семянниковского завода Цыцарин.

Таковы были первые неуверенные шаги Петербургской меньшевистской организации в области союзного строительства. Был в них и некоторый разнобой: Ларин за Невской заставой поднимал вопрос о заводском партийно-профессиональном союзе, мы на Выборгской, учитывая опыт неудачной стачки,

уже подходили к вопросу об организации общегородского беспартийного союза. Скоро, конечно, уроки жизни сгладили бы эти расхождения и помогли бы выработать общие директивы. Но со второй половины мая началась сплошная полоса провалов — дело рук приехавшего из-за границы с хорошими рекомендациями Николая Золотые очки (провокатора Доброскокова). Вслед за Сомовым сел на явке Коган-Фома и с ним ряд товарищей с Невского района; провалилось собрание пропагандистов Выборгского района, в том числе и выступавший в городской думе Смирнов. Наконец, арестована была на квартире Денисевича на Мойке (как раз против тогдашней охранки) и наша центральная группа, собравшаяся слушать доклад своих делегатов Хинчука и Панина о всероссийской конференции меньшевиков; случайно уцелели от группы только я и Гутерман (Александр Иванович). Эти провалы на время расстроили наш партийный аппарат и несколько задержали работу по организации профессиональных союзов.

Последние недели в Питере я партийно работал в Нарвском районе. К вопросу о профессиональном строительстве здесь подойти не пришлось; на первую очередь партийными рабочими был выдвинут вопрос о взаимоотношениях между большевиками и меньшевиками. В это же время за Невской заставой началась стачка квартиронанимателей; отсюда стала перекидываться она за Московскую и Нарвскую заставы. Жилищные условия в рабочих кварталах за заставами были особенно плохи; жилищное строительство отставало от роста населения и домовладельцы имели возможность неимоверно эксплоатировать квартиронанимателей, а через них, и комнатных и коечных жильцов. На почве жилищного кризиса и возникло стихийное движение против начавшегося повышения квартирной платы; рабочие постановили не платить прибавок, а в случае выселения через суд — квартиры об'являть под бойкотом. К сожалению, не помню подробностей об этом движении. Повидимому оно быстро кончилось неудачей.

За полгода я побывал в трех крупных районах петербургской металлообрабатывающей промышленности; каждый из них имел свою бытовую физиономию. При их сравнении прежде всего бросался в глаза различный уровень материальной культуры и вообще условий жизни рабочих. Зависело это отчасти от состава рабочих, отчасти от квартирных условий. Лучше всего жили высококвалифицированные и хорошо зарабатывающие металлисты Выборгской стороны — с таких заводов, как Лесснер и Эриксон. Среди них было немало финляндцев, эстляндцев и латышей, привыкших на родине к лучшим условиям жизни, да и квартирная нужда не была на Выборгской стороне так остра, как за заставами. За ними шли рабочие Обуховского завода, разница между ними и семянниковцами резко бросалась в глаза. Еще хуже были условия жизни путиловцев, среди которых было особенно много неквалифицированных рабочих. Никакому сравнению с металлистами не поддавались квартирные условия текстильщиков, по крайней мере с фабрики Паля. Палевцы жили на вольных квартирах большими артелями в неимоверной тесноте, при которой даже при желании нельзя было бы соблюдать элементарные требования санитарии и просто чистоты.

Во второй половине июня усилившаяся слежка заставила меня уехать из Питера. Тем временем стали приезжать новые партийные работники, в том числе и Гриневич-Коган. Он приехал уже после меня. С его приездом вновь двинулась работа по организации союзов. На Семянниковском заводе был заново поставлен вопрос о создании союза металлистов; дело не пошло дальше выработки устава. Продолжал оформляться союз печатников. Стали образовываться союзы среди ремесленных рабочих. Об этом периоде подробно по личным воспоминаниям рассказывает Гриневич в своей истории профессионального движения в Петербурге («Образование» 1907 г.). Но было бы желательно выяснить обстоятельнее один вопрос: насколько образование профессиональных союзов среди ремесленных рабочих шло по их собственной инициативе и насколько имела место инициатива социал-демократии и в чем проявлялось ее воздействие. Во всяком случае ко дням свободы, кроме ранее возникших союзов печатников, конторщиков, приказчиков и фармацевтов, было и несколько союзов ремесленных рабочих. До дней свободы было заложено основание и петербургскому центральному бюро (профессиональному совету). Не создалось союзов только среди фабрично-заводских рабочих металлистов и текстильщиков, продолжавших удовлетворяться пока не оформленными об'единениями через старост и депутатов.

Глава II.

В Москве в 1905.

Сормовские митинги; Тан.—Союз типо-литографских рабочих в Москве.—Попытки союзного строительства.—Совет депутатов ленточных фабрик.—Сентябрьская забастовка печатников.—Стачечное движение и собрания депутатов пяти и шести профессий.—Союз торговых служащих.—Корпорация городских служащих.—Музей содействия труду.—Первая конференция профессиональных союзов.

Из Питера я по партийным делам поехал на Волгу — побывал в Нижнем, Казани, Самаре. В Нижний попал в интересное время: в роще под Сормовым шли ежедневные рабочие митинги. Возникали они в связи с забастовкой в нескольких цехах завода и продолжались больше месяца, собирая до тысячи и больше народа из Сормова и города. Обычно в начале делался и обсуждался доклад о ходе забастовки, а затем переходили к речам на текущие темы, после, когда запас тем стал иссякать, стала систематически излагаться программа Р. С.-Д. Раб. Партии. Были кажется, дискуссии с социалистами-революционерами. Я говорил на митинге о петербургском рабочем движении и партийной работе 1905 г. Тема эта, повидимому, заинтересовала партийных рабочих. Помню, как Л. Командин, провожая меня на ночевку, расспрашивал по дороге о подробностях постановки работы в Питере. Это была последняя моя встреча с ним. Недели через три он был убит в городе во время организованного губернатором Унтербергером черносотенного погрома, которым закончилась эра сормовских митингов: сормовская боевая дружина приехала в город оказать противодействие черносотенцам; в бою с ними и погиб Командин.

Незадолго до меня был в Нижнем Тан-Богораз, совершавший турнэ по Волге (кроме Нижнего, он был в Костроме и, кажется, в Казани и Самаре). Действовал ли он по поручению освобожденской группы или за свой страх и риск, но везде он выступал с пропагандой освобожденской политической платформы и освобожденских союзов и везде терпел фиаско. В Нижнем он выступал в городе в клубе и в Сормове на митинге; товарищи вспоминали, как его отделали на обоих докладах. И немудрено: после 9-го января и перед октябрем Тан доказывал, что Россия еще не дозрела до революции.

Когда я был в Нижнем, митинги целиком заполняли всю работу партийной организации. И только в июле, после прекращения митингов, был практически поставлен вопрос об организации профессиональных союзов.

В начале июля я приехал в Москву и пробыл здесь до февраля 1906 г. Незадолго до моего приезда в Москве произошел партийный раскол; образовалась особая меньшевистская организация. Она была значительно слабее петербургской; главное не было связей на крупных металлообрабатывающих заводах. Но мало по малу организация крепла; связи росли, влияние ширилось. Под руководством примкнувшего к ней социал-демократического союза типографских рабочих велась сентябрьская забастовка печатников, о которую по выражению Троцкого запнулось самодержавие накануне октября; меньшевистской же группе принадлежала инициатива в деле организации Совета Рабочих Депутатов.

Чуть ли не на второй день после приезда я, вместе с покойным И. А. Исувом (тогда Андреем Михайловичем), участвовал в переговорах с центром нелегального профессионально-политического «союза московских типо-литографских рабочих», возникшего после стачки печатников 1903 г. и в 1904 г. признавшего социал-демократическую программу, но организационно не входившего в партию [1]). Переговоры велись в роще на Филях; со стороны союза были Орлов-Круглов, Чистов и еще несколько человек. Выяснялась, главным образом, тактическая линия меньшевистской фракции. В результате переговоров союз вошел в организацию; представителем его в центральной группе был В. В. Шер (Петр Петрович).

Не пережившая кровавого воскресенья рабочая Москва летом 1905 г. еще только раскачивалась: начиналась полоса митингов, нарастало стачечное движение, перекидываясь и в отсталые отрасли промышленности.

Летучие митинги устраивались на предприятиях; пользовались для митингов и всякими другими возможностями. Социал-демократы успешно выступали на зубатовских собраниях, устраиваемых в обществах трезвости, и полиция уж стала отказывать зубатовцам в разрешениях на собрания. В августе сторонники самодержавия сделали попытку организовать свою рабочую партию. Собрание было на Поварской, в доме кондозаводства, под председательством чуть ли не предводителя дворянства Самарина. Явилась на собрание наша группа рабочих и после оживленной дискуссии, в которой видное участие при-

---

[1]) История союза подробно изложена у Шера в его „Истории профессионального движения рабочих печатного дела в Москве".

нял младший Кибрик, уехавший потом в Америку, сорвала затею реакционеров. После собрания видел его участников; гордые победой, они с большим оживлением рассказывали о ходе дискуссии и о неожиданном впечатлении, произведенном их выступлением на организаторов собрания. Помню еще неудавшийся, отчасти по моей вине, митинг в народном доме — не то в Грузинском, не то в Бутырском. Во время концерта в саду должен был выступить оратор. Я сговорился с Редкозубовым, осужденным недавно по делу Гума, и в полной уверенности, что он будет там, пошел в какое-то другое место. Редкозубов не явился. Рабочих собралось много. Не дождавшись оратора, они выстроились и с революционными песнями прошли по улице. Эта импровизированная демонстрация несколько утешила главного организатора митинга Нат. Ал. Архангельскую (ссыльно-поселенку по делу саратовской первомайской демонстрации 1902 г.), которая справедливо была раздражена неявкой оратора.

Одновременно с митингами началось и открытое или полуоткрытое организационное строительство. Шло оно в двух направлениях. Во-первых, в связи с забастовочным движением пропагандировалась идея неоформленных организаций через свободно избираемых рабочих депутатов. Во-вторых, делались попытки организовать профессиональные союзы. Оба эти направления организационной работы все чаще перекрещивались между собой. Больше того. Союзное строительство в значительной степени выростало на почве фабрично-заводского представительства и, затем, в свою очередь, укрепляло его. Но это взаимное сближение относится уже к более позднему времени — началось оно с конца сентября.

Первые попытки меньшевиков организовать профессиональные союзы в июле — августе 1905 года, были миниатюрны, по крайней мере, в бутырском и городском районах, с которым я был партийно связан. Помню попытку Н. А. Архангельской создать союз столяров; она не удалась — не потому, что первое собрание организаторов за лесными складами около кладбища за Бутырской заставой было спугнуто ночным обходом, а потому, что у нас не было почти связей на мебельных фабриках Зибрехта и Шмидта, которые как раз в это время готовились к забастовке. Помню еще попытку организации союза иконописцев, тоже собиравшихся бастовать; инициаторы забастовки и союза расписывали тогда церковь Николы Воробьина на Яузском бульваре, и я раза два лазил к ним на леса под купол для разговоров о союзе и выработки стачечных требований. Более удачно шло дело со служащими крупных молочных фирм Чичкина и Бландовых. Среди них было тогда много меньшевиков, и целый ряд молочных служили для нас явками и передаточными пунктами. До самой войны, несмотря на основательную чистку, произведенную хозяевами после 1905 г., я не раз встречал в молочных своих старых знакомых. Так вот среди чичкинцев и бландовцев возникла идея профессионального союза, и они стали притягивать к себе и служащих из других магазинов и отраслей торговли. Союз носил партийную окраску и мало чем отличался от обычной партийной ячейки. Я встретился с ним в конце августа, когда мне передал связь с чичкинцами уезжавший из Москвы товарищ. Пер-

вое собрание группы инициаторов, на котором я был, происходило за самоваром на пчельнике Петровско-Разумовской академии. Из наиболее активных участников помню Дикарева с Тверской, Голубева с Поварской, одного бландовца с Петровского бульвара, рабочего Гришу, с которым видался на квартире чичкинцев на Новой Басманной. К сентябрю в союзе было уже сотни две членов. О дальнейшей судьбе этой попытки скажу впоследствии.

Агитация за фабрично-заводское представительство началась в августе с выпуска листка: «Организуйтесь, товарищи, выбирайте депутатов». Листок был распространен в большом количестве. Агитация в связи с поднимавшейся забастовочной волной нашла разрыхленную почву. На бастовавших предприятиях не только выбирались депутаты; депутаты однородных предприятий об'единялись в Советы Депутатов.

Первый такой Совет Депутатов возник у ткачей-ленточников. В Москве было три ленточных фабрики, — Гандшина за Москва-рекой и две в Лефортове; были еще фабрички в Богородском уезде. Ленточное тканье — более квалифицированная профессия, чем обычное ткачество, и заменить ленточника необученным ткачем сразу нельзя. В августе возникла забастовка на ленточных фабриках Москвы, а потом распространилась и на богородские фабрички. Забастовщики списались с Варшавой, которая тоже примкнула к забастовке. Тогда-то, при ближайшем участии покойного Исува, и возник Совет Депутатов ленточных фабрик. Руководителем забастовки и Совета был ленточник с фабрики Гандшина Бубнов, социал-демократ меньшевик, умный, и сдержанный человек и хороший организатор; он принимал участие в организации союза ленточников, входил в исполнительную комиссию центрального бюро профессиональных союзов, в 1906 году уехал в Америку[1]). Другой член совета, Ефимов, работавший тогда в Лефортове, живет в Москве и мог бы сообщить более подробные сведения и о забастовке, и об организации ленточников. Забастовка кончилась победой рабочих. Из совета в дни свободы оформился профессиональный союз, носивший некоторый отпечаток профессиональной замкнутости квалифицированных рабочих: на ленточные фабрики не допускались ни посторонние, ни ученики, пока были безработные члены союза.

Совет Депутатов ленточных фабрик не получил широкой известности. Иное дело — Совет Депутатов от типо-литографий, организовавшийся во второй половине сентября во время знаменитой всеобщей забастовки рабочих печатного дела. Брожение среди печатников было уже в августе. В сентябре начались частичные забастовки. Об'единение их в общую забастовку и почин в организации Совета Депутатов принадлежал нелегальному союзу типо-литографских рабочих. Забастовка началась 20-го сентября; главные требования были — 9-ти часовой рабочий день и повышение заработной платы. Уже на второй день движение вышло на улицу — стачечники пошли снимать рабо-

---

[1]) Тов. Ефимов, встречавшийся с Бубновым в Варшаве, иначе рассказывает о его судьбе. Арестованный в поличным в декабрьские дни Бубнов выпутался, став сотрудником охранки. Из Москвы он переехал в Варшаву; там, после участия в массовых обысках, был разоблачен и убит.

тавшие типографии. Начались уличные митинги у Страстного монастыря, на Патриарших прудах; казаки и конная полиция нагайками их разгоняла. Настроение нарастало. Чтобы не выпустить из рук руководства движением, союз организовал Совет Депутатов. Совет собирался открыто с ведома градоначальника, но без присутствия полиции, в Капцовском училище, которое дала забастовщикам либеральная городская управа. Собиралось до 200 человек. Я был на одном собрании. Поразила исключительная организованность и деловитость собрания. Председательствовал Чистов; докладывал о переговорах с администрацией Шер. На первом собрании Совета было вынесено постановление устроить явочным порядком общее собрание забастовщиков на Сенной площади в конце Владимиро-Долгоруковской. В назначенное время собралось много рабочих, не только печатники. Но из градоначальства дано было знать, что оно не остановится перед разгоном собрания силой оружия. Чтобы не срывать забастовки, руководители решили распустить митинг. Но по типографиям собрания происходили все время беспрепятственно и связь депутатов с массами не порывалась. Сплоченным ядром Совета были члены нелегального союза, но в ходе борьбы выдвинулись и новые люди (например, Котов, — кажется, из бывших зубатовцев). Такой же Совет был образован и столярами во время забастовки на мебельных фабриках; во главе его стоял большевик Николаев.

Затянувшаяся и выделявшаяся своей организованностью забастовка печатников еще сильнее всколыхнула рабочую Москву. С половины сентября началась полоса сплошных забастовок: бастовали металлисты, мебельщики, табачники, трамвайщики . . . Далеко не всегда дело обходилось вполне гладко: приходилось снимать более неподвижные фабрики. У табачников самыми боевыми были дукатовцы. Они с Триумфальной Садовой пошли снимать наиболее отсталую тогда фабрику Бостанжогло. Хозяин фабрики узнал об этом и вызвал полицию, которая набросилась на дукатовцев. «Мне, — рассказывал потом ходивший с ними меньшевик-нижегородец Василий Калашников [1]), — приходилось совсем плохо, да выручил извозчик, вывез из свалки; я — говорит — понял как ты говорил: ты социал-демократ, ну, а я социалист-революционер, мы должны помогать друг другу». Те же дукатовцы ходили снимать и рабочих брестских мастерских, на этот раз только для проформы: брестцы сами просили об этом, чтобы обезопасить себя от придирок железнодорожной администрации. Бурно прошла забастовка филипповских булочников из-за дикого вмешательства полиции.

Стачки сопровождались митингами в предприятиях, а затем политическая агитация была перенесена в стены высших учебных заведений. Накаленная борьбой атмосфера очень благоприятствовала митинговой компании. Аудитории были переполнены слушателями; в новом университете, помнится, даже от наплыва толпы погнулась лестница. Эти митинги притянули и связали

---

[1]) За организацию побега эсерок из Новинской тюрьмы Калашников попал на каторгу и покончил с собой на Амурской колесной дороге в зиму 1913-14 г.

и распыленных ремесленных рабочих, подготовив, таким образом, почву для создания в их среде профессиональных союзов.

Забастовки почти повсеместно сопровождались выбором депутатов. В конце сентября по инициативе меньшевиков сделаны были попытки организационно связать между собой депутатов отдельных предприятий и отраслей производства. 2-го и 4-го октября в Музее содействия труду на Рождественке в доме Хлудова состоялись общие собрания депутатов. На первом были представители 5 профессий в числе 32 человек, на втором — от 6 профессий 28 человек — подавляющее большинство социал-демократы. Были представлены печатники, столяры, металлисты, табачники, ленточники. На собраниях председательствовал Чистов. Заседания начинались докладами о ходе забастовочного движения. Уже первое собрание признало необходимым «об'единение депутатов по профессиям и дальше в общий Совет Рабочих всей Москвы». Собрание признало «весьма желательным и важным, чтобы и депутатские собрания по профессиям, и общий совет добились гласного и открытого существования». На втором собрании поднимался вопрос о ликвидации стачечной борьбы в некоторых предприятиях. Рекомендуя кончать стачки организованно, собрание в то же время признало «одним из средств для подготовки к дальнейшей борьбе устройство стачечных касс,— так, чтобы в них могли участвовать все рабочие»' Наряду с этим собрание подтвердило, что весьма важным является «право иметь свободно избранных депутатов и право устраивать собрания на фабриках и заводах; там, где это право уже отвоевано, необходимо отстаивать его всеми силами» [1]).

Начавшаяся через несколько дней после второго собрания всеобщая железнодорожная забастовка сняла с очереди вопрос о ликвидации экономических стачек. Но собрания эти представляют, несомненно, очень крупный интерес. С ними преемственно связано не только образование профессиональных союзов, но и создание Московского Совета Рабочих Депутатов. Многолюдное собрание депутатов в техническом училище 15-го октября является не только прямым предшественником совета, но и продолжателем собраний 2-го и 4-го октября. Но об этом после. Раньше придется вернуться еще к некоторым событиям, происходившим в сентябре.

Стачечное движение, особенно забастовка печатников а затем митинговая компания сильно расшатали полицейские рогатки. Движение все больше принимало открытые формы, не стесняясь законами и не считаясь с фактическими запретами. Я говорил выше об организованном чичкинцами и бландовцами профессиональном союзе торговых служащих. В сентябре мы решили перенести собрания союзного центра из подгородных рощ в город. Собрались первый раз в ресторане над пассажем на Лубянской площади. Оказалось, в соседнем кабинете собралась другая инициативная группа торговых служащих. Мы об'единились. Получилось довольно большое собрание, смутившее хозяина ресторана. Но он не дерзнул вмешаться. Начались переговоры о создании общего союза. Продолжались они в ресторане Гладышева на Триумфальной Садовой—там, где в 1918—1919 г.г. помещался союз печатников.

[1]) Резолюции собраний напечатаны в „Бюллетенях Музея Труда".

Переговоры увенчались успехом; в стороне осталась только небольшая группка, попробовавшая организовать параллельный союз «Маяк»; из этой затеи ничего не вышло. Так было положено начало московскому союзу торговых служащих «В единении сила», основное ядро которого под разными названиями дожило до революции 1917 г. Тогда выдвинулись и первые работники союза — Кошкин, Гринберг, Климов, Суслов, Шапошников. В выработке первого устава и вообще в организационной работе союза принимал участие заграничный студент Веров-Граве. По открытии высших учебных заведений для митингов, организаторами союза повелась широкая агитационная кампания. Многолюдный митинг в Межевом институте 18-го октября можно считать учредительным собранием союза.

Во второй половине сентября началось и движение среди городских рабочих и служащих. Первые забастовали трамвайщики (на линии и в парках). Тогда же городскими служащими была сделана попытка создать профессиональную корпорацию — нечто среднее между неоформленной организацией и профессиональным союзом. При этом предусматривалась возможность создания такой же корпорации рабочих и об'единения обеих корпораций в общую корпоративную организацию рабочих и служащих. Но с первых же шагов этот план включил в себя вопиющее неравенство в отношениях между служащими и рабочими и этим сам вырвал у себя почву под ногами. «Корпоративная организация городских рабочих — говорилось в уставе корпорации служащих — входит в состав общей корпоративной организации всех служащих и рабочих на основаниях, определяемых по общему соглашению собрания делегатов рабочих и общего собрания служащих», т.-е. для служащих устанавливалось прямое, для рабочих—двухстепенное голосование. Согласиться на это рабочие не могли. Корпорация служащих все-таки образовалась — она провела всеобщую октябрьскую забастовку. Председателем корпорации был служащий в управе отставной генерал Аверьянов. В декабрьские дни старик был за это лишен по царскому приказу пенсии и мундира

Образование корпорации началось с групповых собраний. Я был на одном из них — у школьных сторожей. В нашу организацию входил очень толковый и развитой сторож, — Федор, (из школы на Смоленском или Зубовском бульваре). В школьном здании не раз собирались наши партийные собрания. Он-то заранее сколотил группу сторожей; на предварительном собрании в Дорогомиловской школе были выработаны требования и план действий. Затем этот план дружно проводился спевшейся группой на общем собрании школьных сторожей в Домниковском училище. Речи то и дело с экономики сбивались на политику, несмотря на противодействие председателя собрания бывшего социал-демократа, а потом зубатовца Федора Игнатьева [1]). Помню

[1]) Я знал Игнатьева с половины 90-годов Он работал тогда на заводе Гужона, был связан с социал-демократами, но занимался главным образом распространением в большом количестве легальных книг. Умеренный культурник по взглядам, он в поисках легальной деятельности пошел в зуботовское общество и там играл активную роль. За участие в зубатовщине потерял место на заводе и служил школьным сторожем, в одной из рогожских школ. Недавно умер.

хорошо это собрание по резко враждебному отношению собравшихся к учителям и учительницам: всякий выпад против учительского персонала встречался аплодисментами.

Был я раз и на общем собрании городских служащих в большой зале городской думы. Председательствовал, кажется, В. Г. Михайловский. Во всяком случае он выступал на собрании в очень примирительном духе, стараясь наладить добрые отношения между служащими и управой и убедить управу в безобидном характере устраиваемой служащими корпорации. Такое впечатление произвела на меня, постороннего слушателя, речь Михайловского, совершенно несоответствовавшая тогдашнему боевому настроению.

На этом собрании я встретился с петербургским наборщиком И. З. Желудковым. Зимой 1905 года он входил в нашу петербургскую организацию; после первого мая стал отходить от нее и сближаться с освобожденцами; перед первой думой вместе с П. Б. Струве выпускал в Питере либеральную рабочую газету. Летом 1905 г. Желудков принимал близкое участие в союзе печатников и в связи с вопросом о созыве с'езда рабочих обществ [1]) был петербургскими союзами послан в Харьков и Москву. В Харькове инициатор с'езда — харьковское общество взаимопомощи — при участии петербургского делегата организовало центральное бюро по созыву с'езда и постановило в помощь себе образовать областные бюро в Питере, Москве и Поволжьи. Для организации такого областного бюро Желудков и приехал в Москву. С этой целью должно было на-днях состояться собрание в Музее содействия труду. Кажется, он меня туда и пригласил. Во всяком случае, об этом собрании я узнал совершенно случайно.

24-го сентября я был первый раз в Музее содействия труда в качестве представителя союза служащих Чичкина и Бландова. Вступительной речи председателя Муравьева о целях собрания я не слышал, когда я пришел, шла уже дискуссия о профессиональных союзах. От меньшевиков выступали: Шер, Исув и я, развивая положения резолюции нашей общепартийной конференции. От большевиков выступал Станислав Вольский (пом. прис. пов. Соколов) — тогда лучший большевистский оратор в Москве. Помнится, Вольский отстаивал положения, формулированные в только что появившейся в «Пролетарии» статье Борисова: «Марфа и Мария могут быть сестрами, но им незачем быть сиамскими близнецами; союзы могут научить пролетариат ведению хозяйственных дел, но зато могут отучить его от диктатуры». Необходимость организации союзов доказывал покойный М. Г. Лунц, тогда член литературно-лекторской группы при большевистском комитете и товарищ председателя Музея труда. В результате дискуссии было принято постановление выпустить к рабочим призыв организовать профессиональные союзы. Для составления листка была выбрана комиссия из Лунца, Желудкова и меня. Листок был напи-

---

[1]) Подробнее о Желудкове и с'езде рабочих обществ в моих примечаниях в печатающемся сборнике Истпрофа: „Первая и вторая конференция профессиональных союзов" (изд. ВЦСПС).

сан Лунцем, проредактирован у него на квартире в день похорон ректора университета Трубецкого (я от Лунца попал прямо на противоправительственную демонстрацию, в которую Москва превратила эти похороны). Был ли листок напечатан — не помню.

Второе собрание музея труда 1-го октября было посвящено организации областного бюро. Я на нем не был, но принимал участие в один из следующих дней в частном совещании на квартире Муравьева, где подверглась коренному пересмотру выработанная харьковцами программа с'езда и довольно радикально переработан и его устав.

6-го и 7-го октября состоялись совещания, в которых принимали участие провинциальные делегаты. От Петербурга, кроме Желудкова, были Прокопович и Хрусталёв; от Харькова — Евдокимов, от Нижнего — Кузнецов, Яворский и Шимборский, в декабре убитый казаками, усмирявшими сормовское восстание; от Екатеринослава были 2 меньшевика, один из них Дементьев-Басовский, участник побега искровцев из киевской Лукьяновки в 1902 г. Некоторых из них я видел в первый раз. Хрусталев скромно сидел у стенки, направо от председателя, и выступал только с небольшими репликами. В первых рядах бросалась в глаза крупная и грузная фигура Шимборского. Посланный группой сормовских рабочих, сплотившейся вокруг местного потребительного общества, он энергично и настойчиво добивался и добился таки, в виде исключения, допущения на проектируемый с'езд сормовского потребительного общества. Басовский вел определенную линию в сторону превращения с'езда рабочих обществ в общерабочий с'езд, с проектом созыва которого тогда впервые выступил П. Б. Аксельрод. Евдокимов не особенно энергично отстаивал харьковские предложения, понимая, что они уже превзойдены ходом событий; он только настаивал на допущении на с'езд рабочих обществ взаимопомощи, против которых резко выступали наиболее левые члены совещания из числа москвичей. Яворский, поддержанный коллегами-москвичами, поднял вопрос о допущении на с'езд профессиональных организаций торговых служащих, который и был решен в положительном смысле.

Два крупных новшества внесли московские совещания в план с'езда. Во-первых, к участию в нем были допущены представители неоформленных рабочих организаций, наряду с профессиональными союзами и обществами взаимопомощи. Таким образом, с'езд рабочих обществ фактически превращался в общерабочий с'езд. Да иначе и быть тогда не могло: не допустить на с'езд неоформленные организации значило бы устранить от участия в нем большинство фабрично-заводских рабочих и прежде всего металлистов, не имевших тогда профессиональных союзов.

Во-вторых, инициатива созыва с'езда была отнята от Харькова и передана Москве. Совещание возложило работы по созыву с'езда на московское центральное бюро, которое должно быть избрано представителями московских профессиональных союзов и пополнено представительством областных — харьковского и петербургского—бюро. Созыв с'езда был назначен на начало декабря; предварительно решено было созвать еще одну конференцию.

Московские совещания получили впоследствии название первой всероссийской конференции профессиональных союзов [1]). И действительно, здесь было положено начало общесоюзному об'единению во всероссийском масштабе. Надо все-таки иметь в виду, что в момент созыва первой конференци оформленных рабочих профессиональных союзов почти не было; делегатами профессиональных союзов были только питерцы; другие провинциальные делегаты были от передовых обществ взаимопомощи, с большей или меньшей быстротой и охотой только подвигавшихся в сторону профессиональных союзов. Состав наиболее многочисленной московской делегации был текучий и организационно неопределенный; в большинстве своем то были представители отдельных заводов и фабрик, в лучшем случае представители инициативных групп, приступавших только к организации союзов; были и представители нескольких обществ взаимопомощи, в том числе общества официантов, руководившего тогда стачечной борьбой трактирной прислуги.

Второе заседание 7-го октября кончилось поздно ночью, накануне начала железнодорожной забастовки. Успели уехать из Москвы только петербургские делегаты. Часть нижегородцев и екатеринославцы застряли в Москве. Наступали бурные дни революционной борьбы. О предстоящих событиях чуть не до утра проговорили мы, группа участников конференции, в ночной чайной у Петровских ворот.

---

[1]) Подробно о первой конференции и вообще о Московских совещаниях, а также о Музее содействия труда, я говорю на основании печатных источников и личных воспоминаний в предисловии и примечаниях к сборнику Истпрофа: „Первая и вторая конференция профессиональных союзов".

А. ЛЕВ.

Стачка кожевников в Кринках в 1897 г.

(Воспоминания).

В годы 1895 — 1896 среди рабочих белостокского района уже замечалось оживление рабочего движения. На каждом шагу среди рабочей массы, издавна угнетаемой и забитой, стало замечаться, что она просыпается от своего долголетнего сна и начинает организовывать свои силы для борьбы за лучшее будущее. К концу указанных лет рабочие этого района уже имели за своей спиной двухлетний опыт борьбы против цепей рабства и нищеты. В центре этой борьбы стоит Белосток с его многотысячной массой ткачей и прядильщиков. Достаточно вспомнить о знаменитой забастовке 26 тысяч текстильщиков в августе 1896 года, которая возникла из-за отказа рабочих принять только что введенные рассчетные книжки, о забастовке на табачной фабрике Яновского в июле 1896 года, в которой рабочие обнаружили много храбрости и мужества в деле борьбы за свои интересы, а также о ряде забастовок кожевников, щетинщиков, сапожников и заготовщиков. Рабочее движение уже охватило широкие массы еврейских и не еврейских рабочих этого района и в многочисленных прокламациях, летучих листках и другого рода воззваниях, всюду раздается призыв: «Встань, рабочий! Проснись вечный раб!».

Эта агитация вызывает оживленный отклик в рабочей массе и значительные группы рабочих вовлекаются в ряды борющихся и пробуждающихся к новой жизни. Борьба за 12-ти часовой рабочий день местами принимает широкий размах и ведется с большой энергией. Лозунг: «Рабочий день от 7-ми до 7-ми» становится сокровенными словами, глубоко засевшими в сознании многотысячной рабочей массы; за его осуществление ведется борьба с большой энергией.

Эта агитация в полной мере проводится также и в провинции, в мелких фабричных городках окружающего района, где производство менее крупное, зато эксплоатация тем более сильная. И вопреки зверским преследованиям царского правительства, которое при помощи целых свор шпиков и сыщиков старалось уличить руководителей забастовок, их изловить и отправить в тюрьмы и ссылку, рабочее движение все росло и ширилось, количество забастовок становилось все более многочисленным; вместе с тем, росло у рабочих и стремление к знанию и свету, а также потребность в выработке новых взглядов на свое положение. К борющейся армии рабочих всего мира присоединяются новые батальоны борцов за рабочее дело, сознающих свою солидар-

ность с рабочими всех стран, и из глубины души их со всей силой молодого энтузиазма вырывается лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Одним из пунктов пробуждения рабочей массы в этот период было местечко Кринки, Гродненской губернии, бывшее наиболее крупным центром кожевенного производства Белостокского района. Кринки было одним из фабричных местечек, где было до тысячи рабочих кожевенников и около 25-ти мелких и более крупных фабрик; на наиболее крупных фабриках работало до сотни рабочих; на самых мелких — десяток-другой. Кожевенное производство в Кринках стало развиваться еще с 80-х годов и постепенно разрасталось. Там были такие фабриканты, сыновья и внуки которых уже также вели свои собственные кожевенные предприятия. Особенно сильно развилось кожевенное производство в Кринках в течение 90-х годов; предприятия росли, как грибы после дождя. Вокруг этого производства в Кринках кормились целые стаи различных комиссионеров, агентов по покупке и продаже сырья и готовых товаров, а также прикладных материалов, необходимых для этого производства. Большая часть лавочников, ломовых извозчиков и прочего мелкого люда также были связаны с этим производством, смотрели на кожевенных фабрикантов, как на своих кормильцев, и были готовы служить им верой и правдой; то же самое относилось и ко всему аппарату духовного культа, вплоть до служителя бани. Местная администрация, начиная с пристава и жандарма, урядника истражников и кончая городским врачем и аптекарем и начальником почты — вся административная аристократия местечка — была в близкой дружбе с фабрикантами, от которых она получала частые подарки и ежемесячные взятки.

Работа по обработке кожи является одной из самых тяжелых и грязных работ среди прочих производств. Среди рабочих по обработке кожи имеются две категории: рабочие мокрого отделения, где кожи проходят первые стадии обработки, и сухого, где выработка заканчивается. Обе части работы не из легких, но наиболее грязной является мокрая работа, где приходится постоянно находиться в сырости, мокроте и грязи от разных зольных и дубильных материалов. Для этой работы необходимо в целях уменьшения вредности для рабочих, чтобы помещение хорошо отапливалось. В сухом отделении — постоянные испарения от пропитанных жиром кож, развешанных по отделениям. Работать приходится полураздетым и тем не менее рабочие обливаются потом; от постоянной жары и постоянного угара кружится голова и отравляется кровь.

Рабочий день был чрезвычайно продолжительным, с работы приходили не раньше 10-ти часов вечера, а в 5 часов утра нужно было обратно итти на работу. Постоянно грязный, истомленный и измученный — так обычно выглядел рабочий-кожевник того времени.

Эксплоатация рабочих была двойная: фабрикант обычно передавал работу поштучно мастеру-посреднику, который, с своей стороны, нанимал уже рабочих, которым он платил понедельно, с условием выполнения ими определенного ежедневного урока. Заработок рабочих был крайне низкий. Наиболее пожилые и квалифицированные рабочие при самой интенсивной работе зара-

батывали не больше 5-ти рублей в неделю; ученики зарабатывали от 50 коп. до 1 руб. 20 коп. в неделю [1]). Выполнение некоторых наиболее квалифицированных работ было доступно только детям более зажиточных родителей, которые могли в течение одного и нескольких лет содержать детей, работающих у хозяина безвозмездно, чаще всего с доплатой фабриканту около ста рублей за учение и поднести хороший подарок мастеру.

Выплата этого скудного заработка также была крайне не регулярна, раз в два месяца, и рабочим приходилось харчеваться в долг у лавочников, которые отпускали им товары втридорога. Иногда им приходилось покупать в долг у лавочников, которым покровительствовал фабрикант. Ко всему этому заработок рабочих еще уменьшался от частых штрафов, которые налагались хозяевами за малейшее опоздание на работу, порчу инструментов и т. п. Кроме этого, рабочим приходилось терпеть от мастеров, которые, как злые псы, постоянно с руганью бегали по мастерским, а иногда позволяли себе и рукоприкладство. Главным образом, приходилось терпеть ученикам-подросткам, выглядевшими обычно бледными, изможденными, с наполовину потухшим взором. Они работали тяжелее всех за ничтожные проши и с ними обходились самым худшим образом.

Кожевники Кринок сыграли большую роль в истории создания и развития федеративного союза кожевников. Отсюда вышел целый ряд героев-революционеров, которые принимали активное участие в работе бундовских, эсеровских и анархистских организаций. Забастовка Кринских кожевников в 1897 г., на которой мы останавливаем внимание читателей, явилась наиболее крупной из забастовок кожевников, предшествовавших образованию «Гарбер-Бунда» (союза кожевников).

Различными путями проникало в Кринки движение, происходившее в Белостоке: через товарищей, ездивших из одного пункта в другой, или иными способами. Уже в 1896 году существовала в Кринках ячейка сознательных рабочих, ведшая агитацию и распространявшая литературу среди рабочих. Литература получалась от Белостокского комитета, который также часто присылал своего представителя для организации и расширения работы и для проведения небольших массовок, имевших для рабочих большое значение. Этой ячейкой была организована рабочая касса взаимопомощи.

1-ое марта — день, который в те годы использовался агитаторами для различных кампаний — был проведен в Кринках с большим энтузиазмом и рабочие собрания прошли небывало успешно. В большом количестве разошлись гектографированные брошюры об убийстве Александра II, о «Народной Воле», о необходимости для рабочих политической борьбы и др. На первомайском празднике выступило двое товарищей, говоривших очень сильно и проведших лозунги о необходимости улучшения положения рабочих, сокращении рабочего дня, повышении заработной платы и т. д. Была распростра-

---

[1]) Пишущий эти строки одно время зарабатывал вместе со своим отцом 4 р. 40 к. в неделю.

нена первомайская прокламация с подписью «Еврейский Рабочий Союз» и с печатью Белостокского рабочего комитета [1]).

Агитация сознательных рабочих и слухи о победах рабочих в других городах (принесших после упорной борьбы... двенадцати-часовой рабочий день и незначительное повышение заработной платы), готовили из рабочих будущих стойких бойцов за улучшение своего положения, а некоторые зверские выходки эксплоататоров довершили это дело.

В ту зиму (1896—97 г.) умерло от скорбунки (сибирской язвы) в Кринках 15 человек и кроме того 30 человек удалось вылечить от этой болезни. Вдова одного из умерших рабочих просила врача дать ей бумажку о причине смерти мужа, для получения компенсации от фабриканта, но врач выгнал ее из дому [2]). Рабочий, требовавший от фабриканта отопления «мокрой» мастерской, так как несколько рабочих сильно заболело от сырости, был за это избит и уволен. Затем произошел возмутительный случай: мастер подозревавший одного рабочего в плохом отношении к своей работе, толкнул его головой об стену, в которой торчал гвоздь. Гвоздь вонзился в голову рабочего и тот упал в обморок. Когда мастер отказался уплатить деньги за лечение, он был притянут к раввину, который оштрафовал его на... три рубля на содержание синагоги... Инцидент был исчерпан...

Еще один случай. Некоторые из рабочих не явились на работу в виду невыплаты им жалованья, которое, кстати сказать, выдавалось тогда 2 — 3 раза в полгода. Фабрикант об'явил их «стачечниками» и передал их власти раввина. Но так как раввин присудил уплатить рабочим то, что им следует, то фабрикант обратился к помощи пристава, который и выслал из города тех из рабочих, которые оказались приехавшими из других городов.

Когда группа агитаторов уже чувствовала наличие духа недовольства, она стала все чаще и чаще проводить собрания сознательных рабочих. К тому же приезжавший часто «интеллигент» (представитель белостокского рабочего комитета) подбадривал их своими речами и призывами к подготовительным работам по организации забастовки. Тогда же была учреждена стачечная касса и проводилась кампания среди рабочих для выяснения значения забастовки. В воздухе витал призрак наступающей борьбы; число сочувствующих с каждым днем все более увеличивалось. В конце мая произошло в лесу, за городом, большое собрание нескольких сот рабочих.

Само собой разумеется, что полиция тоже не дремала. Часто до рабочих доходили слухи о крупных арестах в Вильне и Белостоке, о массовых обысках, о задержке интеллигентов и рабочих и оставлении под надзором полиции и высылке лучших активных работников. Но это, наоборот, ободряюще действовало на рабочих и служило для них вызовом к борьбе.

---

[1]) См. „Первомайская прокламация 1897 г." на стр. 243.

[2]) Любопытно заявление по этому поводу местного раввина. Когда вдова пошла к нему просить, чтобы он повлиял на фабриканта в смысле уплаты ей компенсации, раввин ей ответил: „Это должны сделать рабочие: когда у извозчика падает лошадь, то все прочие извозчики собирают ему на новую".

В тайне от мастеров и малосознательных рабочих подготовляла стачечная комиссия свои планы. Она стремилась перетянуть на свою сторону физическую силу. Из многих семей, целиком бывших на производстве (семью в 10 — 12 человек или 3 — 4 братьев не редкость было встретить на работе) особой силой прославилась семья Парце. Когда они напивались, все жители местечка бегали от них куда глаза глядят. Их-то забастовочная комиссия и задалась целью перетянуть на свою сторону и поручить им важную работу. Из многих членов этой семьи, которых я помню (Абрам, Самуил, Израиль, и еще многие), Абрам Парце отличался своей «боеспособностью». Но он очень скоро стал идейно настроенным и дисциплинированным товарищем, поддававшимся агитации сознательных рабочих. До сих пор я помню, какое прекрасное впечатление он произвел на меня в нашу первую встречу. Еще я помню из руководителей забастовки Яшку Морейне (прозвище «Утка»), братьев Барух-Эли и Бендэт Глязер, Яшку Калеку, Меера Пескер, Арку Амдуреф и др.

Собрания рабочих устраивались в лесу, причем рабочие собирались по всем правилам конспиративной техники того времени. Перед моими глазами проходит первое собрание:

Лес гостеприимно принял собравшихся и любовно обдавал их густым, крепким запахом сосновой смолы и повторял за ними гимн-«клятву» [1]) своим гулким эхом. Первый оратор говорит о необходимости забастовки. Все слушают его внимательно, с замирающим дыханием. Кончает. Слабым, но все выше становящимся голосом, говорит белостокский «интеллигент». — «Тяжела, неимоверно тяжела доля рабочего люда» — начинает он. Собравшиеся чувствуют, как в их жилы вливается свежая струя жизни и энергии. Звезды уже мерцают, когда рабочие ставят докладчикам вопросы. Они интересуются, они заинтересованы — и за ними обеспечена победа. После назначения следующего собрания, собравшиеся расходятся по домам; все полны чувства борьбы, борьбы до окончательной победы...

Но фабриканты как-то разнюхали о том, что готовится что-то, и тоже созвали свое собрание, на котором решили, что «бунтовщики должны быть избиты». Это осуществлялось обычно мастерами. Последние также сговаривались, что, в случае забастовки на какой-нибудь фабрике, мастера других фабрик посылают туда по несколько человек рабочих из своих фабрик (тогда такое распоряжение рабочим было вполне обычно).

Однажды мастер послал своего рабочего на другую фабрику на место уволенного рабочего. Тот потребовал у мастера второй фабрики «записку», т.-е. разрешение от уволенного рабочего заместить его место. Этот рабочий за «нахальство» был уволен. Но рабочие его фабрики поддержали его и забастовали.

В тот же вечер было созвано собрание, в котором участвовало свыше 500 человек. Все дружно пели «клятву»: ««Священна природа в саване свободы, прекрасна как сад с благоухающими цветами; лишь хищные звери

---

[1]) „Ди Швуэ"—бундовский гимн.

растоптали ее сокровища-справедливость и любовь, заменив их завистью, ненавистью и рабством».

Выступавшие ораторы обрисовывают создавшееся положение. Один из рабочих рассказывает, как рабочие его фабрики маленькими стачками добились своевременной выплаты жалованья. Ораторы призывают к всеобщей забастовке. Накрапывает дождь, все усиливающийся и переходящий в сильный поток, но рабочие внимательно слушают. Они выслушивают инструкцию забастовочной комиссии о порядке забастовки.

Не могу забыть картины: двое старших товарищей держат пару филактерий (богомольная принадлежность у евреев) и рабочие по одиночке подходят и клянутся, что никому не скажут ни слова, что не пойдут на штрейкбрехерство, даже наоборот, будут мешать всячески другим штрейкбрехерам и дают много других обещаний, выработанных забастовочным комитетом.

Я пишу это по прошествии 27 лет. Смешным кажется случай с «присягой». Но это было до того обычно в то время, что никто и не думал о варварстве такого приема. Христиане-рабочие также присягали в то время у креста. И действительно, рабочие верили тогда в святость такого рода присяги, как мне потом говорили старики рабочие, в том числе и мой отец.

Под дождем (лившим как из ведра) торжественно пелась песня после «присяги»: «Положа руки на сердце клянемся своею честью: на жизнь и на смерть до воссияния правды» . . .

Некоторые из рабочих расположились на мокрой траве и плакали горькими слезами. От радости или от горя? — кто знает. Не легко таким угнетенным и обиженным итти на забастовку, на большие лишения, на большую нужду . . . Или, быть может, они чувствовали избыток энергии и находили себе облегчение в слезах? . .

В понедельник утром началась забастовка. Местечко было полно оживления. Обыватели группами стояли на улицах и говорили о забастовке. Купцы, маклера, и лавочники пророчили себе же черные дни. Все были полны любопытства. Особенно суетились и разнюхивали блюдолизы и приближенные фабрикантов. Предприниматели пригласили фабричного инспектора, который не замедлил приехать. К нему стали приходить рабочие с детьми на руках, но пристав их заранее задерживал и арестовывал.

Был вызван исправник из Соколков. По дороге в местечко он встретил несколько человек рабочих и это его уверило, что за городом происходит какое-то собрание. Правда, отряд пристава задержал там несколько человек, но и те по прибытии в город куда-то делись. Тогда стали арестовывать рабочих на улице и набивать ими узкую, маленькую кутузку. Через несколько часов они были освобождены исправником и разошлись неохотно, требуя ответа «за что нас арестовывали?».

Был случай, что несколько сынков предпринимателей передали некоторых рабочих в руки полиции и последняя повела их этапным порядком в Соколки. По пути они освободились от конвоя и сами явились к исправнику. Последний выслал их по месту приписки.

Некоторые члены забастовочной комиссии находились в отлучке и собирали по кожевенным пунктам деньги для поддержки бастующих товарищей. Прибыв в Соколки, где полиция была поставлена на ноги, они были арестованы и отведены в тюрьму. Бывший среди них Абрам Парца спасся, предварительно хорошенько избив жандарма. Но остальные не назвали имени своего товарища, несмотря на угрозы полиции. После пятинедельного заключения их отправили «на родину».

Забастовочная комиссия работала усердно. Семейным рабочим она выплачивала по 1 рублю, а холостым по 50 коп. в неделю. Она созывала собрания бастующих в лесу. Были приняты все меры для охраны собраний. Однажды, на таком собрании пост заметил вдруг собаку жандарма, а за нею и ее владельца. На посту стоял Яшка-Калека. Детина здоровый и сильный, он загородил дорогу жандарму. Последний ударил его саблей. Тогда Яшка разозлился и ударил палкой жандарма в голову и тот упал, окровавленный, а народ пока разбежался по узким, забытым лесным тропинкам в разные стороны...

Денег, присланных рабочими-кожевниками, питерским «союзом борьбы» и другими, не хватало на всех. На четвертой неделе забастовка дала себя знать в образе голода. Участились случаи, когда родители выгоняли детей-«бунтарей» из дому. Особенно страдали семейные. И вот, рабочие пустились в деревни наниматься у помещиков на полевые работы с оплатой в 20—25 коп. в день. Работа была им непривычна. Но они ей радовались. И вечером, возвратясь с поля, они проходили с песнями мимо домов фабрикантов: «мол, мы и без вас свой хлеб добываем, без вас обходимся».

Фабриканты обратились к помещикам с просьбой отказать стачечникам в работе, но те ответили, что эти рабочие им нужны. Тогда фабриканты стали просить полицию не допускать рабочих к полевым работам. Они постановили уволить с общественных должностей лиц, дети которых находятся среди бастующих. Были уволены учителя, резники и другие «божьи прислужники», председатель комитета помощи бедным евреям, даже банщик (его сын был одним из активных работников). Только мотильщик Авраам-Бер (его сын тоже был среди бастовавших) был оставлен на своей должности, так как ему не нашли заместителя.

Но и другими мерами не гнушались предприниматели; так, они поймали одного рабочего и повели к исправнику. Тот стал его «агитировать». Но рабочий заявил, что он не «бунтовал», и его отпустили. Другой из рабочих был, якобы, «уличен» в том, что мешал своему мастеру. Его следователь продержал 2 недели, но за отсутствием улик отпустил.

Видя, что они ничего не сделают репрессиями, фабриканты наняли посредников для агитации среди рабочих и предложения им 13-ти часового рабочего дня (от 7-ми утра до 8-ми вечера). Но рабочие не согласились стать на работу, если не будут введены: 12-ти часовой рабочий день, еженедельная выплата содержания и увольнение мастеров.

Борьба перешла и на «святыни». Синагога, где молились кожевники, где из их же среды выбирались староста и другие распорядители, была об'явлена фабрикантами «местом собрания бунтовщиков». Вездесущий урядник пришел

им на помощь и закрыл синагогу. Но рабочие этим не смутились. Придя в субботу утром и найдя свою синагогу запечатанной, они пошли в «аристократическую» синагогу, где молились фабриканты, расселись по лучшим местам, поставили на амвоне своего служку и закрыли двери синагоги, предварительно поставив у дверей снаружи двух здоровых хлопцев, чтобы не впускали «аристократов» в синагогу. Дело кончилось вмешательством полиции.

Таким образом, ничего не помогало. Рабочие оставались стойкими, такими же, как и в самом начале забастовки. Тогда была предпринята новая мера — террор. Здоровые парни нанимались в «избиватели». Более слабых физически рабочих они избивали. Но это не прошло даром и они получали по заслугам от рабочих. Потом было нанято несколько штрейкбрехеров из тех же «избивателей», чтобы их примеру поддались все малосознательные рабочие. Но сюда вмешался один из семьи Парце, который пригрозил одному из штрейкбрехеров убийством, если он не оставит работу. Тот сначала дал отпор, сказал, что предаст его ссылке в Сибирь и т. д., но в конце концов отошел, побежденный невозмутимостью «бунтаря». Этот случай прибавил рабочим энергии и стойкости.

Кринский фабричный инспектор все время уговаривал рабочих сдаться, но напрасно. На 6-й неделе забастовки в местечко был вызван продненский губернский фабричный инспектор. Боясь его (он грозил восьмимесячным заключением за забастовку, а тем, кто согласится немедленно стать на работу — он сокращал срок до 4-х месяцев) — рабочие приходили к нему только поодиночке, когда же он предложил созвать собрание, совсем перестали к нему ходить. Необычайно потешно окончилось его посещение местечка: он собрал на улице группу подростков-рабочих и сказал им: «Что-ж! Если вы меня презираете, то я вам больше не отец и вы не мои дети»!!! . .

Все предприятия были закрыты: ни одна из предпринятых мер не сломили забастовку. Оставался единственный выход: удовлетворить требования рабочих. С большим позором фабриканты сдали свои позиции. И по всему местечку покатились радостные звуки: «от семи до семи, еженедельная выплата заработка». Эта песня долго распевалась потом народом на протяжении годов. И рабочие стали на работу.

Конец июня, июль и частично август месяцы протекли в условиях забастовки. Пришлось ликвидировать ее последствия, добиться освобождения арестованных товарищей. И вот было заявлено раввину, что если арестованные не будут освобождены, то ему предлагается своевременно убраться из местечка. Это предупреждение было уже третьим и на этот раз последним: через пару дней заключенные были выпущены и лишь один из них остался под надзором полиции.

На тему о раввине и его роли в забастовке можно было бы написать целую брошюру. Раввин у нас был хитрый, агитировал умело, с цитатами из св. писания, с примерами из жизни. Мне запомнилось одно из его обоснований: «Единение — это самое худшее, что может быть в жизни общества; представьте себе, что было бы, если бы об'единились все крестьяне: ведь хлеба бы не было для нас». Не стану больше цитировать, ибо я думаю что читатель

представляет себе как раввин агитировал, он прямо из кожи лез, он 6 раз созывал рабочих у себя на квартире. И недаром: его сын владел кожевенным заводом. . .

Несколько слов о Кринкинских фабрикантах. Важнейшим представителем предпринимателей был Нохум Аншел Книшинский. Это был человек важный на вид, с широкой окладистой бородой, патриархального типа. Его сыновья также владели кожевенными заводами. Он всегда — не только в Кринках, но и в соседних местечках — настаивал на упорной борьбе с рабочими и не допускал удовлетворения их требований. Книшинский сыграл крупную роль в истории союза предпринимателей-кожевников.

Мастера были настроены против рабочих. Они относились к ним с иронией, называли стачечниками, бунтовщиками, борцами за куриную свободу и т. д. Но если этих мастеров рабочие просто колотили при подходящем случае или прижимали к стенке, то других следовало особенно напугать. Это рабочие проделали с мастером Давидом Гродненским (по прозвищу Давид Гнида). Заманив его в пивную, Яшка Морейне (Утка), засыпал ему глаза табаком, и этот случай предостерег других мастеров от вмешательства в забастовку. Я как сейчас помню, что мастера хотели Яшку предать полиции, но мой отец в качестве посредника поставил дюжины 3 пива и примирил их.

Несколько слов о забастовочной комиссии. Лихорадочно работавшая комиссия успела многое сделать. Она связалась со многими пунктами и получила от них посильную поддержку. Всего от кожевенных пунктов, от союза евреев-щетинщиков, петербургского «союза борьбы» и Белостокских рабочих было получено до 2.000 рублей.

Следует отметить членов комиссии, которые были присуждены к двухнедельному наказанию в тюрьме, Морейне удрал в Питер и вернулся в Россию зубным врачом в 1901 г., когда его поймали и заставили отбыть наказание, присужденное в 1897 г. Он погиб в Харькове в 1919 г. во время голодных беспорядков.

Аарон Айзен (Амдурф) был в немецком плену во время мировой войны и расстрелян по приговору над участниками бунта военнопленных (бунт 69-ти). Некоторые товарищи остались у станка и из них с течением времени вышли стойкие, закаленные борцы, проводившие десятки забастовок во всем округе.

На этом я заканчиваю свои воспоминания о большой забастовке в Кринках. К другим забастовкам я вернусь в другой раз.

Первомайская прокламация 1897 г. [1])

Братья рабочие! Наступает 1-ое мая, наступает рабочий праздник. Наступает день, когда рабочие всех наций бросят свою работу и выйдут из фабрик и заводов поведать всему человечеству об их праве на лучшее существование, о своем единстве и готовности бороться со своими врагами-капиталистами и самодержавием. Во всех странах рабочие выставляют требования о расширении их политических прав и введении восьмичасового рабочего дня. Мы, рабочие, везде живем в худших условиях, мы всю жизнь трудимся, голодаем, болеем и умираем преждевременно. От нашего труда лишь богатеют наши хозяева — фабриканты, ради которых мы проливаем свой пот, которые проводят время в безделии, живут в роскошных дворцах, шикарно одеваются, посылают своих детей в школы и университеты, которые мы строим, затевают войны, на которых мы, рабочие, проливаем свою кровь, и издают вместе с правительством законы в собственную пользу — во вред рабочему люду. Везде мы, рабочие, имеем лишь обязанности, а прав—никаких; капиталисты же пользуются всеми правами и не несут никаких обязанностей.

Везде мы, рабочие, живем очень плохо, но в тысячу раз хуже других рабочих живется нам, рабам русского царя. Эксплоатация рабочего народа у нас достигла небывалого предела. Мы работаем хуже рабов и никакие законы не ограждают нас от издевательств капиталистов над нами. И если существуют такие законы, то они остаются лишь на бумаге. Рабочий день законом не ограничен и мы работаем столько, сколько заблагорассудится предпринимателю и получаем заработную плату тоже по их усмотрению.

Мы должны добиваться сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. Мы должны бороться за лучшую жизнь, но для того, чтобы умело бороться со своими хозяевами, нам нужно право открыто собираться для обсуждения своих интересов, право организовываться, открывать забастовочные кассы, устраивать забастовки и легально печатать свои издания. Но, русское правительство нам этого права не дает; оно гонит нас, преследует нас, сажает в тюрьмы наших лучших представителей. Но этого мало. Оно не довольствуется тем, что прижимает нас как рабочих, но и преследует нас как евреев. Нас за людей не считают, против нас издаются особые законы, особые ограничения. Каждый полицейский чиновник имеет право издеваться над нами. Так, до каких же пор мы будем страдать и молчать? Добром мы от своих врагов ничего не добьемся, мы сами должны все взять в борьбе, ибо мы — сила. Стоит нам лишь итти рука об руку с христианами-рабочими — у нас

[1]) См. стр. 237.

общие враги, у нас общая цель—и соединенными усилиями добьемся от капиталистов и от правительства лучшей жизни и политических прав.

В этом году первое мая будет в субботу. Мы в субботу все равно не работаем и поэтому лишены возможности оставить работу в знак солидарности с международным рабочим классом. Но, пусть каждый из нас старается привлечь к рабочему движению как можно больше товарищей и пусть доказывает малосознательным товарищам, насколько необходимо единение с рабочими других наций для того, чтобы добиться лучшей жизни и политической свободы.

Да здравствует рабочее движение во всех странах!

Да здравствует наш рабочий праздник — первое мая!

Еврейский рабочий союз в Польше.

Белостокский рабочий комитет.

А. ЛУРЬЕ.

Второй с'езд Бундовского союза кожевников.

(Воспоминания). [1])

В моей памяти, признаться, осталось воспоминание не о с'езде, а о конференции; такое название более бы соответствовало скромному составу с'езда, он происходил в гор. Гродне, на квартире одного кожевенника, Арие Посадчика. С'езд как видно из извещения о нем, проходил в атмосфере, далеко не благоприятной чисто профессиональному движению. Прежнее одностороннее увлечение «экономизмом» сменилось в «Бунде» в 1902 году диаметрально противоположным настроением, которое нашло свое выражение в резолюции пятой конференции «Бунда», состоявшейся летом 1902 года.

Последняя в своей резолюции об организационном принципе говорила, что «приноровление революционной социал-демократической организации к профессиональной борьбе может повести к сужению размаха ее деятельности и отвлекает силы от социалистической борьбы, их руководство борьбой профессиональной».

Новые же течения и настроения в «Бунде» имели ближайшее отношение к судьбе союза кожевенников, ибо последний был непосредственным созданием «Бунда». Участники 2-го с'езда были не только рядовыми участниками «Бунда», но его активными работниками, членами и руководителями его комитетов и т. д. Среди членов с'езда были участники упомянутой пятой конференции «Бунда» (Избицкий, я), которые занимались по преимуществу политической партийной работой. «Профессионалистов» в собственном смысле, т.-е. таких, которые бы занимались исключительно работой в профессиональном движении и пришли бы к нему, как к таковому, а не как к части общеполитической партийной работы, на с'езде совершенно не было.

Вот почему тот новый уклон в профессиональном движении кожевенников, который нашел свое отражение в резолюциях 2-го с'езда, не встречал на последнем оппозиции. Споры, правда, были на этом с'езде довольно жаркие, но не вокруг социал-демократического характера союза кожевенников, который, по мысли с'езда, должен был превратиться в организацию «членов,

---

[1]) Настоящие воспоминания написаны в связи с опубликованными в первом номере „Материалов“ документами о Бундовском союзе кожевников. (См. А. Лев. „На заре нашего движения“).

От редакции. Воспоминания принадлежат активному работнику „Бунда“, бывшему 1901—03 г. членом Главного Комитета Союза Кожевников, впоследствии в ссылке явившемуся участником известной второй Якутской драмы.

стоящих на точке зрения революционной социал-демократии и проводящих в жизнь ее принципы». Разногласия вертелись вокруг более крайнего течения, которое с опаской относилось вообще к какой бы то ни было, хотя бы и революционной социал-демократической, профессиональной организации, и которое, как это видно из резолюции с'езда, было в меньшинстве, прибавляю, крайне незначительном.

Как водится, на этом с'езде был избран Главный Комитет, кажется, в составе следующих пяти человек: Иосиф Избицкий [1]) (старый, ныне здравствующий активный работник «Бунда», крайне увлеченный тогда направлением «Искры»), «Абрам дер Тате» (отец Абрам, такова была нелегальная кличка тоже старого активного бундовца), кожевенник Бендет Глазер, «Алтер Высокий» (по профессии, кажется, сапожник) и пишущий эти строки.

Выборы Главного Комитета происходили в характерной для тогдашней конспирации форме. Выборы происходили тайно, по запискам, причем тайной осталось для участников с'езда не только то, кто как голосовал, но и сам результат голосования. Председатель с'езда, кажется, И. Избицкий, собрав записки, подвел итог и тайно сообщил избранным членам Главного Комитета об их избрании. Уже затем, избранный Главный Комитет выделил из своей среды одного официального представителя.

Избранному Главному Комитету пришлось почти заново начать работу по организации союза, ибо теперь можно открыто сказать то, о чем «извещение» умалчивало «из конспиративных соображений»: аресты начала 1902 г. совершенно расстроили центральное ядро союза и его работу.

Перед Главным Комитетом стояли задачи — связаться с местными кожевенными организациями, издать первый номер давно намеченного органа союза: «Борец» («Дер Кемпфер») и завязать тесные сношения с другими нееврейскими частями или отделениями союза.

Последний ведь назывался «федеративным» [2]); это должно было обозначать, что он состоит из трех отделений: русского, еврейского и польского, которые находятся между собой в федеративно-организационных отношениях. Когда, однако, мы подошли вплотную к этой стороне вопроса, то выяснилось, что создание русского отделения является лишь добрым желанием, польское же отделение находилось в состоянии зачатия и надо было возобновить сношения с его руководителями.

Мы решили начать фактическое осуществление «федеративности» нашего союза с издания органа «Борец» сразу на трех языках. Мы наметили общее его содержание, распределили между собой его составление на еврейском языке; мне было поручено вести об этом переговоры с польскими товарищами.

---

[1]) В статье тов. Лева: „Как проснулся гигант", („Пять лет". Юбилейный сборник 1917—1922) фигурирует Бейниш Избицкий, это тот же Иосиф Избицкий: „Бейниш" было его нелегальное имя. См. в той же статье характеристику „Абрам дер Тате" и др.

[2]) В статье: „1895—1917" (упомянутый сборник) вкралась неточность: там говорится, что Федеративный Социал-Демократический Союз Кожевников, как федеративный, был основан лишь в начале 1903 г., на самом же деле уже манифест 1901 г. издан от имени федеративного союза.

По указанным адресам я поехал с этой целью в Вильно, где имел беседу с юристом Козловским и некиим тов. Яном (оба были деятели польской социал-демократии), я им изложил намеченный план органа, они обещали обсудить его и приступить к делу. Впечатление у меня однако, осталось, что с польским отделением обстоит хуже, чем с нашим.

Некоторые члены Главного Комитета (отец Абрам, Алтер Высокий) стали раз'езжать по кожевенному району для фактического восстановления союза на местах, а нелегальная его резиденция была перенесена скоро в Минск. Здесь члены Главного Комитета оказались по горло занятыми политической партийной работой (в центре в Минске тогда стояла борьба с зубатовцами и с образованной ими «еврейской независимой рабочей партией»), а скоро последовали аресты и ссылка, снова расстроившие ряды союза и его Главного Комитета.

Насколько мне помнится, нами были до ареста заготовлены статьи и материалы для органа, но, оторванный в марте 1903 года ссылкой в Якутск, я не знаю, чем это кончилось.

Скажу еще в заключение несколько слов о пункте втором резолюции по вопросу о профессионально-экономической работе среди кожевников и нашем к ней отношении. Чтобы современному читателю была вообще понятна настоящая резолюция, я должен сказать несколько слов о состоянии профессиональной борьбы еврейских кожевников в то время. Стачки и экономическая борьба имели уже довольно давно место в тех пунктах, где сосредоточивались еврейские кожевники, и надо сказать, что в первые годы текущего века последние добились в целом ряде пунктов больших завоеваний в смысле сокращения рабочего дня и повышения заработной платы.

Положение, однако, оставалось крайне неустойчивым: крупные фабриканты и мелкие хозяйчики выжидали удобный момент, чтобы отнять завоеванное, а об'ективные условия как будто подготовляли наступление такого моемнта. Технические изменения в производстве и отчетности, относительно хорошее положение занятых в кожевенном промысле, вызвали увеличение предложения труда в этой отрасли, и можно было опасаться, как бы рост предложения труда не был использован капиталом в борьбе с трудом. На этой почве стали развиваться те узко групповые экономические требования, о которых не раз упоминает «Извещение о с'езде». В частности намечались тенденции борьбы против ученичества: последнее стремились так сильно ограничить, чтобы сохранить предложение рабочей силы на определенном твердом уровне.

Бундовские организации вели усиленную борьбу против этих узко-цеховых и утопических тенденций, но не всегда достаточно успешно. Я помню, как в Белостоке, кажется, летом 1902 г. мне пришлось в качестве работника местной организации кожевников вести долгую и упорную борьбу против таких тенденций. Белостокские кожевники (еврейские) представляли тогда хорошо организованную массу. Довольно многолюдные сходки (группы руководителей) имели в своем составе несколько солидных рабочих, далеко не новичков в смысле профессионального и даже политического воспитания.

Сходка собиралась, разумеется, нелегально, но аккуратно каждую субботу (день отдыха от работ) часто в лесу около городка. И вот здесь в течение нескольких недель мои доводы разбивались об один ответ, что отказ от ограничения ученичества грозит крушением всем завоеваниям...

На с'езде в Гродно, часто возвращались к этим вопросам, сообщалось с разных мест о конфликтах между различными групповыми требованиями и интересами рабочего класса в целом. В связи со всем этим и возникло своеобразное решение с'езда «создать комиссию, которая бы выработала нормальный устав в духе социал-демократических принципов, для урегулирования всех экономических отношений внутри профессии».

Инициатором этого предложения был Лану-Гожанский («учитель»), который, кажется, представлял на этом с'езде Ц. К. «Бунда». Он недавно вернулся из ссылки, был полон энергии и оригинальных проектов: цеховые устремления рабочих он надеялся парализовать при помощи «кодекса профессиональной справедливости»...

Насколько мне помнится, комиссия к своей работе не успела приступить.

Добавлю еще следующее: от «Извещения о с'ёзде» может местами получиться такое впечатление, что «союз», — вернее группа активных его работников, — собиралась оторваться от массовой работы, замкнувшись в кругу активных революционных социал-демократов. На деле было совсем другое: наши раз'ездные работники устраивали на местах широкие массовые собрания, где они пытались привлечь внимание отсталых рабочих к «союзу».

Лично я участвовал в Белостоке на большом собрании кожевников, где отпраздновали возобновление деятельности «союза». На частной квартире, битком набитой далеко не одними только революционными соц.-демократ., сделано было сообщение о с'езде и о задачах «союза». Задачи «союза» были намечены широко в духе борьбы за социализм и, раньше всего, за свержение самодержавия в России.

И когда по окончании речей среди облаков густого дыма и под звон пивных кружек стали собирать деньги в кассу союза и в помощь арестованным его работникам, я почувствовал, что это их союз, — союз широких масс еврейских кожевников...

Г. МАТВЕЕВ.

Московский союз рабочих-металлистов в 1906-07 г.г.

(По личным воспоминаниям).

В средине апреля 1906 г., на квартиру одного из рабочих завода Добровых и Набгольц, на котором в то время я работал в качестве токаря, пришел организатор районного комитета социал-демократической партии и на происходившем заседании заводского партийного коллектива сообщил, что «завтра, в воскресенье, 16-го апреля, состоится второе собрание инициативной группы по созданию союза металлистов [1]). На этом собрании, которое будет происходить на Мясницкой, в д. Сытова, должны присутствовать по два представителя от каждого завода». Коллектив на это собрание делегировал меня и тов. Моисеева.

Громадное светлое помещение второго этажа дома Сытова было уже наполнено рабочими, когда мы туда пришли около часу дня. Около стола—единственного, кажется, во всем еще не законченном отделкой помещении,—сидел русый интеллигент, оказавшийся, как я узнал позже, А. М. Никитиным, и записывал на листе бумаги приходивших делегатов. Среди собравшихся, которых было, приблизительно, человек полтораста, были все знакомые по партийной работе.

После открытия собрания, на котором председательствовал, кажется, т. Петров, Никитин сделал доклад, в котором, помню, доказывал необходимость создания союза металлистов, отмечая, что другие профессии, в частности печатники, уже подали уставы своих союзов на регистрацию. После доклада был прочтен им же примерный устав, выработанный для организации профессиональных союзов музеем содействия труду применительно к закону 4-го марта, который и был принят собранием с соответствующими изменениями под названием «Устава Профессионального Общества рабочих по металлу Московского промышленного района». Здесь же были намечены 5 человек, которые должны были подписать устав в качестве учредителей Общества. Для этой миссии подбирались товарищи наиболее «благонадежные», т.-е. не игравшие активной роли в партийной работе и не бывавшие под арестом; сделано это было для того, чтобы не навлечь на союз подоз-

---

[1]) Первое собрание было назначено на 5-ое апреля, но не состоялось в виду малочисленности явившихся представителей заводов.

От редакции. О первых попытках организации Союза металлистов в Москве см. I-ый сборник „Материалов" (стр. 145).

рений в неблагонадежности со стороны городского присутствия, которое должно было зарегистрировать устав [1]).

Помню, это первое организационное собрание—«Сытовское», как мы его потом называли,—закончилось горячим призывом вести агитацию по заводам за вступление в образовавшийся союз, не обращая внимания на то, что из легальных соображений он назывался «Обществом».

Здесь я хотел бы несколько остановиться на настроений среди металлистов, которое предшествовало организации нашего союза. Нужно сказать, что март и апрель 1906 г. были временем, когда реакция начала себя чувствовать уже хозяином положения и все глубже загоняла в подполье почти легально существовавшие в ноябре и декабре 1905 г. организации Р. С.-Д. Р. П. Металлисты в Москве все время шли исключительно за социал-демократической партией, примыкая по преимуществу к ее большевистской фракции. Я помню, в Москве начало забастовочного движения, когда *мы с заводов* [2]) ходили останавливать другие фабрики. В образовавшемся, впоследствии, Совете Рабочих Депутатов, за исключением входивших в него интеллигентов, большинство было металлистов. Наконец, если взять период прежних годов, начиная с 1902 г., когда партия вела еще кружковую работу, на происходивших в лесу массовках приходилось встречать в большинстве рабочих с заводов. Даже зубатовщина, стараясь овладеть уже ширившимся рабочим движением, пыталась вести пропаганду по преимуществу именно среди металлистов. Я помню, зубатовцами тогда было создано потребительное общество под названием «Потребительское Общество рабочих механического производства», которое, вследствие слабости в то время партийных организаций, начало устраивать собеседования на различные отвлеченные темы. Тогда перед нами, принимавшими участие в партийной работе стала задача использовать эти собрания для того, чтобы раз'яснять рабочим истинный смысл зубатовских организаций. И мы безусловно имели большой успех. Мне запомнился один эпизод.

Это было в чайной, на Вороньей улице. На происходившее там собеседование мы привели с собой партийного пропагандиста,—кажется, это был т. Брагин,—который перед началом лекции, которую должен был читать зубатовец Красивский, попросил слова и сказал хорошую речь на тему о том, какие организации нужны рабочему классу и призывал собравшихся вступать в социал-демократические кружки. Когда после этого пришел Красивский, то ему уже не давали говорить и собравшиеся настаивали на втором выступлении нашего товарища, но его уже не было,—мы предусмотрительно вывели его через черный ход.

---

[1]) Эта регистрация в дальнейшем проделывалась нами явочным порядком. Устав подавался на регистрацию и сейчас же приступали к записи членов; если через две недели не следовало запрещения то мы считали, что союз легально существует. Я даже не помню, получался ли утвержденный устав на руки; как будто, было лишь извещение через участок о том, что такое-то общество зарегистрировано.

[2]) О т р е д а к ц и и. Под словами „Рабочие с заводов" автор здесь, как и в дальнейшем, подразумевает рабочих металлических заводов.

Словом, все данные говорят за то, что боевыми застрельщиками рабочего движения в Москве были в то время металлисты.

Правда, организационное первенство в области профессионального строительства мы уступали печатникам, среди которых преобладали меньшевики. Но у печатников не чувствовалось такого боевого натиска, как у нас, ни в защите рабочих интересов союзом, ни даже в характере происходивших у них собраний. На некоторых из них мне приходилось бывать. Везде у них сквозила такая положительность и солидность, что прямо казалось, что ты присутствуешь на каком-либо земском собрании, а не на собрании рабочих (Конечно, я говорю только о внешней стороне). В то же время у нас—металлистов—преобладал, если так можно выразиться, бунтарский дух, даже в самом характере наших собраний. Именно этот «бунтарский дух» сквозит и во всей жизни нашего союза, и именно из за него наш союз подвергался наибольшим гонениям со стороны властей.

Воспитание рабочих металлистов в таком духе надо целиком приписать большевистской фракции. Я помню, еще до «Сытовского» собрания в партии обсуждался вопрос, как строить профессиональные союзы. По этому вопросу между меньшевиками и большевиками происходил жаркий бой; спор шел об отношениях между партией и союзами и в результате было принято решение о том, что союзы должны быть беспартийными, но что безусловное влияние и руководство должно остаться за партией. Меньшевики с этим не соглашались, так как они полагали, что это должно отпугнуть от союзов широкую массу рабочих. В результате, мы впоследствии убедились в том, что принятое решение нисколько не отпугнуло масс, но зато придало союзам, в особенности, металлистов,—характер боевой пролетарской организации.

Настроение среди металлистов в марте и апреле 1906 г. было таким, что оно как бы не могло уложиться в такую, казалось, узкую организацию, как профессиональный союз. «Бунтарский дух» металлистов после пережитых месяцев революционной борьбы и декабрьского восстания как бы не мог примириться с той кропотливой и органической работой, которая требовалась для об'единения рабочих в крепко организованном профессиональном союзе. Металлистам все еще казалось, что союз металлистов должен быть такой организацией, которая может проводить собрания, вроде бывших в театре Аквариум, в техническом училище и т. п. Очень часто в первое время приходилось удерживать говоривших на общих собраниях товарищей, предупреждая их о том, что они не в Аквариуме в 1905 г., а на собрании профессионального союза.

С другой стороны, период зубатовщины был в то время еще не далек, и у многих оставался в памяти. Так, например, после «сытовского» собрания, когда мы стали агитировать за вступление в союз, мне неоднократно приходилось слышать вопрос: «а не будет ли этот союз таким, как зубатовское общество механического производства?». И первое время нужно было много затратить энергии для того, чтоб убедить рабочих, что этот союз создается самими рабочими, и что в настоящее время без организации союза мы будем биты в нашей борьбе с капиталистами, которые также уже организуются.

К моменту учредительного собрания союза, на котором было избрано первое правление, насчитывалось уже очень много желающих вступить в союз и мы, не имея еще разрешения на его открытие, начали производить запись членов.

Первое собрание союза происходило,—поскольку мне помнится,—на Калужской площади, в чайной общества трезвости, приблизительно, в середине мая 1906 г. [1]). На этом собрании было избрано правление в составе 15-ти членов и стольких же кандидатов. В число членов вошли: Петров, Матвеев, (зав. Доброва), Чуйков (зав. Гантерта), Егоров (зав. Доброва), Зайцев (зав. Грачева), Моисеев (зав. Гакенталя), Моисеев (зав. Доброва), Тарасов (зав. Чурбанова), Серов (зав. Бромлея), Немцев (зав. Ефремова). Собранием были установлены членские взносы в следующем размере: вступительный—50 коп. и ежемесячные—25 коп., а с учеников: вступительный—25 коп., ежемесячные—10 коп. Президиум правления был сконструирован на первом заседании правления, происходившем сразу после собрания; в состав его вошли: председателем т. Петров, секретарем—Серов, казначеем—Чуйков [2]).

Первое время, когда союз открыл свои действия, мы едва успевали записывать членов. При этом, так как членских книжек еще не было, мы вместо них давали квитанции, корешки которых оставались для контроля и, кроме того, записывали членов в книгу. В короткое время накопилась масса корешков и книг, которые секретарю приходилось таскать с собою в мешке, так как помещения у союза еще не было. Дежурства секретаря и членов правления было в то время организовано в той же чайной на Калужской площади, где происходили собрания и принималась запись в члены. По заводам были составлены списки членов и в первое время сами члены правления собирали с них взносы и передавали в союз казначею. Потом это перешло в обязанности делегатов.

Приблизительно, в средине июня сняли помещение для союза на Селезневской улице, угол Щемиловского переулка, дом Фирганг. Квартира состояла из 4-х небольших комнат, за которые мы платили, кажется, 35 руб. в месяц. Для того, чтобы квартира обходилась дешевле, решено было пустить в нее еще союз водопроводчиков. Это была первая квартира нашего союза. Здесь происходила кипучая работа. При этом, нужно заметить, что в союзе был только один платный служащий—секретарь, который получал какие-то гроши. Все остальные члены правления, с председателем включительно, работали абсолютно бесплатно. Скажу даже больше. Необходимые мелкие закупки (как напр., гвозди, свечи, и т. п.) производились членами за свой счет. Занятия в союзе происходили только вечером от 8 до 12 час. Скоро после переезда на квартиру на должность секретаря был приглашен тов. Шлямов, который заменил избранного ранее тов. Серова.

---

[1]) Некоторые товарищи теперь утверждают, что собрание происходило на Арбате.

[2]) Затем было избрано еще два казначея: Матвеев и Немцов; это было сделано для того, чтобы деньги союза не были в одних руках.

С первых же дней нашей оседлой жизни мы начали проводить организационные реформы. Прежде всего, нами были проведены выборы делегатов от отдельных заводов. В первое время избирался один делегат от каждого предприятия, затем была установлена норма по одному делегату на каждые 50 членов союза. В функции делегата входило обслуживание всех членов союза, его избравших. В дальнейшем, ввиду невозможности собирать часто общие собрания, законодательные функции в союзе перешли к делегатскому собранию. Делегатские собрания происходили сначала каждые две недели, а впоследствии один раз в месяц. Делегатскими собраниями в первое время обсуждались все вопросы союзной жизни, но затем на них стали ставить только наиболее важные вопросы, как напр., вопросы о созыве конференции, утверждении нового устава, о забастовках и проч. Все же остальные вопросы перешли на разрешение правлению.

Для более тесной связи союза с массой решено было организовать заводские советы. Заводские советы—это организации аналогичные нынешним завкомам. В функции их входило поддержание связи союза с массой членов союза, работающих на данном заводе, проведение в жизнь всех постановлений союза, представительство союза перед администрацией данного завода, направление на свободные места безработных по рекомендации союза, отстаивание расценок на сдельные работы, проведение стачек и т. п.

Много времени и энергии правлению пришлось затратить на обсуждение вопроса о том, как строить союзы: по производству или по профессии. Среди членов было довольно сильное течение за то, чтобы строить союз по профессиональному признаку. Так, например, модельщики указывали на то, что они должны входить в союз деревообделочников—«там, мол, лучше могут знать нашу работу и более правильно расценить наш труд». Паяльщики тоже хотели образовать свой собственный союз. Механики—тоже. Помню, мы им стрательно доказывали, что это будет очень неудобно для проведения забастовок. Рабочие одного и того же предприятия будут состоять в разных союзах и, благодаря этому, как проведение самой забастовки, так и оказание помощи бастующим придется осуществлять сразу нескольким союзам, что будет очень сложно. В конце-концов решено было строить союз по производственному признаку с тем, чтобы такие профессии, как модельщики, паяльщики, механики и электротехники выделяются в особые секции при союзе с единым правлением и единой союзной кассой.

Помню, что секционная работа проявлялась весьма мало. Так напр, было несколько собраний секции модельщиков,—кажется, по вопросу о забастовке модельщиков на заводе Вейхельта [1]). Но секции нам очень пригодились в одном отношении. Это был период очень сильных преследований против союзов и мы, чтобы не оставаться на случай закрытия союза без готового устава, решили, пользуясь легальным существованием секций, провести через присутствие несколько уставов союзов под соответствующими названиями. Таким способом, нами были проведены уставы союзов металлургов,

[1]) Для проведения этой забастовки правлением союза был командирован т. Егоров, который впоследствии сообщил, что забастовка была выиграна.

паяльщиков, механиков, и, кажется, еще какой-то.

Преследования союза со стороны власти выражались не только в частых арестах работников союза, но и в неоднократных обысках в правлении союза, причем очень часто забиралась легальная литература, журналы и листовки, которые полиция находила в союзе. Но особенно тяжело отражалось на работе союза частое неразрешение собраний, не только общих, но и даже делегатских. Согласно закону 4-го марта, о собраниях полагалось извещать градоначальство за 3 дня до назначенного срока и этим собрание могло считаться вполне узаконенным, так как никакого официального разрешения не требовалось. (Конечно, на собрании обязательно присутствовал представитель полиции, который направлялся туда градоначальством). Но так было раньше. Теперь «раз'яснили», что разрешение на собрание должно иметься на руках. Для того же, чтобы получить такое разрешение нужно было пройти все мытарства. То в заявлении не указано, кто будет выступать на собрании—градоначальство собрание не разрешает. То не указано, что будет доложено в «текущих делах»—собрание не разрешают. То не указан час, в котором собрание будет закрыто—то же самое. Одним словом, получить разрешение на собрание стало целым событием.

Но мы старались добиться их всеми возможными способами, так что иногда получались довольно курьезные инциденты. Однажды,—это было, помнится, в июле,—секретарь доложил, что он никак не может добиться разрешения на общее собрание, для которого уже получено помещение в доме Стахеева по Б. Златоустинскому переулку. Между тем, это, очень хорошее, помещение было предоставлено нам на определенный день, а в порядке собрания стоял жгучий вопрос о запрещении начинать забастовки без санкции союза. Кроме того, на этом собрании предстояли доклады о государственной думе и о проведении всех конфликтов по поводу расценок через союз. Словом, к этому собранию все усиленно готовились и его с нетерпением ждали. Тогда мы решили передать на заводы, что собрание разрешено и чтобы на него приходили к 10-ти часам утра в возможно большем числе.

Утром отправляемся на собрание, и перед нами в Златоустинском переулке открывается такая картина: весь переулок полон народом, а перед помещением стоит пристав и ждет правления, не допуская публику в помещение. Мы спрашиваем: «в чем дело?». Нам отвечают: «пристав не впускает». «На каком основании, раз получено разрешение!?»,—кричим мы во всю мочь, чтбы пристав мог слышать, и подходим к нему всей толпой. Пристав здоровается и весьма предупредительно спрашивает. «Разрешение получено?». Мы говорим: «Ну, конечно! Разве мы стали бы собирать тысячу людей без разрешения!». И пристав дает распоряжение пускать публику. Собрались. А пристав опять к нам с вопросом: «Разрешите мне номерок разрешения записать». Я кричу товарищам, собравшимся за столом президиума: «товарищи, у кого разрешение?», а те в один голос: «оно у Петрова, а его еще нет». Пристав вежливо кланяется и садится.

Мы начинаем вести собрание. Жарим без перерыва. Публика просит хоть на пять минут сделать перерыв, а мы говорим, что вопросов слишком много

и для перерыва нет времени. Сами же боимся, что во время перерыва пристав обязательно потребует разрешения. Собрание уж подходит к концу и у пристава, очевидно, иссякает терпение. Он наклоняется ко мне (я председательствовал) с вопросом: «Не попросите ли Петрова, чтобы он дал мне записать № разрешения?» Я отвечаю: «а чорт его знает, где он! Я его что-то не вижу». Пристав срывается с места и куда то бежит,—вероятно к телефону, а мы тем временем, исчерпав порядок дня, закрываем собрание и публика расходится.

Возвращается пристав, красный как рак. «Вы меня надули!»,—заявляет он. А мы совершенно спокойно и очень удивленно спрашиваем: «Что? Разве собрание не разрешено, а нам Петров сказал, что все в порядке». Пристав, чтобы не остаться в дураках перед градоначальством, просит его не подводить и не разглашать, что разрешения не было. Мы, конечно, обещали и инцидент тем был исчерпан.

Очень трудно было с подысканием помещений для собраний. Домовладельцы нас бойкотировали. Первое время еще можно было снять на вечер трактир, уплатив владельцу его выручку за вечер, а позже почти никто не хотел нас впускать. Даже общество трезвости перестало давать нам помещения. Дело дошло до того, что даже общество купеческих приказчиков, которое располагало хорошим залом в доме страхового общества Россия, и то нам отказывало. Правда, приказчиков мы брали почти штурмом. Мы им заявляли, что если они не дадут нам помещения официально, то мы все равно придем. Не будут же они звать полицию? Только так удавалось доставать помещения для собраний. А они нам были крайне нужны, так как денег у нас не хватало, и мы решили устраивать для увеличения дохода платные лекции и спектакли.

В это время союз проводил некоторые стачки: у Морица Пальма, на заводе Вейхельта и других. Кроме того, с некоторых заводов приходили делегаты за разрешением на об'явление забастовки. Публику приходилось удерживать. Мы рекомендовали им раньше об'являть требования и вступать в переговоры с администрацией в надежде на то, что она мирным путем удовлетворит хотя бы часть их. Таким образом, можно было бы избежать лишних расходов на выдачу пособий бастующим.

Требования обыкновенно вырабатывались тут же в правлении совместно с заводским советом, которому и поручалось передать их администрации.

Кроме того, в союз стали являться безработные с просьбой о пособии. Союз сначала выдавал пособия без всякой системы; так, напр., выдавались билеты в столовые, которые тогда функционировали по районам и были устроены на средства городской управы существовавшим тогда Советом Безработных. Кроме того выдавались денежные пособия: семейным по 5 руб., а холостым по 3 рубля в месяц. Впоследствии была выработана специальная инструкция об оказании помощи [1]).

[1]) Инструкция была выработана уже вторым союзом, помещавшимся в „Потаповке". Так как она нигде не была напечатана, я на стр. 265-ой даю сохранившийся у меня проект ее, принятый делегатским собранием с незначительными поправками.

Таким образом, денег было нужно много, а их не было. В поисках средств, мы и решили устроить несколько платных лекций и спектаклей. Но наши благие начинания пошли прахом. Помню, поставили спектакль («Мещане»—Горького) в чуть ли не силой захваченном у приказчиков помещении, в котором бесплатно играли артисты студии Художественного театра. Но сбор был так мал, что после оплаты расходов остались какие то гроши. Здесь еще мы все-таки расплатились как следует. Было значительно хуже, когда мы сделали попытку снять театр Солодовникова и поставить в нем оперу «Борис Годунов». Театр нам сдали за 900 рублей в вечер, причем заявили, что артисты будут играть бесплатно. При этом, по их словам, спектакль должен был дать минимум 2.000 рублей.

Мы с большой энергией взялись за организацию спектакля. С большим трудом добились разрешения на выпуск соответственной афиши и бросились распространять билеты. Прежде всего мы направились к гр. Бобринской, Шахову и другим демократически настроенным либеральным деятелям. И что же? Все они взяли по одному билету и тем ограничились, а на спектакль даже не пожаловали.Рабочие раскупили наиболее дешевые места, а все остальные билеты нам пришлось внести обратно в кассу театра в надежде на то, что в день спектакля их удастся распродать.

Часа за два до начала я пришел в кассу посмотреть, как идет продажа билетов. Сижу с кассиром, но никто к кассе не подходит. Кассир говорит, что такой плохой продажи никогда не бывает. Наконец, подходит какой-то толстяк и спрашивает: «Сегодня Борис Годунов?». Мы оба в один голос: «Да». Он просит 2 билета по 4 рубля, которые были ему немедленно отрезаны, но тут, взглянув на афишу, он заявляет, что билетов не возьмет, а лишь оплатит разрезанные уже марки благотворительного сбора. Я у него спросил, почему он отказывается брать билеты. На это последовал ответ: «Да это для рабочих. Значит будет какая-либо митинга. Еще в соучастники попадешь!».И категорически отказался от билетов.

В итоге мы собрали с продажи билетов всего 600 рублей, так что не удалось даже доплатить за аренду помещения около 300 рублей. Администрация театра заявила, что полученных денег не хватило на оплату хористов и нам пришлось ходить к хористам на общее собрание и просить их не взыскивать с нас недостающего.

Но зато этот вечер, вероятно, у многих рабочих остался в памяти. После первого акта мы сделали распоряжение, чтобы все присутствующие перешли в партер и весь театр заполнился рабочей публикой, которая, таким образом, впервые появилась в театре не на задворках.

Одним словом, все наши финансовые попытки принесли только разочарование. Не более удачным оказался и выпуск подписных листов, которые принесли тоже очень мало.

Не имея, таким образом, денег для оказания помощи бастующим и безработным союз развил широкую организацию посылки безработных на работу. Администрация заводов союза еще не признавала. Вернее не на всех заводах. Поэтому союз действовал через заводские советы, которым стави-

лось в обязанность следить за освобождающимися местами и своевременно извещать союз о необходимости посылки рабочих той или иной специальности. Союз посылал очередного в заводский совет со своей рекомендацией, а тот в свою очередь обращался к администрации завода. Эта работа была сравнительно налажена и нам удалось несколько разгрузить союз от безработных.

Созыв Всероссийской конференции.

Правлению союза пришлось поработать по созыву всероссийской конференции металлистов, которая подготовлялась на февраль 1907 г. С этой целью мы вошли в контакт с союзами металлистов в Петербурге, Баку, Саратове, Луганске, Сормове и в некоторых других центрах металлической промышленности. Для подготовительной работы правлением было избрано организационное бюро, в которое вошли т.т. Шлямов, Матвеев, Петров, Егоров и Зайцев. При подготовке конференции мы провели по нашим иногородним отделениям большую анкету о их деятельности. Эта анкета охватила 12 отделений в следующих пунктах: Павлов-Пасад, Келлерово, Киржач, Коломна, Орехово-Зуево, Тверь, Тула, Люберцы, Реутово, Брянский завод, Людиново (Мальцовский завод) и Серпухов. По сохранившимся у меня записям в этих отделениях всего насчитывалось 1590 членов союза.

Конференция состоялась в помещении нашего правления на Селезневке. Из присутствовавших на конференции помню Томского [1]) (из Петербурга), Дмитрия (Донбасс), Медовича (Петербург), Саванели (Баку), Андреевича (О. К.), Гризина (Саратов), Володиевского (Луганск).

Предметом главного внимания на конференции был вопрос о подготовке всероссийского с'езда союза металлистов [2]). Очень много времени также отняли доклады с мест, которые нарисовали состояние и работу союзов металлистов в различных городах России.

Конференция прошла благополучно, но не прошло недели с ее окончания, как в союз нагрянула полиция и целый день производила в союзе обыск. Забрав с собой массу бумаг, в том числе, кажется, и часть материалов конференции, полиция удалилась, оставив в союзе полный разгром. Одним словом, наладившаяся внутренняя организация работы союза была сломана. Мы прямо не знали с чего начать, чтобы продолжать свою работу. На специально соз-

---

[1]) Копп, ныне работающий в Наркоминделе.

[2]) От редакции: Автор определенно смешивает целый ряд деталей происходившей конференции. Дело в том, что одновременно происходило как бы две конференции: первоначально задуманная Московская областная конференция и конференция всероссийская. Это, между прочим, отразилось и на некоторых сообщаемых автором данных; так, например, подготовляя конференцию, организ. бюро проводит анкету только по союзам Московской области. Конференция таким образом приняла постановления и об организации областного союза, и о созыве всероссийского с'езда металлистов. (Интересующихся работами конференции отсылаем к брошюре под названием „Первая конференция союзов рабочих по металлу": 1907 г.). Кроме того приходится отметить неточность автора и в датах: конференция по его же словам состоялось в феврале, а закрытие союза через две недели после обыска, произведенного через несколько дней после конференции. Между тем, днем закрытия союза он определенно называет 12 февраля.

ванном собрании правления мы решили внести постановление о протесте против действий полиции и передали его присутствовавшим на собрании членам государственной думы Губареву и Мореву.

Через несколько дней после нашего протеста в союз пришло предписание от градоначальника о приостановлении деятельности союза. А это, как для нас уже было ясно,—означало предстоящее закрытие союза. И, действительно, через две недели была получена бумага от городского присутствия об обществах и союзах о закрытии союза. Итак, 12 февраля прекратил свое существование первый союз рабочих по металлу в Москве.

Второй союз.

Закрытие союза нисколько не отразилось на его организационной жизни. Оно даже было весьма мало заметно для нашей работы. Мы остались в том же помещении; пришлось лишь произвести довольно большую работу по замене членских книжек новыми, с другим названием союза и другою печатью. На очередном собрании правления мы постановили переименовать союз по имеющемуся у нас уже заранее зарегистрированному уставу под названием: «Профессиональное общество рабочих металлурго и машиностроительных производств Московского промышленного района». Все члены союза металлистов автоматически перешли в новый союз. Старое правление под видом ликвидации дел старого союза безболезненно вело работу по обслуживанию нового союза. Более того, якобы для необходимости выборов членов правления нового союза, мы имели возможность устроить грандиозное общее собрание.

Выборы нового правления решено было провести путем закрытой баллотировки и для этого всем членам союза были разосланы чистые бюллетени для подачи голоса за тех или иных кандидатов в правление, конверты для них и намеченный правлением список кандидатов в состав нового правления Членов в союзе в это время было около 5.000, из них, примерно, 2.000—как мы тогда определяли количество собравшихся,—явилось на собрание, которое состоялось в летнем саду Грузинского Народного Дома. Такое многочисленное собрание членов союза явилось единственным во всей его истории. После проведения выборов на самом собрании мы разослали урны для опускания избирательных бюллетеней на заводы—для тех членов союза, которые почему-либо не участвовали на самом собрании,—и таким образом обеспечили участие в выборах подавляющей массе членов союза.

Результат выборов был необыкновенно единодушен. Все товарищи, намеченные старым правлением, прошли почти единогласно, т.-е. в состав правления нового союза вошли, за некоторыми исключениями, члены правления старого союза. На первом же собрании правлением был избран новый президиум, в составе председателя Матвеева, секретаря Шлямова и казначея Егорова.

Скоро после закрытия первого союза нам было отказано от квартиры на Селезневке. Для подыскания нового помещения пришлось избрать спе-

циальную комиссию. Это был тогда больной вопрос нашей союзной жизни. Наши товарищи исходили почти всю Москву, нашли много свободных квартир, но никто из домовладельцев не хотел сдавать под помещение союза. Любопытны об'яснения, которые давались при отказе сдавать нам квартиру. Одни говорят: «А вдруг в вас стрелять будут? Еще весь дом разнесут», или: «боюсь, полиция сочтет за соучастников», или просто заявляли, что боятся частых посещений полиции в дом. Одним словом, союз в то время для обывателей был чем-то вроде боевой дружины, о которой было так много разговоров в октябрьские и декабрьские дни. С другой стороны, несомненно, что ими руководило полусознательное стремление всячески противодействовать и мешать организации рабочих.

Наконец, нам удалось найти помещение, которое, видимо, никто давно не занимал, ибо оно для жилья было совершенно непригодно. Это был каретный магазин с большими окнами, выходящими на улицу, в Замоскворечьи на Лужнецкой улице, в д. Потапова. На нем мы решили остановиться и сделать его центральным пунктом союза. Платили мы за него, кажется, 60 руб. в месяц.

В это время уже союз не мог из своего центрального правления обслуживать всю Москву. На ряду с иногородними отделениями нужно было открывать таковые и в районах Москвы. Конечно, с таким же трудом удавалось находить помещение и для них. Все-таки нам удалось открыть четыре районных отделения в следующих местах: 1) В Симоновской слободке, в доме Репкина, помню, была чайная, в которой нам сдали одну комнату, нечто вроде кабинета. В этой чайной мы временами устраивали общие собрания района. Обычно это делалось так, что рабочие заявляли хозяину чайной, что если он не пустит, то его будут бойкотировать. И он, хотя неохотно, но все-таки пускал; 2) в Екатерининском парке; 3) в Сокольниках, на Колодезной улице. (Это отделение жило очень недолго. Собрания района обычно собирались на Генеральной, в какой-то чайной) и 4) Замоскворецкое, которое обслуживалось помещением правления.

Управлялись все перечисленные отделения уполномоченными от правления. Кроме того существовали районные советы, избиравшиеся общегородским делегатским собранием. Были также районные казначеи, которые принимали взносы от своего района и отчитывались за них перед центром. К области ведения районов относилось ведение агитации за вступление в союз и признание его предпринимателями, ведение регистрации безработных, сборы членских взносов и т. п. вопросы. В районах часто устраивались собрания членов, на которых мы проводили наказ о проведении обязательной постановки на работу только через союз.

На Потаповке мы провели реорганизацию технической постановки дела в союзе. Ввели марочную систему для членских взносов и, кроме того, сделали попытку провести карточную регистрацию членов. Последнее, однако, нам не удалось, и члены записывались в две толстые книги, которые переходили по наследству от одного союза в другой.

Потаповка была центральным штабом нашего союза. Здесь вы днем могли встретить одного только т. Брызгалова, который был одновременно заведующим и сторожем нашей квартиры. Но вечером здесь, поистине, были «Содом и Гоморра». Сюда шли рабочие со всех районов: и безработные, чающие получить через союз работу, и заводские советы, чуть ли не в полном составе, для разбора конфликтов, происшедших на заводе, и делегации из иногородних отделений со своими недоразумениями. Здесь же происходило дежурство юриста (правда, не очень аккуратно), которого тоже осаждали члены союза по разным вопросам. К этому нужно еще прибавить, что мы для удешевления квартирной платы пустили сюда союз парфюмеров, в котором тоже бывало, хоть меньше, но все же довольно много народу. Кстати сказать, все помещение Потаповки было общей площадью, примерно, 25×25 аршин, без всяких перегородок. Только впоследствии мы отгородили два уголка для заседаний правлений обоих союзов.

И все-же в этой сутолоке работать было можно. Особенно, если принять во внимание то отношение, которое было у рабочих к союзу. Их привязанность к нему была, поистине, безпримерной. Рабочие в своем союзе находили какое-то убежище, которое как-будто бы могло их спасать от всех невзгод. Шли они сюда не только с заводскими недоразумениями, но и с чисто личными, никакого отношения к союзу не имеющими, вопросами. Например, у того отняли огород в деревне или распахали его полосу, другому отец не дает раздела, у третьего жена сбежала,—со всеми этими недоразумениями рабочие шли в союз, или, просто, шли в союз без всякого дела, так, чтобы «душу отвести». Между союзом и рабочими чувствовалась неразрывная связь. Помню, как то летом после обыска в союзе было арестовано несколько членов правления, в том числе и я, как председатель союза. Утром на другой день, как только об арестах узнали рабочие, на целом ряде заводов была об'явлена забастовка с требованием о нашем освобождении. Так, напр., у Доброва, где я все время работал, постановили не становиться на работу, пока я не приду на завод. Когда я после освобождения пришел на завод и сообщил о том, что арестованные освобождены, рабочие мне ответили: «Мы уже были у градоначальника, и он нам это обещал. Но мы ему не поверили и сказали: «пока не придет Матвеев на завод, мы на работу не встанем!».

Или вот такие факты: если нужно было что-либо сделать для союза, то рабочие, каждый на перебой, брались за работу. Так нужно было как-то сделать скамьи для делегатского собрания в Потаповке. Не успели прибыть закупленные доски, как уже откуда-то появились необходимые инструменты и сразу началась работа, которая быстро была сделана. Бюджет союза не знал статьи расходов по уплате за работу. Конечно, и никто из членов правления не помышлял в то время о каком-либо жалованьи за свою работу из средств союза. Каждый из них работал на заводе по своей профессии и, несмотря на это, совершенно не было заметно, чтобы кто-либо манкировал своей работой в союзе, несмотря на то, что она отнимала много времени. Собрания правления происходили еженедельно по вторникам, но—кроме того, каждый день каждому из нас приходилось работать еще в какой-либо комис-

сии, или проводить собрания в районе, или в Центральном Бюро [1]). Даже когда и был свободный вечер, то как-то не сиделось дома и невольно тянуло в союз.

Из состава правления были выделены следующие комиссии: 1) о безработных, 2) хозяйственная и культурно-просветительная, которая совмещала работу по подысканию помещений, устройству собраний и т. п. с культурно-просветительной работой, 3) конфликтно-расценочная (для проведения стачек) и 4) иногородняя для обслуживания местных отделов союза.

Несмотря на состояние кассы, которое было весьма плачевно, помощь все же выдавалась по всем видам. Приход наш от членских взносов был весьма невелик, несмотря на то, что в союзе официально числилось довольно большое количество членов. По данным, опубликованным нами в «Листке союза рабочих металлистов», изданном в виде приложения к 9-му № журнала «Рабочий союз», к 25 ноября 1906 года в союзе числилось 4.008 человек действительных членов. Но, сколько было из них платящих, сказать довольно трудно, так как точного учета нам поставить не удалось. Благодаря же отсутствию учета, мы также не могли провести установленного по инструкции обратного возвращения выдаваемых пособий.

В это время правлением велась большая работа в области осуществления признания союза со стороны предпринимателей. В этой плоскости мы даже пытались вступить в переговоры с существовавшим тогда обществом фабрикантов и заводчиков. Что касается отдельных заводоуправлений, то многие из них вполне считались с заводскими советами и обычно во время забастовок переговоры с ними велись непосредственно правлением союза. Так, помню, что на заводах Листа, Трындина, Тильманса, Шмулевича и Лившица нам удалось добиться этого лишь после большой борьбы с предпринимателями. Дело в том, что там союз проводил широкую кампанию по наступательным действиям против предпринимателей. Во время проведения об'явленной нами забастовки мы оказывали широкую помощь бастующим.

Особенно упорную борьбу нам пришлось вести с заводом Листа. Дело в том, что после об'явления у него забастовки, Лист попытался передать имевшиеся у него срочные заказы для выполнения на другие заводы. Тогда союз об'явил, что все такие работы выполняться не будут, а места рабочих завода Листа об'явил под бойкотом. Все-таки завод Листа передал свои заказы на чугунное литье на завод Людвига Смита, причем фирма на моделях была старательно счищена. Узнав об этом от рабочих, мы поехали на завод для проверки. Нас туда не пустили. Тогда мы об'явили литейный цех бастующим. На следующее утро ни один литейщик не вышел на работу и заводоуправлению пришлось просить нас приехать на завод, чтобы установить, какие модели принадлежат их заводу и дать разрешение производить по ним литье. После этого Лист попытался передать литье на завод Вейхельта, но и там повторилась та же история. Вот такими-то методами нам

---

[1]) В последнее входили сначала Матвеев и Петров, а когда Петров был избран на Штутгардтский с'езд, на его место был избран Шлямов.

и удалось добиться почти полного признания союза со стороны предпринимателей.

Вспоминаю еще одну интересную подробность проводившейся в это время нами борьбы. Для того, чтобы не допустить занятия мест бастующих со стороны безработных, которых предприниматели всячески старались использовать в качестве штрейкбрехеров, мы решили устроить собрание безработных, на котором провести постановление о бойкоте мест бастующих. На этом собрании от правления присутствовал т. Зайцев. Прошло оно очень бурно. Безработные клялись, что они ни в коем случае не станут на забойкотированные места и, кроме того, постановили, что по отношению к штрейкбрехерам будет применяться *физическая расправа* (так именно и было сказано в резолюции). Когда мы указали Зайцеву на то, что так писать резолюции нельзя, то он ответил, что ничего не мог поделать с безработными, которые на этом настаивали. Таким образом, ничего уже нельзя было сделать и пришлось ожидать результатов такой «энергии», которые не замедлили последовать.

На другой же день после собрания, на завод Доброва, где я в то время работал, явился околодочный и потребовал «председателя союза металлистов Матвеева», сказав, что меня требуют в градоначальство. Пришлось ехать в грязной рабочей блузе, так как околодок заявил, что градоначальник меня уже ждет.

Приезжаем вместе с ним на Тверской бульвар в помещение градоначальника. Внизу меня тщательно обыскивают и затем с двумя жандармами по бокам и офицером впереди ведут наверх. Проходим целую амфиладу комнат и входим в огромный кабинет, где за столом сидит Рейнбот, окруженный несколькими офицерами. Когда мы вошли, сопровождавший меня офицер указал на меня и сказал: «Вот Матвеев!» Рейнбот встал, посмотрел на меня несколько мгновений в упор и заявил: «Вы председатель союза металлистов!». Я отвечаю: «Нет! Я председатель Общества металлургии машиностроительных производств». Рейнбот вспылил и начал кричать на меня: «Что вы мне очки втираете! Я вас и все ваше правление вышлю в 24 часа! Вы не даете желающим работать на заводе!». Я было стал возражать, что задача правления состоит в том, чтоб быть посредниками между рабочими и капиталистами, но он не дал мне говорить и снова заявил, что, если забастовка не прекратится, то правление будет выслано уже «в 24 минуты». Я ему снова ответил, что сделать это, конечно, он может, но его мера делу не поможет, а, наоборот, в результате ее забастовка может принять стихийные формы, от чего правление до сих пор сдерживало рабочих. После этого он несколько успокоился, сел и стал отдавать мне распоряжения, которые я должен был передать правлению. «Чтобы завтра же,—говорил он,—союзом было отдано распоряжение о прекращении забастовки и предоставлении возможности желающим стать на работу!». Я пообещал передать это правлению, но предупредил, что за результат поручиться не могу, т. к. решение принимается правлением большинством голосов. После этого он меня отпустил.

Провожали меня от него очень торжественно. По дороге из кабинета до выхода меня сопровождало несколько ад'ютантов, которые всю дорогу твердили: «Не забудьте, что сказал его превосходительство. Быть может, вам это записать?». Но я их успокоил, что не забуду и так.

Конечно, правление после моего доклада посмеялось над «приказом его превосходительства» и забастовку продолжало. В конце-концов, она была нами выиграна, но в результате ее почти все правление было арестовано.

Я помню, когда мы с Егоровым сидели в Пятницком полицейском доме, то туда привезли из союза целый воз книг и разных бумаг союза. Пристав просил нас тогда помочь ему разобраться в бумагах, а мы, в свою очередь, просили его сохранить их в целости. Целы ли они в настоящее время,—я не знаю; но думаю, что если бы их удалось найти, то они дали бы интересный материал по истории союза.

Сидеть нам пришлось очень недолго, так как рабочие снова забастовали и потребовали нашего освобождения. Союз к этому моменту был уже закрыт и мы, собрав членов правления, решили перевести его на нелегальное положение. Но на периоде нелегального существования союза я сейчас останавливаться не буду.

В заключение, хотел бы сказать несколько слов относительно просветительной работы, которую союз вел среди рабочих. Главным рычагом ее являлись районные собрания членов союза, которые правление проводило не один раз в неделю. Состав участвовавших на таких собраниях был, обыкновенно, многочисленным. Такие большие помещения, как Народные Дома в Садовниках и на Сухаревской площади, бывали, обыкновенно, битком набиты. Эти собрания были школой для рабочих, где они приучались к общественной жизни и знакомились с условиями классовой борьбы. Агитация среди рабочих за выяснение классовых интересов и укрепление своих организаций,—вот главная тема всех этих собраний. И надо отдать справедливость, что нам удавалось ее проводить. Несмотря на присутствие полицейского представителя на собрании, мы с большим успехом использовывали всякую возможность для того, чтобы раз'яснить массам политическое положение текущего момента, пользуясь тем, что большинство членов правления союза одновременно были и активными членами партийной организации. Это, обыкновенно, делалось тогда, когда полицейский чин или опаздывает на собрание, или когда ему надоест сидеть в духоте и он на некоторое время выходит из залы собрания. Таким образом, например, мы провели резолюцию М. К. партии по вопросу о выборах в государственную думу, в которой говорилось следующее:

«Принимая во внимание' 1) что профессиональный союз обнимает только одну сторону профессиональнього движения, 2) что тесные взаимоотношения между профессиональными союзами и социал-демократической рабочей партией есть истинный путь пролетарского движения, 3) что в вопросах, касающихся выступления всего рабочего класса, социал-демократическая партия и профессиональные союзы должны тесно согласовать свои действия, правление союза по обработке металла находит, что вопрос о выборах в го-

сударственную думу есть вопрос, касающийся всего пролетариата, потому постановляем деятельно и энергично повести предвыборную кампанию, согласуясь с директивами Р. С.-Д. Р. П.».

Эта резолюция была проведена нами от имени правления для того, чтобы полиция не могла к ней придраться. Все время мы также вели на собраниях агитацию за вступление в партию, причем, если нельзя было говорить: «вступайте в ряды Р. С. Д. Р. П.» за что полицейский немедленно закрывал собрание, то мы говорили: «Вступайте в ряды защитницы рабочего класса, стоящей на страже интересов пролетариата», что обыкновенно проходило без всяких замечаний со стороны полицейского.

Кроме того, союзом неоднократно устраивались лекции на различные темы, вроде следующих: о локаутах, об организациях рабочих за границей и т. п. Наконец, мы занимались распространением литературы периодической и непериодической. Из последней, в моей памяти, почему то сохранилось название брошюры Маркса «Заработная плата, цена и прибыль», а также и ряд изданий «Донской Речи». Распространяли мы и профессиональные журналы: московский «Рабочий союз» и питерский «Рабочий по металлу». Мы даже сделали попытку, в виде приложения при № 9-м «Рабочего союза», выпустить «Листок профессионального общества рабочих по металлу». Распространялась нами и газета «Вечерняя Почта», в состав редакции которой, в качестве представителя союза, ввели меня.

Из области содействия непосредственному распространению просвещения среди рабочих нужно отметить заключенное нами соглашение с Обществом Народных Университетов, относительно предоставления возможности членам союза слушать лекции на льготных условиях, а в секции народной и средней школы Общества даже бесплатно.

Наконец, мы имели возможность получать от Художественного театра некоторое количество бесплатных или дешевых билетов для распространения их среди членов союза.

Проект инструкции по оказанию помощи членам Профессионального Общества рабочих металлурго и машиностроительных производств[1]).

1. Для оказания какой бы то ни было помощи членам Общества, правление из своей среды избирает комиссию не менее 3-х человек; и также районные советы из своей среды. Таковые комиссии совместными силами ведут организацию помощи и удовлетворяют все запросы помощи в нижеуказанной норме.

Права и обязанности комиссии.

2. Комиссия ведет полную и точную регистрацию безработных, с подробным указанием времени и причины безработицы.

3. Собирает все сведения о свободных местах на заводах и ставит на эти места рабочих в порядке записи.

4. Комиссия имеет регулярные заседания и дежурства в определенные дни, как отдельные, так и совместные с районами, о чем доводится до сведения всех членов.

5. Центральная комиссия в совместных заседаниях с районами разбирает все сделанные заявления членами союза и решает по всем вопросам (за исключением вопросов, указанных в пункте 6-м), о чем своевременно уведомляет правление, которое должно каждое решение комиссии утвердить.

Примечание: В экстренных случаях, каждая районная комиссия решает вопросы самостоятельно; потом доводит до сведения правления с указанием экстренных причин.

6. Комиссия в вопросах, могущих вызвать серьезные осложнения, как-то: частичную или общую забастовку, ведет подготовительные расследования и немедленно доводит до сведения правления, а в массовых случаях решение подлежит общегородскому делегатскому собранию.

7. Для организаций безработных, комиссия (с предупреждением президиума правления) устраивает общее собрание безработных и входит в тесное сношение с их выборными, а также безработные выбирают представителя в правление с совещательным голосом.

О формах помощи.

1. Во время безработицы.
2. Во время болезни.
3. Дорожные.
4. Бастующие.
5. Арестованные.
6. Юридические.

---

[1]) См. стр. 255.

Помощь во время безработицы.

1. Безработным считается после двух недель, считая со дня расчета.

2. Помощь выдается всем членам безработным, пробывшим в союзе не менее 6-ти месяцев и платившим аккуратно членский взнос.

3. Помощь выдается по расследовании причин и утверждении случая заводским советом за подписью не менее 3-х членов, (где нет заводского совета— подпись одного делегата).

4. Желающие получать помощь и имеющие вышеуказанный ценз, делают заявление в районную комиссию о безработных, желательно в письменной форме с подробным изложением своего положения.

Размер помощи.

1. Члены подразделяются на:. а) семейных, б) одиноких, в) на правах учеников.

2. Семейными считаются имеющие: жену с детьми, мать, сестер, неспособных к труду и других членов семьи, живущих на его средства.

Семейное состояние удостоверяется заводским советом.

3. Семейные получают, при условии, если они имеют детей от одного до 3-х человек, не более 10 руб. в месяц. На правах учеников — получают по 8 руб.

4. Семейные, имеющие больше 3-х человек детей, получают на каждого ребенка по 2 рубля.

Одинокими считаются: а) семейные, не имеющие детей и если оба способны к труду, б) холостые, живущие одни, в) женатые, но живущие без семьи в данное время. Таковым помощь выдается не более 8 руб. в месяц.

5. Работающим на правах учеников помощь выдается не более 6-ти руб. в месяц.

Общие условия выдачи помощи во время безработицы.

1. В вышеуказанном размере помощь выдается только тогда, когда в кассе союза будет оставаться не менее 1-го рубля на каждого члена.

2. Каждый член может получать не более двух месяцев кряду и 3-х месяцев в год.

3. Каждая помощь, оказанная во время безработицы, считается взаимообразной, если член в течение месяца поступит на место.

4. Всякая взимоообразная помощь возвращается в течение двух месяцев со дня поступления.

Помощь бастующим.

1. Бастующими считаются те, на заводах которых об'явлена забастовка.

2. Помощь выдается бастующим только членам союза, и в том случае, если забастовка начата с согласия правления или общегородского делегатского собрания.

Примечание: В случае возникновения забастовки помимо воли членов союза на данном заводе, таковые сохраняют право помощи, как бастующие.

3. Не членам союза вопрос о помощи решается общегородским делегатским собранием.

4. Бастующим считается до того времени, пока не получил окончательного расчета. С получением рассчета с того дня зачисляется как безработный.

Размер помощи.

1. Помощь бастующим выдается спустя 2 недели со дня об'явления забастовки.

2. Определение семейного состояния и размер помощи, как семейным ,так и одиноким и ученикам, остается тот-же, что и по отношению к безработным.

Примечание: Для бастующих срок выдачи не устанавливается.

3. Выданная помощь тем, которые после окончания забастовки остаются работать на данном заводе, считается безусловно взаимообразной, которую они обязаны возвратить в течение двух месяцев со дня вступления на работу.

4. Те члены, которые будут уволены по причине забастовки, освобождаются от уплаты сумм, взятых во время забастовки.

Дорожная помощь.

1. В целях урегулирования спроса на рабочие руки, правление союза имеет тесную связь с союзами других городов и пересылает безработных членов туда, где нужны рабочие.

2. Безработные, желающие поехать по предложению правления в другой город, получают дорожную помощь в размере тарифной суммы и по 50 коп. на каждый день проезда и обратно в том-же размере.

Примечание: 1) В совокупности на дни проезда не может выдаваться более 5-ти рублей. 2) Обратная помощь считается взаимообразной, если член поступил там на место.

3. Члены, заявившие о помощи сами лично, таковые заявления могут быть удовлетворены в том случае, если правлению будет ясно, что сей член едет прямо на место. Таковому выдается в сумме указанной в § 2-м, но в один конец.

4. Членам союза других городов, проезжающим через Москву и заявляющим о помощи для дальнейшего следования, таковая помощь может выдаваться, но с согласия правления и не более означенной нормы, указанной в § 2-м.

Примечание: Если таковые члены остаются в Москве, то они зачисляются как свои безработные и получают помощь на общих основаниях помощи безработным.

5. Выезжающие члены снабжаются проездным свидетельством до места назначения, и по пред'явлению оного могут зачисляться в местный союз с прежними преимуществами и с подчинением директивам местного союза.

Помощь арестованным.

1. Арестованным членам выдается помощь независимо от времени пребывания его в союзе.

2. Помощь выдается во все время его ареста, получать таковую могут члены его семьи.

3. Определение семейного состояния и размер помощи остается тот же, что и в отношении безработных.

Помощь во время болезни.

1. Для оказания врачебной помощи членам союза, правление входит в сношение с частными лечебницами и аптеками для пользования на льготных началах.

2. Безработным членам больным центральная комиссия оплачивает счета из аптеки на купленные членом лекарства, в сумме не превышающей 3-х рублей в раз и не более двух раз для каждого члена.

Примечание: Счета, превышающие указанную сумму подлежат утверждению правления, которое может утвердить до 10 руб., но не более одного раза на каждого члена.

3. На случай смерти члена, независимо от его пребывания в союзе, правление выдает родственникам умершего пособие в 10 рублей, если же нет родственников, то похороны принимаются за счет союза, но расходы которых не должны превышать 25 руб. (означенный пункт почему-то зачеркнут в черновой, вероятно, собранием был не принят. Г. М.).

Юридическая помощь.

1. Правление союза входит в соглашение с юристами для оказания бесплатной помощи членам союза.

Примечание: При бюро должно быть дежурство в определенные дни, о чем должны быть извещены все члены союза.

2. Для ведения дел в суде нуждающимся или безработным, правление может выдать, по заявлению о том, юристу сумму не более 10 руб., с тем, чтобы по окончании дела деньги были возвращены.

Общие положения о денежной помощи.

1. Во всех случаях, за исключением случаев забастовок, денежная помощь может оказываться лишь тогда, когда в кассе союза будет не менее 1-го рубля на каждого члена союза.

2. О всех случаях помощи должно своевременно доводиться до сведения общих, районных и делегатских собраний.

3. В случаях, непредусмотренных настоящей инструкцией, окончательное решение таковых подлежит общегородскому делегатскому собранию.

М. РАКОВСКИЙ.

Некоторые материалы к истории Морозовской стачки 7—13 января 1885 г.

(По данным архива Товарищества „С. Морозова С-н и К-о").

Морозовская стачка 1885 года имеет большое значение в истории русского рабочего движения: она с особой яркостью показала, что в порядок дня общественной жизни России ставится рабочий вопрос. В своем предисловии к книге «Морозовская стачка 7—13 (19—25) января 1885 года», Д. Б. Рязанов указывает, что как раз в это время главный теоретик «Группы Освобождения Труда», Г. В. Плеханов, сосредоточил свое внимание на литературной защите того положения, что Россия уже перестала быть «самобытной страной», что капитализм в ней развивается своими обычными путями, что, таким образом, неизбежно у нас и развитие нового общественного класса—пролетариата, которое несет с собой развитие русского рабочего движения. Морозовская стачка дала блестящее подтверждение всех этих теоретических концепций марксизма и вместе с тем облегчила Плеханову борьбу с народническими предрассудками. «Морозовская стачка,—заканчивает свое предисловие Рязанов,—есть одно из звеньев, которое привело к октябрьской революции».

До сего времени, кроме общеизвестного литературного материала об этой стачке (отчеты о судебных процессах по либеральной газете «Русские Ведомости» и по правой газете «Московские Ведомости» и книг по рабочему вопросу в России, принадлежащих перу Мартова, Пажитнова, Ельницкого и др.), после революции опубликованы следующие архивные материалы: докладная записка Владимирского губернатора Судиенко министру внутренних дел графу Толстому [1]) и доклады министра внутренних дел царю и характерные пометки последнего на докладах министра [2]). Материалы эти использованы в достаточной мере М. Балабановым в его книге «Очерки по истории рабочего класса в России». Но и в этой обработке они не дают полной картины, так как в них нехватает многих данных.

Пишущему эти строки удалось познакомиться с архивом Саввы Морозова. Архив этот представляет огромный интерес для историка рабочего движения и, пожалуй, не меньший—для исследователей-экономистов. Не может быть никаких сомнений в том, что архив этот должен быть разработан в хронологическом порядке и по вопросу об изучении стачек на фабриках Саввы Морозова следовало бы начать с 1865, 1871 и 1876 г.г. Нам пришлось пока отказаться от этого порядка и остановить свое внимание на стачке 1885 г., тем более, что она имеет право расчитывать на особое к себе внимание и каждая новая деталь ее, почерпнутая из архивных источников, будет с интересом встречена в литературе.

---

[1]) Опубликована т. Валком в „Сборнике материалов и статей", изд. ред. журн. „Исторический Архив".

[2]) Опубликованы Р. Кантором в „Архиве истории труда в России", 1922 г., кн. 2-ая.

К письмам и телеграммам Морозова Владимирскому губернатору.

Приводимая нами телеграфная и почтовая переписка Морозова с Владимирским губернатором дает картину взаимоотношений власти и Морозовых. Она состоит из 1) семи телеграмм Тимофея Морозова Владимирскому губернатору, 2) телеграммы директора Никольской фабрики Дианова тому же губернатору и 3) одного письма Т. Морозова к «Иосифу Михайловичу»—(имя Владимирского губернатора Судиенко).

Вся эта переписка очень любопытна и дает полное представление о ходе событий. Печатаем ее в полном виде и хронологическом порядке. Как известно из материалов т.т. Кантора и Валка, Морозов бомбардировал телеграммами Питер и даже Московского генерал-губернатора Долгорукова. К высшему начальству Морозов обращался с доносами на бесполезные губернаторские увещания рабочих, также как он в свою очередь доносил губернатору и на исправника, и на отдельных рабочих.

Как видно из переписки, в первый же день стачки т.-е. 7-го января послано губернатору 4 телеграммы (три Тимофеем Морозовым и одна Дианов ым)[1]). Тревога росла с каждым часом все больше и больше и телеграммы посылались чуть ли не через каждый час. Первые две телеграммы Т. Морозова говорят о бунте и о бунте «положительно», в 3-ей же телеграмме Т. Морозов окончательно распоясался и дает уже явные диррективы губернатору, правда, под видом убедительнейшей просьбы, как ему действовать,—прислать возможно скорее войска. Телеграмма губернатору из Питера о посылке войск вышла не раньше 9—10 января, так как Толстой отдал это распоряжение губернатору имея высочайшую пометку «решительно более нет, какие облегчения еще?» (Р. Кантор, стр. 47). Первый заговорил о войсках Т. Морозов, и Владимирский губернатор незамедлительно исполнил его убедительнейшую просьбу и сам в сопровождении прокурора Московской Судебной палаты и с войсками выехал в Орехово. Телеграмму Дианова (без пометки числа и часа ее отправки) выделим пока, чтобы потом на ней остановиться.

Для пояснения телеграммы (№ 5) Т. Морозова, посланной губернатору 9 января в восемь час. 25 мин. вечера напомним, что по настоянию губернатора и прокурора Т. Морозов пошел на уступки и великодушно «простил» все штрафы за октябрь, ноябрь, декабрь месяцы 1884 года. При этом все рабочие увольнялись, а затем желающие поступить обратно на работу должны были согласиться на условия, об'явленные при найме 1-го октября 1884 года. Когда об этой Морозовской «милости» были об'явлено рабочим, то она была встречена ими свистками и криками. Вывешенное конторой об'явление о «прощении» срывалось рабочими и взамен его вывешивались другие об'явления, составленные самими же рабочими. Дианов от страху сообщает о прокламациях и об ожидавшихся поджогах. Впоследствии на суде он и не напоминал о прокламациях. На суде были оглашены «дерзкие» об'явления рабочих. Речь идет именно о тех об'явлениях, которые рабочие вывесили в ответ на «милостивое прощение» Морозовым штрафов. Как излагает тов. Кантор,—рабочие ответили так: «согласись Морозов на нашу табель, а то будем бунтоваться до Пасхи, а на твои условия мы ни... не будем работать». В этих точках суд усмотрел «дерзость», очевидно упуская из виду, что слово, скрывающееся под точками очень свойственно великорусскому говору.

Об ожидавшихся пожарах на суде говорил только сам Морозов, да одна свидетельница, работница прядильного отделения, которая утверждала, что в той казарме, где она жила, нашли записку, в которой говорилось, что за то, что прядильщики вышли на работу, их казармы будут сожжены. Но об этом

[1]) Дианов в то время был директором фабрики.

Дианов еще не мог знать (его телеграмма послана 7-го числа, так как 8-го он был уже в Орехове, а не в Павлове), так что надо допустить, что он сам выдумал и прокламации, и угрозы пожарами, чтобы заставить губернатора быстрее принять решительные меры.

В телеграмме (за № 6), посланной Т. Морозовым губернатору 11 января, говорится о необходимости удалить с фабрики «буйный народ» ткачей и их смотрителей. Эта покорнейшая просьба повторяется в телеграмме раза три. В то же время Морозов и донес в Питер, что увещания губернатора не действуют на рабочих. Из материалов опубликованных т. Кантором видно, что министр зачеркнул в телеграмме, присланной ему Владимирским губернатором, то место, где говорилось о справедливости требований рабочих и представил царю дело так, что рабочие недовольны уступками—милостивым «прощением» Морозова штрафов за последние три месяца 1884 года. Пометки царя на докладах крайне любопытны. На первый доклад министра Толстого о начавшемся «бунте» царь ответил: «я очень боюсь, что это дело анархистов; прошу сообщить мне все сведения, которые будут получаться от губернской жандармской власти».

Во второй раз царю было доложено о том, что при попытке к разгрому кооперативной лавки между «фабричными» произошла драка и что один фабричный убит, а пять человек ранено. Царь глубокомысленно отметил: «это гораздо успокоительнее». Когда же ему доложили, что рабочих не устраивает «милостивое прощение» Морозова и что они требуют еще уступок, царь ответил: «решительно более нет; какие облегчения еще?».

После этой пометки царя министр телеграфировал Владимирскому губернатору, что «при упорстве рабочих весьма последовательно отделять уроженцев других губерний и уездов и отправлять их на родину». Характерно, что свою телеграмму (№ 6) Морозов заканчивает убедительнейшей просьбой» «ускорить удаление с фабрики опасных людей». Не особенно грамотно, но ясно: Морозов хлопотал об ускорении удаления, так как в самом удалении он мог не сомневаться. Чтобы больше не уступать рабочим ни в чем, т.-е. для защиты своей мошны, Морозов телеграфировал в Питер, что всякая уступка будет потворством к бунту и он не сомневался в том, что этот довод покажется достаточно убедительным и веским, так же, как он не сомневался, что «опасные люди» будут удалены.

В телеграмме (№ 7 от 31 Генваря), посланной из Никольского, видно, что роли уже переменились: Морозов забыл уже, кто был инициатором высылки рабочих, и он пишет губернатору, что «высланные на родину по вашему распоряжению беспокойные рабочие являются» и т. д. Удивительная по своей безграмотности телеграмма и в простом, и в переносном смысле. По чьему распоряжению выслали «бунтующий народ»? Кто первый заговорил об этом? Кто здесь хозяин и кто здесь слуга? «Рабочие взятые и т. д., которым тогда же деньги и паспорта по вашему приказанию переданы Покровскому исправнику».

Телеграмма (за № 8), посланная 6 февраля в 9 час утра по своей наглости и неприкрытому ничем откровенному бестыдству и цинизму, является прямо таки шедевром в этой переписке толстосума Морозова с властью предержащей. Морозов «ходатайствует» и «просит» оставить казаков еще на две недели, так как иначе фабрики останутся без охраны. «Как вам известно, полиции на фабрике имеется не более шести человек».

Казалось бы, достаточно убедительно и для толстосума и для «его превосходительства». Но не так показалось Морозову, и он напяливает на себя тогу защитника рабочих («благонамеренных» конечно, а не «бунтовщиков»). Старый испытанный полицейский прием, в некотором роде: «разделяй и властвуй». «Между бунтовщиками и благонамеренными есть недовольство, первые лишили последних заработков, вследствии оного могут произойти драки и убийства».

«Бунтовщики» и «благонамеренные» или, по образному выражению одного из ад'ютантов великого князя Сергея, «козлы и овцы» (такое разделение рабочих произвел этот ад'ютант на шерстоткацкой фабрике при сельце Сетунь, Московской губ., при забастовке в 1900 году. Подробности изложены в «Искре» за № 4 от мая месяца 1901 года).

Для ограждения «благонамеренных» рабочих, а вовсе не для охраны фабрики, «ходатайствовал» и «просил» Морозов оставить казаков еще на две недели.

«Ходатайства» и «просьбы» Морозова были уважены Владимирским губернатором, и две сотни казаков были оставлены в Никольском. Как об этом пишет в своей статье «К истории Морозовской стачки 1885 г.»[1]) в послесловии тов. Валк, губернатор, рапортом на имя министра внутренних дел, известил, что им оставлены казаки в Никольском, мотивируя это возвращением на фабрику высланных, толками, вызванными в среде рабочих забастовками на Московских фабриках Лепешкина и Гилля (которые в общем сводились к тому, что Московский губернатор помог рабочим, между тем как Владимирский губернатор был на стороне фабрикантов) и, главным образом, приближающейся Пасхой, когда наступит новый прием рабочих. При этом губернатор указывал, что если к тому времени торговля не будет поставлена в лучшие условия, то фабриканты вынуждены будут сократить размеры производства или понизить заделную плату, что вызовет новые волнения и беспорядки. Поэтому губернатор решил оставить в Никольском 2 сотни казаков до апреля. Это мудрое решение вопроса об исцелении от всех бедствий, в том числе и от застоя в торговле, вызвало со стороны министра внутренних дел графа Толстого следующий ответ: «Нахожу это распоряжение основательным, что и сообщить губернатору».

Заключительным аккордом переписки Морозова с губернатором служит письмо от 22 февраля 1885 года (документ № 9).

В этом письме интереснее всего то, что Морозов опять сыплет доносы и направо и налево: и на исправника, и на отдельных рабочих. При этом доносы пишутся тому же губернатору, на которого Морозов уже доносил министру, что «увещания» губернатора не оказывают никакого влияния на рабочих». Вообще Морозов не стеснялся в критике действий властей предержащих. Он усомнился в полезности «увещаний» губернатора, так же, как он выражает сомнение в разумности действий исправника: «что было сделано господином исправником неизвестно, известно только то, что арестованные тотчас были отпущены» (понятно, по Морозову, надо было бы «держать и не пущать»), а дальше в письме звучит уже явная насмешка над властью: «в виду таких мер...».

Почему Морозов особое внимание уделяет рабочему Феодору Леонтьеву Козлову? Дело в том, что Козлов был повидимому одним из самых сознательных, толковых рабочих в Орехове. Из докладной записки Владимирского губернатора[2]) видно, что Козлов давал очень толковое и пространное об'яснение губернатору об условиях работы на Никольской фабрике; так что обвинения Козлова со стороны Морозова в том, что его «требования простирались еще дальше»..... получения паспорта — вымышленно: Морозов старался отделаться от Козлова какой угодно ценой. Морозову этого, конечно, удалось добиться, и Козлов угодил на скамью подсудимых. Интересно в этом письме еще то место, где Морозов указывает, что «многие из высланных и не принятых на работу все таки проживают на фабрике и удаление их становится невозможно».

Из этого можно сделать заключение, что работавшие после стачки скрывали высланных в своих общих рабочих казармах, так как другого жилья на Никольской фабрике тогда не было.

---

[1]) „Сборник материалов и статей", изд. редакции журнала „Исторический архив", выпуск первый, 1921 год, стр. 92.

[2]) С. Н. Валк, цит. статья, стр. 91.

Это подкрепляет мнение тов. Балабанова, что «для Морозовской стачки характерны организованность и товарищеская сплоченность, проявленная массой рбочих» [1]).

К докладу Правления.

Отыскивание архивных материалов на фабриках сопряжено с большими трудностями. За годы революции большинство копировальных книг раскурили, а десятки пудов документов и конторских книг утилизированы отделами утилизации при коммунальных отделах. Помимо того, в Орехове сгорел склад, где хранился почти весь архив, так что становится почти совершенно невозможным найти что нибудь по интересующему нас вопросу.

Доклад правления от 12 марта 1885 года обнаружен совершенно случайно и совсем не в архиве, а в другом месте. Лишь благодаря вниманию тов. Клюева (Ореховский Карпушка) мы имеем возможность ныне его опубликовать.

Доклад этот интересен тем, что в нем правление попыталось дать полную картину стачки и об'яснение причин ее вызвавших. Наряду с этим тут же приводятся и цифры о заработной плате, штрафах и ценах на продукты.

О верности приводимых в докладе цифр, как и верности цифр из таблиц следователя, которые, как известно, фигурировали на суде, говорить мы пока воздерживаемся. Нам удалось пока лишь отыскать бухгалтерские источники по одной лишь ткацко-отделочной фабрике. По бумаго-прядильной, красильной, ново-ткацкой (на которой был мастером Шорин и на основании бухгалтерии которой следователь составил свои таблицы) пока бухгалтерские источники не отысканы. Какая часть из них утилизирована, какая часть сгорела — судить пока трудно. Результаты и выводы за период времени от сентября 1880 г. по 1 сентября 1886 года по старо-ткацкой расходятся с таблицами следователя и также с книгой Пескова («Фабричный быт Владимирской губернии»).

Вопросы о количестве рабочих, принимавших участие в стачке, о заработной плате, о штрафах, об изменении расценок, о харчевом довольствии и т. д. нуждаются в длительной разработке, которая станет возможна лишь после отыскания ряда архивных материалов, и мы пока ограничимся лишь исправлением некоторых явных искажений, допущенных докладом.

Раньше всего в докладе говорится о том, что еще до стачки правление скинуло ткачам 1/3 штрафов за ноябрь месяц. Это неправильно, так как на старо-ткацкой фабрике за ноябрь месяц ткачей было 314½ человек (всех рабочих дней 7548, количество рабочих дней в месяц 24; отсюда выводится средняя 314½ ткача) общая выработка их 2978 руб. 42 к., вычетов было 578 р. 33 к. или 19,08%, а средний месячный заработок—7 р. 63 коп.

По имеющимся у нас источникам, т.-е. по месячной ведомости за ноябрь, не проводится 1/3 вычетов обратно. Лишь в ведомости за декабрь—по 7-е января, т.-е. по день стачки, проводится возвращение взысков за октябрь, ноябрь и декабрь м-цы 84 года. По этим источникам видно, что в сентябре, октябре вычеты составляли 18,2% и 22,7%. Если 19,08% падающие на ноябрь получились после возвращения 1/3 взысков, то очевидно первоначально они составляли 26,82%. Таких размеров штрафы достигали в мае, июне 82—83 года. Правление очевидно старалось доказать, что еще до стачки оно пошло на уступки рабочим, но что это однако не удовлетворило их. Очевидно правление считалось с тем, что среди пайщиков не все будут одобрять полностью его линию поведения, и это обстоятельство заставляло правление извращать факты, а некоторые вопросы совсем обходить молчанием. Так, в докладе говорится, что Дианов распорядился для обеспечения порядка собрать до 300 рабочих торфяников и крючников. Правление не задает себе труда об'яснить, к чему это привело. Как выяснилось на суде из вопросов, заданных Волковым и Моисеенком тому же Дианову, эта же воору-

[1]) „Очерки по истории рабочего класса в России", часть II (стр. 226).

женная рать первая открыла враждебные действия против рабочих. «Дианов-ская гвардия», взяв на себя добровольно роль полиции, начала с того, что стала загонять бастующих на работу. Понятно, что это вызвало возмущение среди рабочих, и они стали избивать этих добровольных охранителей, а уж заодно и тех служащих, к которым они питали злобу. До чего сильна была злоба к мастеру Шорину видно из того, что старуха-ткачиха Комиссарова, которая заменяла в работе жену Волкова, и теперь, через 40 лет, не может вспомнить о нем спокойно. Она нас уверяла, что его бы разорвали на куски, но он спасся тем, что, по подобию «шута горохового Пуришкевича», натянул на себя юбку. Была ли толпа до того возбуждена, что потеряла рассудок? Нет и нет. Оставили же в покое жену Шорина и даже оставили в покое того, который первый сообщил Дианову, что готовится бунт. Речь идет об Иване Кузьмиче Гаранине, теперь 75 летнем старике, ходившем тогда расчетным, и прослужившем на фабрике Морозова 59 лет.

Да и вообще дело обстояло так, что сама администрация сделала все, что смогла, чтобы придать стачке характер бунта. Есть основание полагать, что кое-кто из администраторов нанимал мальчиков бить стекла. Среди воспоминаний участников стачки 85 г. фигурирует рассказ о том, что Дианов утром 7 января, возвращаясь из церкви (он был церковный староста), дал группе рабочих 200 рублей денег на выпивку, подвыпившие и начали разгром харчевой лавки, а потом и кооператива.

В дальнейшем правление излагает ход событий по своему и приходит к преостроумному выводу. Дело в том, что губернатор 11-го числа впервые дал приказ казакам разогнать толпу, и правление об этом пишет: «эта первая решительная мера против рабочих подействовала на них весьма благотворно: они в первый раз не добились того, чего требовали и с этого дня замечается постепенный переворот к лучшему в их настроении». Характерный штрих для отношения Морозова к губернатору: когда губернатор занимается увещанием и только увещанием рабочих, то на него и не грех донести министру, но зато, когда он пускает в ход казацкие нагайки—он заслуживает всяческих похвал. 11-го января ему воздается хвала, а 10-го доклад в упрек начальству отмечает: «фабрики стояли и мер к прекращению забастовки никаких не принималось».

Дальше доклад повествует о высылке рабочих. Причем, понятно, обходится молчанием то, что фабричная администрация заготовляла списки, по которым губернатор и высылал.

Доклад отмечает, что в связи с арестом Моисеенко находился приезд в Орехово товарища обер-прокурора Правительствующего Сената. Тов. Моисеенко в своих воспоминаниях («Пролетарская Революция» № 1—24, 1924 г., стр. 46) пишет, «что, когда он пришел в контору на допрос, там сидел господин в штатском со значком судейского ведомства, который отрекомендовался прокурором, присланным от министра внутренних дел, «если не ошибаюсь, Доброжинским». Ясно, что Моисеенко в Петербурге придавали большое значение, если для его допроса командируется тов. обер-прокурора Сената.

Правление оправдывается перед пайщиками во всех своих грехах по 4 пунктам: о штрафах, харчевых лавках, произвольном сокращении рабочих часов и количестве рабочих. У нас на руках имеется статья какого-то борзописца для газеты (эта статья кажется нигде не была напечатана), написанная по заказу Морозова на ту же покаянную тему.

Откладывая подробный разбор этих пунктов доклада и статьи до того времени когда будет разработан весь цифровый материал, мы пока остановимся лишь на двух моментах. Во первых, правление уверяет, что по ткачеству взыскания достигали 13%—это не верно. Это утверждение не сходится ни с таблицами следователя, ни с ведомостями по старо-ткацкой фабрике. Так, например, за 80—81 год вычеты (считая вместе взыскания за порчу товара и за

баню, уголь, освещение и пр. пр.) колеблются между 10—28%, если вывести среднее за годы, т.-е. с 1 сентября 80 г. по 1 сентября 81 г. (отчетный год у С. Морозова начинался с сентября), то получится за 80—81 год 14,70%. За 81—82—14,07%, за 82—83 г.—20,27%, за сентябрь, октябрь, ноябрь 84 г. 19,90% (эти выводы получаются из ведомостей по старо-ткацкой фабрике).

Правление уверяет, что при его громадных оборотах взыскания не имеют для него значения доходной статьи. Ясно, что это ложь: 20% заработной платы были для правления довольно солидной статьей дохода. Вообще, по части доходов правление во многом грешит против истины. Так, например, правление считает 82—83 год для себя убыточным. Приведем цифры из балансов за несколько лет: за 81—82 год чистая прибыль равняется 495.000 руб., кроме того отчислено в запасный капитал % на него же 107.902 руб. 74 к., дивиденду выдано по 70 руб. на пай, а всего 350.000 руб. За 82—83 год указан убыток—283.646 руб. 51 к., отчислено в запасный капитал 118,268 руб. 80 к. За 83—84 г. прибыль указывается в размере 540.000 руб., отчислено в запасный капитал 108.000 руб. [1]).

Относительно приводимых правлением цен на харчи, можно признать, что они были по тому времени не высокие, но делать отсюда те выводы, к которым приходит правление, что оно ограждало рабочих от эксплоатации торговцев и т. д.—нельзя. Во первых, надписи на расценках о том, что «покупать продукты можно где угодно» до стачки не было. Да и дело, главным образом, заключается не в надписи, а в той системе, которая практиковалась. Администрация выдавала очень мало деньгами и очень много харчами.

Надеемся в будущем восстановить полностью картину о харчевом довольствии рабочих. Пока что можем сказать, что фабрика всегда была в долгу рабочим не меньше месячной выработки. Можно сказать, что это служило серьезным увеличиванием оборотных средств товарищества. Покупая продукты на деньги задолженные рабочим и большими партиями, Т-во, ясно, наживало на этом большие деньги. По словам участников забастовки 85 года, один из ореховских фабрикантов Викула Морозов, в минуту откровенности признал, что харчевая лавка дает больше доходу, чем ткацкая фабрика. По отчетам, о которых мы выше говорили, за 81—82 год приводится: от операций фабричных контор Т-ва: Московской С. Р. 2443 р. 60 к., Никольской и подведомственных ей контор 975.737 р. 40 к., от продажи товаров 1.504.983 р. 82 к.; о каких операциях фабричных контор идет речь? Уж не тут ли собака зарыта? Такие операции повторяются каждый год. За 82—83 г. 250.148 р. 78 к., 83—84 г.—730.465 р. 63 к. Главные книги тех годов сорвут завесу с этих статей дохода и все тайное станет явным.

Об'яснение общих причин возникновения стачки может быть признано правильным, но правление при этом старается затушевать свою роль—выжимателей пота рабочих: положение рабочих на Морозовских фабриках было значительно хуже, чем на других фабриках той-же Владимирской губ. и не Шуйского уезда и значительно хуже положения ткачей Моск. губ. [2]).

---

[1]) Очевидно правление считало необходимым каждый год отчислять в запасный капитал проценты по нему же. Так практиковалось, но вряд ли запасный капитал лежал неподвижно; во всяком случае в убыточный год от этого правила можно бы и отступиться, так как убыток все же получается фиктивный и вряд ли сам Морозов считал, что он понес убытку в 1882 и в 1883 годы 283.646 р. 51 к.

[2]) Песков: „Фабричный быт Владимир. губ.“, и Дементьев: „Фабрика, что она даст населению“.

Письма и телеграммы Морозова Владимирскому губернатору.

№ 1.

Срочная. *Владимир. Его Превосходительству, Господину Владимирскому Губернатору.*

Телеграфируют с нашей фабрики Товарищества Никольской Мануфактуры *«Саввы Морозова Сын и К°»:* рабочие бунтуют, бьют стекла; разбили в школе, конторе, директора; разбита харчевая лавка; беспорядок увеличивается. Правление Товарищества просит Вас принять скорейшие меры к прекращению безпорядков. Директор Правления Тимофей Морозов. (Послана 7 января 1885 года, в 2 часа 5 минут дня).

№ 2.

Владимир. Его Превосходительству Начальнику Губернии.

Рабочие продолжают буйствовать и грабить. Я и директор находимся на станции в Павлове. Рабочие грозят пожаром, как говорят, раздаются прокламации, просим уведомить какие Вами будут приняты меры, они требуются немедленно. Дианов.

№ 3.

Владимир. Его Превосходительству Господину Владимирскому Губернатору.

На фабрике положительно бунт; толпы рабочих ни чем и ни кем не сдерживаются; представляется опасность для жизни живущих; необходимы немедленные и решительные меры к прекращению такого бунта. Правление Товарищества вновь покорнейше просит об этом Ваше Превосходительство. Директор Правления Тимофей Морозов. (Отправлена 1885 года, января 7-го дня в 4 часа 15 мин. дня).

№ 4.

Срочная. *Владимир. Его Превосходительству Господину Владимирскому Губернатору.*

Сейчас получили депешу с фабрики: находимся в крайней опасности, народ бунтует, убедительнейше просим возможно скорее прислать войска для прекращения безпорядков. Правление Мануфактуры *«Саввы Морозова Сын и К°»*. Директор. (Отправлена 7-го января 1885 г. в 5 час. 30 мин. вечера).

№ 5.

Орехово. Его Превосходительству Господину Владимирскому Губернатору.

За сделанными вчера уступками, вновь предложенные условия принять не можем. Находим несправедливыми. Конторе дано распоряжение удовлетворить требование о выдаче хлеба. Тимофей Морозов. (Подана 9-го января 1885 года, в 8 час. 25 мин. вечера).

№ 6.

Орехово. Его Превосходительству Господину Владимирскому Губернатору.

Мне телеграфируют два члена правления, находящиеся при Вас на фабрике, что после вывешенных ныне утром об'явлений, которыми подтверждались прежние об'явления, а также приглашался рабочий народ в 10 часов утра или на работы, или к получению расчета, они этого не исполнили и самые об'явления во многих местах сорвали. Поэтому я телеграфировал своим товарищам наклеить вновь об'явления и просить Вас поставить охрану к об'явлениям, а также усилить охрану находящихся на фабрике лиц и имущества Товарищества и принять меры к скорейшему удалению с фабрики прежде всего ткачей и их смотрителей, как главных зачинщиков бунта, которые после остановки своих работ погасили газ в своем ткацком корпусе и произвели разные беспорядки, ворвались в бумаго-прядильный корпус и там сделали беспорядок и остановили работы, и потом общею толпой произвели разграбление двух домов, харчевой лавки, хлебной и прочий разгром зданий. Присовокупляю мою покорнейшую Вам посьбу, как можно скорее удалить вышеназванных рабочих, как главных зачинщиков бунта. Такой буйный народ требует немедленного удаления, так как через день наступит Воскресенье, то в день праздничный к ним могут присоединиться беспокойные люди с прочих фабрик, и при возобновлении беспорядков принять участие, как это было и при первоначальных беспорядках. Я опасаюсь, что в таком случае беспорядки эти могут принять огромные размеры и иметь самые неприятные последствия. Поэтому покорнейше прошу Вас принять во внимание мою убедительную просьбу—ускорить удаление с фабрики опасных людей. П. п. Директор-распорядитель Тимофей Морозов. (Послана в 5 час. 30 мин. вечера 11 января 1885 года).

№ 7.

Владимир. Его Превосходительству Господину Владимирскому Губернатору.

По распоряжению Вашему безпокойные рабочие взятые и отправленные на родину, которым тогда же деньги и паспорта, по Вашему приказанию, при особых реэстрах переданы Покровскому исправнику для пересылки по их жительству; ныне часть оных рабочих приходят обратно и требуют паспорты и рассчета или взять на работу; контора не может исполнить их требования, а по сему обращаюсь в Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой сделать немедленное распоряжение об удалении оных рабочих с фабрики, дабы не повторились опять такие-же беспорядки и имущество Товарищества и служащих другой раз не подвергались опасности. Директор правления Тимофей Морозов. (Оная депеша подана из Никольского 31 генваря).

№ 8.

Владимир. Его Превосходительству Господину Владимирскому Губернатору.

Мне сообщают с фабрики: вчера прибыл Господин Камендант и делает распоряжение, чтобы все казаки выехади сегодня в восемь часов утра; следовательно фабрики Товарищества останутся без охраны. Такое положение невозможно, потому, как я уже телеграфировал Вашему Превосходительству 31 января, арестованные рабочие приходят обратно и требуют паспортов и рассчетов, которые, по распоряжению Вашему, усланы, а следовательно Контора их требования исполнить не может и они следуют к удалению; а также между бунтовщиками и благонамеренными есть недовольство: первые, производя беспорядки, не давали последним работать продолжительное время и лишили их заработков, вследствие оного могут произойти драки и убийства, а посему

ходатайствую и прошу Ваше Превосходительство: непременно оставить казаков еще на две недели, так как Вам известно, что полиции на фабрике имеется не более шести человек. (Депеша подана 6-го февраля 1885 г. в 9 часов утра).

№ 9.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Иосиф Михайлович.

По распоряжению Вашего Превосходительства из местечка Никольского выслано 612 человек рабочих, паспорта которых и причитающийся им расчет переданы г. Исправнику; помимо административно высланных, до 50 человек, по распоряжению судебной власти, отправлены в тюремный замок.

В настоящее время, как административно высланные, так и несколько человек, освобожденных из тюремного замка и отданных под надзор Полиции, являются ежедневно в контору, требуя для себя работы или путевых и других издержек, а некоторые из них (Федор Леонтьев Козлов), являясь в Контору пьяными и без паспортов, простирают свои требования еще дальше. Такой случай и особенно дерзкий имел место 19 сего февраля вечером, и Контора должна была обратиться к содействию Полиции. Г. Полицейский Надзиратель предложил им немедленно удалиться с фабрики, так как они, по их заявлению, проживают в селе Зуеве, но такое распоряжение не было исполнено и трое из шумевших арестованы, и на другой день отправлены, под конвоем казаков, на распоряжение г. Исправника.

Что было сделано г. Исправником—неизвестно, но известно только то, что арестованные тотчас были отпущены, как уведомили контору кучера, их отвозившие, и 21 числа утром были уже на фабрике.

В виду таких мер и в виду каждо-дневно повторяющихся случаев возвращения, а также в виду того, что многие из высланных и непринятых на работы все-таки проживают на фабрике и удаление их становится невозможным, а, стало быть, нельзя ручаться и за дальнейшую безопасность, я решаюсь просим Ваше Превосходительство принять зависящие от Вас меры к устранению могущих произойти вновь беспорядков и—чего Боже сохрани—несчастий на фабриках.

С истинным почтением имею честь быть, Вашего Превосходительства покорнейший слуга «Т. Морозов». 1885 г. Февраля 22 дня. (Послана простым письмом по почте).

Доклад правления Товарищества Никольской Мануфактуры Саввы Морозова Сын и К° чрезвычайному общему собранию Г.г. пайщиков 12-го марта 1885 г. [1]).

Милостивые Государи. Правление Товарищества Никольской Мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°» с целью ознакомить Г.г. пайщиков с вопросами подлежащими обсуждению в настоящем чрезвычайном общем Собрании, честь имеем представить Вам доклад об обстоятельствах, предшествовавших беспорядкам на фабриках Т-ва, происходившим в начале января сего 1885 года, о ходе самых беспорядков и о мерах, принятых правлением за это время.

В начале декабря 1884 г. до сведения администрации фабрики дошло, что ткачи жалуются на слишком большие взыскания за порчу товара. Правление Т-ва нашло возможным сложить с ткачей одну третью часть причитавшихся с них за ноябрь месяц взысканий: вследствие чего при рассчете за этот месяц ими не было заявлено никаких претензий.

---

[1]) Извлечение из доклада было напечатано в № 79 от 21/VII 85 г. газеты „Московские Ведомости".

Несмотря на это, 6-го января сего 1885 г. директору правления, заведующему фабриками Т-ва, М. И. Дианову, стало известно, что на следующее утро, т.-е. 7 января, ткачи собираются прекратить работу. М. И. Дианов распорядился для обеспечения порядка собрать до 300 человек чернорабочих, торфянников, и крючников и расставить их по местам, наиболее требовавшим охраны.

Утром 7-го января рабочие вышли по обыкновению на работу: но в седьмом часу в ткацкой фабрике, на так называемом «Новом Заведении», ткачи оставили работу, затушили газ и направились в прядильный корпус, где начали гнать прядильщиков с работы, кидая в нежелавших уходить чем ни попало и бросая в горевшие газовые рожки и катушки с ровницей. Последнее обстоятельство подвергало величайшей опасности сгореть, как самую фабрику, так и всех в ней находившихся. Из прядильной толпа, приняв в свой состав прядильщиков, направилась по так называемой «Главной улице» к Никольской конторе; но найдя ворота запертыми, прошла на Старое заведение, где произвела то же самое, что и на прядильной. Затем толпа разделилась на две части, одна из них пошла на так называемую «Английскую улицу», где разбила и разграбила квартиры—главного ткацкого мастера—А. И. Шорина и директора бумаго-прядильной фабрики М. П. Лотарева, а также выбила стекла почти во всех остальных квартирах по Английской улице: другая часть толпы в это время прошла на так называемый «Хозяйский Двор» и выбила окна в Никольской конторе, в квартире М. И. Дианова и бухгалтера Т. Д. Анофриева.

Тем временем стали стекаться и примыкать к толпе рабочие соседних фабрик и жители окрестных деревень. Отдельные кучки с шумом и криком ходили по фабрике, разбивая по пути стекла. Так были разбиты окна в школе, в литейной, в старой слесарной и в квартирах еще некоторых служащих.

Около 10-ти часов утра были разграблены хлебная и харчевая лавки Т-ва. В это же почти время часть рабочих напала на новую слесарную, уничтожила там рассчетные книги и переломала все, что находилось в конторе. Из новой слесарной рабочие ворвались на Красильное заведение, продолжавшее еще работать, и остановили и этот отдел фабрики. Между тем главная толпа, покончив с харчевою и хлебною лавками, приступила к грабежу розничного магазина, принадлежащего Обществу потребителей, состоящему из служащих и рабочих на фабриках Т-ва. Но в это время владельцы, собрав вокруг себя еще нескольких рабочих, подоспели на защиту своего имущества; произошла драка, во время которой нападавшие были оттеснены, вследствие чего в этой лавке, где находилось товаров на сумму до 30.000 рублей, разграблено было только на 800 рублей. После этого отпора толпа стала стихать, кое-где только били еще стекла, но затем ничего уже крупного не происходило.

Все вышеизложенное случилось в промежуток времени от 6 часов утра до часа дня. За это время было разбито до 13.000 стекол на сумму 3.500 рублей; разграблено (кроме имущества в квартирах служащих) жизненных припасов в харчевой и хлебной лавках более чем на 10.000 рублей. При этом многие из служащих, а также некоторые из 300 человек, поставленных для охраны фабрики, подверглись побоям.

Около 8-ми часов утра М. И. Дианов, не считая безопасным оставаться на фабрике, дал со станции Орехово телеграмму Г-ну Начальнику губернии, прося его немедленно прислать войско для защиты фабрики, и вслед затем выехал на станцию Павлово, откуда дал еще несколько телеграмм Г-ну Владимирскому Губернатору, извещая о положении дела на фабрике. Большая часть главных членов фабричной администрации также уехали с фабрики, как только это сделалось возможно. Оставались до конца беспорядков на своих местах только С. Д. Соловьев—распорядитель по выработке товаров и С. А. Назаров—заведующий красильным отделом фабрики. Благодаря распорядительности первого, Никольская контора и касса Т-ва на фабрике не подверглись разграблению,

второму правление обязано распоряжениями по охране фабрики, принятием мер на случай пожара, а также постоянными извещениями о ходе беспорядков.

Правление Т-ва в Москве, получив в 11¾ час. утра 7 января известие о происходящем на фабрике, обратилось в 12½ час. дня с телеграммою к Г-ну Министру Внутренних Дел, прося его сделать распоряжение как можно скорее защитить имущество Т-ва и жизнь служащих от грозившей им опасности. Вторая телеграмма подобного же содержания была послана Г-ну Министру в 7½ час вечера, в виду получившихся с фабрики известий о безпомощном ее положении и грозившей ночью опасности от поджогов. Кроме того, было дано несколько телеграмм Г-ну Владимирскому Губернатору.

В 9½ час. вечера 7 января прибыл на фабрику Г-н прокурор Московской Судебной Палаты, а в 10 часов Г-н Владимирский Губернатор, Г-н прокурор Владимирского Окружного Суда, Г-н Жандармский полковник и с ним два баталиона Великолуцкого полка.

На следующий день, т.-е. 8 января, утром Г-н Губернатор предложил рабочим начать работы; но они отказались, требуя сложения взыскания и жалуясь на заведывавшего ткацким отделом фабрики А. И. Шорина.

В два часа этого же дня на фабрику прибыл Директор-распорядитель Т. С. Морозов, которому и переданы были Г-м Губернатором и Г-м Прокурором Московской Судебной Палаты требования рабочих. Правление Т-ва, по предложению Г-на Губернатора и Г-на Прокурора, согласилось, для скорейшего прекращения беспорядков, сложить взыскания, причитавшиеся с рабочих с 1 октября т.-е. со дня последнего найма по 6-е января 1885 г. и уволить с фабрики А. И. Шорина. В тот же день с одобрения Г-на Губернатора и Г-на Прокурора Московской Судебной Палаты, были вывешены об'явления о сложении взысканий с 1-го октября п. г., и рабочие приглашались в контору для получения расчета и для нового найма на прежних условиях. Эти об'явления были сорваны рабочими. В этот день утром, когда был дан звонок для выхода на работу, вышли только одни красильщики, но толпа, бросая каменьями в окна, заставила их прекратить работу.

На следующий, третий, день беспорядков, т.-е. 9 января, опять вышли на работу только одни красильщики, и в этот день красильное заведение также подверглось нападению бунтующих, так как оно охранялось не постоянно, а иногда, за недостатком войска, караулы отводились и красильня оставалась без защиты. Хотя нападавшие и получили отпор от красильщиков, но Правление, не желая подвергать опасности жизнь и имущество этих последних, оставшееся без защиты в их казармах, решило приостановить работы и на красильной фабрике.

При этом Правление считает долгом заявить, что такое поведение красильщиков оно приписывает всецело личному влиянию заведующего красильной фабрикой С. А. Назарова.

В этот же день прибыло из Москва на фабрику четыре сотни казаков, так как имевшихся в наличности войск (два батальона Волоколуцкого полка) оказалось недостаточно.

В 2 часа у Никольской конторы собралась толпа тысячи в 3 человек; из нее по приглашению Г-на Губернатора, выделилась группа в несколько человек рабочих и пред'явила требования, смысл которых заключался в следующем:

1. Чтобы им платили по расценку, существовавшему до Пасхи 1884 года, (что составляет повышение цены за разные товары от 7 до 15%).

2. Чтобы взыскания были сложены не с 1-го октября 1884 г., а с Пасхи 1884 г. и заменены общим 5% вычетом с заработного рубля и

3. В случае неудовлетворения их требований, чтобы рассчет был им выдан по Пасху 1885 г. т.-е. требовали платы за время, в которое они не работали.

Удовлетворить эти требования Правление отказалось, находя их несправедливыми, и заявило Г-ну Губернатору, что никаких уступок рабочим, кроме об'явленных уже 8-го января с. г., оно сделать более не может.

На следующий, четвертый, день беспорядков, т.-е. 10-го января, все фабрики стояли и мер к прекращению забастовки никаких не принималось.

На пятый день беспорядков, т.-е. в пятницу 11 января, громадная толпа собралась у переезда через железную дорогу. К собравшимся выехал губернатор и снова предложил им: или итти на работу, или же получить рассчет и уходить с фабрики. Тогда из толпы вышел к Г-ну Губернатору один из главных зачинщиков беспорядков—В. С.Волков—и передал по указанию Г-на Губернатора Г-ну Прокурору Владимирского Окружного Суда бумагу с новыми требованиями от рабочих. Сюда входили требования, заявленные рабочими 9-го января с. г. и, кроме того, некоторые заявления, не имевшие прямого отношения к делу Т-ва, а касавшиеся общих вопросов фабричного законодательства.

После отказа рабочих итти на работу и выраженного ими нежелания рассчитаться по день оставления ими работ и уходить с фабрики, Г-н Губернатор приступил к арестам. Прежде всего, были арестованы двое из главных зачинщиков: Шелохин и Волков. Толпа было тронулась, чтобы освободить их, но была остановлена казаками. Затем был арестовано еще около 50 человек, их отвели в свободное помещение в одной из казарм и оставили там под караулом: не прошло и часу, как бунтующие дали набатный звонок и, собравшись большою толпою, освободили арестованных. Ободренные этим успехом рабочие в 7 часов вечера, около 1.000 человек, вооруженные камнями пришли к Никольской конторе и стали требовать у Г-на Губернатора освобождения Волкова В. С.—Г-н Губернатор велел толпе разойтись, когда же толпа не послушалась и продолжала шуметь, против нее были высланы две сотни казаков, которые ее и разогнали. Эта первая решительная мера против рабочих подействовали на них весьма благотворно: они в первый раз не добились того, чего требовали, и с этого дня замечается постепенный поворот к лучшему в их настроении. Хотя во все дни, начиная с 8-го января, вывешивались об'явления, приглашавшие на работы, но только со следующего после этого дня, т.-е. с субботы 12 января, рабочие начали понемногу выходить на фабрику: большинство же все еще упорствовало и удерживало других, становясь кучками на железнодорожных переездах и проходах к фабрикам, бросая камнями и нападая на шедших на работу. Многие из выходивших в эти дни на работы были избиты бунтующими. В особенности в этом отношении выделялась холостая артель, занимавшая казарму №1, и рабочие, жившие в казарме № 2. В виду этого в субботу, когда на фабрику в подкрепление находившихся там войск, прибыли из Москвы 1 батальон Перновского полка и еще две сотни казаков, Г-н Губернатор приказал оцепить вышеуказанные две казармы и вывести из них всех мужчин. После того как из их числа были отобраны лица наиболее благонадежные, остальные в воскресенье 13 января были отправлены на места жительства. Женам и детям высланных было предложено Правлением ехать вслед за мужьями и отцами, при чем, в случае недостаточности средств на проезд, Т-во брало этот расход на себя, выдавая, кроме того, некоторым семьям пособие деньгами и хлебом. Таким образом, в воскресенье 13 января было выслано Г-м Губернатором 183 человека: в следующие дни продолжались аресты и высылки рабочих, которых всего выслано было до 600 человек.

В понедельник 14 января народа на работу вышло значительно более; именно на всех фабриках работало 1984 человека; во вторник работало 2517 человек; в среду 3112 человек и т. д., так что с пятницы 18 января работы возобновились на фабриках Т-ва почти в тех же размерах, как и до начала беспорядков.

В ночь со среды на четверг 17-го января был арестован в деревне Ликине в 8 верстах от Орехова один из главных зачинщиков Петр Анисимов Щербаков, успевший уже скрыться с фабрики. Оказалось, что Щербаков прежде был сослан в Сибирь, а затем возвращен и проживал по обыкновенному паспорту на фабрике. Последнее обстоятельство помогло ему укрыться от бдительности фабричной администрации и свободно вести свою пропаганду среди рабочих. В связи с этим арестом находится приезд на фабрику Г-на Товарища Обер-Прокурора Правительствующего Сената, который оставался на фабрике с 20 по 22 января включительно.

В воскресенье 20 января с фабрики выехал Г-н Губернатор, а вслед затем стали уходить и войска, так что теперь на фабрике остаются только две сотни казаков в предупреждение беспорядков, могущих возникнуть при возвращении высланных рабочих и при предстоящем общем рассчете всех рабочих к наступающей Пасхе.

Изложив фактическую сторону дела, Правление позволяет себе высказаться о причинах беспорядков и указать на неосновательность тех обвинений, которые слышались в последнее время в печати.

Обвинения эти сводятся к следующим 4 пунктам:

1. Усиленные и произвольные взыскания с рабочих, как средство увеличения дохода.

2. Существование на фабриках харчевых лавок и обязательная для рабочих покупка в них припасов по высоким ценам.

3. Произвольное уменьшение числа рабочих часов и

4. Произвольное сокращение числа рабочих.

Действительно, за ткацкие пороки на фабрике Т-ва взыскивается очень строго, так что средний размер этих взысканий достигает по ткачеству 13% с заработного рубля.

С самого основания фабрик Т-ва на них было правилом: платить дорого за работу, но непременно взыскивать строго за порчу товара; такие взыскания необходимы для того, чтобы производить товар хорошего качества.—Что не в этом главная причина неудовольствия видно из того, что в беспорядках принимали участие рабочие, подвергающиеся ничтожному взысканию, как, наприм., прядильщики, взыскания с которых не превышают 2%, и рабочие, которые по самому существу своей работы не могут подвергаться взысканиям за порчу товара.

Чтобы показать Г-м пайщикам, насколько неосновательны жалобы на чрезмерные и произвольные взыскания, считаем необходимым представить следующие сведения о заработках и взысканиях с рабочих за время с Пасхи 1884 г. по 1 января 1885 года, а именно: по отделам прядильному, ткацкому, красильному и друг. уплачено заработной платы 605.000 рублей, а взысканий сделано 27.480 рублей или 4½%; по отделам суммы эти распределяются так: ткачам уплачено за работу 152.500 руб., взыскано 20.200 руб. или 13%; прядильщикам, красильщикам и др. уплачено 452.500 рублей, взыскано 7.280 руб. или 1,6% Из этих данных легко убедиться, что взыскания за порчу товара, по своей незначительности в сравнении с общими оборотами Т-ва, не могут иметь для него значения доходной статьи.

Еще рельефнее это выразится, если мы возьмем сравнительные данные о заработках рабочих и изысканиях с них за последние 4 операционные года.

Года.	Рабочие.	Заработок.	Взыскания.	%%	Процентное отношение взысканий к общей заработке.
1880/81	Ткачи	363.630	37.126	10.21	3.81
	Прядил., красил. и др.	1.036.364	16.217	1.57	
1881/82	Ткачи	349.923	346.659	9.90	3.57
	Прядил., красил. и др.	1.067.903	17.314	1.62	
1882/83	Ткачи	273.981	30.673	11.20	3 87
	Прядил., красил. и др.	842.702	12.509	1.48	
1883/84	Ткачи	270.915	29.774	10.99	4
	Прядил., красил. и др.	791.962	12.780	1.60	

Из приведенной таблицы видно, что размер взысканий с рабочих в % отношении к их заработкам, колеблется очень мало: между тем как прибыль от операций Т-ва за эти года далеко не одинакова, и даже за 1882—3 год, как Вам известно, Т-во имело громадный убыток. Это еще раз доказывает, что взыскания на фабриках Т-ва не существуют в смысле систематического уменьшения заработной платы рабочим и не имеют ни малейшей связи с прибылью Т-ва.

Что касается произвольности взысканий с рабочих, то на это Правление считает нужным заявить, что размер взысканий за определенные пороки в товаре заранее обусловлен при самом найме рабочих и указан вместе с заработной платой в расценочных таблицах. Следовательно, с этой стороны произвольность взысканий ограничена.

Переходя к рассмотрению второго обвинения, считаем долгом об'яснить следующее:

При фабрикх Т-ва действительно существует харчевая лавка, содержимая самим Товариществом: но забирать из нее харчевые припасы ни для рабочих, ни для служащих Т-ва не обязательно. Правило это не только напечатано во всех рассчетных книжках, выдаваемых рабочим при их найме, но и на всех расценочных ведомостях, вывешиваемых в харчевой лавке и в казармах рабочих значится: «*цены харчевым припасам, отпускаемым из лавки Товарищества для рабочих, желающих брать; кто не желает, может покупать, где хочет*».

Кроме того, так как замечено было, что рабочие, приобретая харчевые припасы в лавке Т-ва перепродавали их на сторону, то Правление вынуждено было ограничить количество отпускаемых на одного человека припасов определенною нормою, которая тоже указана в самых харчевых расценках. Из этого М.м. Г.г., можете заключить, что Правление Т-ва нисколько не стремится к усиленію сбыта харчевых припасов из своей лавки, а ведет это дело исключительно с целью снабжения своих рабочих доброкачественными харчевыми припасами по возможно дешевым ценам и имея в виду охранить их от эксплуатации местных лавочных торговцев.

Относительно цен на харчевые припасы в нашей лавке считаем долгом заявить, что таковые заранее назначаются и вывешиваются в конце текущего месяца на будущий, и они постоянно от 5 до 10% дешевле существующих цен в окрестных лавках.

Чтобы Вы могли иметь возможность судить о ценах в нашей харчевой лавке, считаем нужным привести цены, назначенные в конце декабря п. г. на январь, т.-е. до возникновения беспорядков, на главные продукты.

Хлеб ржаной	— р.	76	к. за пуд.
Мука ржаная	1 „	—	„ „ „
Крупа гречневая	1 „	40	„ „ „
Пшено	1 „	44	„ „ „
Сало говяжье	— „	17 1/2	„ за фунт.
Капуста белая	— „	2 1/2	„ „ „
„ полубелая	— „	1 1/2	„ „ „
Говядина парная 1 с.	— „	13	„ „ „
„ „ 2 с.	— „	12	„ „ „
„ „ 3 с.	— „	9 1/2	„ „ „
„ мороженая 1 с.	— „	10	„ „ „
„ „ 2 с.	— „	9	„ „ „
„ „ 3 с.	— „	8	„ „ „
Свинина мороженая без голов	— „	10	„ „ „
Масло конопляное	— „	17 1/2	„ „ „
Сельдь	— „	3 1/2	„ за шт.
Сахар рафинад Генера	— „	18	„ за фунт.

Товарищество имеет возможность держать такие умеренные цены в виду того, что оно приобретает продукты для своей харчевой лавки из первых рук и большими партиями. На покупку же зерновых продуктов обращено особое внимание Правления, так как они составляют главную составную часть пищи рабочих; продукты эти приобретаются на главных хлебных рынках нашей полосы,—в Моршанске и Ельце,—в зерне, дабы избежать этим способом часто встречающихся в торговле фальсификаций муки.

Что же касается до обвинения в произвольном сокращении числа рабочих дней и часов, а также сокращении количества рабочих, то Правление должно заявить, что обвинения эти никакого отношения до фабрик Т-ва иметь не могут, так как не только никаких сокращений в этом смысле у нас не было, но даже при возобновлени работ после беспорядков личный состав рабочих был несколько увеличен.

Об'яснив таким образом, насколько неосновательны были указания на вышеизложенные обстоятельства, как на причины настоящих беспорядков (поскольку это касается фабрик Т-ва), Правление позволяет себе в заключение высказать свой взгляд на это дело.

Настоящие причины беспорядков не имеют частичного характера, они кроются в общем ухудшении условий быта рабочих, вследствие повсеместного понижения заработной платы на фабриках в России, вызванного тем тяжелым кризисом, который в настоящее время переживает наша промышленность, а также в неудовлетворительности нашего фабричного законодательства, недостаточно ясно определяющего права и обязанности хозяев и рабочих.

Самый факт беспорядков на нашей фабрике следует рассматривать не как единичное явление, а как звено громадного движения рабочих, охватившего за последнее время русские фабрики и коснувшегося почти всех центров нашей фабричной жизни.

Чтобы судить о размерах этого движения, достаточно припомнить наиболее крупные беспорядки, происшедшие в течение зимы на Мануфактуре А. Карет-

никовой с сыном в Тейкове, на Вознесенской Мануфактуре, у Гречина в Иваново-Вознесенске, у Залогина и на Рождественской Мануфактуре в Твери, на Измайловской Мануфактуре в Москве, на нескольких фабриках Варшавского округа и продолжающиеся еще ныне беспорядки на фабрике Тверской Мануфактуры.

Если к этому прибавить еще то обстоятельство, что, по слухам, многие фабрики, в виду грозивших им тоже беспорядков, принуждены был войти в сделки со своими рабочими, то это вполне подтверждает высказанную мысль, что движение это имеет общий характер и окончательно исключает возможность относиться к беспорядкам на нашей фабрике, как к явлению частного характера, имеющему свои случайные причины.

Изложив пред Вами, М.м. Г.г., ход беспорядков на нашей фабрике, об'яснив неосновательность некоторых нареканий на наши действия, а также указав на истинные по нашему мнению причины этих событий, имеем честь представить на Ваше рассмотрение и утверждение следующие вопросы:

1. На каких условиях продолжать работы на наших фабриках, т.-е. придерживаться ли впредь существовавших до сих пор строгих условий приемки ткацких товаров, обеспечивающих высокое их качество, или же допустить послабление приемки товаров, а с ним вместе и ухудшение качества их,

и 2. Продолжать ли Товариществу после Пасхи с. г. работы на фабриках в ныне существующих размерах.

Б. ФРЕЙДЛИН.

Петроградский Совет Профессиональных Союзов в 1917 году. [1])

С первых же дней после февральской революции, в Петрограде начинается бурный рост и возрождение остатков, переживших реакцию 1908—14 г.г. и войну, профессиональных союзов и лихорадочная организация новых. Еще не умолкла вооруженная борьба на улицах, еще не были похоронены жертвы революции, как пролетариат Петрограда начал спешно организовывать свои боевые органы— профессиональные союзы, учитывая классовым инстинктом, что им предстоит еще самая ожесточенная, самая решительная борьба с буржуазией,—борьба не только экономическая, но и политическая. Ярче всего это отношение к перевороту и к временному правительству выявилось в многочисленных резолюциях рабочих собраний по вопросу о прекращении, начавшихся еще до свержения царизма, забастовок. Резолюции эти в общем и целом единодушно указывали, что революция еще не кончена, что власть захвачена буржуазией, контр-революционной по существу, и что рабочему классу еще предстоит борьба с буржуазией на всех социальных фронтах. Еще слабые и не окрепшие организационно, профессиональные союзы с самого начала становятся важнейшими центрами революционной агитации и борьбы. Так в номере первом «Вестника Профсоюзов» [2]) меньшевик Гоникберг писал: «С какой то стихийной силой развивается сейчас наше профдвижение. Нет мастерской, нет профессии, где не наблюдалась бы тяга к об'единению... И сейчас, как и тогда организационное оформление союза остается далеко позади его агитационной деятельности».

Естественно, что такое направление союзной линии с самого начала наложило свой отпечаток и дало определенный, соответствующий этой линии, характер и образовавшемуся в середине марта межсоюзному органу — Петроградскому Совету Профессиональных Союзов.

15-го марта состоялось собрание представителей, уже существовавших к тому времени и вновь образовавшихся, профессиональных союзов. Первым в порядке дня заседания был заслушан доклад т. Шмидта о временном уставе Союза. На этом же первом собрании, об'единившем представителей 10-ти профессиональных союзов, было зафиксировано уже выявившееся на практике понимание профессиональными союзами своих задач. «Нейтральности в профдвижении нет,—говорил в своем докладе тов. Шмидт,—разделить политику и экономику в классовой организации пролетариата, каковой несомненно является профессиональный союз, нельзя». И далее товарищ Шмидт говорит о том, что

---

[1]) Материалами к настоящей статье послужили: папки протоколов заседаний Петроградского Совета за период—март—ноябрь 1917 г. и периодические издания (газеты и журналы) за этот же период. Основной материал—протоколы, причем некоторые из них составлены так, что возбуждают большие сомнения на счет правильности изложения того, о чем говорилось на заседании. Таков, например, протокол от 9-го ноября, в котором речь т. Ленина приведена в таком искаженном виде, что мы не решились ее привести.

[2]) „Вестник профсоюзов". Орган Ц. Б. Петроградских профессиональных союзов. № 1. 20-го мая 1917 г.

дробление по профессиям вредно и что союзы надо строить по производственному принципу. Вместе с тем уже с первых шагов организации надо подумать о Всероссийском Об'единении.

Собрание по докладу тов. Шмидта принимает следующие основные пункты устава Союза:

«1) Союз имеет целью улучшение материального положения своих членов и защиту политических прав, как членов, так и союза.

2) Членом союза является каждый занятый в данном производстве, за исключением лиц, занимающих административные посты. Членом можно быть без различия возраста, право же решающего голоса получает член, достигший 16-ти лет.

3) Данный союз имеет целью охватить рабочих данного производства во Всероссийском масштабе».

2-е собрание Петроградских Профессиональных Союзов, 20-го марта, дает прежде всего начало организационному оформлению межсоюзного об'единения: избирается Исполнительная Комиссия Временного Центрального Бюро Профсоюзов. Вместе с тем на этом заседании снова фиксируется неразрывная связь между собой всех форм рабочего движения; и если 15-го марта был идеологически закреплен отказ от политики нейтральности, то теперь мы уже имеем известное практическое доказательство этого отказа. По вопросу о представительстве профсоюзов в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов постановлено: признать необходимым участие представителей Центрального Бюро Профсоюзов в Исполнительном Комитете Сов. Р. и С. Д. и в секции по Охране Труда. Далее постановлено обратиться в Исполком Сов. Р. и С. Д. с предложением оказать Бюро материальную поддержку, причем с таким же призывом обратиться и к рабочей кооперации.

Этот же вопрос о связи с Сов. Р. и С. Д. снова ставится на заседание Ц. Б. 30-го марта, причем решено настаивать перед Сов. Р. и С. Д. о предоставлении делегатам Ц. Б. права решающего голоса в числе, равном числу представителей партийных организаций. Тогда же решено пригласить в Исполнительную Комиссию Ц. Б. представителя Отдела Труда при Сов. Р. и С. Д.

Основные задачи и принципы профессионального движения и главный из них—неразрывность политической и экономической борьбы рабочего класса—видны также и из принятого на заседании Центрального Бюро от 1-го мая Устава Ц. Б. По этому уставу Ц. Б. имеет целью: содействовать развитию профессионального движения петербургского пролетариата и выявлению его классового самосознания; содействовать экономической борьбе рабочего класса; согласовывать деятельность отдельных союзов и оказывать им содействие при выработке условий договоров и тарифов; защиту политических прав союзов и влияние на рабочее законодательство всеми имеющимися в его распоряжении средствами; устанавливать согласованность действий с другими формами рабочего движения (политической партией пролетариата, кооперативами и проч.).

Организационная структура Петроградского Ц. Б. Профессиональных Союзов была выработана следующая: постоянным исполнительным органом являлась состоявшая из 9-ти членов Исполнительная Комиссия. Центральное же Бюро (пленум), как орган, выявлявший мнение всего организованного Петроградского пролетариата, составлялось из представителей всех об'единявшихся Ц. Б. профессиональных союзов. Оно собиралось по мере надобности для разрешения важнейших текущих вопросов профессионального движения и для обсуждения политических и экономических проблем момента. Такая конструкция освободила с самого начала Центральное Бюро, являвшееся органом несколько громоздким, от необходимости ставить на своих заседаниях такие вопросы, которые легче было разрешить более гибкому органу—Исполнительной Комиссии, которая взяла на себя эту работу.

По докладу тов. Шмидта на заседании Центрального Бюро 26-го сентября мы можем проследить весь ход развития его деятельности: «В первое время особое внимание Исполнительной Комиссии сосредоточивалось на Центральной Примирительной Камере, где при ее непосредственном участии разрешаются многие вопросы чрезвычайной важности»,—говорил в своем отчете тов. Шмидт. «На Петроградский Совет в это время падала задача закрепления завоевываемых побед. За отсутствием опыта и необходимых материалов во многих вопросах приходилось итти ощупью. При участии Исполнительной Комиссии союзами вырабатывались коллективные договора, рассматривались различные требования, как рабочих, так и предпринимателей и т. д. Приходилось также принимать деятельное участие в правительственных комиссиях по выработке различных законопроектов и особых положений, затрагивающих в той или иной степени интересы рабочих. Приблизительно с 15-го мая началось усиление организационной работы. В целях укрепления союзов и усиления их мощи отдельные производственно близкие друг к другу союзы стали об'единяться. В связи с усилением организационного строительства возник вопрос о расширении штата работников и о создании инструкторской коллегии. Исполнительная Комиссия посылала своих представителей во многие общественные организации, как-то: Заводское Совещание, Комитет по снабжению топливом и т. д.».

Уже в мае была проведена анкета среди союзов, выяснившая, что в состав Совета профессиональных союзов входит 30 союзов, об'единяющих около 250.000 членов, что составляло тогда около 30% всего петроградского пролетариата. «В настоящее время (сентябрь 1917 г.), говорит тов Шмидт,— Совет об'единяет свыше 50 союзов, насчитывающих не менее 450 тысяч членов. Большую работу выполнила Исполнительная Комиссия по разрешению возникавших на почве тарифов конфликтов. Советом были улажены крупные конфликты на заводах: Путиловском, Айвазе, Лангензипена и. др. Благодаря же участию в Заводском Совещании удалось предотвратить закрытие целого ряда предприятий. Постепенно развертывается самый аппарат Совета профсоюзов: в сентябре начинает функционировать при Совете—Рабочий Секретариат для оказания бесплатной юридической помощи членам союзов; организуется культурно-просветительный отдел».

Вся эта работа проделывается Исполнительной Комиссией по общим принципиальным указаниям Центрального Бюро, т.-е. Пленума Совета. Естественно, что посвящать себя всецело вопросам только профессионального строительства Ц. Б. не могло. Слишком бурно было это время борьбы за Октябрь, слишком ответственна тогда была роль Ц. Б., как представителя и выразителя мнений и настроений петроградского пролетариата—и поэтому понятно, что в общей сумме вопросов, решавшихся им, доминировали вопросы общеполитического и экономического характера.

Остановимся сначала на некоторых, обсуждавшихся Центральным Бюро, вопросах, наиболее близко соприкасавшихся с профессиональной жизнью.

На заседании Ц. Б. от 5-го апреля по докладу о Биржах Труда приняты следующие постановления: «1) паритет в управлении, 2) принцип найма не должен противоречить договорным условиям между трудом и капиталом в данной профессии, 3) служащие должны наниматься только по рекомендации профсоюзов, 4) руководство профсоюзом соответствующими отделами, 5) культурно-просветительная деятельность должна быть под контролем рабочих, 6) руководство всеми обслуживающими Биржу Труда учреждениями (столовыми, общежитиями и т. д.), 7) действие Биржи по снабжению рабочей силой данного предприятия прекращается в случае забастовки или бойкота предприятия, 8) издание бюллетеня и 9) бесплатность обслуживания».

На заседании от 5-го мая по докладу тов. Рязанова обсуждается законопроект о стачках. В законопроект вносятся следующие положения: «никакие

стачки, забастовки и другие аналогичные действия рабочих, предпринятые в целях экономической борьбы ни в каких отраслях народного хозяйства не наказуемы». И далее: «должен быть издан законопроект о закреплении и расширении права стачек только для рабочих. В законе этом свобода стачек не должна быть распространена на предпринимателей».

5-го июля Центральное Бюро обсуждает другой проект Министерства Труда —о Примирительных Камерах. По этому вопросу заслушивается доклад тов. Авилова-Глебова, который информирует Ц. Б. о том, что при рассмотрении законопроекта в Комитете при Министерстве Торговли и Промышленности представителями Совета профсоюзов были выдвинуты следующие три основные положения: 1) необязательность обращения, 2) необязательность решения и 3) необязательность организации примирительных камер. Министерство же Труда, в виду выдвинутого вопроса о государственном контроле над производством, предлагает принять «временное положение о примирительных учреждениях» с принципами обязательного обращения, решения и организации примирительных камер. Центральное Бюро к этому вопросу подходит очень осторожно и постановляет: «рассмотрение законопроекта о временном положении о примирительных учреждениях, отвергнуть. Если при проведении закона о государственном контроле над производством, Министерство Труда внесет добавление к закону о примирительных камерах, то мы будем рассматривать его в зависимости от общей ситуации».

В следующий раз Петроградский Совет профсоюзов сталкивается с Министерством Труда на заседании от 1-го августа [1]) при обсуждении предложения Министерства Труда наметить кандидата на пост Комиссара Труда в Петрограде. По этому вопросу выносится следующая резолюция, принятием которой петроградские профессиональные союзы становятся в резкую оппозицию Скобелевскому министерству: «Признавая, что только проведение принципа выборной инспекции от рабочих могло бы позволить профессиональным союзам взять на себя ответственность за деятельность учреждаемого комиссариата Труда, как одного из органов рабочей инспекции, Петроградский Совет профессиональных союзов отказывается от предложения министерства Труда наметить своего кандидата».

Не прошел Совет профессиональных союзов и мимо организации социального страхования. На заседании Совета от 3-го октября заслушивается доклад представителя Бюро по организации общегородской больничной кассы, который указывает, что вовлечение широких рабочих масс в страховое движение— непосредственная задача профсоюзов. Все заинтересованные профессиональные союзы должны организовать у себя особые секции для проведения страховой кампании. Эти секции в целях координации работы об'единяются в страховой коллектив, входящий в теснейший контакт с Бюро по организации петроградской общегородской больничной кассы. По докладу Совет постановляет: поручить Рабочему Секретариату организовать, совместно с Бюро по организации общегородской больничной кассы, страховую коллегию из представителей заинтересованных союзов.

Забастовочному движению Советом уделяется весьма много внимания. Совет корректирует линию союзов, их подход к каждой забастовке и выявляет свое отношение к ней.

На заседании Совета 5-го сентября тов. Лебедев делает заявление о надвигающейся забастовке рабочих текстильных предприятий Петрограда, в которой примут участие 35.000 человек. Все меры, предпринимавшиеся союзом для предовращения забастовки, результатов не дали. После детального обсуждения

[1]) На этом же заседании Центральное Бюро переименовывается в Петроградский Совет Профессиональных Союзов.

заявления тов. Лебедева, Совет выносит резолюцию: «П. С. П. С. констатирует, что союз исчерпал все способы для мирного улажения конфликта с предпринимателями. Возлагая всю ответственность за возможные последствия забастовки в текстильной промышленности на Общество Фабрикантов и Заводчиков, П. С. П. С. обещает со своей стороны всеми силами поддерживать справедливое требование союза текстильщиков».

Вторично вопросы, связанные с забастовочным движением обсуждаются Советом Союзов 26-го сентября.

Заслушивается заявление тов. Желиоровича о конфликте между союзом деревообделочников и Обществом Фабрикантов и Заводчиков. Несмотря на значительные уступки, сделанные союзом, предприниматели настаивают на ставках приблизительно в два раза меньше выработанного союзом минимума. Совет постановляет: «признать, что все способы мирных переговоров исчерпаны и что конфликт можно решить лишь открытой борьбой. В состав стачечного комитета должен войти представитель Исполнительной Комиссии, предварительно еще раз взвесить шансы предстоящей борьбы».

На этом же заседании Советом обсуждаются еще два конфликтных вопроса, причем оба они связаны с политикой Временного Правительства, и поэтому решение по ним являются также резким осуждением правительства. По заявлению тов. Вербицкого о том, что Штабом Округа издано распоряжение об удлинении часов торговли в хлебных лавках и об отмене в них обеденного перерыва для «борьбы с хвостами», Совет выносит резолюцию, в которой усматривает в постановлении Штаба прямое покушение на коренное завоевание рабочего класса—8-ми часовой рабочий день—и желание военной клики показать, что она может лучше бороться с хвостами, нежели демократические организации. «П. С. П. С.—говорит далее резолюция,—будет через своих представителей добиваться в Городской Думе обязательного постановления о временени начала и окончания торга, в общем не превышающем 8-ми-часовой рабочий день. Предложить союзу торгово-промышленных служащих принять все меры борьбы за действительное проведение 8-ми-часового рабочего дня, причем П. С. П. С. в этой борьбе окажет ему полную поддержку».

Далее заслушивается заявление тов. Рязанова о ходе переговоров бастующих железнодорожников с правительством. Совет постановляет послать в стачечный комитет союза железнодорожников своего представителя и присоединиться к резолюции, вынесенной по поводу этой забастовки Исполкомом Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. В сентябре в Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов уже наметился настолько значительный сдвиг влево, что Совет Союзов мог принять резолюцию Исполкома целиком .Эта резолюция следующая:

«Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов констатирует, что железнодорожная забастовка была навязана железнодорожным рабочим и служащим политикой временного правительства, которое безнадежно затягивало разрешение самых острых и неотложных нужд тружеников железнодорожного дела, к которым революция до сих пор относилась как к пасынкам, тогда как они стоят в первом ряду ее верных сынов, и в течение 7-ми месяцев революции проявили исключительную гражданскую выдержку и революционную стойкость. Исполнительный Комитет констатирует далее, что руководящие железнодорожные организации принимают все зависящие от них меры к тому, чтобы забастовка по возможности менее болезненно отразилась на положении фронта и продовольствовании больших городов. Исполнительный Комитет обращает далее внимание всех солдат, рабочих, крестьян и всех вообще честных граждан на эту злобную погромную агитацию, которую ведет сейчас буржуазная печать, стремящаяся натравить население и особенно солдат на тружеников железнодорожного дела. Исполнительный

Комитет считает необходимым принять меры к тому, чтобы забастовка была закончена в кратчайший срок с наименьшими потрясениями для расстроенного хозяйства страны и с удовлетворением всех неотложных потребностей железнодорожного персонала. Исполнительный Комитет призывает всех мириться с временными неудобствами и затруднениями, возникающими из факта забастовки, как с печальными результатами невнимания к нуждам большой категории рабочего класса, охранять железнодорожников от клеветы, травли и от всяких попыток сломить забастовку путем насильственных мер».

А всего месяц спустя после февральской революции, 9-го апреля (по старому стилю, как и все даты, приводимые в статье) общее собрание Петроградского Совета Р. и С. Д. большинством постановило: в праздник 18-го апреля (1-е мая) не работать, а взамен этого работать воскресенье 16-го апреля. 12-го апреля представитель Совета Р. и С. Д. выступает с внеочередным заявлением на заседании Совета профсоюзов и информирует об этом решении отрабатывать первое мая. По вопросу об «отрабатывании» развертываются страстные прения. Меньшевики ожесточенно защищают постановление Совета Р. и С. Д.. Большевики стоят на точке зрения, опубликованной накануне в «Правде» резолюции Петроградского Комитета Партии, гласящей следующее: «Исполнительная Комиссия П. К. Р. С. Д. Р. П. обсудив постановление Исп. Ком. С. Р. и С. Д. о работе заводов Петрограда вместо 18 (день первого мая) в воскресенье 16 апреля, находит, что это постановление Исп. Ком. С. Р. и С. Д. по существу своему является нарушением постановления Амстердамского Социалистического Конгресса о праздновании первого мая и потому решительно высказавается против работы за первомайский праздник в воскресенье 16 апреля и призывает районные организации Петербурга развить на заводах агитацию против «отработки» нашего пролетарского праздника».

В результате голоса раскололись: 11 голосов получила резолюция большевиков и 11—меньшевиков. Таким образом, по вопросу об «отрабатывании» Совет союзов никакого постановления не вынес.

К первому же мая Совет союзов рекомендует организованному пролетариату Петрограда следующие лозунги: «Замена постоянной армии народной милицией», «Да здравствует 8-ми часовой рабочий день», «Да здравствует международное братство народов», «Долой захват и завоевания», «Все в профессиональный союз», «Союз и партия—единое дело», «Да здравствует Интернационал и Социализм».

Мы можем сказать, что на этом заседании, посвященном вопросу о первом мая, борьба между большевиками и меньшевиками была самой ожесточенной за весь период их совместного пребывания в Петроградском Совете профсоюзов. Гегемония большевиков в Совете с каждым днем становится все очевиднее и в соответствии с этим все прямее и революционней становится линия Совета.

19-го апреля Совет профсоюзов по вопросу о травле вождей рабочего класса принимает следующую резолюцию: «Мы самым решительным образом протестуем против той гнусной травли, которая ведется буржуазной частью общества против т. Ленина и других социалистических деятелей и направлена к тому, чтобы посеять рознь между рабочими и солдатами революционной армии. Ц. Б. профсоюзов призывает всех членов профсоюзов вести самую энергичную борьбу с железными силами реакции и бойкотировать «Русскую Волю», «Вечернее время», «Биржевку», «Речь», «Маленькую газету» и проч. буржуазную прессу, прибегающую к самой гнусной клевете, с тем, чтобы разбить рабочий класс на два враждебных лагеря и противопоставить ему армию».

По этому же вопросу—о травле вождей рабочего класса, Совет союзов высказывается также на своем пленуме 6—7 июля. Тогда принимается резолюция, в которой от имени профессиональных союзов Петрограда выносится негодующий протест «против гнусной клеветы, распространяемой контр-револю-

ционными газетами, по почину Алексинского и Бурцева против заслуженных вождей рабочего класса: Ленина, Троцкого, Каменева и др. Собрание видит в этом поход против всего рабочего класса и его организации».

На заседании Совета союзов 5 сентября, по заслушании сообщения т. Рязанова о внесении от имени П. С. П. С. залога в 3.000 рублей для освобождения т. Троцкого, постановлено всецело одобрить действия т. Рязанова и приветствовать возвращение т. Троцкого в ряды революционного пролетариата.

Надо сказать, что в оценке тактики временного правительства и линии поведения буржуазии за весь период 17 г. (исключение—вопрос о первом мая) большевики и меньшевики в Совете союзов выступали почти всегда совместно. В связи с третье-июльским выступлением политика временного правительства подвергается самой суровой критике на пленуме 6—7 июля. Уже резко становится вопрос о переходе власти к Советам Р. и С. Д. Выступающий на пленуме т. Троцкий заявляет, что пролетариат уже достаточно созрел для того, чтобы покончить с первым периодом революции—романом либеральной буржуазии и мелкой демократии. Пленум выступает со следующей политической декларацией: «Русская революция переживает кризис. Русская буржуазия с'организовалась для захвата власти. Вопреки страстным желаниям контр-революционеров русская революция выйдет невредимой и из этого испытания. Организованная буржуазия, саботировавшая революционные реформы, покинула ряды революции; она выстроилась боевым фронтом против революционного народа. На пролетариат и крестьянство падает тяжелая ответственная, но и бесконечно почетная, задача: рабочая и крестьянская демократия должна отныне одна довести революцию до победного конца. В обстановке создаваемой несогласованными выступлениями революционной демократии, контр-революции легче всего подготовить свой удар. Чтобы довести Россию до учредительного собрания, чтобы вырвать ее из об'ятий империалистической войны, чтоб осуществить все необходимые для спасения революции социальные реформы— рабочий класс и крестьянская демократия обязаны организованно сплотиться вокруг полномочных органов революционной демократии—вокруг Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Революция в опасности. Натравливание солдат на рабочих, деревни на города, фронта на тыл, одной национальности на другую, одной части рабочих на другую—мы клеймим как классовую, своекорыстную политику буржуазной контр-революции. Мы зовем к борьбе с нашим общим врагом, и еще раз мы говорим вам: только укрепление классовых политических и профессиональных организаций выведет нас из тупика и создаст условия для борьбы за наши ближайшие и конечные цели».

Положение, создавшееся в связи с прорывом на рижском фронте, несколько раз обсуждается Петроградским Советом союзов.

24 и 26 августа с докладами о прорыве на рижском фронте и о защите Петрограда выступает на пленуме Совета профсоюзов т. Лозовский. «Нам нужно дать ответ на то»,—говорит т. Лозовский,—«при каких условиях петроградский пролетариат примет участие в обороне столицы. Пролетариат не всегда отказывается от обороны, и в данном случае может принять участие в ней, если власть не будет находиться в руках контр-революционных элементов. Энтузиазм можно пробудить только к борьбе за мир и ни к чему другому. Необходим отказ от политики компромиссов и колебаний, ударяющих по левому крылу революции, уступок контр-революционным гнездам—думе, генеральному штабу, клерикалам и др.». Все выступавшие после т. Лозовского ораторы единодушны в критике временного правительства и в признании его контр-революционности. Революция находится в опасности не со времени прорыва рижского фронта, а с того момента, когда, уничтожив самодержавие, она не разрешила стоящих перед ней задач, говорит т. Мгеладзе. Эту же мысль поддерживают и т. т. Анцелович, Дербышев, Евдокимов, Скрыпник и др.

В результате оживленных прений от имени Петроградского Совета профессиональных союзов и Центрального Совета фабрично-заводских комитетов принимается следующая резолюция: «Последнее поражение на театре войны и прорыв рижского фронта грозят стране, которая истощена трехлетней войной и связанной с ней хозяйственной разрухой, новыми ужасными бедствиями. Контр-революция, устроившая на московском совещании смотр своим силам, подняла в настоящее время голову и стремится использовать в своих интересах прорыв фронта и падение Риги, чтобы нанести удар революции и отнять у трудовых масс их завоевания. Рабочему классу необходимо напрячь все усилия для обороны революции от направленных против нее покушений. С негодованием отвергая клевету и ложь, распространяемые против солдат, мы считаем нужным заявить, что рассматриваем создавшееся угрожающее положение, как результат политики коалиционного временного правительства, приносящего интересы мира и народных масс в жертву союзным и русским империалистам. Заключив соглашение с господствующими классами, правительство оказалось игрушкой в руках контр-революции, обрушив всю силу своего удара на левый фланг революционной демократии. Угроза внешнего разгрома и внутреннего разложения повисла над страной. Чтобы вывести страну и революцию из тупика необходимо немедленное декретирование республики, ряд решительных мер, которые передали бы распоряжение помещичьими землями в руки крестьянских комитетов, немедленное осуществление рабочего контроля над промышленностью вместе с государственной организацией ряда ее отраслей, регулирование продовольствия, решительная и беспощадная борьба со всеми контр-революционными силами, отмена всех репрессий и ограничений, направленных против революционных солдат, рабочих и крестьян и самочинных народных организаций, смена контр-революционных генералов и роспуск государственной думы и государственного совета. Вот те общие меры, которые должны быть немедленно приняты для спасения революции от внешнего погрома и внутреннего поражения. Что-же касается вопроса о защите Петрограда, то в этих целях необходимо:

1) организовать рабочую милицию,

2) совместно с продовольственными органами выработать меры к уничтожению очередей и организации общественных столовых,

3) разработать совместно с городским самоуправлением план общественных работ на случай закрытия фабрик и заводов,

4) ликвидация преследований, связанных с событиями 3 и 5 июля и освобождение всех арестованных,

5) урегулирование жилищного вопроса,

6) контроль над действиями петроградских военных властей.

Для осуществления этих мероприятий собрание считает необходимым создать Комитет Обороны Петрограда от контр-революции из представителей Петроградского Совета профсоюзов, Центрального Совета Фабрично-Заводских Комитетов, рабочей кооперации, рабочей секции Петроградского Совета С. и Р. Д., Центрального Исполнительного Комитета Советов Р. С. и К. Д. и вновь избранной Городской Думы. Контролю Комитета Обороны Петрограда от контр-революции подлежит эвакуация гражданского населения, промышленных и общественных предприятий и учреждений, а также и вывод и передвижение войск. Охрана города и заводских предприятий переходит в ведение этого Комитета, который будет обладать достаточной моральной и материальной силой, чтоб охранять петроградское население от контр-революционных заговоров и покушений».

В дальнейшем на страницах протоколов Совета профсоюзов мы неоднократно встречаем вопрос о Комитете по Обороне Петрограда от контр-революции, которому профсоюзы оказывают всяческую поддержку.

Экономическая политика временного правительства и экономическое положение страны вообще также неоднократно обсуждаются Советом профсоюзов. На страницах протоколов его заседаний мы находим и вопросы промышленности, и вопросы безработицы и, главным образом, вопросы продовольственного положения Петрограда, которым Совет уделял исключительное внимание.

Отношение Совета профсоюзов к Октябрьскому перевороту целиком характеризует следующая резолюция, принятая на заседании Совета от 9-го ноября 1917 г., по докладу т. Ленина: «Обсудив вопрос о текущем моменте собрание считает: во 1) что восстание народных масс 25 октября вызвано всей политикой соглашения с контр-революционной буржуазией, 2) что выдвинутое Вторым Всероссийским С'ездом Рабочее и Крестьянское Правительство есть единственный орган власти, верно отражающий интересы подавляющего большинства населения, 3) что только укрепление власти Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов сможет вывести страну из тяжелого положения и решить основные вопросы о мире, земле и рабочем контроле, 4) что всякий саботаж власти является преступлением по отношению к рабочему классу и всему народу, ибо направлен к гибели всех завоеваний революции. Собрание призывает поэтому все профессиональные союзы Петрограда оказывать всемерную поддержку Советской Власти и к немедленной энергичной деятельности в области контроля и регулирования производства на основе программы новой власти Рабочего и Крестьянского Правительства».

Отдел IV.

ХРОНИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

А. КАЦ.

Хроника профессионального и рабочего движения в России (1870—1889 г.г.)

Настоящая «хроника» является первой частью подготовляемой к печати «Летописи профессионального движения рабочих в России 1870 — 1903 г.».

В хронике, охватывающей период 1870—1889 г.г. изложены вкратце важнейшие моменты профессионального рабочего движения как-то: стачечная борьба, факты организации касс взаимопомощи и борьбы и рабочее законодательство как результат этой экономической (и как таковой, понятно, и политической) борьбы рабочих за улучшение своего положения. В отличие от хроники, помещенной нами в 1-ом томе «Материалов», в этой части не приведены ежегодные статистические данные о размерах стачечного движения рабочих по той причине, что официальная (правительственная) регистрация такового началась лишь с начала 1895 года. Взамен этого нами приведены некоторые цифровые данные, заимствованные у Л. Мартова (из его книги «Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России»), характеризующие стачечное движение за периоды с 1865 по 1876 г.г., с 1878 по 1880 г.г. и с 1881 по 1886 г.г.

Описываемый нами в хронологическом порядке период 1870 — 1889 г.г. характерен экономической борьбой рабочих, развивавшейся, особенно в 70-х годах, стихийно, и говорить о более или менее организованном профессиональном движении в это время не приходится, ибо государственная власть старалась в корне пресекать всякое революционное, и тем более, пролетарское движение. Редкие легально оформленные организации того времени (кассы взаимопомощи, ссудо-сберегательные кассы и т. п.), как полухозяйские по своему составу, и действовавшие с разрешения правительства и под непосредственным контролем местных властей, могут быть с большой натяжкой названы рабочими организациями. Экономическая борьба рабочих проходила мимо этих организаций и в большинстве случаев протекала против их воли. Лишь в конце 70-х годов и в начале 80-х борьба проходит под известным влиянием образовавшихся к тому времени нелегальных рабочих организаций (одесский «Южно-русский рабочий союз» и петербургский «Северно-русский союз рабочих»). Борьба эта моментами достигала довольно высокого под'ема. Так, 1878 год в Петербурге и затем, после промышленного кризиса начала

80-х г.г., 1885 год в Московской губернии ознаменовались выдающимися по своему значению стачками, заставившими царское правительство призадуматься над рабочим вопросом и издать некоторые законы, регулирующие взаимоотношения рабочих с предпринимателями.

Предлагаемая вниманию читателя хроника, составленная как по литературным, так и по многим опубликованным за последнее время архивным материалам, надеемся, несколько поможет изучению и лучшему уяснению современного профессионального движения, неразрывно связанного с рабочим движением, рассматриваемого нами периода. Одновременно хроника сможет быть также использована в качестве иллюстративного пособия для преподавателей профессионального движения в России — в совпартшколах, тем более, что в таких пособиях чувствуется известный недостаток.

При составлении «хроники» автор пользовался следующей литературой:

«Рабочий Ежегодник», том I. 1906 г., изд. «Альманах», Спб. 1906 г.

Поссе, В. А. Рабочие стачки. Очерки. Россия. Журнал «Библиотека Рабочего», № 10, 1906 г. Ред.-изд. В. А. Поссе.

Прокопович, С. Н. К рабочему вопросу в России. Спб. 1905 г.

Туган-Барановский, М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. 4-е изд. «Московский Рабочий». М. 1922 г.

Озеров, И. Х. Политика по рабочему вопросу в России. Москва, 1905 г.

Пажитнов, К. Положение рабочего класса в России. Изд. «Новый Мир». Спб. 1906 год.

Его же. Рабочее движение в России. Изд. «Новый Мир».

Тютрюмова, Р. А. Фабричное законодательство в России. Изд. «Польза», В. Антик и К-о. Москва. 1908 г.

Балицкий, Г. Фабричное законодательство в России. Изд. «Труд и Воля». Москва. 1906 г.

Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе за последние 15 лет. Изд. союза русских социал-демократов. Женева. 1900 г.

Календарь русской революции. Под общей редакцией В. Л. Бурцева. Спб. Изд. «Шиповник». 1906 г.

Гриневич, В. Профессиональное движение в России. Изд. ВЦСПС. Москва. 1922 г.

Непряхин, М. Общества взаимопомощи торговых служащих. Изд. «Горизонты». Саратов. 1913 г.

Антошкин, Д. Очерк движения служащих в России (со второй половины XIX века). Изд. Ц. К. союза совработников. М. 1921 г.

Мартов, Л. Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Изд. «Книга». Петербург — Москва. 1923 г.

Батурин. Очерк развития социал-демократии в России. Изд. «Московский Рабочий». 1922 г.

Его-же. Очерки рабочего движения 70 — 80-х г.г.

Материалы по истории еврейского рабочего движения. Вып. I. Изд. «Трибуна». Спб. 1906 г.

Записки жандармского полковника Николая Ираклиевича Воронова о событиях Владимирской губ. Владимир. 1907 г.

Ельницкий, А. История рабочего движения в России. 2-е пересмотренное и дополненное изд. ВЦСПС. Москва. 1923 г.

Плеханов, Г. В. Русский рабочий в революционном движении.

Гессен, Ю. К истории стачек фабричных рабочих в начале 70-х г.г. «Архив Истории Труда», кн. 3-я.

Кантор, Е. Жандармерия и первые рабочие стачки. «Архив Истории Труда», кн. 3-я.

Его-же. Морозовская стачка 1885 г. «Архив Истории Труда», кн. 2-я.

Святловский, В. Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих. «Архив Истории Труда», кн. 4-я.

Фарфоровский, С. Жизнь рабочих на Крентольмской мануфактуре. «Архив Истории Труда», кн. 2-я.

Александров, П. К. Очерк рабочего движения в Тверской губернии 1885—1905 г.г. Изд. «Октябрь», 1923 г.

1870 год.

В конце мая в Петербурге забастовали 800 рабочих на Невской бумагопрядильне, требуя повышения заработной платы. Требования были вызваны следующими условиями труда на этой фабрике.

Рабочий день равнялся 15 час. в сутки. На обед полагался 1 час, но 2 раза в неделю нужно было чистить машины во время обеденного перерыва. Плата у прядильщиков была сдельная. За черную работу, которую они должны были исполнять в рабочее время не платили ничего, хотя такой работы было много. Расчет производился один раз в месяц, причем платили только за предыдущий месяц не раньше 15 числа текущего месяца.

При рассчете за этот месяц, 16 мая прядильщики, за вычетом месячного жалованья мальчикам и подручным, которых они, согласно фабричным правилам, нанимали на свой счет, получили так мало, что не хватило на харчи. Некоторые получали даже меньше своих мальчиков, которым платили по 5 — 6 рублей в месяц.

Целую неделю после рассчета среди прядильщиков шло брожение. Полученные деньги были на исходе и всем было ясно, что до следующей получки не дотянуть.

22-го мая все прядильщики одного отделения в числе 63-х человек об'явили, что не станут продолжать работать, если размер задельной платы не будет увеличен. Фабричная контора не признала возможным удовлетворить это требование вследствие чего в одной части фабрики, в которой насчитывалось до 800 рабочих, производство приостановилось. Несколько дней спустя уполномоченные от рабочих представили директору фабрики проект новой расценки труда, но безуспешно. Тогда от имени восьмисот рабочих была подана жалоба (без подписей) петербургскому обер-полицмейстеру на действия фабричной администрации. Прибывший (28-го мая) на фабрику помощ-

ник обер-полицмейстера и директор фабрики пытались убедить рабочих вернутся к станкам, но уполномоченные ответили отказом, а их примеру последовали и прочие рабочие.

Стачка проходила внешне совершенно спокойно, не дав повода для физического столкновения полиции с рабочими. По поводу стачки петербургский обер-полицмейстер генерал-ад'ютант Трепов доложил (26-го мая) министру внутренних дел, что «рабочие никакого беспорядка не произвели».

Но так как согласно правилам, утвержденным в 1862 г. обер-полицмейстером, рабочие на фабриках не имели права оставлять работу, не предупредив об этом за месяц, а с другой стороны — в силу уложения о наказаниях (статья 1358 уложения о наказаниях, изд. 1866 г.) стачка каралась, то о поступке рабочих на Невской фабрике он сообщил судебному следователю.

Дело было рассмотрено 13-го июня 1870 г., в петербургском окружном суде. Из 63 рабочих, прядильщиков начавших забастовку и за это привлеченных к ответственности, пятеро были оправданы; четверых: Семена Владимирова, Федора Петрова, Бориса Потапова и Василия Акулова, суд приговорил к аресту при полиции сроком на семь дней, а остальных на три дня.

Забастовка эта, несмотря на свой мирный характер, сразу обратила на себя пытливый и, вместе с тем, тревожный взор общества, как «первый» (хотя он и не был первым) в России конфликт фабричных рабочих, несомненный предвестник дальнейших подобных событий. К тому же, нарождавшаяся промышленность создавала крупные центры фабрично-заводского люда — с одной стороны, а с другой — правительство не могло принять во внимание уроки, развивающегося в то время, западно-европейского рабочего движения.

Сугубое внимание правительства обратила незначительная кара, наложенная на главных деятелей стачки. Судебный приговор был принят правительством за дерзкий вызов, порожденный тлетворным влиянием времени. Русский закон, каравший за всякую мирную стачку, как за «бунт» показался перепуганному правительству слишком слабым средством для охраны «общественной безопасности» и предпринимательских интересов. Поэтому, в связи с этой стачкой управляющий министерством внутренних дел Лобанов-Ростовский послал 30-го июня конфиденциально управляющему делами третьего отделения собственной его величества канцелярии, генералу Мезенцову, нижеследующий проект секретного циркуляра губернаторам:

«В начале текущего лета вольнонаемные фабричные люди, занимающиеся работами на одной из самых обширных фабрик близь Петербурга, устроили между собой стачку, для того, чтобы вынудить хозяев фабрики увеличить заработную плату. По этому поводу назначено было следствие и затем дело обращено было к судебному разбирательству, исход коего в свое время был опубликован в столичных газетах.

«Стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики, как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, обратило на себя высочайшее внимание, и государю императору благоугодно было повелеть мне поручить г.г. губернаторам, чтобы они имели самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением

и в особенности за всеми теми неблагонамеренными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу, так как без сомнения, возникновение стачек между рабочими должно быть положительно приписано влиянию лиц, стремящихся перенести эту чуждую русскому народу форму выражения неудовольствия, на нашу почву, с целью поселять смуты и производить беспорядок и волнения. Но, независимо от этого общего наблюдения, государю императору благоугодно было также повелеть, чтобы при первом полученном вами известии о стачке рабочих на каком либо заводе и фабрике вверенной вам губернии, ваше превосходительство, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно, по обнаружении полициею главных зачинщиков между фабричными людьми, высылали таковых, не испрашивая предварительно на то разрешения министерства внутренних дел в одну из нижепоименованных губерний: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Самарскую.

О таковой высочайшей воле сообщая вашему превосходительству к руководству и исполнению, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, в случае если бы вы были вынуждены прибегнуть к применению предоставляемого вам ныне полномочия, уведомлять меня о сем по телеграфу, а вслед за сим с первою же почтою, сообщать подробные сведения о всем ходе дела».

В тот же день, т.-е. 30-го июня, Мезенцев ответил, что с его стороны «никаких замечаний по настоящему вопросу не имеется», после чего проекту был дан ход: 3-го июля он был представлен государю, который и утвердил его, а 6-го июля, означенный циркуляр (за № 1906) с отметкой «конфиденциально», был разослан губернаторам Европейской России, за исключением царства польского, Кавказа и Финляндии.

Этот циркуляр был применен задним числом к вышеназванным четырем зачинщикам стачки на Невской бумагопрядильне, которые и были высланы административным порядком из столицы на родину под особый надзор местного начальства.

В мае месяце произошли небольшие забастовки в некоторых мастерских петербургских портных.

5-го июля, под давлением влиятельной просьбы помощника шефа жандармов генерала Мезенцева, главное управление по делам печати отдало циркулярное распоряжение председателю с-петербургского цензурного комитета: «воздержаться от печатания рассуждений и вообще статей, касающихся несогласий между рабочими и хозяевами, а равно не допускать подобных статей в изданиях подцензурных».

14-го июля было сообщено жандармским властям на местах содержание циркуляра министерства внутренних дель 6-го июля с. г. 3-е отделение не успокоилось, однако, на циркуляре. Это средство представлялось ему, повидимому, не вполне гарантирующим спокойствие фабрично-заводского люда.

Так в связи с появившейся 17-го июля с. г. в газете «С-Петербургские Ведомости» корреспонденцией: «Рабочие на тамбовско-саратовской железной дороге», обращавшей внимание «на беззастенчивое эксплуататорство беспомощной и беззащитной массы рабочих по саратовско-тамбовской линии», К. Ф. Филиппеус, заведующий секретной эспедицией и руководитель всей агентуры отделения, в записочке, приложенной к номеру газеты, представленной начальству, писал: «Не будет ли признано полезным, в дополнение к разосланному на-днях циркуляру, послать другой, которым поручалось бы нашим органам наблюдать за отношениями рабочих к хозяевам с точки зрения ограждения первых от слишком бессовестной эксплоатации вторыми. Это казалось бы необходимым в виду фактов подобных описанному в прилагаемой газете, и если администрация всегда будет держать сторону хозяев, то она этим расположит рабочих слушать наущения агитаторов. Высылка же двух-трех так называемых зачинщиков не устранит причины зла, которое может иметь очень дурные последствия».

Эти соображения, повидимому, и определили последующую деятельность местных органов корпуса жандармов, заключающуюся в том, что с одной стороны, непрерывному наблюдению подвергалось настроение рабочих масс, а с другой — чины корпуса жандармов зорко следили за действиями фабрично-заводской администрации, направленными во вред или в угоду рабочим. Характерна в этом отношении следующая совершенно секретная инструкция, которой должны придерживаться наблюдательные агенты Московской жандармерии:

«Инструкция г.г. штаб и обер-офицерам наблюдательного состава корпуса жандармов Московской губернии.

Вследствие состоявшегося по высочайшему повелению циркулярного предписания 3-го отделения собственной его императорского величества канцелярии от 14-го июля 1870 г. за № 1292, вменяется в обязанность:

1) Обращать особенно строгое и бдительное внимание на фабрики, заводы, мастерские и вообще на все те места, где находится большое количество рабочих, наблюдая: заключены ли хозяевами фабрик, заводов и проч. с рабочими законные условия; выдается ли своевременно рабочим задельная плата; не производится ли рабочим выдача денег вперед с какой либо неблагонамеренною целью; не делается ли рабочим со стороны хозяев и лиц, составляющих фабричную и заводскую администрацию, каких либо притеснений, и правильны ли вообще все действия хозяев и лиц фабричной и заводской администрации в отношении к рабочим.

2) Обращать внимание относительно продовольствия рабочих — не делается ли какого либо злоупотребления в этом со стороны хозяев или лиц фабричной и заводской администрации.

3) Вообще обращать самое строгое внимание на все те случаи и обстоятельства, которые могут послужить поводом рабочим выражать неудовольствия к хозяевам фабрик, заводов и проч.

4) Иметь наблюдение за теми рабочими, которые оставили фабрики и заводы не по собственному желанию и, вообще, за всеми теми, кои оставили

свои места по каким либо неудовольствиям со своими хозяевами, так как рабочие эти легко могут возбуждать в среде своих товарищей на фабриках и заводах общее неудовольствие к хозяевам.

5) Особенно тщательно наблюдать за тем, что не ведутся ли рабочими между собой рассуждения о получаемой ими задельной плате, что плата эта по трудности работы их мала и что необходимо просить прибавки оной; нет ли в среде этих рабочих таких личностей, которые по неблагонамеренности своей могут иметь вредное влияние на рабочих, поселять между ними смуты, волнения и затем производить беспорядки и общие стачки рабочих.

6) Строго и бдительно наблюдать за сношениями с рабочими лиц подозрительных, выгнанных студентов, семинаристов, гимназистов и, вообще молодых людей, обращающих на себя чем либо внимание.

7) Иметь также строгое наблюдение за сношениями с рабочими студентов С-Петербургского Технологического Института, прибывающих на фабрики и заводы в летнее время для практических занятий.

8) Получив сведения, как о существовании неблагонамеренных личностей в среде рабочих или вообще на фабриках и заводах, так обо всех неправильных действиях хозяев, равно и лиц, составляющих фабричную и заводскую администрацию в отношении к рабочим, доносить обо всем немедленно начальнику жандармского управления.

Примечание. Так как в Московском жандармском управлении имеются положительные сведения, что некоторые полицейские чиновники весьма мало обращают внимания на фабричное и заводское население и, находя более выгодным для себя сохранять хорошие отношения с хозяевами фабрик и заводов, почти вовсе не входят в положение рабочих, которые нередко терпят разные притеснения со стороны хозяев или лиц фабричной и заводской администрации, а в данном случае легко могут быть по неудовольствию хозяев невинно назначаемы к высылке в другие губернии, то в виду всего этого и в предупреждение могущего быть злоупотребления со стороны хозяев и полицейских чиновников, необходимо иметь также самое строгое наблюдение и за правильностью назначения рабочих к высылке в определенные циркуляром министра внутренних дел, губернии. Обо всем, что будет замечено по сему предмету, доносить немедленно начальнику жандармского управления.

9) Согласно изложенным в сей инструкции параграфам, об'яснить всем унтер-офицерам наблюдательного состава Московской губернии их обязанности и строго внушить, чтобы они исполняли таковые тщательно и с особенным усердием, стараясь, вместе с этим, наблюдением своим не подавать никакого повода к возбуждению каких либо столкновений как с хозяевами фабрик и заводов, так и с полицией».

В Кронштадте, при сооружении нового каменного дока, каменщики и каменотесы отказались выходить на работу, потому, что подрядчик удерживал из условленной платы «дождливые дни и часы», в которые работы не могли производиться. Конфликт был рассмотрен мировым судьей и дело кончилось

примирением «при некоторых уступках в требованиях контракта со стороны подрядчика».

По поводу этого конфликта, Кронштадский губернатор запросил министерство о возможности применения циркуляра от 6-го июля к рабочим, занятым на государственных работах, производимых через подрядчиков.

На запрос этот министерство ответило (25-го июля 1870 г.), что циркуляр о высылке зачинщиков распространяется на стачки, независимо от того, происходят ли они на государственных, общественных или частных работах, но при этом сочло нужным раз'яснить, что «под словом стачка надлежит разуметь беспорядок, выражающийся прекращением занятий по предварительному между собой уговору рабочих с целью добиться возвышения заработной платы, вопреки состоявшемуся письменному или словесному условию, и следовательно, когда рабочие таким самовольным прекращением работ предумышленно наносят своим хозяевам явный *убыток*. Все же остальные случаи недоразумений между рабочими, с одной стороны, и хозяевами или подрядчиками, с другой, имеющие характер взаимных друг на друга жалоб, исков или претензий, должны быть разбираемы и прекращаемы порядком, в законе указанном». Однако министерство нашло нужным одновременно указать Кронштадскому губернатору, что предоставленное губернаторам полномочие «касательно преследования зачинщиков стачек административным порядком, следует применять в самых крайних случаях, когда все меры вразумления полиции, направленные к прекращению стачки, не будут иметь успеха».

В сентябре месяце в Вологде двадцать рабочих в заведении для выделки мехов устроили стачку, требуя, чтобы хозяин отпускал им мягкий хлеб, вместо черствого, причем угрожали штрафом тем из остальных рабочих, которые не хотели последовать их примеру. По официальному сообщению губернатора стачка продолжалась лишь один день. К вечеру все вернулись к хозяину и, вообще «происшествие не заключало в себе важности по своим последствиям». Все же, «чтобы предотвратить повторение таких беспорядков, в первый раз происшедших, среди столь значительного числа рабочих», губернатор выслал этапным порядком двоих из них, как «виновных в подговоре мастеровых к прекращению работы».

На состоявшемся в Петербурге первом всероссийском торгово-промышленном с'езде обсуждался, между прочим, также и вопрос о нормировке условий работы взрослых и малолетних, и была принята резолюция, благоприятная охранению работы последних. С'езд постановил выразить желание, «чтобы проектированное в новом уставе о фабричной и заводской промышленности ограничение числа рабочих часов для взрослых и малолетних и самое допущение последних к работе было согласовано с узаконениями составленными в последнее время по этому предмету в других государствах». На с'езде раздавались, понятно, и энергичные голоса против законодательной охраны рабо-

чих, причем мотивировалось это тем, что «на Западе возможно ограничить работу малолетних, у нас же нет... В России подобная мера была бы стеснительна и отразилась бы тяжело на самом рабочем классе, который чрезвычайно беден». Не обошлось и без горячих тирад со стороны фабрикантов в защиту «свободы народного труда» (читай — свободы капиталистической эксплоатации). Но большинство с'езда, состоявшее впрочем, из лиц, никакого отношения к промышленности не имевших — профессоров, чиновников и, вообще разного рода «интеллигентов»—всецело стояло на стороне законодательной охраны рабочего.

В октябре было образовано в С-Петербурге первое общество взаимопомощи поваров и кондитеров.

Специальная комиссия под председательством генерал-губернатора Игнатьева выработала проект устава о найме рабочих, согласно которому наем в работу детей до 12 лет запрещался, работа несовершеннолетних 12—14 лет была ограничена 8-ми часами днем и 4½ часами ночью, а для возраста 14 — 17 лет 10 часами днем или 4 часами днем и 4 часами ночью. Вместе с тем предполагалось составить правила о содержании промышленных заведений, устройстве при фабриках больниц, об обязанностях хозяев относительно помещения, содержания, образования несовершеннолетних рабочих и проч. Проект этот восходил на рассмотрение государственного совета, но законодательной санкции, благодаря сильному сопротивлению фабрикантов, не получил.

1871 год.

В июле в Московском уезде произошли стачки на фабриках Мительштадта и Кюнцеля. Зачинщики были в обоих случаях высланы.

В Одессе произошла стачка извозчиков, вследствие того, что городская дума установила таксу за проезд без предварительного соглашения с извозчиками. Последние, в количестве до 4.000 дрожек и других экипажей, забастовали 9-го августа и около 200 человек из них явились к думе для переговоров, но были разогнаны полицией; некоторые из них были арестованы. В начале конфликта забастовщики останавливали тех, кто выезжал, и угрозами заставляли примкнуть к стачке.

Градоначальник на основании циркуляра 6-го июля 1870 г. выслал зачинщиков из Одессы, известив об этом министерство внутренних дел [1]). В мини-

---

[1]) Однако, спустя четыре месяца по отправке зачинщиков извозчичьей стачки, одних в Олонецкую губернию, а остальных в Новгородскую, одесский градоначальник, об'ясняя, что административная мера привела к цели, т. е. что все вообще одесские извозчики подчинились новой таксе, возбудил вопрос о разрешении вернуть высланных. Петербургские власти выразили на это свое согласие.

стерстве отнеслись сначала отрицательно к трактовке одесского градоначальника циркуляра 6-го июля. На извещении градоначальника чиновник министерства даже надписал: «циркуляр относится к стачкам на фабриках и казенных и общественных работах». Впоследствии, в виду того, что государь по докладу о деле одесской стачки извозчиков «изволил разделить взгляд местной администрации на необходимость принятия строгих административных мер», министерство внутренних дел было вынуждено, однако, разослать 30-го сентября с. г. конфиденциальный циркуляр, в котором губернаторы извещались о распространении циркуляра 6-го июля 1870 г. на всякого рода стачки. Дополнительный циркуляр этот был разослан по всей Европейской России на сей раз не исключая царства польского, Финляндии и Кавказа. Таким образом, новым циркуляром была расширена не только сфера применения меры высылки, но также и территория, на которой впредь местные власти могли прибегать к административному преследованию зачинщиков стачек.

12-го декабря вспыхнули беспорядки на Реутовской бумагопрядильной мануфактуре братьев Мазуриных (Московский уезд). Рабочие заволновались из-за того, что некоторые товарищи согласились работать за повышенную плату в праздничные дни. Московский губернатор поступил с виновниками беспорядков, как с участниками буйства, а не стачки.

1872 год.

В июне произошла стачка строительных рабочих в Кронштадте, боровшихся за повышение платы и уничтожение штрафов, причем рабочие оказали сопротивление аресту одного из руководителей, что вызвало присылку вооруженной команды.

14-го августа начались волнения на Кренгольмской мануфактуре близ г. Нарвы (Эстляндской губ., Вирляндский уезд). Собравшись в зале конторы, рабочие, в числе до 500 человек, избрали 10 уполномоченных и подали через них записку с указанием тех льгот которые были обещаны мануфактурой при их найме, а потом отняты.

Администрация в ответ на записку об'явила, что некоторые просьбы (маловажные) будут удовлетворены, другие же удовлетворены быть не могут (например, сократить рабочее время на ½ часа на обед). Тогда рабочие попросили пригласить в конце недели на фабрику директора из Петербурга. Администрация обещала. 18-го августа, после обеда, 12 ткачей заявили фабричному начальству, что они в субботу на работу не пойдут, если не приедут директора. В воскресенье 20-го августа приехал начальник жандармского управления и уполномоченный правления, которому сделалось известным, что на следующий день рабочие решительно отказываются итти на работу. В понедельник приехал в Кренгольм эстляндский губернатор; по его распоряжению было предложено толпе рабочих, собравшихся в зале конторы избрать выборных —

40 человек из ткачей и 20 человек из прядильщиков. Наконец, приехали директора и приступили к разбору заявлений рабочих, которые требовали следующее:

1) Начинать работать утром в 5½ часов.

2) На обед разрешить им 1½ часа.

3) Чтоб за кусок материи в 50 аршин платили 40 коп. за работу.

4) За испорченные части машин вычитать только стоимость их в готовом виде, а не по произволу управления фабрики.

5) За малую выработку не штрафовать, а дать рассчет и удалить с машины.

6) Чтобы давали записки на временную отлучку домой по болезни или по другим необходимым обстоятельствам.

7) Удалить из больницы фельдшера Палкина.

8) Старосту Петра Сена сменить и разрешить на будущее время выбирать старосту обществом фабрики.

9) За детей, которые в школу не ходят, не высчитывать денег [1]).

10) Не взыскивать, показанные в § 10 постановления фабрики, 2 процента в пользу больницы и церкви, ибо сия последняя уже с некоторых лет не существует.

11) Церковного старосту К. Сенна, работников Густава Брунса и Пареля Пакальски удалить из фабрики за разные противозаконные действия.

Из всех этих требований директор обещал удовлетворить только следующие: первое, частично второе (вместо просимых 1½ часа на обед директор согласился дать 1¼ часа), шестое, восьмое и десятое. Самое главное требование о регулировании штрафов и прекращении произвола мастеров даже и не рассматривалось. Положение дел на мануфактуре, сделанными небольшими уступками, почти не изменилось. Однако, эти незначительные уступки были некоторой моральной поддержкой рабочим, которые увидели, что мануфактура не является той незыблемой силой, какой она казалась им раньше. Рабочие вели себя тихо, претензии не заявляли и благодарили губернатора и уполномоченного правления, за участие к ним. Порядок был восстановлен. Между тем фабричное управление, сделав уступки, старалось отобрать назад все льготы. На этой почве начались волнения, вследствие чего были арестованы некоторые рабочие. Возмущенные этим ткачи бросили работу и силой освобождали арестованных. Для подавления беспорядка было вызвано войско. Мануфактура была закрыта на пять дней. Особая правительственная комиссия, присланная для выяснения происшествия, признала необходимым улучшить положение рабочих, подчинив их общему законодательству. Управление мануфактуры после долгого упорства пошло на уступки.

---

[1]) Школа была также источником эксплоатации для фабричной администрации. За школу малолетние платили по 20 коп. в месяц, причем от этой платы не освобождался и тот, кто не мог ходить в школу.

Ведомством торгового мореплавания была основана в Риге касса для моряков, выдававшая пенсии и пособия при болезни, увечьях, неспособности к морской службе и по старости.

1873 год.

На золотых приисках К-о Сабашникова (Нерчинского округа в Сибири), 90 человек бросили работу и отправились в г. Читу принести жалобу областному начальству на неправильные действия промыслового управления относительно продовольствия, работ и платы за них. В Чите их посадили в тюрьму, а затем приказали возвратиться на прииск, но они не захотели итти и разломав печь встретили конвой кирпичами и досками от нар. Начальник штаба войск Забайкальской области, явившись с добавочным конвоем, кое-как препроводил их обратно. Но по прибытии на прииск они вновь отказались работать и к ним присоединилось еще 128 человек.

1874 год.

26-го октября началась стачка на Московской суконной фабрике Лазарева, по причине изменения системы сушки. Так как за недовес ткачи платили по 50 коп. с фунта, то с переменой сушки штрафы доходили до 6 руб. со штуки сукна, тогда как заработок со штуки доходил только до 5 рублей. Рабочие, у большинства из которых срок найма истёк 26-го октября и которые составляли одну ответственную перед хозяином артель отказались работать на новых началах и требовали восстановления «старых прав». Когда началась стачка, рабочим был прекращен отпуск харчей из хозяйских кладовых и выдача денег на покупку припасов. Одновременно был отдан приказ закрыть ворота и выпускать ткачей с фабричного двора только по особым ярлыкам, выдаваемым по произволу конторщиков. Так просидели рабочие 4 дня. Воспользовавшись моментом, когда ворота были открыты для проезда хозяина, рабочие толпой вырвались из места своего невольного заточения, причем свалили с ног сторожа. Лазарев призвал полицию и обратился в суд с жалобой, обвиняя рабочих в стачке и беспорядках. Мировой судья признал обвинение рабочих в стачке недобросовестным.

Владимирское губернское земство постановило ходатайствовать о запрещении принимать на фабричные работы детей до 14-ти летнего возраста и об ограничении времени работы на фабриках несовершеннолетних 14 — 18-ти летнего возраста 8-ю часами в сутки.

В этом же году для рассмотрения вопроса условий найма рабочих и прислуги была образована комиссия под председательством статс-секретаря Валуева. В состав комисси вошли, кроме представителей администрации, дво-

рянства и земства, также представители фабрикантов и заводчиков. Эти последние высказывались против немедленного законодательного определения рабочих часов несовершеннолетних рабочих. Проект большинства комиссии (меньшинство составилось, главным образом, из заводчиков и фабрикантов) определял возраст охраняемых рабочих с 16 лет и сокращал время для работы детей 12 — 14-ти летнего возраста до 6 часов, а от 14 — 16-ти летнего возраста до 8-ми часов в сутки. Проект поступил на рассмотрение государственного совета, но благодаря сопротивлению фабрикантов, главным образом, московских, не был утвержден.

Издан закон, по которому за принадлежность к сообществу, имеющему целью возбуждение вражды между хозяевами и рабочими, а равно за возбуждение к устройству стачек, виновные подлежат наказанию от заключения в крепость на 8 месяцев до лишения всех особых прав и преимуществ и ссылки на поселение в Сибирь.

1875 год.

В первых числах мая произошла забастовка в Юзовке на заводе Юза, по причине несвоевременной выдачи заработанных денег и полного отсутствия человеческих условий существования. Во время забастовки рабочие разгромили лавки и магазины. Были вызваны войска и арестовано около 30 главарей. Перед Троицей беспорядки повторились вследствие тех же причин.

В мае месяце произошли стачки на строющейся Оренбургской железной дороге. Подрядчики наняли рабочих на земляные работы, обещав плату в 120 руб., 95 и 70 руб. за лето, приняв путевые издержки на свой счет и т. д. Но когда нанятые рабочие прибыли на место, тут им об'явили новые условия: всем по 70 руб. за лето, проезд и харчи в пути на счет рабочих. Около 800 человек забастовало. 8-го июня явились войска и «усмирили бунтарей», причем применены были телесные наказания. Зачинщики в числе 15 человек, административным порядком были сосланы в Архангельскую губернию.

1-го июля забастовала ткацкая фабрика Коншина в Серпухове. На этой фабрике с 4.000 рабочих, сверх обычной и широко практиковавшейся системы штрафов, практиковался следующий рассчет рабочих: они получали плату за 50 аршин в куске, тогда как кусок принимался только тогда, когда в нем было 60 и более аршин. Кроме того по праздникам, даже самым большим, работа кончалась лишь в 8 часов утра — и церкви посещать нельзя было. Стачки привели к тому, что все штрафы были «прощены», была обещана уплата за все количество сработанных аршин и отмена ночной работы накануне праздников. Вместе с этим, бдительное начальство не замедлило, ко-

нечно, отыскать 5 «наиболее» виновных рабочих, которые были арестованы и отправлены в Москву.

Произошла стачка на суконной мануфактуре барона Штиглица в Петербурге.

В Вильне на табачной фабрике Дурунча рабочие требовали повышения рабочей платы и передачи «рабочей кассы» в ведение выборных от рабочих. Стачка была подготовлена рабочими, которые вошли в соглашение с рабочими других трех табачных фабрик, обещавших им поддержку. Фабриканты ожидали общей забастовки; однако, полицейские меры ее предотвратили, а рабочие Дурунча получили общий рассчет.

За пятилетие 1871 — 1875 г.г. возникли в России (без Польши, Прибалтийского края и Финляндии) 2 общества взаимопомощи среди торговых служащих. Вместе с существовавшими уже насчитывалось к этому времени 10 обществ взаимного вспоможения торговых служащих.

На с'езде предпринимателей машиностроительных заводов подвергался также обсуждению и вопрос о рабочем дне. С'езд постановил (почти единогласно) ходатайствовать, «чтобы число действительной работы на всех фабриках и заводах и ремесленных заведениях было сокращено до 10-ти часов в сутки» ... с тем условием, чтобы число обязательных праздников вместе с тем было сокращено с воскресеньями до 65-ти дней в году. Любопытны мнения, высказывавшиеся по этому вопросу на с'езде некоторыми крупными предпринимателями. Один из членов с'езда, заводчик Голубев заявил, что сокращение числа рабочих часов требуют прежде всего интересы самих хозяев. Он высказался в пользу сокращения рабочего дня до 8-ми часов для взрослых рабочих при том условии, чтобы число рабочих дней в году было не менее 300. Другой крупный заводчик Нобель, возражал против законодательного установления 8-ми часового рабочего дня, но вполне признавал желательность сокращения числа рабочих часов. По заявлению Нобеля, на его петербургских заводах раньше работали 14 часов, затем стали работать 12 часов; в начале 70-х годов работа была сокращена до 10½ часов в день, причем число праздников по взаимному соглашению его с рабочими, было уменьшено. Результат оказался вполне благоприятный с точки зрения хозяйских интересов. В результате всех этих заявлений с'ездом и было принято вышеизложенное постановление.

Кроме того, с'езд решил ходатайствовать о скорейшем издании закона о работе малолетних и несовершеннолетних.

Эта резолюция была принята по предложению особой комиссии образованной Петербургским императорским русским техническим обществом, выра-

ботавшей проект закона о малолетних рабочих, в основание которого были положены следующие начала: 1) чтобы дети обоего пола до наступления 12-ти летнего возраста вовсе не были допускаемы ни на какие работы на фабриках, заводах или ремесленных заведениях, 2) чтобы во всех производствах или частях производства, признаваемых вредными или опасными для совершеннолетних вообще, не были допускаемы лица, не достигшие 17 лет, без различия пола. Рабочий день для малолетних 12—15 лет, по проекту комиссии, должен быть ограничен 5-ью часами дневной работы. Ночная работа может быть разрешена только в некоторых особо поименованных производствах [1]).

В этом же году особая комиссия от рижского биржевого комитета и рижского технического общества признала желательным, чтобы дети принимались на фабрики лишь по достижении 10-ти летнего возраста с максимум 6 часами работы до 13 лет и 12 часами до 17 лет, с запрещением им ночной работы.

1876 год.

В марте месяце в Орехове-Зуеве (Владимирской губ.) на Никольской фабрике Морозова забастовало около 500 прядильщиков, вследствие нового увеличения штрафов. 1-го марта на фабрике было вывешено об'явление: «на прядильщиков за бракованную пряжу будет штраф 50 коп. с фунта». Между тем старые штрафы были здесь неоплатны.

У некоторых рабочих штрафы доходили до 300 руб. по записям в рассчетных книжках. Заработной платы нередко не хватало для их покрытия, и в таких случаях вычеты делались с родных, служащих на той же фабрике.

Стачка продолжалась неделю; 170 человек получили рассчет, с других были сложены все штрафы.

В Петербурге были стачки на суконной мануфактуре Штиглица и на механическом заводе Курикина.

14-го июня в гор. Вышнем-Волочке, на фабрике купцов Ермаковых, 114 рабочих половинщиков и стальщиков оставили работу, вследствие неудовлетворения их просьбы о прибавке задельной платы и чрезмерных и частых штрафов. В виду мирного хода забастовки, с одной стороны, и закрытия фабрики ее владельцами — власть в конфликт не вмешалась, хотя и получила от министра внутренних дел уведомление о необходимости вмешательства

---

[1]) До разработки этого законопроекта комиссия по техническому образованию при упомянутом императорском техническом обществе разослала фабрикантам анкету, имевшую целью выяснить распространение на фабриках детской работы и условия этой работы. Ответы были получены от 135 фабрикантов. Оказалось, что на большинстве фабрик работали дети, иногда даже моложе 10 летнего возраста, число рабочих часов для детей было такое же, как и для взрослых и достигало на некоторых фабриках 15 часов, а на одной даже 17 часов в сутки.

и применения кары по отношению к зачинщикам стачки на основании циркуляра от 6-го июля 1870 года.

За период с 1865 по 1876 г.г., зарегистрированные литературой стачки охватывали около 20 тысяч рабочих. Их главным мотивом является протест против особенно вопиющих, из ряда выходящих, злоупотреблений фабрикантов в области штрафов и других вычетов из заработной платы. Характер движения был стихийный и судорожный, элемент сознательности в них еще очень слаб.

1877 год.

В Одессе произошла стачка рабочих железнодорожных мастерских на большом вокзале. Стачка начата литейщиками из-за понижения заработной платы. Администрация мастерских пыталась заменить забастовавших рабочих другими с частного завода, но попытка эта, вследствие солидарности всех остальных литейщиков Одессы со стачечниками, кончилась неудачей. Так же неудачна была и вторая попытка администрации прекратить стачку, выписав рабочих из Херсона. Стачечники убедили приехавших отказаться от работы на вокзале и постарались их пристроить на других заводах. Стачка продолжалась 3½ недели.

При владимирской губернской земской управе была образована особая комиссия для разработки вопроса «о неправильном отношении фабрикантов к фабричным рабочим». Комиссия выработала тщательно составленные правила внутреннего распорядка фабричной работы и отношений рабочих к хозяевам. Правилами этими, между прочим, признавалось необходимым, чтобы рабочие получали не реже раза в месяц заработную плату и «чтобы фабричные рабочие свободны были покупать потребные им припасы и материалы, где пожелают», и проч.

1878 год.

В марте произошла стачка на Новой бумагопрядильне в Петербурге, на Обводном канале. На ней работало более 2.000 человек, стачка была вызвана понижением заработной платы и введением новых правил, сущность которых также сводилась к удешевлению рабочей силы. Устроив стачку, рабочие в большинстве, несмотря на советы наиболее сознательной их части-членов революционных кружков — плюнуть на начальство и надеяться только на самих себя, решили все же обратиться с жалобой к власть имущим. Прежде всего рабочие обратились за помощью к приставу, который принял сперва их ходоков очень любезно, обещал даже переговорить с управляющим фаб-

рикой, но затем, снесясь с высшим начальством, резко изменил свое отношение к стачечникам, и когда рабочие наскучив ожиданием ответа от него, послали к нему вторично ходоков, встретил последних уже по иному: обозвал бунтовщиками, пригрозил строгим наказанием и стал требовать, чтобы рабочие немедленно принялись за работу, подчинившись новым правилам. Потерпев неудачу у пристава рабочие решили обратиться с жалобой к наследнику. Прошение было торжественно снесено к Аничкову дворцу и принято самим градоначальником. Но ответа на прошение также не последовало. Стачка между тем затянулась; среди интеллигенции и студенчества в пользу стачечников было собрано около 1.000 рублей, но рабочие были уже истощены и по истечении двух недель с начала забастовки сдались после кое-каких уступок со стороны капиталиста.

В конце августа на фортепьянной фабрике Беккера в Петербурге, произошло столкновение рабочих с хозяевами по следующему поводу. В одной из мастерских фабрики работало до 40 человек, которые получали от хозяина квартиру, отопление и освещение. Предоставляемая рабочим под квартиру кухня понадобилась в это время хозяину и он без церемоний приказал рабочим очистить ее. Таким образом, им предстояли новые расходы на квартиру и они решили потребовать повышения поштучной платы, именно, набавить на каждый приготовляемый ящик по 2 руб. (прежняя плата доходила до 29 — 38 руб. за ящик). Хозяин отвечал, что они легко могут увеличить свой заработок, если перестанут «понедельничать», т.-е. будут аккуратно являться на работу в понедельник . Рабочие забастовали, через три дня хозяин об'явил через мастера, что он согласен на повышение платы, и работа пошла попрежнему.

24-го сентября на табачной фабрике Мигри появилось об'явление за подписью управляющего, гласившее, что папирошницы, получающие 65 коп. за 1.000 шт. папирос 1-го сорта будут впредь получать 55 коп., за 1.000 папирос 2-го сорта, вместо прежних 55 коп., будет платиться 45 коп.

Это понижение мотивировалось плохим сбытом готовых папирос. Работницы сорвали об'явление и заявили приказчику, что отказываются работать на новых условиях; когда же тот вздумал ответить бранью, то палочки и машинки для папирос полетели в окно. Перепуганный приказчик поспешил послать за хозяином фабрики, и тот был принужден обещать протестовавшим 100 работницам оставить прежнюю плату.

Через два дня та же история повторилась на табачной фабрике бр. Шапшал. 26-го сентября на фабрике было вывешено следующее об'явление: «Мастерицам табачной фабрики Шапшал: сим об'являю, что по случаю остановки товара я сбавляю с каждой тысячи папирос — 10 коп.

Шапшал».

Мастерицы, в количестве 200, немедленно сорвали это об'явление, и на его место вывесили другое: «Хозяину табачной фабрики Шапшал: Мы, мастерицы вашей фабрики, сим об'являем, что не согласны на сбавку, потому что и так от нашего заработка не можем порядочно одеться.

Мастерицы вашей фабрики».

И здесь мастерицы держались удивительно дружно и не только не согласились работать на новых условиях, но и не выдали писавшей об'явление. Администрации и здесь пришлось уступить и плата осталась прежняя.

В конце ноября произошла стачка на бумагопрядильной фабрике Кенига в Петербурге. Стачку начали «задние» мальчики 12 — 14-ти летнего возраста, на которых наложили новые обязанности — «сортировку пыли». 29-го ноября эти мальчики числом 33 человека заявили мастеру, что они не будут работать, пока их не избавят от новой обузы. «Задних» мальчиков поддерживали средние (17—19 лет), а затем встали и все взрослые рабочие. Стачечники, числом до 200 чел., держались так стойко, что Кенигу, не желавшему уступить, пришлось рассчитать всех рабочих.

8-го августа последовало высочайшее повеление о предоставлении общей полиции и жандармским чинам свободного доступа на все фабрики и заводы во всякое время, с тем, чтобы обыски на них или аресты кого либо были производимы в присутствии заведующего фабрикой или заводом. Повеление это было вызвано участившейся стачечной борьбой рабочих, которую правительство и старалось подавлять разными репрессивными мерами и приемами сыска.

1879 год.

В этом году в Петербурге, забастовочное движение началось 15-го января на Новой бумагопрядильне, находящейся на Обводном канале, и немедленно заразила рабочих фабрики Шау за Невской заставой. Между стачечниками этих двух фабрик установились постоянные сношения при посредстве выборных и были выработаны следующие общие требования, пред'явленные хозяевам: отмена штрафов за поломку инструментов, наблюдение выборных от самих рабочих при браковке работы и уплата за время стачки. Об'единенные стачечники по собственной инициативе обратились с воззванием к рабочим петербургских фабрик и заводов, сущность которого заключалась в словах: «Будем же твердо стоять каждый за всех и все за каждого». Воззвание не осталось без ответа: почти на всех фабриках происходили сборы, а в некоторых местах вспыхнули даже небольшие стачки по симпатии. Стачечники держались спокойно, но полиция усердствовала и арестовывала зачинщиков. Возмущенные арестами стачечники двинулись толпой к дому градоначальника с требова-

нием освободить арестованных. Полиция и жандармы отрезали им дорогу, произошла обычная битва между вооруженными и безоружными, и безоружные были разбиты.

После этой победы полиция приняла против стачки еще более решительные меры. Аресты и высылки приняли массовый характер, лавочникам было запрещено выдавать продукты стачечникам в долг и проч. Рабочие продержались две недели, но затем принуждены были сдаться, получив лишь самые незначительные уступки. В организации забастовки приняли участие члены «Северно-русского рабочего союза», С. Халтурин, Петр Моисеенко и друг. За участие в стачке П. Моисеенко, будущий организатор знаменитой стачки на Морозовских фабриках в Орехове-Зуеве в 1885 г., просидел 17 месяцев в тюрьме и затем был выслан в Енисейскую губ.

В Киеве в железнодорожных мастерских было увеличено время работы в субботу на 1 час, с 10 до 11 часов. В ближайшую субботу все стали работать 11 часов, но 17 человек ушло часом раньше. В понедельник (19 марта) в мастерских было вывешено об'явление об увольнении этих 17 человек. Тогда все 2.000 рабочих выразили свое неудовольствие по поводу прибавки лишнего часа работы и забастовали. Это заставило железнодорожное начальство отменить свое распоряжение — и рабочие стали на работу.

В Серпухове было несколько стачек . На фабрике Коншина были понижены расценки; тогда рабочие в числе около 4.000 бросили работу — и прежняя плата была восстановлена. Одновременно были забастовки на 2 фабриках Третьяковых (3.500 человек) и Ильиной (400 человек). Требования рабочих о надбавке заработной платы были удовлетворены.

В июне на 2 фабриках в Иваново-Вознесенске 1.500 рабочих потребовали повышения платы: на одной—на 10% и на другой—на 8% на год до Пасхи. На одной фабрике требование рабочих было удовлетворено, на другой—они получили прибавку в 10% до Покрова. Половина рабочих согласилась на эти условия, другая прекратила работу. Дело окончилось арестом нескольких человек. Несколько раньше подобный случай имел место в уезде, около Иваново-Вознесенска.

На фабрике Диля (Московского уезда), 5 человек рабочих потребовали, чтобы им была обозначена плата в расценочных таблицах. Получив отказ они потребовали рассчет и отказались итти на работу. Начальство, уведомленное о «бунте» арестовало бунтовщиков, которые черз три недели были отправлены по этапу: 2 в Архангельск и 3 в Вологодскую губернию.

Постановлением генерал-губернатора Юго-западного края была возложена на директоров и управляющих заводов и фабрик обязанность: «неуклонно наблюдать за недопущением в среду рабочих распространителей вредных политических учений. В случае же появления таких лиц, управление фабрики обязано немедленно задерживать их и доносить о том в полицию». Донос не только поощрялся, но прямо вынуждался под страхом взыскания в административном порядке штрафа до 500 рублей.

1880 год.

В самом начале года произошли волнения рабочих на фабрике Бровкина в Москве. Рабочих вывело из себя наглое обирательство, какое практиковал владелец фабрики, заставляя их забирать товар исключительно в его лавочке. Цены на товар были в фабричной лавке не только выше рыночных, но даже значительно выше цен в лавках других фабрик в этой же местности. Возмущение рабочих этим явным грабежом было настолько справедливо, что на их сторону стала даже полиция, к содействию которой поспешил прибегнуть фабрикант и последнему волей неволей пришлось уступить рабочим и понизить цены на товары.

В начале февраля на фабрике Каверина было об'явлено о понижении заработной платы на 1 коп. на каждый аршин шерстяной ткани. Рабочие заволновались, и 15-го февраля об'явили забастовку, потребовав одновременно уничтожения специального обложения за отпуск дров для кипячения воды к чаю и прекращения практиковавшегося обирательства в фабричной лавке. Стачка продолжалась пять дней; рабочие держались дружно и заставили Каверина пойти на уступки.

В Киеве разразились в конце февраля крупные рабочие волнения в железнодорожных мастерских, вызванные столкновением рабочих вагонного цеха с мастером; в возникшей на этой почве забастовке приняли участие до 1.500 рабочих.

8-го сентября в Ярцеве (Смоленской губ.), владелец хлопчато-бумажной фабрики Хлудов сделал распоряжение о скидке 10% с получаемого рабочими жалованья: рабочие потребовали рассчета или уничтожения сбавки. Одновременно потребовали уничтожения произвольных штрафов, вычетов за поломку челноков и т. п. На это Хлудов (сын владельца) заявил, что рассчета не будет, а сбавка останется. Вместе с тем, желая отвлечь толпу от зданий фабрики и машин, он предложил рабочим итти погулять в Ярцев-Перевоз, приказал принести два ящика орехов и пряников из своей лавки и стал бросать эти сласти в толпу с балкона. Щедрость его дошла даже до того, что он тромо-

гласно приказал отпустить в трактире каждому рабочему по одному стакану чая. «Я за пятачек, сколько хочу буду пить», отвечали ему. Как мало в поведении толпы рабочих было чего нибудь похожего на бунт видно из того, что при этом один из рабочих Максим Балакирев, вынул жилейку (род дудки) и начал играть. Толпе это очень понравилось, а Хлудов дал музыканту рублевую бумажку. Но, лаская с одной стороны рабочих, он в то же время послал за урядником. Толпа уже была в Ярцеве-Перевозе, где пили и шумели. Явившийся урядник, чтобы поддержать свой авторитет немедленно приступил к действию и начал стегать плетью рабочих, но был избит. Впрочем, Хлудову без труда удалось спрятать урядника на чердак одного здания, где он не терял даром времени. «С чердака было видней, кто главные бунтовщики», говорил он впоследствии у мирового судьи. Между тем, полетели телеграммы, вызваны были войска. Рабочие продолжали вести себя самым мирным образом. Ночью, 9-го сентября, приехал на фабрику смоленский губернатор. Сразу поняв в чем дело, он убедил Хлудова отменить сбавку. Не доверяя хозяину, рабочие попросили, чтоб об отмене сбавки были повешены на фабрике об'явления. По распоряжению губернатора, это было исполнено, и, считая дело оконченным, губернатор уехал. Часть рабочих направились было к станкам, но большинство желало, чтобы за прогульные дни не было вычетов и чтобы были уничтожены произвольные штрафы и оттеснило с фабрики соглашавшихся начать работу. Извещенный об этом губернатор снова явился на фабрику. Вслед за губернатором прибыли войска. Хлудов сразу переменил тон, приказал сорвать об'явления об отмене сбавки и пригрозил рабочим, что он сбавит с заработной платы вместо 10 — 15%. Войска заняли, между тем, фабрику и начались аресты «главных бунтовщиков». Самым главным оказался . . . тот самый Максим Балакирев, который забавлял рабочих и Хлудова игрою на жилейке. Другой «главный бунтовщик», Здоровенко, был арестован за то, что обратился к исправнику с заявлением получить расчет. Год был трудный и местные рабочие смольчане решили смириться, за исключением 800 человек пришлых подмосковных крестьян, которые предпочли получить рассчет и были немедленно с особыми поездами отправлены на родину. «Бунт» был усмирен. Арестованные рабочие, все — молодые парни, около 20 лет, просидели в тюрьме около 5 месяцев, пока московская судебная палата не определила за отсутствием в деянии обвиняемых противодействия властям, передать дело мировому судье.

Год спустя у мирового судьи судились 11 человек зачинщиков стачки.

Троих из них суд оправдал, а остальных приговорил к аресту на 2 недели — 1 месяц.

В Саратове образовалось общество взаимопомощи приказчиков с количеством 180 членов. Из них почти половина относились к хозяевам, агентам, комиссионерам, доверенным и бухгалтерам. Возникшие в этом же году общества взаимопомощи торговых служащих в Самаре и Астрахани носили такой же характер, как и Саратовское.

В течение 1876 — 80 г.г. в России (без Польши, Прибалтийского края и Финляндии) образовались 4 общества взаимопомощи среди торговых служащих. Всего с ранее организованными насчитывались 14 таких обществ.

За 1878 — 1880 г.г., согласно собранным Л. Мартовым сведениям, в насчитывающихся за это время 29 стачках приняло участие от 30 до 35 тысяч рабочих.

Заводчикам и фабрикантам дано право учреждать при промышленных заведениях специальные полицейские должности за свой счет.

Вследствие целого ряда крупных стачек, ясно показавших, что «патриархальность» отношений и былая забитость русских рабочих отходят в область преданий, государственный совет нашел, «что нынешние узаконения о найме рабочих действительно представляют более или менее существенные неудобства... Руководствуясь сими соображениями, государственный совет мнением положил: предоставить министрам, по мере обнаружения на опыте потребности, входить с представлениями об изменении и дополнении действующих о рабочих узаконений».

1881 год.

В июне, 13 петербургских приказчиков подали градоначальнику прошение о закрытии торговых заведений в праздничные и царские дни. Градоначальник передал его в управу. Несколько месяцев спустя, петербургское общество взаимопомощи обратилось с просьбой к министру внутренних дел ограничить время праздничной и воскресной торговли изданием обязательного постановления в порядке законодательном. В прошении за 171 подписью, между прочим, говорилось: «несмотря на отмену крепостного права, на Руси существует рабство, так как торговцы Петербурга и досел держат своих служащих в некоторой крепостной зависимости, то приказчики лишены присущей человеку свободы иногда распоряжаться самим собой и не могут хотя бы один день в неделю находиться в кругу семьи». Общество предлагало установить по праздникам торговлю в лавках с'естными припасами от 6 до 8 часов утра и с 12 до 6 часов дня, мануфактурными и т. п. товарами с 2 до 6 часов дня, крепкими напитками с 12 или 1 часу до 11 часов вечера. Министр передал прошение городскому голове с предложением внести вопрос об издании соответствующего обязательного постановления в думу. В думе этот вопрос мариновался около 2-х лет и, наконец, 16-го февраля 1883 года большинством 121 против 22-х дума вынесла отрицательное решение по вопросу о праздничном отдыхе торговых служащих.

1882 год.

На Пермском пушечном заводе из-за непомерных штрафов, сбавок заработной платы и грубости вновь назначенного мастера произошла стачка.

В Иваново-Вознесенске на фабрике Дербенева, рабочие бастовали по причине больших штрафов и плохой основы, приобретенной фабрикантом. Основа постоянно рвалась и необходимо было все время останавливать машину, терять время и заработок. Стоило только не доглядеть, как оборвавшаяся нитка давала «блин», за который полагался штраф в 20 коп., а при двух блинах — рабочий лишался всего своего дневного заработка.

В Белостоке, на ткацкой фабрике Суражских, вспыхнула в декабре стачка из-за понижения заработной платы. Участие в ней приняли 70 еврейских семей, работавших на этой фабрике. Рабочие-евреи всех других фабрик Белостока решили поддержать стачечников, отчисляя в их пользу по 50 коп. в неделю. Немцы-ткачи отказывались наниматься на места уволенных стачечников, а затем, когда стачка затянулась, также стали уделять часть своего заработка для поддержки забастовавших. Благодаря этой организованной поддержке хозяева принуждены были уступить, и стачка закончилась полной победой рабочих.

Московское общество взаимопомощи купеческих приказчиков начало ходатайствовать о нормировании рабочего дня для служащих и праздничном отдыхе. Ходатайства кончились ничем. Саратовское общество взаимопомощи также подняло вопрос о нормировании рабочего дня служащих.

Казанское общество приказчиков обратилось в ноябре в городскую думу с ходатайством о прекращении торговли в воскресные и праздничные дни. Дума передала ходатайство на рассмотрение управы, которая лишь спустя 3 года, в ноябре 1885 г. представила в думу доклад о том, что «большинством 8, против 7-ми голосов, признано невозможным удовлетворить ходатайство приказчиков, так как вопрос слишком серьезен и требует осмотрительного решения: отношения приказчиков и хозяев устанавливаются взаимным соглашением, почему труд приказчиков свободен, и они сами могут установить отношения с хозяевами». «Кроме сего, — продолжает далее цинично Казанская управа, — предложение труда превышает спрос на него, ввидах чего приказчики должны вполне подчиняться требованиям хозяев и не могут ставить им каких бы то ни было условий под опасением лишиться занимаемых мест и через это лишиться всяких средств к жизни».

1-го июня был издан закон об ограничении детского труда на фабриках и заводах. Согласно закону дети, не достигшие 12 лет от роду, к работам

на фабриках и заводах не допускаются; малолетние от 12 до 15 лет не могут работать более 8-ми часов в сутки; ночная работа (от 9 час. вечера до 5 час. утра), а также работа в воскресенье и высокоторжественные дни для них не разрешается. Малолетних воспрещено было также допускать к таким производствам и работам, которые по своему характеру признаны были вредными или изнурительными для детского организма. На владельцев промышленных заведений возлагалась обязанность предоставить детям, не получившим первоначального образования, возможность посещать народные школы. Закон распространялся на крупные промышленные предприятия, кустарное же, как и вообще мелкое производство, где, главным образом, и практиковалась наивысшая эксплоатация детского труда, действию этого закона не подлежали (исключение составляли: пекарни и булочные, овчинно-шубные заведения, типографии и брошюровочные). За неисполнение закона фабриканты подвергались штрафу до 100 рублей или аресту на 1 месяц. Для надзора за исполнением этого закона была образована фабричная инспекция, находившаяся в ведении министра финансов. Но фабричных инспекторов в то время на всю Российскую империю было установлено 20 человек. В среднем на одного фабричного инспектора приходилось 1.300 промышленных предприятий с 44.000 рабочих. Таким образом, ненормальная организация фабричной инспекции, которую правительство пыталось превратить в чисто полицейское учреждение и на которую возложена была непосильная задача (фабричный инспектор с 1—2 помощниками назначался на территорию, размерами превышающую целое европейское государство), а также упорное сопротивление фабрикантов помешали осуществлению этого, равно как и последующих законов, на практике. При этом, щадя интересы крупных капиталистов, правительство до 1890 г., допускало к работе 10-ти летних детей [1]).

Истинная подкладка этого, как и последующего законодательства, обнаруживается из тех соображений, которыми мотивировался закон. *Правительство опасалось того, что дети, «надломленные физически и нравственно, легко поддавались восприятию революционных учений»,* с другой стороны, оно *«озабочивалось изысканием способов в возможному устранению на будущее время забастовок и беспорядков».*

1883 год.

11-го апреля началась стачка на Жирардовской фабрике около Варшавы. Причиной забастовки послужило понижение заработной платы, против чего, первыми протестовали женщины-работницы. На четвертый день бастовали уже все 8.000 рабочих, выставив требования повышения заработной платы, отмены штрафов, сокращения рабочего дня на 1 час и т. д. Явились казаки. Попытка разогнать рабочих нагайками осталась безрезультатной, тогда по толпе был дан залп, которым трое рабочих были убиты, а пятнадцать ранено. Но и при

---

[1]) Сам закон вступил в силу лишь через 2 года, ибо предприниматели об'явили, что они неподготовлены и добились отсрочки.

этом толпа не разбежалась. Тогда губернатор обратился к забастовщикам с речью, обещая отдать под суд стрелявших, выпустить арестованных и т. д., если рабочие станут на работу.

Волнение среди рабочих все усиливалось и на шестой день владельцы фабрик сдались. Они обязались сократить рабочий день на один час, повысить заработную плату, дать раненым пожизненную работу на фабрике, заплатить за дни стачки и т. д.

———

1884 год.

12-го июня был издан закон о школьном обучении малолетних, работающих на фабриках и заводах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции. Этими правилами были дополнены и несколько изменены постановления закона 1882 г. В этом же году министром финансов, по соглашению с министром внутренних дел, были составлены правила о производствах, в которых допускается ночная работа детей в возрасте 12 — 15 лет, а также правила о производствах, где работа малолетних воспрещается. 19-го декабря была опубликована утвержденная министром финансов по соглашению с министром внутренних дел инструкция чинам фабричной инспекции и правила относительно исполнения постановлений закона владельцами промышленных заведений.

———

1885 год.

7-го января, началась стачка рабочих на фабрике товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова, Сына и К-о, находившейся вблизи станции Орехово (села Зуева), Моск.-Ниж. железной дороги, Владимирской губ.

Основными причинами стачки были резкое понижение расценок в годы 1882 — 1885 и столь же резкое возрастание штрафов. В 1881 году рабочий в среднем зарабатывал в день 56 коп., а к 1885 г. цифра эта была понижена до 42 коп. При этом штрафы, налагавшиеся в то время совершенно произвольно, достигали 30 — 50% заработка.

Стачке предшествовал ряд совещаний рабочих в ренсковых погребах и трактирах; на одном из таких совещаний, на котором присутствовало до 50 человек наиболее сознательных рабочих, решено было об'явить забастовку и выставить следующие требования:

1) Чтобы фабрика возвратила рабочим все штрафы, начиная с Пасхи 1884 г., удерживая лишь по 5% с заработанного рубля.

2) Чтобы были восстановлены заработанные цены, существовавшие в 1881 — 1882 г.г., так как нынешние цены не дают рабочему возможности содержать семью и исправно платить казенные повинности.

3) Увольняемых по желанию хозяина рабочих рассчитывать по срок найма, т.-е. по Пасху 1885 г.

4) Чтобы штрафы не превышали 5% с заработанного рубля и, чтобы рабочий штрафовался не более 2 раз в месяц и обязательно предупреждался о плохой работе.

5) Чтобы вычеты за прогул не превышали 1 рубля и чтобы хозяин сам платил за прогульные по его вине дни, причем каждый прогульный час записывался бы в рассчетные книжки.

6) Чтобы изменены были условия найма по законам.

7) Чтобы полный рассчет производился по заявлению за 15 дней, причем хозяин должен тоже предупредить за 15 дней о рассчете.

8) Чтобы определение доброкачественности товаров происходило при свидетелях от рабочих.

9) Чтобы уплачивалось за все излишне сработанное и принимался во внимание вес и плотность товара.

10) Чтобы до расценки новых работ рабочим было позволено освоиться с ними и выяснить цену их.

11) Чтобы был учрежден контроль для уравнения платы.

12) Чтобы рабочие были удовлетворены за прогул со дня прекращения работ, происшедшего по вине хозяина.

13) Чтобы были выданы харчи, так как деньги за харчи уже вычтены, и чтобы не задерживалась уплата заработанного.

14) Чтобы жалованье выдавалось не позже 15-го числа каждого месяца или в ближайшую за этим числом субботу.

15) Чтобы допущен был свободный выбор старост.

16) Чтобы были уволены неприятные для рабочих служащие и рабочие.

Организаторами и руководителями забастовки были рабочие П. А. Моисеенко (Моисеенок) и В. С. Волков, уже имевшие опыт в ведении стачки. Первый уже участвовал в стачке на Новой бумагопрядильне в Петербурге в 1879 г. [1]) и за его начитанность рабочие окрестили его «студентом». Второго своего руководителя—В. С. Волкова рабочие прозвали «адвокатом» за его осведомленность в законах, регулировавших фабрично-заводский труд.

Первые дни стачка протекала довольно организованно, так как руководителям забастовкой удалось удержать рабочих от эксцессов; рабочая масса слепо им верила и повиновалась и только фабричные мальчишки да подонки фабричного пролетариата воспользовались стачкой, чтобы произвести разгром квартир ненавистных мастеров и фабричной конторы.

Моисеенко всячески убеждал рабочих «не делать безобразий и над начальством не смеяться».

Волков же стал во главе толпы забастовавших, вооружился красным флагом и снимая остальных рабочих командовал: «Товару не брать, стекла не бить, а народ — гнать». Только, когда красильщики отказались примкнуть к забастовке, Волкову и Моисеенко не удалось сдержать негодования бастовавших — красильное отделение было разгромлено. Всего в забастовке приняло участие до 8.000 рабочих. Администрация немедленно вытребовала

---

[1]) См. описание стачки на Новой бумагопрядильне в 1879 г.

войска, а вслед за тем на место стачки прибыл губернатор в сопровождении казачьей сотни.

От имени рабочих выступил В. С. Волков и передал губернатору тетрадь с перечисленными выше требованиями рабочих. Его тотчас же окружили казаки и арестовали; арестованы были также и другие выборные. Эти аресты подействовали на рабочих, спокойно ожидавших разрешения конфликта, возбуждающим образом и они тотчас же бросились отбивать арестованных. Помещение, в котором заперли арестованных, было разнесено и при этом удалось освободить часть арестованных. Освобождения остальных, в особенности Волкова, рабочие упорно добивались.

На фабрику были вызваны новые войска и начались массовые высылки рабочих на родину через Московскую пересыльную тюрьму. К 13-му января стачка пошла на убыль и совершенно прекратилась 20-го января. Всего было выслано до 800 человек рабочих. Кроме того, 33 человека были посажены во Владимирскую губернскую тюрьму и преданы суду. Суду были также преданы еще 72 рабочих, находившихся на свободе, но под надзором полиции, причем всех судили дважды, разделив их на две группы. Одну партию в 19 человек обвиняли в буйстве и стачке. Дело о них рассматривалось 7-го февраля 1886 г. в Владимирском окружном суде без участия присяжных заседателей. Моисеенко, Волков и Шелухин были приговорены к аресту на 3 месяца, 9 человек на 1 месяц, двое на две недели, один на 10 дней, и двое были оправданы. Другая группа, обвиняемая в нападении на стражу, была передана суду с участием присяжных заседателей в июне того же года. Присяжные заседатели, на которых произвела глубокое впечатление обнаруженная на суде картина подлостей, совершавшихся администрацией фабрики, вынесли всем обвиняемым оправдательный приговор.

Волков и Моисеенко по отбытии тюремного заключения были сосланы в административном порядке: первый — в Вологодскую губернию, а второй — в Шенкурск на 5 лет.

Судебный процесс по делу об Орехово-Зуевской стачке, являвшейся исходным пунктом нового фазиса рабочего движения, вызвал к себе огромный интерес во всей России. А оправдательный приговор вынесенный присяжными заседателями, реакционный публицист «Московских Ведомостей», М. Н. Катков, назвал «салютом рабочему вопросу в России».

Стачка знаменательна и по своим результатам. Рабочие в результате стачки — правда, не сразу, но спустя недолго — добились многих уступок, в том числе удаления наиболее ненавистного мастера и возврата штрафных денег. Кроме того, под влиянием, главным образом, этой стачки, правительством был издан закон 3-го июня 1886 г., в котором были признаны большинство требований, выставленных Орехово-Зуевскими рабочими.

———

25-го февраля началась первая большая забастовка на Морозовской фабрике в гор. Твери. Она была вызвана прежде всего непомерными штрафами. Первыми бросили работу рабочие ткацкого отдела. Здесь штрафы

были наиболее тяжелы: они достигли для ткачей 8% заработка, в то время как для остальных рабочих они доходили только до 5%. Забастовка началась спокойно и тихо. Правда, фабричные подростки стали бить стекла в механическом отделе, стараясь вызвать на забастовку своих товарищей, но дальше этого дело не пошло. Когда все отделы стали, рабочие собрались во дворе огромной массой, и выбрав своих представителей, пред'явили через них требования. «Жалоба наша состоит в том, — изливают рабочие свое недовольство в заявлении о своих требованиях, — что нам работать стало совсем невозможно, потому, что штрафы стали на нас налагать за все качества: как-то: за порчу товара, который мы можем показать в сдельных книжках, за поломку вилок и разных принадлежностей, инструментов, которые могут ломаться от действия машин, за провес и привес утка. Челноки нам выдают в конторе и с нас высчитывают за каждые 2 челнока 1 руб. 20 коп. Когда мы идем за получением из конторы утка или несем сдавать в контору товар во время работы, то на нас пишут штраф за каждый раз по 50 коп., поэтому мы принуждены приходить на работу на 1 час раньше времени и с работы уходить на 1 час позже. Случалось многим и так, что при уходе в уборную были оштрафованы за простой станков в 50 коп. По окончании недельной работы останавливается наша работа в субботу в 6 часов вечера.

Очистка машин производится в воскресенье. На рассвете некоторым случается по необходимости не являться на чистку. За что берут штраф за каждый раз 50 коп., несмотря на то, что сменщик вычистит оба станка по хозяйскому требованию. Есть и такие рабочие, которые не знают номеров своих машин и по незнанию случается сдавать товар с одного станка на другой, по сдельным книжкам, за что пишут штраф в 25 коп., несмотря на незнаемую ошибку; случалось у нас ежегодно в спальнях отделка коморок и к ним присылаются рабочие, которым нас принуждали платить за каждое окно 30 коп.». К требованию уменьшения штрафа рабочие прибавили требование отстранить своих притеснителей, мастера Яковлева и конторщика Соловьева. Не получив ничего от хозяина, кроме уговоров стать на работу и угроз, рабочие пытались обращаться к властям со своими требованиями. Не помогло понятно и обращение к властям, и забастовка затягивалась. Тем временем, власти начали «принимать меры». Во двор фабрики были введены 2 батальона пехоты и ½ эскадрона кавалерии. Кроме того, было вывешено об'явление, что если рабочие к 4 марта не встанут на работу, то будут рассчитаны и выселены из казарм. Рабочие на работу не стали и начался рассчет и выселение. Рассчитанные рабочие отправлялись на «родину», в деревню, к месту приписки. К 19-му марта было рассчитано 2.580 человек. К этому же времени были привлечены к работам 1.620 человек, а к 1-му апрелю на фабрике работали 4.662 человека и забастовка была, таким образом, сломлена, не дав вначале никаких результатов. Однако, позднее штрафы уменьшились для ткачей с 8% до 3½%, а для остальных еще больше, было отменено взимание платы за челноки, вилки и пр. принадлежности работы, также сделаны некоторые другие мелкие уступки.

27-го февраля забастовали рабочие на фабрике Залотина (Тверской губ.), в числе 500 чел. Положение рабочих на этой фабрике, как на более отсталой в техническом отношении, было значительно тяжелее, чем на Морозовской фабрике в той же губернии. Неимоверные штрафы, обвешивание рабочего при выдаче основ и утка, обсчитывание при вычете жалованья и принуждение брать продукты в фабричной лавке по более дорогой цене — было в порядке вещей. Забастовка проходила мирно и кончилась к 1-му апреля, не дав каких-либо результатов.

3-го ноября началась забастовка на фабрике Кузнецова в Корчевском уезде (Тверской губернии), сопровождавшаяся двухдневным разгромом фабричных зданий, квартир хозяина и служащих, фабричной лавки и т. д. Рабочие требовали уменьшения штрафов, отмены обязательной покупки «харчей» и «товару» в хозяйской лавке и приемки товара в сыром виде. Требовали также устранения некоторых ненавистных смотрителей и аккуратной выдачи жалованья — раз в 6 недель.

Стихийно и быстро вспыхнув, забастовка скоро и кончилась. Когда приехавший губернатор выстроил перед толпой упорствовавших рабочих взвод солдат и приказал итти на работу, то многие поплелись, а оставшиеся были частью рассчитаны, а частью арестованы и затем присуждены к тюрьме от двух до 8 месяцев. После «усмирения» рабочих, Кузнецов сделал, однако, некоторые уступки: были устранены ненавистные рабочим смотрители и стал аккуратно выдавать жалованье, но принимать товар в сыром виде он отказался, согласившись на некоторое повышение заработка.

В гор. Туле было основано «Общество вспомоществования мастеровым и рабочим при Тульском патронном заводе».

За время с 1881 по 1885 г. было основано в России (за исключением Польши, Прибалтийского края и Финляндии) 7 обществ взаимопомощи среди торговых служащих. К концу этого года функционировало всего 21 общество взаимопомощи служащих.

3-го июня был издан временный закон о труде женщин и несовершеннолетних, в силу которого воспрещен (в виде опыта на 3 года) ночной труд подростков до 17 лет и женщин на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Впоследствии действие этого закона было распространено на фабрики льнопрядильные, льнотрепальные и изготовляющие смешанные ткани.

На издание этого закона повлияли решающим образом промышленные кризисы в связи с волнениями 1884 — 1885 г.г., вызванными полным отсутствием надзора за отношениями хозяев к рабочим. Благодаря наступившему кризису, в России и в других странах, в начале и середине 80-х годов работа в ткацких и бумагопрядильных фабриках повсеместно была сокращена, рабо-

чие целыми тысячами увольнялись с фабрик. Число рабочих на многих фабриках было сокращено на половину, некоторые фабрики совсем приостановили работу. Такое значительное сокращение работ на многих фабриках, побудило петербургского градоначальника обратиться с запросом о причинах такого явления к фабрикантам гор. Петербурга. Последние об'яснили, что причина такого сокращения работ кроется в сильном перепроизводстве бумаго-мануфактурных товаров, повлекшем за собой переполнение рынка. Единственный выход из этого тяжелого положения петербургские фабриканты видели в сокращении производства, которое может быть достигнуто уничтожением ночных работ женщин и детей, как-то имеет место на Западе. В случаях же, если правительство к этой мере не прибегнет, России грозят банкротства целого ряда бумаго-мануфактурных фирм, прекращение работ на многих фабриках, волнение рабочих, вследствие понижения цен на их труд, и, вообще, масса других крупных затруднений в промышленной жизни. Все эти соображения петербургские фабриканты изложили в ходатайстве, которое подали на имя градоначальника 25 янв. 1884 г. В особой комиссии при министерстве внутренних дел, образованной для рассмотрения этого вопроса под председательством бывшего директора департамента полиции, а затем товарища министра внутренних дел, сенатора Плеве, московские фабриканты высказались против запрещения ночной работы, которое по их мнению, приведет к тому, что в Петербурге, Прибалтийских губерниях и царстве польском возникнут новые прядильные и ткацкие фабрики, снабженные машинами новейшей конструкции, что должно повести к ухудшению условий конкуренции фабрик центральной России. Однако, беспорядки, разразившиеся как раз в это время на многих фабриках московской и владимирской губернии, повлияли решающим образом на комиссию, и, несмотря на сопротивление большинства московских фабрикантов, вышеизложенный закон был издан.

1886 год.

Закон 3-го июня о найме рабочих и о взаимоотношениях между фабрикантами и рабочими. Этот закон, коренным образом, изменил условия найма рабочих и самое положение рабочего на фабрике, совершенно уничтожил прежнюю неограниченную «свободу труда» и сделал фабричного инспектора весьма влиятельной фигурой на фабрике.

Мотивы издания закона ясно выступают из отношения от 4-го февраля 1885 г., инициатора этого закона, министра внутренних дел графа Толстого к министру финансов: «Исследования местными властями причин стачек (в Московской и Владимирской губернии), рабочих обнаружили, что они грозили принять размеры серьезных волнений и произошли, главным образом, вследствие отсутствия в нашем законодательстве общих постановлений, на основании коих могли бы определяться взаимные отношения фабрикантов и рабочих. Такой пробел в законодательстве, обусловливая разнообразные порядки на фабриках, открывал широкий простор произвольным, клонящимся

к ущербу рабочих распоряжениям фабрикантов и ставил первых в крайне тяжелое положение: несоразмерно высокие штрафы, в виду временного упадка промышленной деятельности, часто служили в руках фабрикантов способом искусственного понижения заработной платы до того, что рабочий лишался возможности уплатить лежащие на нем повинности и прокормить свою семью; высокие цены в фабричных лавках и недобросовестность приказчиков вызывали справедливый ропот и недовольство рабочих, а недостаток точности при составлении условий с малограмотными людьми порождал постоянные споры в рассчетах задельной платы... Совокупность всех изложенных и многих других причин влекла за собой, как показал опыт, возникновение беспорядков, а необходимость для прекращения их прибегать к содействию войска в достаточной степени свидетельствует о настоятельности приступить к составлению в развитие действовавшего фабричного законодательства таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы устранению в будущем прискорбных случаев, имевших место в Московской и Владимирской губерниях».

Сущность закона сводится в общем к следующему:

1) При найме рабочих обоего пола и всякого возраста признается обязательным выдача рассчетных книжек установленного образца, которые содержат в сееб условия договора: о сроке найма, о заработной плате, о времени платежей, а также о случаях, в коих на рабочих могут быть налагаемы штрафы. Рассчетные книжки выдаются промышленным заведением и хранятся у рабочих.

2) Если владелец фабрики не заведует ею лично или если она принадлежит нескольким лицам или акционерной компании, то они обязаны указать фабричной инспекции своего представителя, на коем лежит ответственность за нарушение закона.

3) Договор найма в одинаковой степени обязателен для обеих сторон; наниматель до окончания срока найма не имеет права изменять условий, равно как и рабочий не должен требовать каких либо изменений этих условий.

Покровительственное отношение закона к классу предпринимателей особенно резко выступает в статье о расторжении до срока условий договора о найме. Согласно этой статье, заведующий фабрикой или заводом может отказать рабочему, вследствие неявки последнего на работу более трех дней сряду или в сложности более 6 дней в месяц, без уважительных причин; вследствие неявки рабочего на работу более двух недель сряду по уважительным причинам, вследствие дерзости или дурного поведения, вследствие обнаружения у рабочего заразной болезни. Рабочий, с своей стороны, сам не имеет права расторгнуть договор о найме, он может только требовать судебным порядком расторжения договора в силу каких-либо уважительных причин, перечисленных в законе. Даже если рабочий не получает причитающейся ему платы, терпит оскорбления, подвергается побоям, исполняет работу, разрушительно действующую на его здоровье, получает известие о смерти близких ему людей, он не может самовольно уйти с фабрики или завода, а должен предварительно обратиться в суд. В противном случае ему грозит наказание

по ст. 51 Ул. о нак., гласящей, что за самовольный отказ от работы до истечения срока или—при найме на срок неопределенный—без предупреждения хозяина за две недели, виновные в том фабричные или заводские рабочие подвергаются аресту не свыше одного месяца.

4) Расплата с рабочими производится только деньгами в сроки, указанные в рассчетных книжках, причем выдача заработной платы должна производиться не реже одного или двух раз в месяц. Контора фабрики или завода не входит в разбирательство частных долгов рабочих и при рассчетах не делает вычетов, за исключением случаев пред'явления исполнительных листов.

5) Устройство лавок при фабриках самими хозяевами или посторонними лицами допускается лишь с разрешения фабричной инспекции, которая утверждает также и таксы на продаваемые продукты.

6) Благоустройство фабрики определяется правилами внутреннего распорядка, которые составляются фабрикой и утверждаются инспекцией. В них заключается: распределение рабочего времени, расписание праздников, указание на обязанности рабочих по соблюдению порядка, размеры штрафов и поводы их наложения.

7) Штрафы, налагаемые на рабочих, дозволяется взимать в определенных размерах и лишь в трех важных случаях: за неисправную работу, за нарушение порядка и за прогулы. Взыскание за прогулы рабочих, получающих задельную плату, определяется в размере не свыше 1 рубля за прогульный день. Общая сумма штрафов не может превышать $^1/_3$ заработка и должны употребляться на нужды самих рабочих. За нарушение фабрикантом всех этих правил он подвергается определенным денежным взысканиям в размере до 300 рублей. Уголовной ответственности [1]) за расторжение договора найма до срока фабрикант подлежит лишь в случае противозаконного нарушения условий найма в третий раз или же, когда его противозаконные поступки вызвали на фабрике или заводе волнение, сопровождавшееся нарушением общественной тишины или порядка и повлекли принятие чрезвычайных мер для подавления беспорядков. Если же таковые действия фабричного управления вызовут беспорядки, для подавления которых не потребуется чрезвычайных мер, то заведующие промышленными заведениями подвергаются лишь вышеуказанному денежному взысканию.

Классовый характер закона 3-го июня с особенной резкостью выступает в статьях, касающихся усилений наказаний за участие рабочих в стачках. Будучи вызван рабочими волнениями, закон значительно усиливает уголовную репрессию за таковые. Так, до издания этого закона к участникам стачек применялась ст. 1358 Ул. о нак., по которой за участие в стачке с целью принудить хозяина промышленного заведения к повышению заработной платы, виновные подвергались аресту: зачинщики — на время от 3 недель до 3 месяцев, в прочие от 6 дней до 3 недель. С изданием закона 3-го июня к стачечникам применяется ст. 1358[1], 1358[2], 1358[3] Ул. о нак. На основании этих

---

[1]) Аресту до 3 месяцев и лишению права заведывать фабрикой или заводом навсегда (ст. 1359 Ул. о нак.)

статей виновные в стачке подвергаются следующим наказаниям: подстрекатели — заключению в тюрьму на время от 4 до 8 месяцев, а прочие участники — заключению в тюрьму на время от 2 до 4 месяцев. Участники стачки, причинившие повреждение или уничтожение заводского или фабричного имущества, подвергаются наказанию: подстрекатели—тюремному заключению на время от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев, а прочие участинки — тюремному заключению на время от 4 до 8 месяцев. Такому же наказанию подвергаются рабочие, виновные в насилиях и угрозах по отношению к другим рабочим, не участвовавшим в стачке.

Закон 3-го июня, создал в промышленных местностях особое учреждение — фабричное присутствие, в составе следующих членов: губернатора, прокурора суда, начальника полиции, фабричного инспектора, членов городской думы и земской управы. Ему предоставлялось право принимать меры к охране жизни и здоровья рабочих и рассматривать жалобы на инспекторов. В тех губерниях, где действуют фабричные присутствия, наем рабочих должен совершаться лишь на основании утвержденных присутствием рассчетных книжек.

Обязанности фабричной инспекции были сильно расширены. Кроме общего наблюдения за исполнением закона, фабричные инспектора могут принимать меры к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантам и рабочими и возбуждать преследования судебным порядком против виновных в нарушении правил. Инспектор и фабричные присутствия были непосредственно подчинены министру финансов.

Таким образом, благодаря закону 3-го июня, прежняя свобода капиталистической эксплоатации сменялась тщательной регламентацией взаимных отношений фабриканта и рабочего. При этом, однако, как видно из изложения сущности этого закона, он, в силу своего подчеркнутого классового характера, предоставив рабочим некоторые льготы, одновременно еще более подчинял их власти капиталистов, получивших право увольнять их по произволу и держать их в руках с помощью паспортных и рассчетных книжек.

12-го июля был издан закон о найме сельских рабочих, по которому неисполнение договора стало рассматриваться как уголовное преступление.

1-го октября были изданы особые правила о надзоре за фабричными заведениями и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих. Правилами значительно ограничивались права рабочих и предпринимателей, а большинству постановлений закона 3-го июня сего же года был придан публично-правовой характер путем установления уголовной ответственности за нарушение этих постановлений и подчинения взаимных отношений сторон надзору административной власти. Озабочиваясь «изысканием способов к возможному устранению на будущее время фабричных забастовок и беспорядков» правительство придало закону исключительно административно-полицейский характер.

За 6 лет (1881 — 1886) по, значительно отстающим от действительности, газетным сведениям, произошло 48 более или менее крупных стачек, охвативших более 80.000 рабочих.

1887 год.

14-го января, в селе Ярцеве Вязниковского уезда, Владимирской губернии, произошла стачка на фабрике Демидова. Стачка сопровождалась разгромом фабричного имущества, особенному погрому подверглась контора. Причина стачки и беспорядков—введение новых рассчетных книжек на основании правил, об'явленных законом 3-го июня 1886 г. Во время беспорядков на фабрику были вызваны 2 батальона пехоты. Судебное разбирательство о беспорядках в Ярцеве началось с 27-го марта в гор. Вязниках в отделении Владимирского окружного суда без участия присяжных. Из числа 23 подсудимых — 22 были подвергнуты тюремному заключению от 16 до 2-х месяцев и один оправдан.

23-го января произошли волнения на льнопрядильной фабрике Бранта, в гор. Меленках (Владимирской губернии). Вследствие новых правил и убыточного производства, администрация фабрики сократила число рабочих часов с 8 на 6, причем желало уплатить в сутки рабочим за 6-ти часовую работу, в рассчетных книжках указав 8 рабочих часов. Рабочие стали требовать плату за 8 часов, ссылаясь при этом на запись в книжках. После вмешательства фабричной инспекции требование рабочих было удовлетворено и стачка прекратилась.

2-го февраля в механическом отделении Ковровских железнодорожных мастерских произошла стачка рабочих, вследствие обязательного введения рассчетных книжек на основании закона 1886 года.

11-го апреля началась стачка рабочих на Литейном заводе Шипова в Иваново-Вознесенске. Стачка произошла вследствие недовольства расценками. После нескольких дней стачки рабочие были рассчитаны.

В апреле произошла стачка рабочих на фабрике бр. Горбуновых, в селе Коробове, Ковровского уезда. Рабочие заявили о желании кончать работу под праздники в 8 часов. Требование рабочих было удовлетворено.

В мае рабочие фабрики Селиверстова в селе Воскресенском, Ковровского уезда пред'явили требования об увеличении заработной платы за дневную и ночную работу. Требование было удовлетворено прибавкой рабочим по 3 коп. на каждую штуку выработанного товара. Рабочие настаивали на прибавле-

нии за ночную работу еще по 2 коп. в чем им было отказано. Тогда они об'явили забастовку, продолжавшуюся около недели. После прибытия войск и некоторых арестов, рабочие приступили к работам на условиях хозяев.

На фабрике Ясюнинских в селе Кохме, Шуйского уезда, ткачи мужчины не пожелали с 1-го октября работать по ночам и потребовали у администрации установить сменную работу с тем, чтобы смены работали по 9 часов, причем определили начало работы в 4 часа утра, а окончание в 10 часов веч. Требование это хозяева не удовлетворили, но предложили взамен увеличение расценок на 5 процентов. После однодневной забастовки рабочие согласились на предложенную хозяевами 5% прибавку, причем в зимний период, согласно условию, они должны работать посменно 24 часа в сутки, но в подпраздничные дни работа впредь должна была оканчиваться не в 10 часов, а в 8 часов вечера.

Вследствие неправильного рассчета и задержки месячной оплаты, рабочие Соколовской мануфактуры Баранова, близь гор. Александровска об'явили забастовку. Требование рабочих об оплате 8 рублей, согласно договору, вместо полученных ими 6 рублей в месяц и своевременная выдача денег были полностью удовлетворены, после чего рабочие стали на работу.

В гор. Шуе, вследствие отказа повиноваться закону 3-го июня 1886 г., произошли забастовки на 12 крупных фабриках.

На фабрике Терентьева, вследствие недовольства рабочих понижением расценок и вновь предпринятыми администрацией мерами в целях устранения воровства пряжи — произошли беспорядки, закончившиеся разгромом фабрики. Для усмирения рабочих были вызваны 2 батальона пехоты и 3 сотни казаков. Также бастовали около 10 тысяч рабочих на фабриках Небурчилова, Павлова и Тезинской мануфактуры. Причина стачки — недовольство понижением расценок. Рабочие также пред'явили некоторые требования улучшения их материального положения. Ввиду неутихающего недовольства рабочих, губернатор созвал совещание фабрикантов, которые согласились с 1-го октября по Пасху предоставить рабочим производить работы на следующих условиях:

1) К об'явленным с 1-го октября ценам за первый разбор товара на фабриках Павлова, Терентьева, Небурчилова и Тезинской набавляется 5 коп. на заработанный рубль. Прибавка эта полагается ткачам-шпульникам, проборщикам, подавальщикам, сновальщикам, шлихтовальщикам и подмастерьям.

2) Распределение рабочего времени остается прежним, т.-е. в 4 и 6-ти часовые смены в сутки. Перед воскресными же днями и двунадесятыми праздниками работа будет оканчиваться в 6 часов вечера.

Условия эти были об'явлены губернатором 30-го сентября, причем было заявлено, что «за сим никаких изменений как в расценках так и в порядке

смен сделано не будет». Стачка продолжалась с неделю, после чего рабочие принялись за работу. Судебной властью было привлечено 65 человек и по охране 110 человек.

В этом году почти на всех фабриках Иваново-Вознесенска, рабочие отказались принять закон 3-го июня 1886 г. Число отказавшихся рабочих доходило до 30.000 человек.

В Белостоке произошла летом стачка ткачей, потребовавших увеличения заработной платы. Стачка носила перемежающийся характер: пока одни мастерские бастовали, другие работали, поддерживая своим заработком бастующих. Таким путем, благодаря сознательности и организованности рабочих, им удалось добиться повышения заработка.

26-го апреля, был утвержден устав «общества взаимного вспоможения официантов, поваров и буфетчиков», образовавшегося в Нижнем-Новгороде с количеством 250 членов.

1888 год.

В январе, на Лосевской льнопрядильной фабрике, Владимирского уезда, произошла стачка, вследствие того, что директор фабрики, вопреки правил внутреннего распорядка, велел остановить работу за 30 минут ранее установленного срока с тем, чтобы рабочие занялись чисткой машин. На другой день стачки директор отменил свое распоряжение, и рабочие стали на работу.

В мае произошла стачка ткачей на Ставровской мануфактуре Бажанова, вследствие недовольства рабочих на плохую пряжу. Фабрика простояла около 2-х недель, пока не привезли новую пряжу, тогда рабочие стали на работу, но только в половинном составе. Во время забастовки было арестовано 8 человек.

В Вильне около этого года была организована первая нелегальная касса чулочниц, за ней последовали кассы у портных, заготовщиков и конвертниц. На кассы эти инициаторы смотрели лишь как на источник, откуда можно было черпать свежие элементы для пропагандистских кружков. Вначале кассы большей частью носили смешанный характер и по своей сущности являлись теми ячейками, из которых впоследствии вышли кассы борьбы.

30-го мая издан закон, обязывающий все русские частные железные дороги, устраивать для служащих и рабочих кассы, с тем, чтобы их уставы были утверждены министерством путей сообщения. Кассы эти двух родов: пенсионные и сберегательно-вспомогательные. В пенсионной кассе обязательными участниками состояли служащие и постоянные рабочие, остальные добровольно. Средства кассы разнообразны: от взносов рабочих и штрафов с них до пособий управлений и правительства включительно. Пенсии (обыкновенные и усиленные) и единовременные пособия назначаются лишь по прекращении участия в кассе независимо от пенсий и пособий, назначаемых на основании общих законов. Заведывание делами кассы возлагается на пенсионный комитет, состоящий при управлении железных дорог, а также местные комитеты при управлении отдельных дорог. Расходы на содержание кассы относятся на счет казны.

1889 год.

В Иваново-Вознесенске произошла упорная и довольно продолжительная стачка фабричных рабочих по случаю введения новых правил о числе рабочих часов. Рабочие требовали такую же плату за вновь введенный 9-ти часовой рабочий день, какую они получали при 12-ти час. работе. Кроме этого требовали увеличения праздников и 2-х недельного отдыха для беременных женщин. Также протестовали против запрещения сменять в случае нужды один другого. В виду начавшегося волнения и беспорядков были вызваны войска. Судебными властями было привлечено до 80 человек, которые до суда были заключены в Шуйской и Ковровской тюрьмах. В порядке охраны число привлеченных рабочих доходило до 150 человек.

Начиная с 1886 г. по 1890 г. возникли в России (не считая Польши, Прибалтийского края и Финляндии) 11 обществ взаимопомощи торговых служащих. К концу этого же периода действовало среди торговых служащих 32 общества взаимного вспоможения.

Отдел V.

БИБЛИОГРАФИЯ.

П. КОЛОКОЛЬНИКОВ.

Н. Балабанов. История рабочей кооперации в России (1864—1917 г.г.). Издание 2-ое, изд. Сорабкоп. Киев. 1924.

«Наша рабочая кооперация имеет свое прошлое. Рабочий класс потратил немало усилий и понес немало жертв по созданию и укреплению этой формы своей освободительной борьбы. И если рабочие должны знать прошлое своего движения, то это в равной мере относится и рабочему кооперативному движению». М. Балабанов мог бы добавить к этим строкам своего предисловия, что до сих пор на прошлое рабочей кооперации не обращалось внимания. Имеется несомненно, большой фактический материал по этому прошлому, но он, того гляди, погибнет бесследно (напр.,—материалы справочно-статистического отдела московского союза потребительских обществ, где для каждого потребительного общества была заведена особая папка). Живы еще активные участники дореволюционного кооперативного движения, которые могли бы поделиться воспоминаниями о своей прошлой работе. Было бы, может быть, своевременно подумать об учреждении органа вроде Истпрофа, который взял бы на себя почин в деле собирания материалов и воспоминаний по истории кооперации.

М. Балабанов первый приступил к истории рабочей кооперации. В общем он удачно справился с своей задачей. Он не только собрал разбросанный по кооперативным журналам богатый фактический материал, но и сумел связать его в цельную картину. Он постарался выяснить социально-экономические условия развития рабочей кооперации и ее взаимоотношения, как с другими отраслями рабочего движения, так и с общегражданской кооперацией.

Книга М. Балабанова имеет заслуженный успех. За кроткий срок она выдержала два издания. Она имеет неоспоримые преимущества перед книгами А. Меркулова и М. Хейсина, посвященными истории общегражданской потребительской кооперации. Тем важнее пополнить некоторые ее пробелы и отметить некоторые спорные положения:

Возражая Меркулову, который источник зарождения кооперации ищет в общественном под'еме 60-х годов, М. Балабанов находит, что «не только в шестидесятые годы, но и в последующее время социально-политические воззрения направляли и мысль и волю активных общественных элементов *далеко в сторону от кооперативной идеологии и практики*». В подтверждение автор приводит цитату из статьи Плеханова в «Земле и Воле» 1879 г. В таком категорическом виде, однако, это утверждение представляется нам неверным. Если в 70-х годах кооперативная идеология и практика были совсем чужды социально-революционной идеологии народников и народовольцев, то того же нельзя сказать об идеологии радикалов 60-х годов, складывавшейся между прочим и под влиянием «святого старика» Роберта Оуэна.

Уже в 1860 г. в «Современнике» появилась статья о рочдельских пионерах [1]). Вера Павловна из романа Чернышевского «Что делать» при своей артельной мастерской организовала нечто в роде общественной лавки, из которой выросла затем потребительская коммуна. В «Молодой России» Зайчневского имелось требование заведения не только общественных фабрик, но и общественных лавок. В одном из романов Решетников, помнится, рассказывает об организации потребительской лавки петербургскими рабочими. Таковы были настроения в радикальных кругах. А если принять во внимание размах общественного под'ема того времени, то надо признать, что на обширной периферии радикальных кругов, куда радикализм доходил в ослабленном виде, эти идеи как раз особенно легко могли восприниматься: организация потребительских обществ представлялась *легальной* общественной деятельностью, по своему служащей идеалам социализма. Не случайно легальный марксист того времени Н. Зибер выпустил в 1869 г. книжку о потребительских обществах. Вот почему в кооперативных начинаниях 60-х годов сказалось не только влияние Шульце-Делича (немецкие ремесленники), но и более или менее отдаленные отзвуки радикализма 60-х годов..

Иное дело—70-ые и особенно 80-ые годы. В 70-х годах потребительско-кооперативное строительство, потерпев неудачу в крупных городах, перекочевало на Урал и укрепилось там под влиянием местных хозяйственных особенностей, вне воздействия всякой идеологии, в виде зависимых заводских обществ. Инициаторами их были заводские служащие; и возникшее еще в 1864 г. Кыновское общество не составляет исключения. М. Балабанов недостаточно ясно оттеняет, что кыновскими «пионерами» были не рабочие, а заводские служащие. В 80-х годах организация зависимых обществ перекинулась в центральный промышленный район, а в 90-х—в Донецкий бассейн. В 80-х годах в мелких и средних городах стали появляться общегражданские городские кооперативы: их учредители и члены вербовались преимущественно из служащей интеллигенции, в частности из земского третьего элемента. На потребительско-кооперативном городском движении сказалось упадочное настроение интеллигенции 80-х годов после поражения «Народной Воли». К этим городским кооператорам вполне применима данная покойным проф. Миклашевским в годы столыпинской реакции характеристика кооператора, как «великого человека на малые дела». Затхлый дух 80-х годов прочно укоренился в городских кооперативах, и даже вентиляция 1905 г. не могла проветрить их как следует. Поэтому противопоставление городской кооперации старого типа [2]) зависимым потребительским обществам, которое неоднократно делает М. Балабанов, можно принять только с большими оговорками [3]). Наоборот, уже во второй половине 90-х годов, в связи с возникновением массового рабочего движения наблюдаются—правда, еще в очень слабом виде—новые веяния в зависимой кооперации.

М. Балабанов сам указывает, что «борьба против зависимости началась до 1905 г. Но когда начался этот процесс—постепенного, усилиями самих рабочих, раскрепощения фабрично-заводских обществ—сказать трудно» (стр. 83). Насколько нам известно, первые попытки раскрепощения имели место в половине 90-х годов, как эпизод широко развернувшейся профессиональной борьбы той

---

[1]) На вечеринке кончивших курс провинциальных гимназистов весной 1860 „кто говорил о *рочдэльском обществе*, кто о комедии Львова, кто сообщал ненапечатанное стихотворение Некрасова“ („Николай Негорев“, бытовой роман Кущевского). Лучшие из этой молодежи ушли затем в революцию, из остальных в конце 60-х годов могли выйти учредители потребительных обществ.

[2]) Многолавочные городские кооперативы военного времени носили иной характер.

[3]) Приводимые М. Балабановым цифровые данные об усилении с 90-х годов значения независимой кооперации (городской и сельской) по сравнению с зависимой фабрично-заводской и железнодорожной требуют также серьезной оговорки. Нельзя упускать из виду несоизмеримости сравниваемых единиц (мелкие городские и сельские и крупные зависимые о-ва).

эпохи зависимое общество было одним из орудий эксплоатации рабочих, как продавцов рабочей силы (кредит, талоны и, как следствие их, знаменитая «перетопка»—косвенный путь понижения заработной платы). В своих «Записках социал-демократа» Ю. Мартов рассказывает, как социал-демократический кружок на путиловском заводе в 1895 г. поднял агитацию за раскрепощение местного потребительского общества. Нам лично приходилось принимать участие в такой же попытке на гужоновском заводе в Москве в 1896 г., и тогда же поднимался вопрос об этом и в социал-демократическом кружке на прохоровской фабрике. Эти попытки не увенчались успехом. За то удачной оказалась борьба за раскрепощение сормовского общества потребителей. Балабанов упоминает только о том, что в 1899 г. во время беспорядков сормовичи разнесли ренсковой погреб потребительского общества (стр. 54). Но уже летом 1901 г. при ближайшем участии местной социал-демократической организации потребительское общество было отбито у администрации завода. «Во главе правления лавки в качестве председателя был проведен Горинов, оставшийся в этой должности до конца службы... В правление лавки прошли некоторые другие товарищи» [1]). Около общества скоро образовалась группа сознательных беспартийных рабочих, пославшая делегата Шимборского на первую всероссийскую конференцию профессиональных союзов (Москва 5—6 октября 1905 г.). На этой конференции Шимборский добился допущения сормовского общества на предполагавшийся в декабре 1905 г. с'езд профессиональных союзов. После декабрьского восстания в Сормове общество потребителей было закрыто; Шимборский был убит казаками по указанию шпиона, когда шел на завод.

Выясняя социально-экономические условия развития рабочей кооперации в России, М. Балабанов, вслед за другими исследователями, указывает на низкий уровень заработной платы, как на «одно из самых серьезных препятствий к росту рабочего кооперативного движения» (стр. 71). Но он проходит молчанием другое, не менее важное препятствие—связь рабочего с деревней, которая имела последствием бессемейное житье в фабричных казармах или артелях и артельное харчевание: отсутствие домашнего хозяйства у рабочего-одиночки, оставлявшего семью в деревне, не создавало материальной заинтересованности в кооперативном движении. С развитием капитализма и полной пролетаризации рабочих, сопровождавшейся распространением женского труда, все больше отпадало это препятствие. Упомянем кстати об особой разновидности кооперативов, о которой не говорит М. Балабанов—о рабоче-крестьянских потребительских обществах в центральном промышленном и уральском районах.

Революция 1905 года была поворотным пунктом в развитии, как общегражданской, так, в особенности, рабочей кооперации. На целом ряде примеров М. Балабанов достаточно подробно изображает процесс раскрепощения фабрично-заводских обществ, возникновение и деятельность новых независимых обществ, а затем подводит общие итоги рабочему кооперативному движению за годы между двумя революциями. Но и здесь встречаются пробелы, а иногда и не совсем правильная перспектива в группировке фактов.

Так автор ничего не говорит об очень оригинальном, принимавшем иногда бурные формы, движении потребителей против роста цен в Ярославской и Костромской губ. в 1906—7 г.г., послужившем исходным пунктом для борьбы за независимую кооперацию в этом районе. Недостаточно подчеркивает автор и то преимущественное значение Москвы по сравнению с Петербургом в развитии рабочей кооперации в целом: связь московских рабочих кооперативов с московским союзом потребительных обществ не только помогала им в выработке организационных форм, но в свою очередь возлагала на них отстаивание особых инте-

---

[1]) А. Пискарев. „С.-Д. организация в Нижнем 1900-03". Материалы по истории революц. движения. Том IV, 1922, стр. 17.

ресов и задач рабочей кооперации (правда, далеко не всегда удачное с классовой точки зрения) в общегражданском потребительско-кооперативном центре с его расплывчатой кооперативной идеологией. Петербургская кооперация довоенного времени существовала вне главного русла рабочего кооперативного движения, и даже влияние на него вспыхнувшего мимолетным метеором в 1906—7 г. «Трудового союза» было невелико.

Вообще взаимоотношения между московским союзом потребительских обществ и рабочей кооперацией выяснены недостаточно полно и отчетливо. Не отмечено то, что дал союз положительного рабочей кооперации в области материальной поддержки и организационного содействия; не упомянут специально издававшийся для рабочих кооперативный журнальчик «Об'единение», который, несмотря на свою идейную беспомощность, дал все-таки и немало полезного в области чисто кооперативной и культурно-просветительной. С другой стороны, преувеличено значение крестьянской кооперации в московском союзе [1]); ее рост несомненно оказывал влияние на работу и идеологию союза, но не определял ее.И в области *не потребительской, а сельско-хозяйственной кооперации*, не в Московском союзе, а в Народном Банке (позже в Совете кооперативных с'ездов) складывалась боевая антисоциалистическая идеология крестьянской кооперации; не Зельгейм, а Кулыжный был ее наиболее ярким выразителем. Верно только то, что пестрый социальный состав союзных обществ все время заставлял союзную кооперативную идеологию топтаться на месте.

Далеко не исчерпывающе выяснен вопрос и о взаимоотношениях между рабочей кооперацией и другими формами рабочего движения. Отметим прежде всего две неточности: «С артельными увлечениями было покончено; в рабочем классе они не находили никакого отклика» (стр. 74). Это не так. В 1906—7 г. мы видим рецидив «артельных увлечений». У петербургских строительных рабочих артельные начинания сгубили профессиональный союз. Петербургский союз безработных в значительной степени выродился в артели безработных, и нынешний «красный купец», а тогда один из главарей совета безработных и делегат от петербургских артелей каталей С. В. Малышев на первом кооперативном с'езде (1908 г.) выступал апологетом артелей. Даже и металлистов затронули эти увлечения (напр., организованный при содействии покойного инженера Л. Романова артельный завод в Баку). Вот почему профессиональные конференции 1907 года (портные, строительные рабочие) принимали резолюции против артельных увлечений. О них же упоминается поэтому и в проекте резолюции о кооперативном движении для предполагавшегося в конце 1907 г. с'езда профессиональных союзов. Проект этот был составлен Брагиным-Бройдо и—в этом вторая поправка—отнюдь не предполагался для внесения на с'езд от имени организационной комиссии по созыву с'езда, как можно предположить из изложения М. Балабанова (стр. 76). К слову сказать, почти аналогичная резолюция была принята тогда же казанским центральным бюро профессиональных союзов.

Слишком бегло остановился М. Балабанов на оценке социал-демократией, а значит и профессиональными союзами, значения рабочей кооперации (стр. 77). Автор приводит только несколько выдержек из 2—3 статей и резолюцию конференции металлистов 1907 г. К тому времени относится неупоминаемое автором любопытное сопоставление различных точек зрения на кооперацию в трех проектах резолюции о кооперативах, приготовленных для московской областной конференции профессиональных союзов и напечатанной в № 5 московского «Профессионала» 1907 г. Вообще все цитаты автора по этому вопросу заканчиваются 1907г., точно дальше социал-демократия к вопросу о кооперации не возвращалась. Между тем, это далеко не так. Возьмем хотя бы меньшевиков-рабо-

---

[1]) „Крестьянским становилось не только кооперативное движение, крестьянским становился и московский союз, направляющий центр движения", стр. 73.

чес'ездовцев; в их взглядах на самоорганизацию пролетариата кооперации уделялось известное место. Еще интереснее было бы по литературе, а еще больше по личным воспоминаниям, выяснить те точки зрения, которые были в российской делегации на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене в 1910 г., и, в особенности, *ту позицию, которую занимали представители российской делегации в кооперативной комиссии конгресса.*

Для профессиональных союзов взаимоотношения с рабочей кооперацией не ограничивались общей оценкой ее значения. С 1906 г. между кооперацией и профессиональными союзами «вырабатывались некоторые отношения, как между двумя ветвями общего движения» (стр. 133). Автор останавливается только на одной области этих взаимоотношений: «некоторые общества возникали по инициативе профессиональных союзов; другие ими поддерживались; бывали случаи передачи своих средств рабочим кооперативам» (133 стр.) [1]). Но уже в 1907 г. стала складываться другая область взаимоотношений — регулирование через профессиональные союзы условий труда кооперативных служащих, (разбор в смешанных комиссиях конфликтов в «Трудовом союзе» и «Приказчике», конфликт в Обуховском потребительном обществе и т. д.). Завершением этого сотрудничества была, принятая вторым кооперативным с'ездом, главным образом под влиянием рабочей делегации, резолюция о *коллективных договорах* (1913 г.). Заключенный на основе этой резолюции коллективный договор с М. С. П. О. (1915 г.) оказал большое влияние на практику коллективных договоров в годы революции и послужил прообразом для многих из них.

Недостаточно полно и рельефно излагает Балабанов, как шло самоопределение самой рабочей кооперации. Выступления рабочих групп на общекооперативных с'ездах 1908 и 1913 г. и на собраниях уполномоченных московского союза заслуживали бы большего внимания. Именно здесь скудный печатный материал было бы интересно пополнить живыми воспоминаниями участников с'ездов. Оценка выступлений рабочих групп на с'ездах у Балабанова нам представляется несколько преувеличенной. В одной из корреспонденций в зарубежной печати (кажется, в большевистском «Социал-демократе») правильно указывалось, что кооператоры-рабочие на первом с'езде не сумели отмежеваться от иллюзий общегражданской кооперации. На втором с'езде рабочая кооперация не смогла перекинуть моста от своих программных заявлений, цитированных Балабановым, к конкретным вопросам порядка дня с'езда; она не дала ответа на целый ряд, поставленных с'ездом и затрагивающих ее интересы, практических вопросов о дополнительной материальной ответственности, о запрещении продажи посторонним, даже о кооперативном законе [2]).

Вообще классовое самоопределение рабочей кооперации относится уже к *годам войны.* И шло оно не столько в области хозяйственной деятельности: здесь у рабочей кооперации было, особенно в годы войны, много точек соприкосновения с общегражданской городской кооперацией, особенно с многолавочными городскими кооперативами, из которых некоторые все более приближались к рабочим (напр., самарская «Самопомощь»). *Самоопределение шло в области общественных выступлений рабочей кооперации,* сближавших ее с другими ветвями рабочего движения. Вздорожание жизни и бестоварье, обострившиеся в продовольственный кризис, толкнули рабочую кооперацию на арену общественной жизни, и здесь ее позиция не совпадала с позицией общегражданской городской кооперации и часто расходилась с позицией крестьянской кооперации. Процесс этого самоопределения заслуживает большего внимания, чем то, кото-

---

[1]) К числу перечисленных М. Балабановым городов (Нижний, Саратов, Тула, Шуя Иваново-Вознесенск) можно прибавить Ревель.

[2]) См. написанную под свежим впечатлением с'езда мою статью в „Нашей заре", 1913 г.: „Рабочая кооперация на кооперативном с'езде".

рое уделил ему Балабанов (стр. 153). Он совсем, напр., не упоминает ни о московском с'езде по дороговизне летом 1915 г., где в рабочей группе были и делегаты рабочих кооперативов, ни о разогнанном кооперативном совещании в декабре 1916 года...

В заключение несколько слов о статистической характеристике рабочей кооперации. М. Балабанов пользуется, главным образом, опубликованными в «Ежегодниках» московского союза потребительских обществ ежегодными сводками отчетов за 1909—12 г.г. Но как раз для рабочих кооперативов эти годовые сводки недостаточны: в этой группе было сравнительно немного показаний, и они менялись к тому же из года в год [1]). Вот почему выведенные из них средние носили подчас случайный характер, отражая не установившийся еще тип самих рабочих кооперативов. Чтобы получить более устойчивые средние и иметь возможность расчленить перекрещивающееся влияние социальных и экономических условий деятельности кооперативов (группировка по социальному составу и размерам оборота), статистическим отделом М. С. П. О. была в свое время сделана *сводка данных за пятилетие 1909—13 г.* Эта статистическая работа (таблицы и текст) осталась неопубликованной, и хранится в архиве статистико-экономического отдела Центросоюза. В ней можно бы найти более яркие цифры для статистического изучения особенностей рабочей кооперации в ее прошлом, чем те, которые приводит в своей книге М. Балабанов. И здесь мы, таким образом, снова подходим к вопросу, затронутому в начале статьи: не было ли бы своевременно приступить к более детальному изучению ее прошлого и в этих целях организовать *Исткооп* или *Истрабкооп* на подобие Истпрофа.

---

[1]) Раскрепощенные зависимые о-ва перечислялись в группу независимых рабочих кооперативов, сразу повышая величины, характеризующие ее.

С. А.

„Рабочее и профессиональное движение в Нижегородском крае", 1869—1917 г.г. Материалы под редакцией В. Т. Илларионова. Издание Нижегородского губернского совета профессиональных союзов. 1923 года, стр 389.

Сборник Нижегородского Истпрофа является чуть ли не первой, во всяком случае, одной из первых попыток местного Г. С. П. С. создать что либо знательное в деле восстановления исторического прошлого профессионального движения своего района. И нужно сказать, что по своему внешнему виду этот сборник действительно производит весьма солидное впечатление. Он сравнительно хорошо издан, содержит около 400 страниц крупного формата, снабжен алфавитными указателями личных имен и географических названий; на обложке указано, что он охватывает период 1869—1917 г.г. и т. д. Но посмотрим, каков он по своему содержанию?

Сборник содержит в себе 3 статьи: А. А. Белоозерова—«Опыт истории Нижегородских профессиональных союзов», А. Сигорского—«1917 год» и И. И. Драницына—«Библиографический указатель литературы по профессиональному движению в Нижегородском крае». Третья статья занимает около одной четверти всей книги (88 стр. из общего количества—389). Этот библиографический указатель сам по себе может быть более или менее ценен. Давая указания относительно статей и заметок и сообщений, помещенных в местном «Нижегородском листке» о местном профессиональном движении, он может служить важным пособием для исследователя местного профессонального движения.

Но ведь рецензируемая книга не предназначена исключительно и даже преимущественно для исследователей истории Нижегородского профессионального движения. Только ничтожная часть из двух тысяч экземпляров этой книги будет использована исследователями нижегородского профессионального движения. А если это так, то зачем нужно было поместить в книге этот указатель?

Для обычного рядового читателя он только загромождает книгу, а с точки зрения общей это является только напрасной тратой бумаги, труда и типографских средств. Указатель И. И. Драницына должен был остаться в Нижегородском Истпрофе, как пособие, но отнюдь не появляться в печати; от этого книга бы только выиграла.

Но нижегородский Истпроф в своей погоне за внешней солидностью издания «переборщил» не только в данном случае. Это стремление отразилось и на главной работе сборника, статье А. А. Белоозерова, занимающей чуть-ли не $^2/_3$ всей книги (262 стр. из общего количества 389). Читатель, по солидности и об'ему статьи, вправе предполагать, что он имеет дело с более или менее подробным исследованием развития профессионального движения до революции 1917 года. Но по прочтении статьи ему придется разочароваться; статья доводит изложение до весны 1906 года, и по существу мы в этой статье имеем только материал о зарождении и самых первых шагах профессиональных союзов в Нижнем-Новгороде. Ясно, что для такой темы статья слишком велика по своему об'ему.

Но, могут нам возразить, ведь сборник охватывает период, начиная с 1869 года, может быть автору удалось собрать интересный атериал за период нескольких десятилетий до 1905 года. Посмотрим. Период до 1904—1905 года в статье А. А. Белоозерова заполнен материалом о кассах взаимопомощи и др. аналогичных организациях. Каких-либо материалов о стачечном движении до 1904 — 1905 г.г. он не приводит. Как-же он исследовал деятельность обществ взаимопомощи?

Уже в самом начале статьи мы находим крайне неправильное утверждение, что «к начальным открытым формам классового единения пролетариата следует отнести общества взаимопомощи, кассы взаимопомощи, ссудо-сберегательные кассы рабочих и служащих и т. под.» и что это были «те формы рабочего об'единения, которые применялись пролетариатом в борьбе с капиталом, еще до организации боевых профессиональных союзов»... (стр. 9). Такой взгляд в настоящее время отдает крайней наивностью. Стоит хотя бы немного ближе ознакомиться с деятельностью этих организаций, чтобы видеть, что с классовым рабочим движением у них не было ничего общего и что борьбой с капиталом, особенно, если вычеркнуть годы 1905—1906, в них и не пахло. Это были организации, чаще всего охватывавшие верхушки приказчичьей и рабочей аристократии, которые китайской стеной были отгорожены от широкой рабочей массы и которые часто насаждались и поддерживались более дальновидными элементами господствующих классов в противовес революционным веяниям в рабочей и приказчичьей массе. Их исследование может иметь для истории профессионального движения только отрицательную цель—собрать наивозможно полные данные, которые обнаружили бы физиономию и внутреннюю сущность этих организаций и еще нагляднее доказывали бы неправильность той легенды, что зародышем российского профессионального движения в период до 1905 года являются кассы взаимопомощи.

Но к этой основной ошибке автор прибавляет еще целый ряд, подчас уже совершенно грубых, ошибок. Так он смешивает в одну кучу кассы и общества взаимопомощи, ссудо-сберегательные кассы и больничные кассы, и притом он не делает различия между организациями, созданными до 1905 года, и организациями, созданными после этого года. Это смешение в одну кучу всех этих организаций уже прямо страдает полной безграмотностью. Кто не знает, что наши больничные кассы создавались в совершенно иной обстановке, чем кассы взаимопомощи и ссудо-сберегательные кассы, и сыграли совершенно другую роль, чем последние. Нужно-ли здесь напомнить о знаменитой в свое время страховой кампании 1913—14 г.г., которая велась вокруг этих больничных касс и сделала их опорными пунктами массового рабочего движения.

Кто действительно желает изучать место больничных касс в рабочем движении, тот должен изучать эту их историческую роль в рабочем движении. Автору статьи как будто об этом ничего неизвестно; для него существует только мертвые уставы и цифры прихода и расхода, которые он цитирует и таким образом излагает деятельность больничных касс. В заключение этого изложения он нас угощает таким своим выводом: «Они (больничные кассы—С.А.) по существу носили характер материально-благотворительных организаций, не имея задач культурно-просветительных, не говоря уже о широких пролетарских правовых интересах» (стр. 25).

Но кроме этой вопиющей ошибки, мы у автора находим и другую, правда, не такую грубую ошибку: включение в одну скобку обществ и касс взаимопомощи с ссудо-сберегательными кассами. В кассах первого рода иногда еще могла тлеть искра стремления к более широкой деятельности и приближения по своему духу к пролетарским классовым организациям. Организуя кое где библиотеки, школы, бюро труда, они, при благоприятных условиях, могли бу-

дить в своих членах общественный интерес, и поскольку в своей повседневной жизни соприкасались с рабочей массой, пробуждать в них искру классового чувства.

Совершенно иное дело—ссудо-сберегательные кассы. Они создавались на почве чисто материальных и даже «шкурно-материальных» интересов, а поэтому здесь уже никакого разговора быть не может о малейшем намеке на классовое чувство. А между тем автор, как мы видим, утверждает, что и ссудо-сберегательные кассы нужно отнести к тем организациям «которые применялись пролетариатом в борьбе с капиталом еще до организации профессиональных союзов». Как эти организации применялись в борьбе с капиталом, остается секретом автора.

К этому же подавляющее большинство этих ссудо-сберегательных касс (24 и 330) возникло только после 1905 года, а по философии автора они «применялись в борьбе с капиталом *еще до организации боевых профессиональных союзов*». Мы здесь опять встречаемся с ошибкой автора: он не проводит различия между этими организациями (обществ и касс взаимопомощи и ссудо-сберегательных касс) в период до и после 1905 г. А между тем после опыта профессионального движения периода 1905—1907 гг. уже не могло быть и речи о том, чтобы эти общества сами по себе играли прогрессивную роль. Правда, бывали единичные случаи, когда эти общества служили прикрытием для подпольной деятельности союза (о таком случае пишущему эти строки известно из практики г. Житомира), но это уже статья особая и нужно каждый такой случай особо исследовать.

Сообразно с этим внешне-формальным, неисторичным подходом к делу автор ведет все свое изложение предмета. Вместо исследования живого процесса развития этих обществ, он оперирует только сухими выписками из уставов, цифрами приходов и расходов и т. д. Когда же автор хочет нам дать более подробное изложение деятельности «Общества вспоможения частному служебному труду», он нам дает почти буквальные протоколы целого ряда собраний, но ясного и сжатого изложения внутренней жизни этого общества за этот период мы не имеем.

Между прочим, наиболее интересным моментам в жизни общества—его роли в 1-м с'езде обществ взаимопомощи, состоявшемся в 1896-м году в Нижнем-Новгороде, и в 3-м всероссийском с'езде обществ взаимопомощи в 1906-м году—посвящено всего по нескольку строк, а между тем, из доклада Нижегородского делегата на 3-м с'езде обществ взаимопомощи приказчиков видно, что это общество готовилось к этому с'езду и провело целую кампанию в связи с ним. В таком же духе автор ведет все свое изложение главы «Общества и кассы взаимопомощи» на протяжении целых 74-х страниц.

Переходя к тем частям статьи А. А. Белоозерова, где он действительно занимается профессиональным движением, нужно сказать, что и здесь изложение заставляет желать многого в смысле четкости, проработанности материала и сжатости изложения. Из 70-ти страниц главы «Экономическая борьба и стачечные комитеты» 20 страниц посвящено почтово-телеграфной забастовке, самой по себе, быть может, интересной, но к профессиональному движению не относящейся, ввиду того, что она была по преимуществу забастовкой политической. И здесь автор загромождает свое изложение ненужными деталями.

Такой же характер носит изложение в главе III «Профессиональные союзы 1905 года». И здесь часто целые страницы заполнены буквальной передачей отдельных речей (см. стр. 157—170 и др.). Занимаясь изложением истории отдельных союзов, автор каждый раз занимает целые страницы буквальным изложением пункт за пунктом устава соответствующего союза. Очень часто все содержание «исторического очерка» того или иного отдельного союза ограни-

чивается изложением устава и того, что происходило на двух-трех собраниях; целому ряду союзов автор посвящает всего по нескольку строк, и в результате получается какой то калейдоскоп, где союзы, уставы и собрания следуют друг за другом, но в котором очень трудно разобраться.

Характерно, что автор, давая очерки отдельных союзов, не считает даже необходимым очертить состояние данного производства в тот момент, положение рабочих, их культурный уровень, без чего вообще немыслимо дать какое-либо понятие о характере профессионального движения, в той или иной профессии.

Этой пестроте изложения способствует еще и неправильная схема изложения, принятая автором. Вместо того, чтобы проследить развитие профессионального движения в отдельной профессии от начала его зарождения накануне или в начале 1905 г года, хотя бы до периода реакции, приведшей в 1908—1909-м годах к распаду большинства профессиональных союзов, включая сюда и экономическую борьбу, как важнейшую функцию союзов, автор разрывает свое изложение на части, дает отдельно изложение хода стачечной борьбы в 1905 году и создания зачаточных профессиональных органов—стачечных комитетов, отдельно—организации профессиональных союзов с осени 1905 г. до весны 1906 г. и обещает в следующем выпуске продолжать изложение за последующее время. Это способствует пестроте впечатлений от чтения книги.

Остается сказать несколько слов о 3-ей статье сборника: «1917 год» А. Сигорского. Эта статья, занимая всего каких нибудь 25—30 стр., не претендует на исчерпывающее изложение предмета. Составленная, повидимому, на основании местного газетного материала, она может быть полезной, как первая попытка дать сводку этого материала и наметить наиболее важные моменты в нижегородском профессиональном движении того времени,—сормовскую забастовку летом 1917 г., создание обще-волжского союза грузчиков, движение за создание обще-волжского союза судоходцев. Для будущего историка нижегородского профессионального движения первого года революции эта статья будет иметь определенную ценность.

Подводя итоги, нужно сказать, что нижегородский сборник, несмотря на свой об'ем и внешнюю импозантность очень мало вносит в сокровищницу истории российского профессионального движения, и те небольшие ценные крупинки, которые в нем имеются, загромождены таким большим количеством малоинтересного материала, что исследователю российского профессионального движения придется порядочно покопаться, пока он их найдет. Вообще же нужно посоветовать нижегородскому и не только одному нижегородскому истпрофу: не гнаться за универсальностью и внешней солидностью. Вместо пестрого собрания разных отрывков дайте лучше материал об одном, двух или трех союзах, но материал полный, детально обследованный, тщательно проработанный, ясно и сжато изложенный; тогда вы действительно окажете услугу делу изучения истории профессионального движения и ваша работа будет ценной.

Пусть количеством — поменьше, за то качеством — получше, — таков должен быть наш девиз.

С. Я.

„Пять лет"—1917—1922 г.г. Юбилейный сборник всероссийского профессионального союза рабочих и служащих кожевенного производства. Издание РИО ЦК Всепрофсоюза кожевников, Москва 1922 г. стр. 168+192.

Лежащий перед нами сборник является одним из целого ряда аналогичных сборников, изданных в течение последних 2-х лет в связи с 5-ти летними юбилеями создания всероссийских союзов. Этот сборник крайне типичен для этого вида литературы. И выпукло обнаруживает все его недостатки и положительные черты. Как и все подобного рода сборники, он состоит из двух частей: одной отчетной, в которой данный союз подводит итоги своей пятилетней работе, другой—исторической, в которой союз старается осветить свое собственное историческое прошлое, те более отдаленные периоды деятельности отдельных союзных ячеек, которые уже стали достоянием истории. На примере этого сборника особенно ярко обнаруживается вред, проистекающий от совмещения обоих вышеупомянутых элементов. Как сборник юбилейно-отчетный, он должен быть приурочен к определенной юбилейной дате, но как сборник исторических материалов, он от этого только пострадал. Приурочение опубликования содержавшихся в сборнике исторических материалов к определенному сроку—5-ти летнему юбилею, должно было с одной стороны породить стремление провести перед глазами читателя возможно большее количество мест — блеснуть разветвленностью исторических корней союза,—но это не могло не отразиться на качестве помещаемого материала. Так например, в последнем отделе сборника, озаглавленном «*Материалы для истории наших местных союзных организаций*» на протяжении 75 стр. перед нами проходит 30 «кратких историй» отдельных местных союзов, по 2½ стр., в среднем на каждый союз,—это уже черезчур «сжато». Некоторые союзы ухитряются на 2-х—3-х страницах дать историю своего союза, начиная еще с периода до 1905 г. (Крым, Тула, Николаев и др.). Конечно, такие «истории» не обладают большой исторической ценностью. Они чаще всего написаны «в спешном порядке», без предварительного собирания точного материала и проверенных сведений, часто по наслышке, в лучшем случае по личным, чаще всего отрывочным, воспоминаниям. Почти на всех лежит печать необходимости выполнить срочное очередное задание Ц. К., написать к 5-ти летнему юбилею «краткую историю». С другой стороны, необходимость издания сборника к сроку—юбилею не могла не мешать систематической и тщательной обработке материала. Большинство даже ценных материалов также носит отрывочный характер. Об одном и том же союзе имеется целый ряд отрывков—и часто об одном и том же периоде,—и тем не менее история этого союза не освещена. Даже по истории таких союзов, как питерский и московский, мы имеем обрывки,

а не систематическое изложение. А между тем дать связную историю этих союзов сравнительно не трудно—особенно личным участникам—ввиду того, что о деятельности этих союзов можно найти немало сведений в профессиональной печати того времени. То же, хотя в меньшей степени можно сказать о таких союзах, как нижегородский и др. Вывод отсюда следующий: не нужно совмещать в одном и том же сборнике две задачи—юбилейные и исторические. Если бы Ц. К. кожевенников вместо одного, правда, толстого сборника издал-бы два отдельных сборника—юбилейный и исторический,—то от этого дело бы только выиграло, и была бы возможность тщательнее составить историческую часть, выбросив за борт «краткие истории», дав на первый раз материал только о нескольких союзах, но материал ценный и тщательно обработанный, и то ценное, что вошло в этот сборник, не затонуло бы среди массы малоценного материала. А ценного в этом сборнике все же достаточно. Ст. тов. Юзефович—«1895—1917 г.г. (страничка истории союза)»—безусловно является ценной. Захватывая период до 1905 г. и первой революции 1905 года, она, хотя и не является еще историей профессионального движения кожевенников этого периода, но все-таки является первой попыткой связать воедино разрозненные факты этого движения, составить черновой набросок его, и, как таковой, она безусловно заслуживает внимания читателя.

Затем идут воспоминания о профессиональном движении кожевников Москвы,Петербурга, Западного края, где движение среди кожевников и щетинщиков имеет свою богатую историю. Но здесь нужно особенно выделить две статьи: ст. тов. Лева — «Как проснулся гигант» и коллективную статью — «Всеукраинский союз рабочих по обработке кожи». Первая из этих двух статей является воспоминаниями одного из активных работников самого «древнего» периода движения кожевников—периода конца 90-х и начала девятисотых годов и касается как этого периода, так в особенности периода созыва с'езда кожевников в начале 1897 г. Ценность этой статьи заключается не только в том фактическом материале, который в ней содержится, но еще больше в той форме, в которую этот фактический материал облечен. Это—не сухие протокольные записи, извлеченные из памяти, а художественно-яркое изображение как внешнего состояния, так и внутреннего духа движения кожевенников того момента. Вы здесь найдете, кроме сухих фактов, меткие, яркие характеристики деятелей движения кожевенников того времени, которые воскрешают перед вашими глазами тех незаметных героев, выросших в тесном подполье, но тем не менее блещущих всеми яркими красками героизма и самоотвержения, которые, именно благодаря этим качествам, могли не задыхаться в темном и душном подполье и оттуда сеять в рабочей массе семена классового сознания и революционного воодушевления. Очерк тов. Лева, хотя и незначительный по своему об'ему — он занимает всего каких-нибудь шесть страниц,—но по яркости и сочности изложения, по меткости характеристики эпохи и ее деятелей заслуживает того, чтобы попасть на страницы хрестоматии по истории профессионального движения, чтобы подрастающее поколение профессиональных работников на нем училось героизму и преданности делу рабочего класса на примере отошедших поколений. Совсем другого калибра—вторая из выделенных нами статей—ст. «Всеукраинский союз рабочих по обработке кожи». Эта статья совершенно не блещет тем художественно-образным способом изложения, не обвеяна той теплотой внутреннего чувства, чем отличается ст. тов. Лева. Она выдержана об'ективно по своей форме, даже несколько суховата, но по обилию сообщаемого ею фактического материала, по четкости его обработки и стройности изложения она является превосходным освещением затронутой ею темы. Она трактует о работе по централизации союзов кожевенников на Украине в 1918—1919 г.г., в том периоде, когда профессиональное движение Украины было, благодаря оккупации этого края немцами, насильно оторвано от обще-российского русла и продела-

ло первые шаги по пути централизации «самостийно». Эта статья является плодом коллективного творчества трех активных работников того времени, скрывающихся за инициалами А., Б. и П., и показывает нам продуктивность коллективного метода освещения прошлых этапов нашего профессионального движения, особенно когда приходится оперировать не с архивными или другими зафиксированными фактическими данными, а извлекать факты из архива памяти и по ним строить изложение. Здесь коллективная работа дает, во-первых, возможность произвести взаимную проверку фактов и этим предостерегает от возможности уклоняться от истины; во-вторых, такая работа способствует взаимному извлечению из памяти полу-забытого материала. Статья сама по себе представляет большую историческую ценность, давая ясное, крайне сжатое, а потому и четкое изложение процесса централизации союзов кожевенного производства Украины во время гетманщины. Будущий историк российского профессионального движения первых годов революции вообще и профессионального движения кожевенников этого периода, в особенности, не сможет пройти мимо этой статьи. Она послужит незаменимым источником при изучении освещаемой ею темы. Может быть, придется в освещении этой темы добавить кое-что новое, может быть придется кое-что видоизменить, но в главном и основном освещение этой статьей процесса централизации союзов кожевенников безусловно войдет в историю нашего профессионального движения. Из остального исторического материала следует упомянуть, как материал более или менее ценный, воспоминания С. Адашева и В. А. Морозова о первых шагах профессионального движения кожевенного производства в Питере после 1905 г., М. Бекренава и В. Морозова о питерском профессиональном движении более позднего периода, начиная с 1912 г., И. Райчука о движении среди минских кожевенников в периоде 1908—1910 г.г. и в первые годы революции, М. Х. Колчинского о союзе кожевенников Екатеринослава с 1915 г., Шмерлинга и Ревзина о Нижегородском союзе и некоторые др.

Резюмируем. В рецензируемом сборнике имеется целый ряд безусловно ценных материалов и он безусловно является известным вкладом в литературу по истории российского профессионального движения, но более тщательная проработка материала, отсутствие «юбилейности» и избавление его от излишнего балласта «кратких историй» намного повысили бы его ценность.

К. и Я.

Литература о профессиональном движении в России, вышедшая в 1923 году.

Познание истории профессионального движения может опираться прежде и больше всего на литературные источники. Между тем, в этом отношении исследователи обычно сталкиваются с фактом, который сильно тормозит их работу. Факт этот—отсутствие систематизированных указателей, которые дали бы возможность без особых трудностей ориентироваться в литературе вопроса. Учитывая это, Истпроф уже предпринял издание серии указателей литературы по истории профессионального движения в России, которые дают ныне уже известную возможность обойти стоящие в этом отношении препятствия.

Но это дело должно быть продолжено. Нельзя вести библиграфическую работу от случая к случаю. Необходимо сделать ее регулярной, чтобы в дальнейшем уже не пришлось подчеркивать то наличие «белых пятен», о которых так много говорит предисловие ко 2-му выпуску указателя Истпрофа. Эту задачу составители данного описания литературы и решили взять на себя.

Так как составители «указателя» закончили свое описание литературой, посвященной движению 1922 г., мы теперь даем литературу, вышедшую в 1923 г. При этом, конечно, получится некоторое отхождение от того плана, которого придерживался «указатель». По самому характеру нашей работы мы, конечно, не может группировать ее хронологически по содержанию, а принуждены исходить из формальной хронологии времени издания. Во всем же остальном мы придерживаемся того порядка систематизации, который был принят во 2-м выпуске «указателя», посвященном движению с 1917 г.

В настоящее описание вошли важнейшие непериодические издания. Периодические же издания, равно как и отдельные статьи по вопросу, помещенные в общих журналах и сборниках, мы предполагаем дать в дальнейшем.

В заключение отметим, что группировка изданий, посвященных движению рабочих отдельных производств, приводится нами в следующем порядке: 1) история движения, 2) материалы и документы о деятельности союзной организации, 3) организационные вопросы, 4) вопросы тарифа и заработной платы, 5) деятельность союзов в области организации производства, 6) культурно-просветительная работа.

А. Общепрофессиональное движение.

I. История движения.

1. **Антошкин Д.**—Профессиональное движение в России.—Пособие для курсов по профдвижению. Москва, ВЦСПС, 100 стр. 1923 г. Библиография: «Указатель литературы. Список книг для дальнейшего чтения по истории рабочего и профессионального движения в России» (на 4-х стран.).

2. **Гриневич В.**—Профессиональное движение рабочих в России.—Выпуск первый. Третье издание, с предисловием Ф. Сенюшкина. Москва, издательство «Красная Новь», Главполитпросвет, 216 стр. 1923 г.

3. **Ельницкий А.**—История рабочего движения в России.—2-е пересмотренное и дополненное автором издание. Москва, ВЦСПС, 264 стр. Предисловие: «От редакции». Библиография: «Библиография по истории рабочего движения в России» (на 15 страницах), 1923 г.

4. **Зорин С.**—Так было в 1915 г. (Расстрел Иваново-Вознесенских рабочих двадцать третьего августа 1915 года).—Иваново-Вознесенск, 22 стр. Иваново-Вознесенский Губком РКП. 1923 г.

5. **Козелев Б.**—Оккупация Рура и российские профессиональные союзы.—Москва, ГИО ВЦСПС, 47 стр. с илл. 1923 г.

6. **Ленин Н. (Ульянов В. И.).**—Рабочее движение в России в эпоху первой революции.—Изд. «Новая Москва», Москва, 1923 г., 43 стр. Предисловие: Л. Каменев.

7. **Морозовская стачка 7—13 (19—25) января 1885 г.**—(Сборник статей, под редакцией и с предисловием Д. Б. Рязанова).—Москва. Кооперативное издательство «Московский Рабочий», 1923 г., 75+1 стр. Авторы статей: Г. Плеханов, В. Засулич, В. Ленин, Матвеев, Катков.

8. **Рабочее и профессиональное движение в Нижегородском крае (1869—1917 г.).**—Материалы, под редакцией В. Т. Илларионова. Нижегородский Губернский Совет профессиональных союзов. 378 стр. Н.-Н., 1923 г. Предисловие: Виктор Илларионов. Авторы статей: А. А. Белозеров, А. Сикорский, Н. И. Драницын. Библиография: «Библиографический указатель литературы по профдвижению в Нижегородском крае». (на 80 страницах). Н. И. Драницын.

9. **Пажитнов К.**—Рабочее движение при крепостном праве.—Издательство «Красная Новь». Главполитпросвет, 33 стр. М., 1923 г. Библиография: «Источники».

10. **Сидоров К. Ф.**—Забастовочное движение в России. (в диаграммах). Материалы по истории РКП (б) и революционного движения в России.—Под редакцией С. И. Мицкевича. (Из работ семинария по истории партии). Издательство «Красная Новь». Главполитпросвет. 12+1 стр. текста, 14 лист. диагр., М., 1923 г.

11. **Томский М.**—Очерки профессионального движеня в России.—Издание второе. Изд. ВЦСПС, 58 стр., М. 1923 г.

12. **Его-же.**—Современное положение российских профессиональных союзов.—Москва, ВЦСПС, 31 стр., 1923 г. Обложка А. К. Предисловие: редакция. Дополнение. «Экономическое положение рабочего класса в России (по данным ОТЭ ВЦСПС)».

13. **Тюшинский А.**—К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках.—Минск, партиздательство ЦБКПБ «Вперед», 80 стр. 1923 г. Предисловие: Ис—к Вайнер.

14. **Чекин А. (Яроцкий В.).**—Теория, история и практика профессионального движения.—Часть I.—Существо профессионального движения. Второе переработанное и дополненное издание. Изд. ВЦСПС. Москва, 1923 г. 103 стр. III-е переработанное и дополненное издание. Москва, ВЦСПС, 1924 г. (фактически 1923 г.), 111+1 стр.

15. **Его-же.**—Теория, история и практика профессионального движения.—Часть I. —Типы движения в их историческом развитии.—Москва, ВЦСПС, 158 стр., 1923 г.

Кроме того, необходимо отметить «Архив Истории Труда в России», выпускаемый ученой комиссией по исследованию истории труда в России под редакцией Юлия Гессена. Изд. культ-просвет. отдела Петрогр. Губ. Сов. Професс. Союзов. В течение 1923 г. вышли книги: шестая—седьмая, восьмая, девятая и десятая. В «Архиве» читатель найдет интересный и ценный материал по истории экономического движения русских рабочих.

II. Общие вопросы движения.

16. **Гиринис С.**—Что такое профессиональный производственный союз.—(Московский Губернский Совет Профессиональных Союзов. Библиотека профессионального движения. № 2), Москва, 1923 г. 29 стр. 2-ое дополненное издание, Москва, 1923 г. 40 страниц.

17. **Лозовский А.**—Задачи профессионального движения, с предисловием Б. Шумяцкого.—Иркутск, Иркутское отделение государственного издательства. 15 стр. Иркутский Губенский Совет Профессиональных Союзов. 1923 г.

18. **Его-же.**—Задачи коммунистов в профдвижении. (Доклад и заключительное слово на IV конгрессе Коминтерна, 20—21 ноября 1922 г.).—Москва—Петроград, Госиздат. 1923 г. 104+1 стр.

19. **Об итогах и перспективах профессионального движения.**—1. Письмо В. И. Ленина. 2. Речь М. П. Томского на V Всероссийском с'езде Профсоюзов. II издание. Москва, ВЦСПС, 22 стр. 1923 г.

20. **Профессионалист.**—(Посвящается 1-му мая—дню Интернационального Труда) 1889—1 май—1923 (сборник).—Елец. Елецкое Бюро Профессиональных союзов. Редакционная комиссия. 32 стр. 1923 г. Авторы: стихи: Вольный, Невструев. Статьи: И. Стебаков, В. Мико, В. М., З. Бобраков, А. Титов, секретари А. Алексеев, С. З., П. Севрюгин, Масеева, Кочегар Карасев, А. Магалиф, М. М., председатель Гуменников, А. Ш., З. Б—в.

21. **Рязанова—А.** Женский труд.—Москва, кооперативное издательство «Московский Рабочий». 1923 г. 315+2 стр.

22. **Томский М.**—Профессиональные союзы на новых путях.—Москва, ВЦСПС, 46+(1) стр. 1923 г.

III. Материалы и документы о деятельности общепрофессиональных организаций.

а) Всероссийские организации:

23 **IV Всероссийская конференция профессиональных союзов, 12—17 марта 1918 г.** (Протоколы и материалы).—Собрали и обработали для печати М. Заяц и Ю. Милонов. Москва, ВЦСПС, 126 стр. (Комиссия по изучению истории профессионального движения в России при ВЦСПС, (Истпроф), серия исторических документов). 1923 г. Предисловия: «От Истпрофа ВЦСПС», Предисловие: Ю. Милонов.

б) Областные организации:

24. **Азербейджанский Совет Профессиональных Союзов.**—Обзор профессионального движения Азербейджана с 1-го августа 1922 г. по 1 января 1923 г. Выпуск 3-й. К III Азербейджанскому с'езду профсоюзов. Баку. Азербейджанский Совет Профессиональных союзов. 1923 г. 66+1 стр.

25. **Донской Областной Совет Профессиональных Союзов.**—Профсоюзы на Дону. (Год работы в новых условиях), февраль 1922 г.—февраль 1923 г., под редакцией т.т. Пестуна, В. Воронина и Меллера. Ростов-на-Дону, Донской Областной Совет Профессиональных Союзов. 366+(2) стр.+(45) вклад. лист. портр., илл., диаграмм и таблиц. 1923 г.

26. **Юго-Восточное Бюро Всероссийского Центрального Совета Профессиональных союзов.**—Краткий обзор работы Профсоюзов Юго-Востока (Сентябрь 1922 г.—Сентябрь 1923 г.).—К III-й краевой конференции Профсоюзов Юго-Востока. Ростов-на-Дону, РИО Юго-Вост. Бюро ВЦСПС. 50 стр. 1923 г.

в) Местные (губернские, районные и уездные организации).

27. **Президиум Воронежского Губернского Совета Профессиональных Союзов.**—Год работы Воронежского Губпрофсовета (март 1922 г.—март 1923 г.). Воронежскому губернскому с'езду Профессиональных Союзов. Изд. Воронежского Губпрофсовета, Воронеж, 1923 г., 127+52 стр.

28. **Курский Губернский Совет Профессиональных Союзов.**—Отчет Курского Губпрофсовета за время с 10 февраля 1922 г. по 15 февраля 1923 г. Курск, редакц.-издат. под'отдел Губпрофсовета 1923 г. 108+11 стр.

29. **Маркузон Ф. Д.**—Положение труда в Московской губернии 1918—1922 г.г. Атлас диаграмм. Вып. I. Рисунки художника А. В. Сетанова (МГСПС, Бюро стати-

стики Труда), Москва, 1923 г., 11 стр. текста+17 листов красочных диаграмм. Издано в папке.

30. **Мельничанский Г. Н.**—Московские профессиональные союзы в обстановке нэп'а—Москва, 46+(1) стр. (Моск. Губ. Сов. Профес. Союзов. Библиотека профессионального движения). 1923 г.

31. **Отчет о деятельности Московского Губернского Совета Профессиональных Союзов** за 1922—1923 г.—Москва, издательство МГСПС, 152 стр. 1923 г.

32. **Московский пятый Губернский с'езд Профессиональных Союзов.** Итоги. Резолюции. Постановления.—Москва, издательство МГСПС, 97 стр. с диагр. 1923 г. Предисловие: «Вместо предисловия» МГСПС.

33. **Президиум Московского Губернского Совета Профессиональных Союзов.**—Призыв к подписке на золотой выигрышный заем.—Москва, 1923 г., 1 стр.

34. **Московский Губернский Совет Профессиональных Союзов.**—Устав Центрального клуба Профсоюзов (при МГСПС).—Москва, 1923 г., 11 стр.

35. **Президиум Пензенского Губернского Совета Профессиональных Союзов.**—Отчет Президиума Пензенского Губпрофсовета за период времени—с 1 февраля 1922 г. по 1 февраля 1923 года. Составлен под редакцией заворготделом ГСПС т. Благосмысловой В. Д.—Пенза. 1923 г. IV+(3+196) стр.,+3 вклад. лист. таблиц.

36. **Глебов (Авилов) Н.**—Петроградские профессиональные союзы на страже интересов рабочих.—Петроград, изд. и тип. Губ. Сов. Профес. Союзов. 88 стр., 1923 г.

37. **Рязанский Губпрофсовет и Профсоюзы за пять лет 1918—1923 г.**—Юбилейный сборник Рязанского Губпрофсовета.—Рязань, 173+(1) стр., 1923 г.

IV. Организационные вопросы.

38. **Антипов Н.**—Финансовая практика профессиональных союзов.—Москва, ВЦСПС, 62+(1) стр., 1923 г.

39. **Локшин А. Я.**—Финансы профессиональных союзов (теория, практика и техника).—Москва, ВЦСПС, 104 стр., 1923 г.

40. **Томский М.**—Принципы организационного строительства профессиональных союзов.—Второе дополненное и переработанное издание, Москва, ВЦСПС, 1923 г.

V. Вопросы тарифа и заработной платы.

41. **Вейнберг Г.**—Что такое тарифное соглашение, тарифная ставка, товарный рубль и тарифная сетка.—Петроград, изд. и тип. культурно-просветительного отдела Петр. Губ. Совета Професс. Союзов. 115 стр. (Рабочая библиотека), 1923 г.

42. **Вопросы заработной платы.**—Сборник статей. (Редакция проф. Л. Б. Кафенгауз).—Москва, 185+(1) стр. (Высший Совет Народного Хозяйства. Отдел редакционно-издательский. Труды комиссии экономических исследований. Выпуск I). 1923 г. Авторы статей: Л. Кафенгауз, С. Струмилин, Н. Воробьев, А. Рашин, Г. Поляк, А. Губарев, А. Рабинович.

43. **Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов.**—За 1922 год. Итоги новой политики зарплаты. Материалы ВЦСПС (на правах рукописи. Для членов XII с'езда РКП и членов фракции ВЦСПС).—Москва, 1923 г., 51 стр. с диаграм.

44. **Инспекция Труда Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции.**—Политика и практика заработной платы и коллективных договоров в государственных предприятиях и учреждениях.—Очерк составлен Инспекцией Труда НК Р. К. И. (для членов XII-го с'езда РКП (б).—Москва, 1923 г., 104 стр.+1 вклад. лист график.

45. **Рашин А.**—Движение заработной платы в 1922 г.—Статистический очерк. Отдельный оттиск из «Народного Хозяйства России» за 1921—22 г.,—Москва, 33 стр. с иллюстр. (библиотека «Экономической Жизни» № 11). 1923 г.

46. **Ревзин Ф.**—Эволюция форм заработной платы в Советской России.—Москва, ВЦСПС, 58+(1) стр., 1923 г.

47. **Струмилин. С. Г.**—Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 г. (с 4-мя диаграммами в красках и 58 таблицами).—

Москва, изд. НКТ «Вопросы Труда», 88 стр.+(4) вклад. лист. красочных диагр. (Библиотека Труда. Серии: научная, специальная, популярная серия 11 №17—19). 1923 г.

48. **Трахтенберг И. А.**—Коллективный договор.—Третье исправленное издание.—Москва, ВЦСПС, 94 стр.+(2) стр. об'явлений. 1923 г.

49. **Халатов Арт.**—К вопросу о политике заработной платы.—(Библиотека «Экономической Жизни» № 9). Библиография: «Указатель литературы по вопросам заработной платы». Москва, 1923 г. 125+11 стр.

50. **Центральный Комитет Российского Коммунистического Союза Молодежи.**—Рабочая молодежь и коллективные договоры (Наши задачи). Изд. 2-е «Молодая Гвардия», Москва 1923 г., 15 стр.

VI. Культурно-просветительная работа союзов.

51. **Диамент Х. Я.**—Профсоюзы на культурном фронте.—(Очерк Московской работы).—Москва, 54 стр. (Моск. Губ. Совет Професс. Союзов. Библиотека профессионального движения № 4). 1923 г.

52. **Томский М. П.**—Задачи культурно-просветительной работы союзов в свете общих задач профессионального движения. (Доклад, прочитанный 20-го июля 1923 г. в культотделе ВЦСПС на совещании представителей Ц. К. профессиональных союзов, —заведывающих культурно-просветительными отделами). Изд. 2-е. Москва, ВЦСПС, 23 стр. 1924 г.

53. **Культурно-просветительный отдел Московского Губернского Совета Профессиональных Союзов.**—Инструкция о работе школ по ликвидации неграмотности среди членов профсоюзов.—Москва, (Культурно-просветительный отдел МГСПС). 1923 г., 1 стр.

VII. Фабрично-заводские комитеты.

54. **Сенюшкин Ф.**—Фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы) в России и их работа в современных условиях.—Москва, ВЦСПС, 247 стр. 1923 г.

55. **Примерные положения о правах и обязанностях фабрично-заводских делегатов.**—Тверь, 1923 г., 2 стр.

VIII. Рабочее законодательство.

56. **Бухов М.**—Как охраняется труд работниц по советским законам.—Москва, издательство МГСПС, 23 стр. (Библиотека профессионального движения № 5. 1923 г.

57. **Стопани А.**—Наше законодательство о трудовых судах.—(К V сессии ВЦИК). Отдельный оттиск «Вопросов Труда», органа НКТ № 5—6. Москва, (9+14 стр.), 1923 г.

58. **Семенова А. Е.**—Очерки советского трудового права.—Харьков. Юж-бюро ВЦСПС и Народный Комиссариат Юстиции Украины. 53+1 стр. 1923 г.

IX. Справочные издания.

59. **Броварский Б. М.**—Указатель постановлений ВЦСПС, помещенных в «Бюллетенях ВЦСПС» за 1922 г. №№ 1 (32)—21 (52).—Составлен архивариусом орготдела ВЦСПС Б. М. Броварским. Москва ВЦСПС 1923 г., 38 стр.

60. **А. Кац и Р. Якуб.**—Систематический указатель литературы по профессиональному движению в России. Выпуск II.—Профессиональное движение в годы революции (1917—1922 г.г.). Москва, ВЦСПС, 184 стр. (Комиссия по изучению истории профессионального движения в России. Истпроф ВЦСПС). 1923 г. Библиография: «Перечень источников, использованных составителями» (на 3 страницах).

61. **Кремлев Б. И.**—Кружки по изучению профдвижения.—Материалы и программы.—Предисловие: заведующий культотделом ВЦСПС Ф. Сенюшкин. Библиография: Указатели литературы при программах. Изд. культотдела ВЦСПС, Москва, 1923 г. 20+12 стр. II-е переработанное и дополненное издание. Москва, ВЦСПС. 1923 г. 76+4 стр.

62. **Литература профессионального движения.**—Издание Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов. (Библиографический обзор). Москва ВЦСПС, 43 стр., 1923 г.

63. **Рапопорт С. и Якуб Р.**—Систематический указатель литературы по профессиональному движению в России. Выпуск I. Профессиональное движение до революции 1917 года.—(Комиссия по изучению истории профессионального движения в России, (Истпроф ВЦСПС). Изд. ВЦСПС. Москва, 1923 г., 64 стр.

Б. Профессиональное движение среди рабочих и служащих отдельных производств.

I. Рабочие бумажной промышленности.

3.

64. **Всероссийский производственный союз трудящихся бумажной промышленности.**—Устав Всероссийского производственного союза трудящихся бумажной промышленности.—Вятка, 1923 г., 13 стр.

II. Рабочие водного транспорта.

1.

65. **Ачканов, Григорий.**—Как мы боролись и строили свой союз.—Материалы для истории Всероссийского союза рабочих водного транспорта.—Москва РИО ЦК водников и Всероссийский союз водного транспорта. 125+111 стр.+(8) стр. об'явлений, 1923 г.

66. **Краткие очерки из истории союза рабочих водного транспорта.**—Вольск, Саратовский райкомвод, 76 стр. (издание Саратовского Райкомвода). 1923 г.

67. **Красный бурлак.**—Юбилейный выпуск Самарского райкомвода в честь пятилетия национализации речного флота и образования союза рабочих водного транспорта. 8 февраля 1918 года—8 февраля 1923 года.—Самара, Самарский Райкомвод. Отв. ред. Н. Нечаев. 1923 г., 4 стр.

III. Горнорабочие.

2.

68. **Отчет Донецкого Губернского отдела Всероссийского союза горнорабочих.**—За 1922 год.—Харьков, Донгуботдел ВСГ, 230+1 стр.+8 вклад. лист. табл., график и диагр. Вступит. статья: «Год работы Донецкого губотдела ВСГ в новых условиях». П. Егоров. 1923 г.

IV. Рабочие деревообделочники.

2.

69. **Всероссийский профессиоальный союз рабочих деревообделочников.**—VI-му с'езду деревообделочников. Отчет Ц. К. В. П. С. Р. Д. (за время с VI 1922 г. по XI 1923 г.), Москва. ЦК ВПСРД, тип. «Дер Эмес», (26+16) 160 стр. с илл., (1) стр. 1923 г. Предисловие: «К VI с'езду (Вместо предисловия к отчету Ц. К.)» Г. Кабанов.

70. **Резолюция VI с'езда Всероссийского проф. союза рабочих деревообделочников.** (с 16 по 21 ноября 1923 года).—Москва Ц. К. ВПСРД, 46 стр., 1923 г.

V. Рабочие и служащие железнодорожного транспорта.

2.

71. **Красный железнодорожник.**—К 5-летнему юбилею основания профессионального союза железнодорожников.—1918 г.—10февраля—1923 г. (сборник)—Краснодар, Кублинк-профсож. 1923 г., 8 стр. с иллюстр.

72. **Отчет Центрального Комитета Всероссийского Профессионального союза работников железнодорожного транспорта.**—За время: с VI с'езда союза по 1 октября 1923 г. К Всероссийской конференции союза.—Москва, ЦК союза железнодорожников, 144 стр., 1 вклад. лист таблиц. 1923 г.

73. **Постановления всесоюзной конференции железнодорожников.**—Москва, «Гудок», 20 стр. (прилож. к «Гудку» № 1076). 1923 г.

74. **Дорожная конференция Московско-Казанской железной дороги.**—Отчет дорожной конференции Московской Казанской жел. дор. с представителями Учкпрофсожей, месткомов и касс социального страхования.—Москва, 1923 г., 67 стр.

75. **Дорожный отдел профессионального союза железнодорожников Западных железных дорог.**—Разработка статистической сводки формы № 3 (диаграммы). Приложение к отчету о деятельности Дорпрофсожа на Западных жел. дор. за 1922 г. Предисловие: зав. орг. отделом Калинин.—Гомель 1923 г., 1 стр., 23 лист. черт.

76. **Дорожный отдел профессионального союза железнодорожников Западных железных дорог.**—Отчет о деятельности Дорпрофсожа Западных жел. дор. за 1922 год.—К 4-му дорожному с'езду союза. Гомель, 1923 г., 118 стр.

4.

77. **Центральный отдел статистики и картографии Народного Комиссариата Путей Сообщения.**—Материалы по статистике путей сообщения.—Выпуск 15.—Бюджет транспортника в октябре 1922 г. (статистические таблицы с пояснительным текстом).—Предисловие: Арт. Халатов. Авторы текста: Арт. Халатов, В. Проскуряков, В. Губанов.—Ред.-изд. отдел НКПС., Москва, 1923 г., 289 стр., 4 вкл. листа красочн. диаграм.

VI. Работники земли и леса.

2.

78. **Вторая сессия пленума Центрального Комитета Всеработземлеса,** 1923 г. 3—8 июня.—Резолюции и постановления.—Москва, ЦК Всеработземлес. 46+(2) стр. (Всероссийский профессиональный союз работников земли и леса). 1923 г.

3.

79. **Устав Всероссийского производственного союза работников земли и леса.**—Краснодар, 1923 г., 24+VIII стр. Дополнение: «Положение о рабочих комитетах союза Всеработземлес».

VII. Работники искусств.

2.

80. **Четвертый Всероссийский с'езд союза работников искусств.** 26 апреля—30 апреля. Краткий отчет.—Москва, 38 стр. Приложение к № 7—8 «Вестника Работников Искусств», 1923 г.

VIII. Работники коммунального хозяйства.

1.

81. **Гордон Макс.**—Из жизни рабочих и служащих на Петроградских водопроводах.—(Петроград., изд. культурно-просветительного отдела Петроградского Совета Профессиональных Союзов. 23 стр., 1923 г. Отдельный оттиск из 10-й книги «Архива Истории Труда в России»).

IX. Работники медико-санитарного дела.

2.

82. **Материалы по охране труда союза Всемедикосантруд.**—Изд. Симбирский губотдел союза Всемедикосантруд. Симбирск, 1923 г., 28 стр.

83. **Что должен знать каждый член Всероссийского профессионального союза Всемедикосантруд.**—(Справочник—сборник законоположений). — Саратовский губернский союз Всемедикосантруд. Саратов, 1923 г., 35 стр.

84. **Московский губернский отдел Всероссийского союза работников медико-санитарного труда.**—Отчет о деятельности Московского губотдела союза Всемедикосантруд, (сентябрь 1922 года—октябрь 1923г.). К 5-му Московскому губс'езду Всемедикосантруд.—Москва, Московский губотдел союза Всемедикосантруд, 148+(4) стр. с диагр.+(3) вклад. лист. схем. и диагр. 1923 г. Предисловие: Правление.

X. Работники местного транспорта

1.

85. **Гордон Макс.**—Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда. Очерк второй. Петроград, изд. культурно-просветительного отдела Петроградского Совета Профессиональных союзов, 16 стр., 1923 г. (Отдельный оттиск из 9-й книги «Архива истории труда в России»).

2.

86. **Ежегодник Всероссийского профессионального союза транспортных рабочих.**—К 4-му Всероссийскому с'езду союза 1923 г. Москва. ЦК ВПСТР. 87 стр. с портр. и черт. 1923 г.

87. **IV Всероссийский с'ед союза транспортных рабочих.**—Краткий стенографический отчет с приложением постановлений с'езда, 8—13 мая 1923 года.—Москва, ЦК ВПСТР. 33 стр.+(1) вклад. лист портр. 1923 г.

XI. Рабочие металлисты.

2.

88. **Всероссийский союз рабочих металлистов и международное об'единение рабочих металлистов.**—ВСРМ и Интернационал металлистов (документы). — Москва. ЦК ВСРМ, 16 стр., 1923 г.

89. **Всероссийский союз рабочих металлистов в цифрах за 1922 год.**—Отчет. Сборник № 1., под редакцией И. Гохмана.—Изд. ЦК ВСРМ, Москва, 1923 г., 80 стр. с диагр.

90. **Центральный Комитет Всероссийского союза рабочих металлистов.**—Руководящие материалы и постановления ЦК ВСРМ. Выпуск II. Январь 1923 г.—Москва, 1923 г Изд. ЦК ВСРМ, 126+1 стр.

91. **Гохман И.**—ВСРМ в 1922—23 г.г.—Краткий атлас диаграмм. Москва ЦК ВСРМ, 8 стр. текста, (25) отдельных лист. диаграмм, 1923 г.

92. **Резолюции и постановления VI-го с'езда ВСРМ** (16—22 июня 1923 г.).—Москва, ЦК ВСРМ. 60 стр., 1923 г.

93. **Всероссийская V-ая конференция инженерных секций Всероссийского союза рабочих металлистов.**—Отчет V-й конференции инженерных секций ВСРМ (24 июня 1923 г.).—Москва, ЦК ВСРМ, 77+(1) стр. с илл., 1923 г.

94. **Московское районное отделение Всероссийского союза рабочих металлистов в 1922—1923 г.г.**—Краткий атлас диаграмм. Приложение к № 4 «Бюллетеня» МРК ВСРМ. 1923 г., 7 стр. текста, 23 стр. лист. диагр.

95. **Петроградский районный комитет Всероссийского союза рабочих металлистов.**—Отчет Петроградского райкома ВСРМ 6-й губернской конференции металлистов, (июль 1922 г.—сентябрь 1923 г.).—Петроград, Петроградский райком ВСРМ. 312 стр. с черт., 3 вклад. листа красочных диаграмм, 1923 г.

96. **Масленников Д.**—Тульский союз металлистов до 1917 г.—Москва, ЦК ВСРМ, 12 стр. с портр. Из материалов Истпрофа ВСРМ (1924), фактичесии 1923 г.

3.

97. **Предложение по финансовому вопросу и организации фондов.**—Москва, 8 стр. Материалы к VI с'езду Всероссийского союза рабочих металлистов № 4. На правах рукописи. 1923 г.

98. **Устав ВСРМ.—Проект.**—Утвержден 4-й сессией пленума ЦК.—Москва, 21 стр. (Матералы к VI с'езду Всеросс. союза рабочих металлистов). 1923 г.

4.

99. **Гуревич А.**—Вопросы заработной платы в металлопромышленности. Тезисы А. Гуревича.—Москва, 20 стр. (Материалы к VI с'езду Всероссийского союза рабочих металлистов № 3). На правах рукописи. 1923 г.

100. **Предложения по культурно-просветительной работе.**—Москва. 11 стр. (Материалы к VI Всероссийскому с'езду союза рабочих металлистов № 2). 1923 г.

101. **Сборник конспектов и тезисов лекций.**—(Москва изд. ЦК. Всероссийского союза металлистов). 1923 г.

XII. Работники народной связи.

2.

102. **Годичный отчет ЦК союза работников связи 7 созыва восьмому Всероссийскому с'езду 1922—20 ноября—1923г.**—Москва ЦК союза связи 1923 г.

103. **Отчет Воронежского почтово-телеграфного округа** к VI окружному с'езду работников союза народной связи.—Воронеж, 1923 г., 18 стр., 1 вклад. лист таблиц.

104. **Московское окружное правление союза связи.**—Всем райправлением союза связи соответствующим упрофбюро и губпрофсоветам, копия ЦЕКА связи и управления почт.-тел. округа (циркулярно).—Москва 1923 г. 2 стр.

XIII. Рабочие полиграфического производства.

1.

105. **История союза печатников.** (1904—1907 г.г.)—Сборник.—Ростов на-Дону, Донской обл. отд. СРПП, 40 стр.+(4) вклад. лист. портр. (Материалы по истории профдвижения на Дону. Истпроф ДСПС). 1923 г. Авторы статей: П. Ратнер, И. Богданов, Ф. Черкасов, Ф. Сорокин, Ф. Проскурин.

106. **Шесть лет.**—(Сборник).—К шестилетнему юбилею Семип. губ. отдела союза РПП.—Семипалатинск, Семипалатинский губернский отдел союза рабочих полиграфического производства. 58 стр. (под редакцией Н. Тамакова). 1923 г. Предисловие: «От издателя» губотдел. Авторы статей: Н. Таманов, И. Аполинарьев, И. Лобанов, Н. Халдеев.

107. **Печатник.** (1918 г. 26 марта—1923 г.).—Журнал посвященный 5-й годовщине со дня организации Осташковского союза рабочих полиграфического производства.—Осташков, Осташковское Отделение Всероссийского союза рабочих полиграфического производства. Редакционная коллегия: Колтыпин, Абрамов, Ионосов, Евдокимов. 12 стр. с иллюстрац. 1923 г. Авторы: стихи: Осип Смольский, Ф. Е., К. Соловьев. проза: Абрамов, Ф. Евдокимов, Ионосов, Ф. Е., Колтыпин Н. Г., Никита Рабочих.

108. **Труд печатника.**—Однодневное издание, посвященное 5-ти летнему юбилею союза рабочих полиграф. производства 1918—17 февраля—1923 г. Орел. Культотдел. 1923 г., 16 стр.

2.

109. **II пленум Центрального Комитета Всероссийского союза рабочих полиграфического производства.** (25—28 апреля 1923 г.).—Резолюции и постановления пленума. Москва, ЦК Всеросс. союза рабочих полиграф. производства. 1923 г.

110. **III пленум Центрального Комитета Всероссийского союза рабочих полиграфического производства** 10, 11 и 12 декабря 1923 г. в г. Москве. Тезисы. Москва. 13 стр. 1923 г.

111. **Койранский Б.Б., д-р.**—Санитарные условия труда в полиграфическом производстве.—Москва, Центральный Комитет Всероссийского союза рабочих полиграфического производства и «Мосполиграф». 196 стр. с илл., 1923 г.

112. **Московский губернский отдел Всероссийского союза работников полиграфического производства.**—Отчет правления Московского губотдела ВСРПП от 1 сентября 1922 г. по 1 сентября 1923 г. Москва, Московский губотдел ВСРПП, 85 стр. 1923 г.

Листок героев труда.—Однодневная газета рабочих и служащих 31-й типографии «Красный Печатник». Суббота 24 марта 1923 г. Москва 1923 г., 2 стр.

113. **Красный печатник.**—Однодневная газета Тамбовского губотдела Всероссийского союза рабочих полиграфического производства. Суббота 17 марта 1923 года.—Тамбов, Тамбовский губотдел союза рабочих полиграфического производства. Ред. коллегия: А. Кузнецов, К. Трифанов, М. Жмаев. 4 стр.

XIV. Рабочие пищевой и вкусовой промышленности.

1.

114. **Доклад делегации Всероссийского союза рабочих пищевой и вкусовой промышл. на 2-м международном конгрессе союзов пищевиков в Брюсселе.** (Бельгия).—30 сент., 1 и 2 октября 1923 года. ЦК ВСРПВП. 31 стр., 1923 г.

115. **Краткий исторический обзор развития профдвижения рабочих пище-вкусовой промышленности Рязанской губернии.** (1917—1922).—Рязань. 23 стр., 1923 г. Подписи: члены комиссии: Коновалов В. П., Григорьев С. И., Харитонов, П. И., Давыдов И. Г.

3.

116. **Устав Всероссийского союза рабочих пищевой и вкусовой промышленности.**—Издание 3-е. Москва 1923 г., 31 стр.

XV. Работники просвещения.

1.

117. **Аплетин Мих.**—Этапы и формы просвещенского союзного движения за пять лет (1917—1922г.г.)—Краткий очерк. Москва, издательство «Работник просвещения». 1923 г., 52 стр.

2.

118. **Центральное бюро секции работников печати при Всероссийском союзе работников просвещения.**—Отчет о деятельности Центрального Бюро секции работников печати при Всеработпросе за 1922 год.—4-му Всероссийскому с'езду. Москва, 1923 г. 20 стр.

119. **Московское губернское бюро секции работников печати при губернском отделе Всероссийского союза работников просвещения.**—Отчет Московского губернского бюро секции работников печати при Губотделе Всероссийского союза просвещения (сентябрь—декабрь 1922 г.). Москва, 1923 г., 8 стр.

120. **Материалы к шестому Московскому губернскому с'езду Всероссийского профессионального союза работников просвещения, 10 октября 1923 г.**—(Сборник тезисов, отчетов и докладов). Москва, 135+(1) стр. Московский губотдел Всероссийского союза работников просвещения. 1923 г. Авторы докладов: С. Дулин, З. Я. Вигалок, А. Лагун.

121. **Устав Всероссийского союза работников просвещения.**—2-е издание. Москва. Издательство «Работник Просвещения». 12 стр., 1923 г.

XVI. Трудящиеся сахарной промышленности.

3.

122. **Устав Всероссийского производственного союза рабочих сахарной промышленности.**—Москва, 1923 г., 24 стр.

XVII. Служащие (совработники).

1.

123. **Самарский губернский отдел Всероссийского профессионального союза работников административно-советских учреждений.**—Отчет Самарского губернского отдела Всепрофсоюза работников административно-советских, общественных, торговых и частных учреждений по 1 февраля 1923 г.—Самара 1923 г., 44 стр.

2.

124. **Майзельс Д.**—Заработная плата кооперативных и советских служащих в 1922 г.—Материалы по статистике. Вып. I. Изд. ЦК Всепрофсоюза совработников.—Москва, 1923 г., 61 стр.

XVIII. Строительные рабочие.

1.

125. **Юбилейный сборник ЦК ВССР.** 1918—1923 г.—Москва. Издательство ЦКВССР. 256+(2) стр., (2) вкл. лист. таблиц и илл. (Центральный Комитет Всеросс. союза строительных рабочих). 1923 г. Авторы статей: Н. Богданов, А. Андреев, Миронов, Т. Тотер, Б. Бураго, В. Сухан, Н. Васильев, С. Вдовин, А. Ильин, С. Сарыгин, К. Карасев, А. Кузоваткин.

2.

126. **Резолюции V-ой Всероссийской конференции IIIпленума ЦК РССР.** 15—19 мая 1923 г. Москва. Издательство ЦК ВССР. 96 стр. из них 5 стр. об'явлений. 1923 г.

127. **Информационно-отчетное письмо ЦК ВССР № 1.**—Изд. ЦК ВССР. Москва, 1923 г., 48 стр.

128. **Информационно-отчетное письмо ЦК ВССР № 2.**—Москва. Изд. «Красный Строитель» издательства ЦК ВССР. 55 стр., 1923 г.

129. **Всероссийский союз строительных рабочих.—Резолюции II пленума ЦК ВССР,** (января 16—18 1923 г.).—Москва. РИО ЦК ВССР. 1923 г. VI—48 стр. Предисловие: Н. Богданов.

130. **Отчет Московского губотдела ВССР 1922—октября—1923 г.**—Москва. Московский губотдел. 126—(1) стр. с илл., (1) вклад. лист таблиц. 1923 г.

131. **Саратовский губотдел союза строителей.**—Краткая история возникновения и жизнь союза.—Отчетный материал работ правления союза с сентября 1922 по март 1923 г.г. и материалы 5 губконференций союза.—Саратов, 34+(7) стр., вклад. лист портр. и красочных диагр. 1923 г.

XIX. Текстильщики.

2.

132. **Год работы Центрального Комитета Всероссийского профессионального союза текстильщиков.** — (Отчет). Сентябрь 1922 г.—сентябрь 1923 г. — Москва, ЦК ВПСТ. VIII+306+II стр., (23) вклад. лист. диаграмм. К 4-й Всероссийской конференции союза. Вступительная статья: «Год работы» (вместо предисловя). И. Кутузов. 1923 г.

133. **Циркуляры и постановления Центрального Комитета.**—Сентябрь 1922—сентябрь 1923 г. (Приложение к отчету о работе Центральн. Ком. за 1922—1923 г.). Москва, 180+III стр., 1923 г. Предисловие: «Вместо предисловия» Н. Лебедев.

134. **Всероссийская 4-я конференция профессионального союза текстильщиков.**—Резолюция 4-й Всероссийской конференции союза текстильщиков. 23—27 октября 1923 г.—Москва. Всероссийский профессиональный союз текстильщиков. 1923 г.

135. **Всероссийский профессиональный союз текстильщиков.**—Резолюции 2-го пленума ВПСТ.—Петроград. Всероссийский проф. союз текстильщиков. 1923 г., 16 стр.

136. **Всероссийский союз текстильщиков.**—Положения и инструкции фабкомам и комиссиям.—Московский губотдел ВПСТ. Москва, 1923 г., 48 стр.

137. **Московский губернский отдел Всероссийского профессионального союза текстильщиков.**—Отчет о работе Московского губотдела за август—октябрь 1923 г.—Москва, Московский губотдел 94—(1) стр., (2) вкл. лист. таблиц., 1923 г.

XX. Рабочие химики.

1.

138. **К пятилетию Всероссийского союза рабочих химической промышленности.**—Сборник.—Краснодар, Краснодарский райком химиков. 1923 г. 40 стр.+5 вклад. лист. портр.

2.

139. **Московский губернский отдел Всероссийского союза рабочих химиков.**—Отчет о деятельности Московского губотдела Всероссийского союза рабочих химиков, (с 1-го марта 1922 г. по 1 января 1923 г.). К VI губернскому с'езду.—Москва, 1923 г. 122+2 стр. с график.

140. **Московский губернский отдел Всероссийского союза рабочих-химиков.** — Отчет о деятельности Московского Губотдела Всероссийского союза рабочих химиков за январь и февраль месяцы 1923 г. (дополнение к отчету за 1922 г.).—Москва, 1923 г., 16 стр.

3.

141. **Рапопорт А. М.**—Тезисы по организационному вопросу. (К 6-му губернскому с'езду Московского союза рабочих химиков).—Дополнения: Тезисы о культурно-просветительной работе (Рожанская). Тезисы по тарифно-экономической работе (тов. Грандо).—Москва, 1923 г., 15 стр.

XXI. Рабочие швейники.

1.

142. **К пятилетнему юбилею существования Всероссийского об'единения швейников.**—(Статьи, воспоминания, с'езды). 1917 октябрь—сентябрь 1922 г.г.—Харьков,

66 стр., (7) вклад. лист. илл. Центральный Комитет ВСРШП. Харьковский губотдел 1922 г. Авторы статей и воспоминаний: Хабинский, М. Мермельштейн, А. Гандель, Половин, О. Бурагенко, Н. Крапивник, П. Селин, М. Айзенберг, А. Зенберг.

143. **Материалы к 6-му Всероссийскому с'езду рабочих швейной промышленности.**—Москва, 1923 г., 37 стр.

144. **Всероссийский 6-й с'езд рабочих швейной промышленности.**—Устав и постановления 6-го Всероссийского с'езда рабочих швейной промышленности.—Москва, 1923 г., 44 стр.

Отдел VI.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ.

I. Архивная работа Истпрофов.

(Вместо инструкции).

1. Ближайшая задача, стоящая перед работниками в области истории профессионального движения, заключается в собирании и разработке архивных материалов. Пока не будут изучены все важнейшие исторические документы, рассеянные по различным архивным хранилищам не может быть и речи о сколько-нибудь полном восстановлении картины развития профессионального движения.

2. Такая задача конечно, не может быть выполнена одними только историками-исследователями. Здесь необходимо содействие архивистов, опытных в своем деле и способных учесть научные нужды последователей.

3. Этим самым определяется ответственная роль работников Истпрофов. Их задача—обследовать все имеющиеся архивные хранилища, вплоть до фабрично-заводских архивов, и выбрать сохранившиеся в них документы по истории профессионального движения. Дальнейшая деятельность должна заключаться в систематической разработке найденного материала с целью сделать его доступным для исследователей профессионального движения.

4. Отсюда и сложность этой задачи, как в техническом, так и в научном отношении. Разыскать в целом ряде архивов, часто находящихся в хаотическом состоянии, необходимые документы и выделить их из груды других материалов, причудливо переплетающихся с ними,—это работа на выполнение которой потребуется не мало труда и технических средств.

5. С другой стороны, вопрос об отборе соответствующего материала сам по себе является не только сложной технически, но и серьезной научной задачей. История профессионального движения так тесно переплетается с историей рабочего движения, вообще, и политического в частности, что разграничить материалы, относящиеся к этим трем различным сторонам рабочего движения, становится подчас совершенно невозможным. Все зависит от той точки зрения, из которой исходит архивист-исследователь, приступая к собиранию материала.

6. Таким образом, с первых же шагов своей работы союзный архивист наталкивается на вопрос, что собственно следует понимать под термином «профессиональное движение» и, соответственно этому, какие именно материалы нужно собирать.

7. Эта проблема для «доисторического периода» профессионального движения (до 1905 г.) имеет большое значение. Следует ли союзному архивисту отыскивать и подбирать материал, освещающий экономическое положение и забастовочную борьбу рабочих, условия их труда, фабричное законодательство и т. п. этого периода? Не относится ли это к истории общего рабочего движения, и, таким образом, совершенно выходит за пределы профессионального движения? Такие вопросы как бы сами собой напрашиваются при разработке архивных материалов этого периода.

8. В наших «Материалах» можно найти некоторые более обстоятельные указания на этот счет, но для практических целей вполне достаточны следующие положения, выработанные последним совещанием Истпрофов.

«К профессиональному движению следует относить, кроме внутренней деятельности профессиональных организаций, еще а) все стачки, возникающие на экономической почве; б) борьбу профессиональных союзов за рабочее законодательство; в) участие союзов в страховании рабочих и организаций бирж труда, примирительных камер и проч.; г) участие их в организации производства; д) деятельность рабочих культурно-просветительных организаций в дореволюционное время; е) быть рабочих».

Это же совещание установило следующую примерную схему разделения профессионального движения на основные исторические периоды развития:

1) Период до 1905 г.
2) Годы первой революции (1905—7 г.г.).
3) Годы реакции (1908—1911 г.г.).
4) Предвоенный под'ем рабочего движения (1912—1914 г.г.).
5) Годы войны (1914—1916 г.г.).
6) Период февральской революции (1917 г.).
7) Октябрьская революция до нэп'а (Эпоха военного коммунизма).
8) От нэп'а до настоящего момента.

Этими положениями и может руководствоваться архивист-профессионалист в своей работе.

II. Где нужно искать архивный материал.

9. Наиболее ценные документы по истории рабочего и профессионального движения дореволюционного периода были сосредоточены в бывших правительственных архивах. Из них отметим следующие: а) архивы бывших охранных отделений и жандармских управлений (в них можно найти очень ценные сведения о союзах—конфискованные протоколы правлений союзов отчеты, листовки, воззвания и т. п.); б) архив шефа жандармов в Ленинграде (80-е годы), в) архив главного жандармского управления в Ленинграде. Все перечисленные архивы в настоящее время сосредоточены в историко-революционных секциях Госархива (центральных и местных). Материалы по стачечному движению и экономическому положению рабочих сосредоточены в экономических секциях Госархива: архивы а) бывшего министерства финансов, б) торговли и промышленности, в) путей сообщения, г) земледелия и д) почт и телеграфов и их местных органов.

Материалы по рабочему законодательству можно найти в архивах бывшего сената, государственной думы, городских дум, столичных и городских по делам об обществах и союзах присутствий (сосредоточены в юридических секциях госархивов).

10. Богатейший материал имеется в бывших фаб.-заводских архивах. Произведенное недавно Истпрофом ВЦСПС предварительное обследование архива бывшей Никольской мануфактуры Саввы Морозова в Орехове-Зуеве показало, какие ценные материалы могут дать эти архивы для историографии рабочего и профессионального движения [1]).

11. Некоторые тресты и заводоуправления приступили теперь к разработке фабрично-заводских архивов. Необходимо, чтобы союзы, в лице своих Истпрофов приняли самое деятельное участие в разработке этих архивов, составив подробную опись документов, относящихся к профессиональному движению и скопировав наиболее ценные из них.

Другой источник—это личные архивы ветеранов профессионального движения. Необходимо использовать и эти архивы.

[1]) Вот краткий перечень некоторых дел архива С. Морозова, ценных в этом отношении: 1. Бухгалтерские книги с 1884 г. (очень интересные данные о заработной плате и штрафах рабочих. 2. Отчеты правления фабрики. 3. Телеграфная переписка Т. Морозова с владимирским губернатором о стачке 1885 г. 4. Дело о забастовках (с 1907 г.) 5. Протоколы совета заведующих за 1905-06 г. (очень ценные сведения о стачках в „дни свободы" в Орехове, об Ореховском отделении союза текстилей и Ореховском комитете РСДРП, и т. п.

III. Техника обследования архивов.

12. В большинстве старых архивов не имеется систематизированных архивных каталогов, но сохранились более или менее полные инвентарные описи дел. Эт описи и являются единственными указателями по старым архивам. Необходимо только принять во внимание, что название дел не всегда раскрывает полностью его содержание, т. к. каждое учреждение преследовало свои собственные административные цели и давало соответствующую номенклатуру своим делам. Но в большинстве случаев эти названия дают наводящие указания. Так, например, в Московском историко-революционном архиве (бывший московского охранного отделения) имеется дело, «о собрании рабочих в д. Копытина», какое собрание—партийное или союзное, не указано. Такие дела с наводящими названиями следует просмотреть. Иногда под совершенно невинным названием имеются очень ценные документы (в особенности, это относится к личным делам). В таких случаях очень много облегчает отысканию материалов знание истории своего союза и имен активных работников его. В делах об аресте того или другого активного союзного работника (а иногда и партийного) часто можно найти ценный материал (отобранный при обыске) по данному союзу.

13. Не следует сразу приступать к копированию найденных в каком либо деле документов, а нужно предварительно просмотреть несколько дел и лишь потом копировать документы, так как иногда в разных делах имеется один и тот же материал, только в одних более полный, чем в других.

14. При выяснении какой-либо темы не следует ограничиваться обследованием одного какого нибудь архива. Дела о союзах рассматривались и разрешались не одной какой-либо инстанцией, а несколькими и по каждому из них сохранились документы в ряде архивов, причем эти собрания документов различаются по своему содержанию и характеру в зависимости от свойств тех учреждений, при которых образовались архивные фонды. Поэтому каждый архив в отдельности не заключает в себе исчерпывающего материала и необходимо обратиться к другим архивам.

IV. Состояние описи архивных материалов

15. Результаты обследования должны быть зафиксированы, для чего необходимо составлять описи просмотренных дел и документов. Назначение этих описей—служить для исследователей путеводителем по данному архиву.

Это будет, отнюдь, не систематический, а ориентировочный указатель по архивам. В какой группе дел следует исследователю искать интересующий его материал?—вот что должны показывать описи. Понятно, что эти описи должны быть приспособлены к установленной в данном архиве номенклатуре .Вот примерная форма описи.

Опись материалов б. Моск. охр. отделения по союзу текстилей.

Архивный фонд.	№ Дела.	Год.	Название дела.	Примечание.
Моск. Охр. Отд. .	2966	1907	О забастовках текстилей у С. Морозова и др.	
„ „ „ .	1807	„	Об аресте Гандурина, Смит и Зандера.	Имеются сведения о 2-й конферен. текстил. рабочих.

Таким бразом, опись должна заключать в себе следующие данные: 1) архивный фонд или отдел данного архива, 2) № дела, 3) год, 4) название дела и 5) примечание. Когда заголовок не дает представления о содержании дела, тогда следует в примечании дать не подробную, а суммарную характеристику имеющихся в нем документов (примерно такие пометки: о закрытии союза, о локауте и т .п.). Не следует однако, загромождать опись излишними подробностями. Чем проще она будет, тем легче будет ориентироваться по ней.

V. Составление архивных карточек.

16. Описи архивных документов составляются по мере нахождения их и естественно, ни хронологический, ни предметный порядок не может строго соблюдаться в них. Поэтому весьма желательно, чтобы по окончании описи она была разнесена на карточки. Карточки эти могут быть распределены по хронологическому, предметному и географическому признаку.

а) Образец хронологической карточки.

Наименование архива и номер дела.	1905 год. март Докладная записка Ярославского фабричного Инспектора. Ярославль. 10 страниц.

б) Образец предметной карточки.

Наименование архива и номер дела.	Докладная записка Ярославского фабричного Инспектора. Ярославль 10 страниц. Март. 1905 года.

в) Образец географической карточки.

Наименование архива и номер дела.	ЯРОСЛАВЛЬ. Докладная записка Ярославского фабричного Инспектора. 10 стр. Март. 1905 года.

Таким образом, на карточках отмечаются следующие данные: архив из которого извлечено дело, номер и название его, дата и число страниц.

Заголовок наносится на карточку в то виде ,в каком он изложен в описи данного архива. Если заголовок не дает представления о содержании дела или вызывает сомнение подходит ли дело к данной теме, тогда желательно, чтобы сотрудник снабдил их соответствующими пояснениями. (Можно перечислить важнейшие документы. Например: воззвание забастовочного комитета, донесение фабричного инспектора о забастовке и т. п.).

Составление архивных карточек с пояснениями потребует много времени и поэтому лучше это делать постепенно по мере ознакомления с материалами и разработки их. На первых порах можно ограничиваться разнесением описи на карточки, причем последние следует разбивать на две группы: с заголовками, дающими представление о содержании данного дела и не дающими такого представления. По мере разработки материала, карточки последней категории будут пополняться пояснениями.

Заготовленные предметные карточки могут быть сгруппированы по различным вопросам и проблемам. Очертить заранее круг этих вопросов, конечно, невозможно, так как ни одна теоретически разработанная программа не может учесть всего изобилия и разнообразия архивных материалов и вытекающей из них совокупности вопросов. Поэтому группировка и систематизация архивных карточек должна производиться на основании конкретного изучения архивных материалов, а не по априорно составленному плану. Наконец, группировка архивных карточек может определяться специальными целями, преследуемыми исследователями. Сгруппированные по проблемам карточки дадут возможность исследователям без всякой излишней затраты труда отыскать соответствующий материал по интересующей их теме. *Копии описей и архивных карточек Истпроф ВЦСПС просит прислать для составления центральной картотеки архивных материалов по истории профессионального движения.*

VI. Вопросы, подлежащие освещению.

При разработке и отыскивании архивных материалов важно также знать, какие проблемы профессионального движения следует освещать. Проблемы эти различаются, как по периодам, так и по союзам, в зависимости от специфических условий их развития. Ниже мы даем примерную схему проблем профессионального движения для каждого периода в отдельности. Понятно, что проблемы эти могут быть варьированы для каждого союза в отдельности.

А. Вопросы, общие для всех периодов.

1. *Состояние промышленности.* Конъюнктура данной отрасли промышленности. Степень концентрации и технико-производственные условия промышленности, как факторы определяющие организационные формы рабочего класса.

2. *Количество и состав рабочих:* а) число рабочих в данной отрасли производства; б) половой возрастный и социальный состав рабочих (связь с землей и т. п.).

3. *Правовое и экономическое положение рабочих:* а) заработная плата и виды ее. Продолжительность рабочего дня. Штрафы. Санитарно-гигиенические условия труда. Жилищные условия и питание рабочих. Охрана труда (увечья и несчастные случаи). Детский труд. Быт рабочих. Культурный уровень их (грамотность и т. д.); б) забастовочное движение. Причины и результаты забастовок. Стачечные организации (стачечные комитеты и др.). Рабочая кооперация; в) фабричное законодательство в ее связи с рабочим движением. Фабричная инспекция и ее роль в стачечной борьбе.

4. *Организация предпринимателей:* С'езды предпринимателей. Предприниматели и рабочий вопрос. Влияние предпринимателей на фабричное законодательство. Локауты. Форма организации предпринимателей и влияние их на строение профессиональных организаций рабочих.

5. *Участие рабочих в политическом движении:* Взаимодействие между политическим и экономическим движением рабочих. Социалистические политические партии, как организующие рабочее движение элементы.

Б. Период до 1905 года.

1. Стачечное движение 70-х и 80-х годов. «Южно-русский рабочий союз», «Северный Союз русских рабочих»; их роль в организации экономической борьбы рабочих.

2. Стачечное движение 90-х годов. Временные стачечные организации (инициативные группы и т. п.). Зачаточные формы профессиональных организаций: нелегальные боевые стачечные кассы, общества взаимопомощи (поскольку они действительно являлись предшественниками профессиональных организаций). Социал-демократические кружки и их роль в организации экономической борьбы 90-х годов. Первые профессиональные союзы (напр., союз щетинщиков и кожевников Литвы и Польши). Эпоха полицейского социализма (зубатовщина, гапоновщина и др.). Следует обращать внимание на об'ективные результаты деятельности полицейских профессиональных организаций.

В. Период 1905—1907 гг.

1905.— Революционный под'ем и стачечное движение. Зачатки массовых экономических организаций: советы рабочих депутатов, заводские комиссии и советы уполномоченных. Комиссия Шидловского и ее роль в подготовке образования профессиональных союзов. Смесовское общество (Ленинград). Первые профессиональные организации, способы их возникновения и их деятельность. Возникновение центральных бюро, их роль в профессиональном и рабочем движении. Первая всероссийская конференция союзов. Какое участие принимал в ней данный союз. Декабрьская реакция. Локауты. Разгром союзов.

1906—1907 г.г.—Возрождение профессиональных союзов и процесс их оформления. Закон 4-го марта об обществах и союзах и отношение к нему союзов. Стачечное движение и участие в нем союзов. Способы стачечной борьбы. Стачечная тактика. Помощь во время стачки. Бойкот и его значение. Экономический террор и отношение к нему союзов. Способы соглашения с предпринимателями—примирительные камеры, третейские суды и коллективные договоры. Смешанные комиссии (на основ. закона 15 ноября) и участие союзов в них. Деятельность союзов. Взаимопомощь. Организация касс. Медицинская и юридическая помощь. Борьба с безработицей. Советы безработных. Культурно-просветительная деятельность и ее постановка. Профессиональная печать. 1-я государственная дума и отношение к ней профессиональных союзов. 2-я Всероссийская конференция союзов (февраль 1906 г.). Выборы во 2-ю государственную думу. Реакция после роспуска 2-й государственной думы. Репрессии против союзов. Нелегальные союзы и их деятельность. Статистика профессиональных союзов (число членов союзов. Бюджет союзов и т. п.).

Организация предпринимателей и их способ борьбы с рабочими. Локауты и борьба с ними союзов. Черные списки. Желтые союзы. Союз русского народа.

Отношение государственной власти и ее органов к экономической борьбе.

Г. Период реакции (1908—1911 г.г.).

Организационное строительство союзов. Отношение союзов к членам и не членам. Руководство экономической борьбой. Культурно-просветительная работа

союзов и рабочие клубы. Организация касс взаимопомощи. Участие союзов в выборной кампании. Нелегальная деятельность легальных союзов. Репрессии против союзов. Нелегальные союзы и их деятельность. Профессиональная печать. Страховая кампания. Союзы и смешанные комиссии в ремесле и торговле. Отношение к партии. Участие на общественных с'ездах (с'езд фабрично-заводских врачей, алкогольный с'езд, женский с'езд, ремесленный с'езд). Межсоюзные об'единения и их деятельность. Подготовка к IV с'езду служащих.

Д. Предвоенный под'ем рабочего движения (1912—1914 г.г.).

Оживление стачечной борьбы и профессиональные союзы. Формы забастовок, причины и результаты их. Борьба за рабочий устав больничной кассы. Борьба за рабочее управление касс. Страховые организации и экономическая борьба. Взаимоотношения страховых организаций и профессиональных союзов. Страховой совет, страховые присутствия и отношение к ним профессиональных союзов и рабочих. Рабочие клубы, их состав и деятельность. Стачечная борьба и подача петиций. Борьба против сверхурочных работ. Рабочая кооперация. Борьба между большевиками и меньшевиками за тактику и влияние в профессиональных союзах. Профессиональная печать.

Е. Годы войны (1914—1916 г.г.).

Стачечное движение в начале войны (Ленинград и Баку) Начало войны и разгром союзов. Деятельность уцелевших союзов. Розгром рабочих клубов и деятельность уцелевших. Деятельность больничных касс. Разгром IV думской фракции и отношение к нему союзов и больничных касс. Выборы в военно-промышленные комитеты. Отношение союзов и больничных касс к военно-промышленным комитетам. Рабочая политика «рабочих групп» (закон о старостах, примирительные камеры, биржи труда, третейские суды). Организация бирж труда Земгором и отношение к ним союзов и больничных касс. Рабочая кооперация. Отношение «рабочих групп», союзов и больничных касс к попыткам борьбы против дороговизны жизни. Изменение состава рабочих под влиянием войны (труд женщин, беженцев и др.). Экономические стачки на военных заводах и способы борьбы с ними правительства и промышленников. Нелегальные союзы. Труд военнопленных и желтый труд. Профессиональная печать, листовки экономического характера и др.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Истоки профессионального движения в России.

Стр.

1. *В. Яроцкий.* Тезисы доклада 3
2. Стенограмма дискуссии 7
3. *Р. Якуб.*—К вопросу об „истоках" профессионального движения в России . 51
4. *С. Айнзафт.*—Были ли кассы взаимопомощи одним из истоков российского профессионального движения 75

II. Статьи и монографии.

5. *М. Заяц.*—Зачатки профессионального движения текстильщиков Центрального промышленного района 103
6. *Р. Арский.*—Рабочее движение в первые месяцы революции 118
7. *С. Никитин.*—Очерки по истории профессиональной печати в России. Печать 1905 года 141
8. *А. Гудван.*—К вопросу о количественном составе профессиональных союзов в 1907 году 159
9. *Е. Игнатов.*—Из истории О-ва поваров Моск. пром. района 169

III. Мемуары, материалы и документы.

10. *М. Адамович. (К. Арл.)*—„Моряк" и моряки перед судом. (Воспоминания) . 191
11. *П. Колокольников.* (К. Дмитриев).—Отрывки из воспоминаний 211
12. *А. Лев.*—Стачка кожевников в Кринках в 1897 г. (Воспоминания) 234
13. *А. Лурье.*—Второй с'езд бундовского союза кожевников. (Воспоминания участника) 245
14. *Г. Матвеев.*—Московский союз рабочих-металлистов в 1906—07 г.г. (По личным воспоминаниям) 249
15. *М. Раковский.*—Некоторые материалы к истории Морозовской стачки 1885 г. . 269
16. *Б. Фрейдлин.*—Петроградский Совет Профессиональных Союзов в 1917 г. . 286

IV. Хроника профессионального движения в России.

17. *А. Кац.* — Хроника профессионального и рабочего движения в России (1870-1889 г.г.) 295

V. Библиография.

18. *П. Колокольников.*—М. Балабанов: „История рабочей кооперации в России" 333
19. *С. А.*—„Рабочее и профессиональное движение в Нижегородском крае 1869—1917 г.г." 339
20. *Его же.*—„Пять лет". Сборник Всерос. Союза рабочих-кожевников 343
21. *К. и Я.*—Литература о профессиональном движении в России, вышедшая в 1923 г. 346

VI. Официальный отдел.

22. Архивная работа Истпрофов (вместо инструкции) 359

ИЗДАНИЯ В. Ц. С. П. С.

Вышли из печати и поступили в продажу:

Ауэрбах Н. К. Маркс и профессиональные союзы. Перев. с немецк. С. Тюрберт.

Бебель А. Профессиональное движение и политические партии.

Бебель А. Шарль Фурье.

Беер М. Современный английский соци-

Бороздин И. Очерки по истории рабочего движения и рабочего вопроса во Франции XIX в. II перераб. и доп. издание.

Быховский Н. Какие права дает рабочим Кодекс законов о труде?

Бюллетень ВЦСПС за 1921, 1922 и 1923 г. г. (неполные комплекты).

Вайнштейн А. Медицинская помощь рабочим.

Веббы С. и Б. История тред-юнионизма, вып. I, изд. 3-е, вып. II—2-е изд, вып. III и IV. Пер. с англ. В. Яроцкого.

Войтинский И. Примирительное и третейское разбирательство. II перераб. и доп. изд.

Гастев А. Юность, иди!

„ Как надо работать?

„ Поэзия рабочего удара.

Гальперин С. Профессиональное движение во Франции во время войны.

Герц П. и Зейдель Р. Рабочее время, заработная плата и производительность труда. Перев. с нем. **И. Левинсона.** Предисловие **В. Яроцкого.**

Гуревич А. Ленин и профессиональные союзы.

Деготь В. Фабзавком. Настольная книга для членов фабзавкома.

Действующее законодательство о труде (Комментир. свод. действ. законод. в связи с Кодексом законов о труде изд. 1922 г.) II перераб. изд. Составили: **Е. Колотухин и А. Килинский.**

Ельницкий А. История рабочего движения в России, II доп. и перераб. изд.

Законодательство о труде за рубежем, серия II, вып. I. „Законы и инструкции по примирительному разбирательству и арбитражу", пер. с франц. и англ. с предисл. **В. В. Шмидта.**

Забелин Л. Теория социального обеспечения.

За 1922 год. Итоги новой политики зарплаты, 2-е изд.

Каплун С. Труд и здоровье, вып. I. II изд.

Каплун С. Кодекс законов о труде (конспект лекций). II изд.

Кац А. и Якуб Р. Систематический указатель профлитературы, вып. I и II.

Конспекты лекций по профдвижению, вып. I и II.

Козелев Б. Оккупация Рура и российские профессиональные союзы.

Книжный склад. Указатель книг. Пособие для комплектования библиотек. Составил **Вл. Бахметьев.**

Кол Джордж. Системы заработной платы. Пер. с англ. **М. Розенфельд.**

Кол Джордж. Введение в тред-юнионизм. Перев. с англ. **И. Левинсона.** Предисловие **В. Яроцкого.**

Кожаный П. Рабочее жилище и быт (конспект лекций). II издание.

Кожаный П. Рабочая кооперация.

Кожаный П. Рабочая кооперация (конспект лекций). II доп. издание.

Критская Н. Жизнь и быт рабочих Франции.

Ленин Н. Рабочее движение в России в эпоху первой революции.

Ленин Н. Статьи и речи по вопросам профессионального движения.

Лафарг П. Поклонение золоту.

Лозовский А. Великий стратег классовой войны (памяти Единственного).

Лозовский А. Основные моменты в развитии международного профессионального движения.

Лозовский А. Москва или Амстердам?

Локшин А. Счетоводство и денежная отчетность в профессиональных союзах.

Локшин А. Финансы союзов (теория и техника).

Литература профессионального движения: издания Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов.

Луи Поль. История профессионального движения во Франции.

Ляшко Н. Рабочие рассказы.

Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль.

Маркс К. Гражданская война во Франции (1870—1871 г.).

Маркс К. Наемный труд и капитал.

Майский И. Август Бебель (биография).

Майский И. Фердинанд Лассаль „

Материалы по статистике труда, вып. I —XIV. Отдельными выпусками.

Материалы по истории профессионального движения. (Сборник Истпрофа, № 1)

Материалы по истории проф. движения. (Сборник Истпрофа № 2).

Милонов. Ю. Путеводитель по резол. всероссийских с'ездов и конференций.

Нестрипке З. Профессиональное движение, т. I. Пер. с нем. **С. Волина**

Нестрипке З. Профессиональное движение, т. II. Пер. с нем. **М. Розенфельд.**

Нестрипке З. История и система проф. пропаганды.

Отчет ВЦСПС к VI С'езду Профессион. Союзов. 1922—24 г.г.

Пропаганда ленинизма. Сборник материалов и пособий.

Ревзин Ф. Эволюция форм заработной платы в Советской России.

Ревзин Ф. От товарного рубля к твердой валюте.

Рейнберг Л. Фабрично-заводские выставки.

Розенфельд О. История проф. движ. в России (синхронист. табл.) III доп. изд.

Синев В. Несчастные случаи в промышленности (конспект лекций с диапозитивами).

Сарабьянов В. Фридрих Энгельс.

Сенюшкин Ф. Работа фабрично-заводских комитетов в современных условиях. Изд. II.

Сенюшкин Ф. Работа фабзавкомов в современных условиях (конспект лекций).

Сенюшкин Ф. Культработа союзов.

Синеблузый Май. Литературный сборник.

Стенографические отчеты и резолюции общепрофессиональных с'ездов и конференций.

Стенографический отчет I с'езда инженеров.

Скотт Леруа. Секретарь профессионального союза. В сокращении Вл. Бахметьева.

„Труд СССР“. Статистико-экономический сборник.

Томский М. Профессиональные союзы на новых путях, III издание.

Томский М. Современное положение российских профессиональных союзов.

Томский М. Принципы организационного строительства профессиональных союзов. III изд.

Томский М. К единству международного профессионального движения. Речь на III Всемирном конгрессе Красного Интернационала профессиональных союзов.

Томский М. Очередные вопросы профессионального движения. II изд.

Томский М. Очерки профессионального движения в России. III изд.

Томский М. Задачи культурно-просветительной работы союзов. II изд.

Трахтенберг И. Коллективный договор. IV доп. издание.

Фрейман Л. Динамика зар. платы в важнейших заруб. странах.

Цвинг К. Германские профессиональные союзы. Пер. с немецк. с предисл. **И. Левинсона.**

Чекин А. (В. Яроцкий). Международное профессиональное движение (конспект лекций). II изд.

Чекин А. Работница и профессиональный союз.

Чекин А. Индустриальные Работники Мира. III изд.

Чекин А. Теория, история и практика профессионального движения, в. 1, изд. III. В. 2.

Чекин А. (В. Яроцкий) Что такое профессиональный союз?

Чекин А. Вилльям Аллен и Вилльям Ньютон—строители тред-юнионизма.

Чекин А. Социальное страхование (введение в теорию)

Чекин А. Очерки современного тред-юнионизма. III издание.

Чирков И. Международное движение с.-х. и лесных рабочих.

Штейнберг П. Социальное страхование (конспект лекций). II издание.

Шпильрейн И. Психотехника и выбор профессии (конспект лекций с диапозитивами).

Рабочая библиотека физкультуры.

Сборник материалов по физкультуре и атлетические игры. № 1.

Ручной мяч. № 2.

План упражнений в плавании, прыжках, нырянии и т. д. № 3.

Атлетические игры. № 4.

Харлампиев А. Гимнастические игры. № 5.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ
ШКОЛЫ.

nothing